БЕНТЛИ ЛИТТЛ

«ОН — НАСТОЯЩИЙ МАСТЕР УЖАСА»
СТИВЕН КИНГ

АССОЦИАЦИЯ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Наши поздравления, Барри и Морин! Ваши кандидатуры одобрены Ассоциацией. Вы приняты в сообщество нашего элитного охраняемого поселка и можете переехать сюда в любой момент. Пожалуйста, примите к сведению, что мы оставляем за собой право подвергать запрету декор вашего дома и сада, вашу работу и ваших друзей. Отношений с соседями следует избегать. Любые контакты с людьми со стороны не приветствуются. Любая попытка уехать отсюда будет пресечена. Любое нарушение устава Ассоциации будет караться высокими штрафами, физическим наказанием, смертью. Все ваши вопросы направляйте в дом на холме. Желательно до наступления темноты… P.S. Помните: мы наблюдаем за вами. Искренне, Ассоциация.

- Бентли Литтл
  -
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

Бентли Литтл
Ассоциация

© Лахути М., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

– Здесь чудесно! Это же идеальный дом! – воскликнула Морин.

Барри был с ней согласен – и все же мысленно порадовался, что дама-агент по недвижимости их сейчас не слышит. Она и так явно считает их дурачками, а неприкрытый энтузиазм в голосе Морин окончательно убедил бы ее, что рыбка попалась на крючок, остается только подсечь. А надо бы хоть немного поторговаться…

К счастью, риелторша – она весьма настойчиво просила называть ее Дорис – ушла забрать из машины бумаги, оставив потенциальных клиентов наедине (и, как подозревал Барри, давая им возможность обсудить все без помех).

Они не спеша обошли верхнюю террасу. Вид отсюда открывался такой, что дух захватывало. Барри и Морин повидали много разных домов – и поновей, и попросторней, – но по местоположению ни один с этим не сравнится. Дом стоял на склоне холма. Ниже виднелся городок, а дальше раскинулся головокружительный пейзаж – необозримое плоскогорье, пересеченное каньонами и сплошь покрытое лесами до далекой горной гряды на горизонте. Даже сейчас, в самое жаркое время дня, на холме веял легкий ветерок, раскачивая ветки сосны, что росла вплотную к террасе, и взъерошивая волосы Барри, аккуратно приглаженные в попытке придать себе солидности.

– Террасу можно надстроить, – азартно продолжала Морин. – Пусть идет вокруг дома. И еще можно установить такой разбрызгиватель, чтобы днем было прохладнее. Поставим столик и стулья, будем здесь завтракать или устраивать романтические ужины! И конечно, я бы посадила побольше цветов.

– Терраса – дело десятое, – остановил ее Барри.

– Ну да, – согласилась Морин.

Заслонив глаза с двух сторон ладонями от солнца, он заглянул в дом сквозь противомоскитную сетку на двери.

Обстановка внутри была ужасная. Предыдущих владельцев судьба явно обделила хорошим вкусом. Ярко-оранжевые ковры в комнатах, а потолки и стены обшиты панелями темного дерева – как будто в пещеру заглядываешь. Гнетущее впечатление усугубляла обшарпанная мебель 70-х годов прошлого века.

Неудивительно, что дом до сих пор еще не продан. Теперь, если вести себя правильно, можно существенно сбить цену.

– Содрать панели, – сказал Барри, выпрямившись, – покрасить заново стены, сменить ковры, отправить мебель на свалку – дом и узнать будет нельзя.

– Окна мне нравятся, – откликнулась Морин. – Проектировали с умом, сразу видно.

В самом деле, трехэтажный дом был построен с таким расчетом, чтобы его обитатели как можно полнее наслаждались потрясающими пейзажами. Вид из окна просторной хозяйской спальни этажом ниже и с прилегающей к ней террасы почти не уступал тому, что открывался перед ними сейчас. На нижнем этаже имелась еще одна спальня, поменьше, а на верхнем – третья спальня, откуда стеклянные двери открывались на небольшой балкончик. Весь второй этаж занимала гостиная – через нее и входили в дом. Потолки здесь были высоченные, в два этажа. Окна выходили на поросший лесом склон холма позади дома. Других построек с той стороны не было. От входа вниз и вверх вели две симметричные лестницы с ковровым покрытием. На верхнем этаже располагалась кухня, объединенная со столовой.

– Дом как специально для нас, – объявила Морин. – Давай его купим!

– Только не подавай виду, что он тебе понравился. Иначе нас обдерут, как миленьких.

Морин закивала.

– Я понимаю!

– За него просят сто десять тысяч.

– Может, тысяч десять-пятнадцать уговорим скинуть?

Внизу хлопнула дверца машины. Барри прижал палец к губам, и оба замолчали, дожидаясь появления Дорис.

На лестнице раздались шаги и веселый голос:

– Нашла!

Барри и Морин вернулись в дом. Дорис разложила бумаги на уродливом обеденном столе.

– Ну, как я уже говорила, владельцы хотят сто десять. Дом в прошлом году оборудован системой очистки сточной воды по новейшей технологии, отвечающей всем требованиям федеральных стандартов, договор о техобслуживании действует вплоть до окончательный выплаты ипотечного кредита. Площадь

участка – четверть акра[1], а вся гряда холмов за поселком, как и территория к западу, – национальный заповедник, там строительство запрещено, так что вид вам никто не заслонит. Дом прошел обработку от термитов, гарантия десять лет, ежегодный бесплатный осмотр и при необходимости окуривание. Также гарантия на десять лет на водопровод и электропроводку – а это, поверьте, настоящий подарок. – Она оторвала взгляд от бумаг. – Дальше рассказывать?

– Продолжайте, мы слушаем, – отозвался Барри.

Дорис, просияв, с новым энтузиазмом принялась расписывать достоинства дома и участка. Наконец Морин ее остановила:

– Я думаю, мы готовы обсудить условия.

Барри кивнул.

Риелторша заулыбалась.

– Вернемся в офис?

Пока Дорис запирала входную дверь, Барри и Морин прошлись по дорожке, разглядывая сосны и кусты манзаниты.

Когда сели в машину (Морин впереди, рядом с Дорис, Барри сзади), риелторша сказала:

– Для такого дома цена просто необыкновенно скромная!

– Не такая уж скромная, – возразил Барри. – Дом выставлен на продажу довольно давно, и его до сих пор не купили. Если бы цена была низкая, желающие наверняка нашлись бы.

– На рынке недвижимости небольшой спад, но ситуация меняется. В следующем году цена подскочит до двух сотен.

Дорога вела вниз по лесистому склону.

– Смотрите, какая красота! – улыбнулась Дорис. – А пахнет как! Чувствуете аромат сосен? Бесподобно!

Машина притормозила у чугунной решетки, перегораживающей выезд из поселка. Дожидаясь, пока откроются автоматические ворота, Морин рассматривала каменную глыбу на обочине, с надписью позеленевшими от непогоды медными буквами: «Бонита-Виста».

– Вот единственное, что мне не нравится, – заметила Морин. – Снобизм какой-то. Вообще, жизнь в «охраняемом поселке» меня не очень привлекает.

– Эта штуковина многим не нравится, – признала Дорис. – Ее установили недавно, по решению ассоциации домовладельцев. С другой стороны, она символизирует безопасность проживания в поселке и уважительное отношение к частной собственности. Правда, начальник пожарной охраны против. Говорит, теперь въезд в поселок затруднен. Хотя, – поспешила прибавить Дорис, – если вдруг случится лесной пожар, вы сможете выехать отсюда без проблем. Ворота открываются наружу, и никакой код

набирать не нужно.

Барри подался вперед.

– Здесь имеется ассоциация домовладельцев?

– Да. И нужно платить взносы. В год выходит сто-двести долларов. Знаю, к ассоциациям домовладельцев не все хорошо относятся, но в таком поселке, как Бонита-Виста, без этого не обойтись.

– Почему? – спросила Морин.

– Потому что он расположен за городской чертой, а руководство округа обязано поддерживать в хорошем состоянии только проселочные дороги. Так что асфальтирование дорог, рытье канав, строительство мостов, освещение улиц – все это в ведении ассоциации.

– А если не хочешь вступать?

– Членство обязательно для всех, проживающих в Бонита-Висте. Зато есть и плюсы. Имеется теннисный корт, планируется построить клуб и бассейн.

Дорога, вильнув меж двумя невысокими холмами, поросшими орегонской сосной, вывела к шоссе. Дорис пропустила грузовик и, выполнив левый поворот, направила машину к городку.

Барри улыбнулся. «Городок» вместо «города» – ему понравилось. Черт, да ему здесь все нравилось! Когда они с Морин лишь начали подумывать о том, чтобы переехать из Калифорнии, и прикидывали варианты, он представлял себе именно что-то подобное. И вот нашлось идеальное место, даже не верится в такое везение!

Сказать по правде, Корбан и городком-то можно было назвать с большой натяжкой. Население – около трех тысяч человек. Несколько магазинчиков и кафе, пара бензоколонок, захудалая гостиница, зато нет универмага, никакого фастфуда и ни единой достопримечательности – то есть всего того, что так привычно жителям больших американских городов.

Это-то и привлекало.

Барри знал, что Морин чувствует то же самое. Тут вам не Джексон-Хоул или Парк-Сити, давно превратившиеся в нечто вроде детской площадки, где резвятся миллионеры и голливудская элита. Натуральный городок в совсем не модной части штата Юта, где обычные люди ходят на обычную работу. Сюда еще не добралась захлестнувшая всю Америку мутная волна – неодолимая индустрия сервиса.

Офис агентства располагался в двухосном трейлере напротив бывшего жилого дома, переделанного под городскую библиотеку. Машина въехала на крошечную парковочную площадку и

затормозила, слегка пробуксовывая толстыми шинами по гравию.

Барри выбрался наружу. Высоко на склоне холма можно было разглядеть их дом.

Он уже представляет этот дом своим! А ведь они еще даже условия покупки не обсудили как следует. Барри никак не мог решить, хорошо это или плохо.

Все трое гуськом поднялись по шатким ступенькам. В трейлере, в большем из двух помещений, за офисными столами сидели очень толстый мужчина и очень худая женщина и печально смотрели в пространство.

– Всем добрый день! – бодро воскликнула Дорис.

Ее подчиненные засуетились, приняв фальшиво-радостный вид. Мужчина схватился за телефон, женщина зашуршала бумагами.

– Идемте в конференц-зал!

Дорис провела Барри и Морин в помещение поменьше, бо́льшую часть которого занимал предмет мебели, сильно смахивающий на обеденный стол.

– Итак! – начала Дорис, когда все уселись. – Как вы уже знаете, владельцы запрашивают за дом сто десять тысяч.

– Многовато все-таки, – заметил Барри.

– Тем более что дом такой уродливый, – подхватила Морин.

– Его придется основательно доработать.

– Да просто отделать заново!

Дорис рассмеялась.

– Поняла, поняла! Что, если я скажу сотня?

– Что, если вы скажете – девяносто пять?

– Послушайте, нет гарантий, что владелец вообще согласится сбавить цену, а уж пятнадцать тысяч… Впрочем, погодите минутку, я сделаю пару звонков. Может, что-то и прояснится.

Она указала на полку в дальнем углу – там стояли кофейник и стопка одноразовых стаканчиков.

– Хотите пока выпить кофе? Я вернусь через минуту.

Как только за Дорис закрылась дверь, Барри спросил:

– Сколько мы готовы заплатить?

Морин посмотрела ему прямо в глаза.

– Мне нравится этот дом!

– Вообще-то, даже начальная цена вполне приемлемая. – Барри встал и принялся расхаживать по комнате. – Однако это серьезный шаг. Может, лучше не торопиться, подумать пару дней?

– Мы уже думали. Сколько времени ищем, ничего подходящего не попадалось. А тут такое чудо и по нормальной цене, сам говоришь! А если еще и сбить получится…

Барри выглянул в крошечное окошко.

– Ты права. – Он налил себе кофе, отхлебнул и поморщился. – Как думаешь, сколько они уступят?

Морин пожала плечами.

– Откуда я знаю? Хотя бы четыре-пять тысяч в конечном итоге, надеюсь.

Барри снова сел за стол, и они стали ждать.

Через несколько минут в дверь стукнули. Вошла Дорис.

– Я позвонила владельцу, предложила девяносто пять, – объявила она.

– И?.. – поторопил Барри.

Дорис ответила, сияя улыбкой:

– Считайте, сделка состоялась!

Первым делом Барри распаковал стереосистему.

От непривычной тишины было не по себе. Ни рева моторов, ни автомобильных гудков, ни воплей футбольных болельщиков – никаких субботних городских шумов. Да и веселей разгружать вещи под музыку. Пока друзья таскали коробки и чемоданы из грузовичка и автофургона, Барри собрал и подключил проигрыватель.

У него еще со студенческих дней сохранились полные коробки винила. Сейчас он поставил то, что должно прийтись всем по вкусу – «Thick as a Brick» группы «Джетро Талл». Выкрутил громкость на максимум и повернул колонки к двери, а потом вышел во двор, к остальным.

– Ух ты! – заржал Дилан. – Интеллектуальная музычка!

Морин скорчила гримаску и, проходя в дом с полной охапкой одежды, толкнула Барри локтем.

– Вот спасибо!

Ей не очень нравилось, что Чак и Джереми пришли без жен, а Дилана и вовсе век бы не видеть, но они с Барри решили не обращаться в фирму по перевозке мебели и взяли напрокат огромный автофургон. Двоим не под силу загрузить-разгрузить такую громадину.

Джереми вытащил запотевшую упаковку пива из портативного холодильника в почти опустевшем грузовичке.

– Горючее с доставкой! – объявил он во всеуслышанье. – Налетай, пока холодное!

Все уселись отдыхать, а Барри начал вытаскивать из автофургона стулья, светильники и коробки с кухонными принадлежностями. Морин принялась разыскивать кастрюли и сковородки – хотела разогреть на обед консервированный суп.

Дилан, Джереми и Чак, прикончив пиво, развлекались, забрасывая пустые жестянки в кузов автофургона.

– Попал! – завопил Чак.

– Ты точно не хочешь? – крикнул Джереми.

Барри помотал головой. Джереми захлопнул крышку холодильника.

– Смотрите, это ж шикарно! – восхитился Дилан, обнаружив у дороги почтовый ящик сельского типа, укрепленный на коротком столбике.

Барри, глядя на друга, подумал, что Дилан, по всей вероятности, тоже видел такие только в кино. Тот обошел вокруг почтового ящика, поднял и снова опустил красный флажок, потом приоткрыл железную дверцу…

И отскочил.

– Вот черт!

Барри бросился к нему.

– Что там такое?

Дилан промолчал, но Барри уже и сам увидел. Кто-то запихнул в почтовый ящик дохлую кошку. Наружу выглядывали свернутая набок голова и скрюченные лапки. В слипшемся от крови меху копошились муравьи. Цепочка насекомых пробиралась внутрь черепа через пустую правую глазницу. Вонь стояла омерзительная. Барри отшатнулся, зажимая нос.

Тут к ним подошли Чак и Джереми.

– Наверное, детишки хулиганят, – предположил Чак.

Джереми присвистнул.

– Ничего себе детишки…

Барри оглянулся и, убедившись, что Морин все еще в доме, захлопнул дверцу.

– Не говорите Мо, – предупредил он. – Незачем ее пугать в день приезда. Я потом сам все это уберу.

Чак и Джереми кивнули, а Дилан шутовски отсалютовал:

– Есть, босс!

– Пошли, закончим с разгрузкой.

Втроем они быстро перетащили в дом крупные предметы – диваны, комоды, кровати и книжные шкафы, – ругаясь, когда мебель застревала в дверях. Потом устроились на верхней террасе, перекусили супом с крекерами и продолжили работу. Барри все не мог выбросить из головы дохлую кошку. Он не представлял себе, как вытащить животное из почтового ящика. Лопата туда не пролезет. Оставалось напялить резиновые перчатки и вынуть руками. Может, кошка была больная? Еще заразу какую-нибудь подцепишь… Надо попросить помощи у

одного из друзей, а другие двое пусть отвлекают Морин.

Не вышло – жена весь день хлопотала вместе с ними. Раздавала указания, таскала коробки помельче, то и дело залезала в грузовик, решая, что нести в дом, а что отправить на хранение.

Они постарались сразу расставить мебель по местам, а остальное просто сгрузили вдоль стен, оставив свободные дорожки для прохода. Мебель прежних владельцев запихали пока в две гостевые спальни. Позже надо будет устроить распродажу во дворе, а что не купят – сдать в Армию Спасения, или в Фонд доброй воли, или какая еще в этом городке действует благотворительная организация. Морин предложила ребятам взять себе что понравится.

Прочую мебель и коробки с вещами отвезли в город – Барри арендовал там помещение на складе. Морин осталась дома – в кабине грузовика ей не хватило места. Ворота склада открыл угрюмый старик в кепке с рекламой краски. Друзья подогнали грузовик к помятой металлической двери с номером 21, быстренько перетаскали барахло в бокс, и Барри запер дверь. Шея и спина уже ныли. Отвык он все-таки от физического труда, а тут целая неделя упаковки и сегодня весь день разгрузки-погрузки… Наверняка назавтра руки и ноги будут зверски болеть.

– Заправляемся! – объявил Джерри, бросая друзьям банки с пивом – портативный холодильник стоял у него в ногах.

Все четверо не спеша пили, отмечая завершение долгого утомительного дня.

Чак спросил, оглядывая окрестности:

– А почему Юта? Здесь, конечно, красиво, только адски далеко. Чем ты будешь заниматься в такой глуши?

– Тем же, чем и в Калифорнии: книги писать.

– Нет, ты понимаешь, о чем я.

Барри пожал плечами.

– Да я и раньше не вел бурную жизнь. Для нас с Морин выбраться в кино, а потом в ресторан – уже выход в свет.

– Так здесь даже кинотеатра нет.

– Зато есть видеопрокат. А если захочется развлечься, до Сидар-Сити всего два часа, а там и кинотеатры, и колледж, и шекспировский фестиваль – да вообще, чего душа пожелает. – Барри одним глотком допил пиво. – Это все мелочи, важно другое. Вот именно в таком месте хочется провести остаток жизни. Мы ведь, знаете ли, не молодеем. Пора осесть, пустить корни.

– Твои корни – в Калифорнии.

– Ничего, приживемся и здесь.

Джереми смущенно переступил с ноги на ногу.

– А насчет денег у вас как? За книги достаточно платят?

– Угу. Да и Мо будет работать.

– В этом городишке? – хмыкнул Дилан. – Где, например? На бензоколонке?

– Налоговым консультантом можно работать где угодно. И прежние клиенты ее не бросят, не придется начинать с нуля.

– Прежние клиенты? Это как? Ехать через три штата ради беседы с бухгалтером? Я знаю, конечно, что она классный профессионал, но…

– Факс, телефон, электронная почта. Не обязательно лично встречаться с клиентом, чтобы обсудить его финансовые дела. – Барри усмехнулся. – Дружище, ты отстал от жизни. На дворе эпоха телекоммуникаций!

Чак покачал головой.

– Думаешь, тебе вправду понравится жить в маленьком городке?

Барри засмеялся.

– Это заветная мечта каждого яппи!

Они поужинали в Корбане. Других посетителей в ресторанчике не было, а официантка выглядела точь-в-точь как Фло из старого телесериала «Алиса». Много пили, говорили о политике и культуре. Морин укоряла Джереми и Чака, что те не взяли жен и тем самым лишили ее союзниц в спорах.

Вернувшись домой, стали устраиваться на ночь. Старые кровати уже разобрали, а собрать успели только кровать в хозяйской спальне. В конце концов решили, что Дилан, Чак и Джереми будут спать на полу в столовой – единственной комнате в доме, не совсем заставленной коробками и чемоданами.

Джереми, по принципу «всегда готов», прихватил с собой спальный мешок. Чак и Дилан были не настолько запасливы, так что им пришлось минут двадцать рыться в нераспакованных вещах, отыскивая одеяла и подушки.

Когда все наконец улеглись, Морин пожелала им спокойной ночи.

– Сладких снов! Смотрите, чтобы клопы вас не покусали!

– Здесь есть клопы? – ужаснулся Чак.

– А кто его знает, какие букашки тут водятся, – рассмеялась Морин. – Спокойной ночи!

– Ты страшная женщина, – сказал ей Барри по дороге в спальню. – Ужас просто.

С утра его разбудили шаги наверху. Барри осторожно, чтобы не потревожить Морин, вылез из кровати, натянул джинсы и

поднялся в столовую. Джереми уже сворачивал спальник. Чак и Дилан обувались.

Барри, зевая, взглянул в сторону кухни.

– Простите, ребята, завтраком накормить не могу. Надо была вчера заехать в магазин, взять там пончиков…

Джереми замахал руками.

– Не парься! По дороге что-нибудь перехватим. Все равно лучше выехать пораньше, путь неблизкий.

Барри впервые пришло в голову, что он, возможно, теперь не скоро увидится с друзьями. Ему стало грустно, хотя к печали примешивалось какое-то странное чувство: прежняя жизнь заканчивается, начинается новая.

– Может, хотите душ принять перед дорогой или еще там что?

Чак, усмехаясь, помотал головой.

– Незачем! Все свои.

Джереми поднял свернутый спальник.

– Попрощайся за нас с Мо.

– Сами прощайтесь!

Барри обернулся. Морин, кутаясь в халат, стояла на нижней ступеньке лестницы.

– Вредина! Хоть бы разбудил, – сказала она с улыбкой.

– Прости.

Морин посторонилась, пропуская Джереми, Чака и Дилана.

– До встречи, мальчики! Спасибо огромное за помощь.

– Не за что, – ответил Джереми.

– Приезжайте в гости, в любое время. Ты тоже, Дилан, – прибавила она, улыбаясь.

Тот засмеялся.

– Далековато, но все равно спасибо. Важно внимание.

– Ничего не забыли? – спросил Барри.

– А мы ничего сюда и не вносили, – ответил Чак. – Всё в машине.

Барри вышел за ними во двор, а Морин крикнула от двери:

– До свиданья! Счастливого пути! Осторожней на дорогах!

– Мы всегда осторожны! – отозвался Дилан.

– Сегодня поедете до самого Бри? – спросил Барри.

Дилан помотал головой.

– Думаем денек прихватить. Я хочу завернуть в Вегас. Уйти в загул, как Вилли Нельсон.

– «Электрический всадник»[2], – поправил Барри.

– Во-во, – засмеялся Дилан.

Барри вытащил из кармана мятую пятерку – засунул ее туда накануне вечером, когда получил сдачу после ужина.

– Поставь за меня в казино! Прибыль пополам.

– Договорились!

Джереми швырнул спальник в кузов фургона и захлопнул дверцы. Приятели все были натуралы и не имели привычки обниматься, но в такой момент хотелось чего-то большего, чем просто взмах руки и небрежное «Пока!». Так они и стояли, чувствуя себя довольно неловко. И разбежаться не могли, и рискнуть проявить искреннее чувство тоже не получалось.

– Ну вот, – вздохнул Чак, переступив с ноги на ногу. – Поедем мы, что ли.

– Угу, – отозвался Джереми.

Дилан кивнул.

– Спасибо еще раз, ребята. Для меня это правда очень ценно. – Барри оглянулся – Морин все еще стояла на пороге. – Для нас обоих.

Джереми улыбнулся.

– Для чего же и нужны друзья?

Друзья…

Барри вдруг понял, что на новом месте все придется начинать с нуля, в том числе и заводить новых друзей. На пятьсот миль вокруг у них с Морин не было ни одного знакомого. Не было и родственников в соседних штатах.

Джереми с Диланом забрались в грузовик, а Чак сел за руль автофургона. Барри еще вечером отдал последнему ключи от машины и квитанцию проката. Сейчас он сунул голову в окно:

– Сдавать машину только в четверг, пробег не ограничен. Так что, если тебе нужно что-нибудь перевезти – пользуйся на здоровье.

– Попользуюсь, не волнуйся! – улыбнулся Чак.

– Когда сдашь, позвони мне, ладно? И расписку пришли, я проверю, не взяли ли они с тебя лишнего.

– Будет сделано, шеф! – Он завел мотор и помахал рукой. – Удачи!

– Она вам понадобится! – крикнул Дилан со смехом.

Барри посмотрел на почтовый ящик и вспомнил про дохлую кошку. Он шел за машинами до самой дороги и махал вслед, а Морин крикнула от двери:

– До свидания!

Барри долго еще стоял у обочины, хотя фургон с грузовиком давно скрылись за поворотом и даже урчание моторов затихло вдали.

В следующие выходные Барри и Морин устроили у себя во дворе распродажу ненужных вещей. Заранее дали объявление в

местной газете, «Корбан уикли стандарт», и всю пятницу наклеивали ярлычки с ценниками. Кое-что из имущества прежних владельцев они решили оставить себе: радиочасы, чашу для пунша, керосиновую лампу, – но большинство вещей были страшны как смертный грех, хоть даром бы избавиться. Барри предлагал подождать немного, еще раз перебрать – вдруг отыщется что-нибудь нужное, – но Морин разумно возразила, что для всего этого старья совершенно нет места ни в доме, ни в хранилище, и пока весь хлам не выбросят, новое жилье в порядок не привести.

– Не ставь цену выше десяти долларов, – предупредила она, глядя, как Барри наклеивает на безобразный пластмассовый столик обрывок малярного скотча и надписывает сумму. – Не до прибыли сейчас, лишь бы отделаться.

– Слушаюсь, шеф! – козырнул Барри.

В субботу они встали до света и принялись вытаскивать вещи во двор. Предметы помельче раскладывали на столах, которые тоже продавались, а все прочее – прямо на асфальтированной подъездной дорожке. Мебель расставили так, чтобы загородить проход к крыльцу и нижней террасе.

В объявлении четко говорилось, что распродажа начнется в семь, но уже к пяти утра вдоль дороги выстроились грузовики и легковушки. В предрассветных сумерках виднелись неясные силуэты: люди читали газеты, рассматривали дорожные карты и пили кофе из термосов. Одна очень полная женщина с недокуренной сигаретой и громадной холщовой сумкой в руках даже вылезла из машины и подошла посмотреть на товар, но Морин, приклеивая ценники на старую швабру и ведро, найденные в чулане при кухне, решительно ей сказала, что продавать начнут в семь, и ни минутой раньше. Можно подождать в машине или приехать попозже.

Никто не уехал. Казалось невероятным, что людей так заинтересовали уродливая мебель и никому не нужный хлам, который Барри и Морин готовы были выбросить на помойку, если иначе отделаться от него не выйдет.

Вдруг Барри услышал громкое мяуканье и, наклонившись, увидел, что о его ногу трется черный кот.

– Привет, Барни! – Он погладил пушистую спинку. – Как жизнь?

Кот замурлыкал.

Барни явился к ним пару дней назад – поднялся на террасу, громко мяукая. Морин угостила его молоком и скормила целую банку тунца. Кот набросился на еду, как будто вконец

изголодался, и в знак благодарности не отходил от дома целый день. Крутился возле террасы, ластился и мурлыкал, как только Барри или Морин выглядывали во двор, а затем повадился приходить каждый день. Забирался по высокому кусту можжевельника, будто по лестнице, на верхнюю террасу и спал на коврике у двери. Барри назвал кота Барни, в честь лучшего друга Фреда из мультсериала «Флинтстоуны». Кот откликался – видно, признал в них хозяев.

Барри покосился на почтовый ящик, блистающий в розовых рассветных лучах, и снова вспомнил ту, другую кошку.

Дохлую.

В прошлое воскресенье он улучил минуту, пока Морин принимала душ, и вытащил наконец мертвое животное из ящика. С самого отъезда Джереми, Чака и Дилана они с Морин не разлучались, и у него не было случая покончить с этим неприятным делом. Только когда Морин отправилась сполоснуться перед ужином, Барри смог незаметно выйти из дома.

Говорят, нужда всему научит. Сколько Барри изводил себя мыслями о том, как будет вытаскивать кошачий труп, а когда дошло до дела и он понял, что на все про все у него не больше десяти минут, попросту сунул руки в пластиковый мешок для мусора, выдернул кошку из ящика и вывернул пакет наизнанку, так что кошка оказалась внутри. Ящик протер изнутри лизолом, губку тоже сунул в пакет, а дверцу ящика оставил открытой, чтобы проветрить. Пакет завязал узлом и выбросил в металлический контейнер для мусора под нижней террасой, тщательно вымыл руки во второй ванной и уселся перед телевизором за минуту до того, как Морин поднялась наверх готовить ужин.

Через два дня объявился новый кот.

Между двумя животными не было ничего общего. Дохлая кошка была белая, новый кот – черный. И все же он постоянно маячил перед глазами и не давал забыть тяжелый эпизод. Каждый день, выходя забрать почту, Барри невольно вспоминал измазанный кровью трупик и муравьев, заползающих в пустую глазницу.

Барри сам не знал, почему решил ничего не рассказывать жене. Она совсем не была нежной фиалкой. Черт, в их семье именно она занималась уничтожением насекомых, случайно проникших в дом, потрошила рыбу и готовила отбивные. Наверняка у нее нервы покрепче, чем у Барри.

Почему же он до сих пор от нее скрывает?

Непонятно.

Барри сел на раскладной стул возле одного из приготовленных для продажи столов и распечатал столбики пяти-, десяти– и двадцатипятицентовых монет для сдачи – он еще в четверг съездил за ними в банк.

Барни свернулся у его ног и замурлыкал.

Пока Барри заканчивал приготовления, Морин принесла ему пончик и чашку кофе без кофеина.

Наконец взошло солнце. На дороге собралась уже солидная толпа. Барри посмотрел на часы, переглянулся с Морин и махнул рукой. На это нехитрое приглашение покупатели буквально бросились во двор – Барри даже растерялся. Поток посетителей не иссякал все утро. Правда, не все делали покупки. Многие просто рассматривали вещи, кое-кто пытался торговаться. Какой-то старик забрал садовые инструменты. Одна женщина скупила всю кухонную посуду, а другая заплатила за безвкусный столовый гарнитур и сказала, что ее муж приедет за вещами позже на грузовике, а через полчаса вернулась сама и потребовала деньги обратно.

Вскоре после десяти появился человек с планшетом.

Очередь из машин растянулась на полквартала в обе стороны, двор был полон покупателей, но этот человек сразу выделялся. Высокий, худой, со строгим лицом, он даже не взглянул на разложенные во дворе вещи, зато внимательно осмотрел дом, машину и собравшуюся толпу.

Барри поймал взгляд Морин. Она тоже обратила внимание на незнакомца. Барри подождал, пока тот подойдет поближе, помахал ему и крикнул:

– Эй, сюда!

Человек оторвался от планшета, в котором что-то записывал, и без улыбки посмотрел на Барри.

– Это ваш дом? – спросил он.

– Да. Я Барри Уэлч. Чем могу помочь?

– Я Нил Кэмпбелл, – представился незнакомец. – Из Ассоциации домовладельцев поселка Бонита-Виста. Вынужден вас записать.

Барри озадаченно нахмурился.

– Записать меня?

– В Уставе четко оговорено, что в Бонита-Висте любые распродажи запрещены.

– Я не знал, – растерялся Барри. – Никто меня не предупредил.

– Вы не получили экземпляр УАДа?

– Я даже не знаю, что это такое.

Нил Кэмпбелл скупо улыбнулся.

– В таком случае мы можем посмотреть на ваше нарушение сквозь пальцы. Однако в будущем будьте любезны соблюдать правила, как все. – Он сделал пометку в своих записях. – Я поговорю в правлении, чтобы на первый раз вас не штрафовали, а ограничились письменным предупреждением. Думаю, это устроит даже самых закоренелых формалистов и консерваторов.

Кэмпбелл улыбнулся, как бы давая понять, что он-то как раз один из самых либеральных членов правления, хотя получилось довольно неубедительно.

Тут подошла женщина, пожелавшая оплатить пару розовых подушек, сразу после нее какой-то подросток приобрел кресло-мешок, и пока Барри отсчитывал сдачу, Кэмпбелл исчез.

– В чем дело? – спросила Морин.

– Видно, мы нарушили правила местной ассоциации домовладельцев. Этот тип хотел нас оштрафовать, но в конце концов мы отделались предупреждением.

– Оштрафовать? За что? Разве они имеют право?

– Не знаю. Надо бы посмотреть устав.

– Мне сразу не понравились эти разговоры про ассоциацию домовладельцев! Помнишь Донну и Эда в Ирвайне? Им даже не разрешили приделать к гаражу баскетбольный щит с кольцом. Я так надеялась, что здесь будет по-другому! Дорис говорила, что ассоциация просто занимается асфальтированием дорог и разным там ремонтом…

– Дорис – агент по недвижимости. Ей надо было продать участок. Что ты от нее хочешь? Честности?

– Да, глупо.

Дальше покупатели шли волнами. То десять минут никого, то подъедут сразу четыре машины – и вот уже по двору бродят родители с детьми и взрослые-одиночки, и все шарят по коробкам, и всем требуется разное.

Понемногу толпа начала редеть. Часть мебели увезли, и во дворе стало просторнее. Морин ушла в дом, оставив Барри справляться самостоятельно.

Во время очередного затишья во двор забрел грузный старик с дружелюбным румяным лицом, белоснежными усами и в круглых очках в железной оправе. Без особого интереса заглянув в коробки, он подошел к столу, где сидел Барри.

– Здрасте! – сказал старик. – Недавно приехали?

– В прошлые выходные, – ответил Барри.

– Из правления вас уже навещали?

Барри устало кивнул.

– Да уж.

Старик засмеялся и протянул руку.

– Я ваш сосед, Рэй Дайсон. Заклятый враг Ассоциации домовладельцев Бонита-Висты.

– Меня зовут Барри. Барри Уэлч. – Он пожал протянутую руку.

Тут подъехали еще две машины. Из одной вышли три пожилые женщины, из другой – усталый с виду человек и тощий мальчишка в рабочем комбинезоне.

Барри снова повернулся к новому знакомому.

– Так вы тоже не большой поклонник ассоциации?

– Не то слово!

– Слава богу. Значит, я не одинок?

– Нет, черт возьми! Эти уроды уже многих допекли. Большинство помалкивают, потому что запуганы, хотя про себя думают так же, как вы, не сомневайтесь.

– Мне сегодняшние покупатели показалось довольно симпатичными, – заметил Барри.

– А, так это городские, не из Бонита-Висты. Из наших никто не посмеет заглянуть на дворовую распродажу. Нарушить правила, как можно!..

Барри оглянулся на машины у обочины.

– Как же они проехали в ворота?

– А ворота вчера кто-то сломал. Езди, кто хочет, пока не починят. Примерно раз в месяц такое случается. Работают здесь какие-нибудь ремонтники или кровельщики, код забывают и в сердцах сносят ворота напрочь. А иначе вы здесь весь день просидели бы, ни одного покупателя так и не увидели бы.

– Кроме вас.

– Кроме меня.

Барри вздохнул.

– Мы только-только переехали, даже вещи еще не все распаковали. И ни с кем не хотим ссориться. Может, лучше нам пока затаиться? Постараемся жить в ладу с правлением – глядишь, и они к нам приставать не будут.

– В ладу с ассоциацией? – усмехнулся Рэй. – Вряд ли получится. Эти гаденыши привыкли, что все под их дудку пляшут, даже не притворяются добренькими. Беда в том, что суды на их стороне. Я однажды пригрозил подать на ассоциацию в суд, так никто не захотел за мое дело браться. Юридических оснований, мол, нет. По-моему, это неконституционно, а оказывается, ассоциация домовладельцев имеет право собирать взносы, навязывать жителям свои дурацкие правила, вламываться на наши участки. Могут даже силой заставить вступить в ассоциацию и подчиняться уставу. Особенно пикантно, что в

нашем штате существует так называемое «право на работу». То есть если ты работаешь в мастерской, где действует профсоюз, ты не обязан в этот профсоюз вступать. А с ассоциацией все наоборот… Ну, вы поняли, я старый профсоюзник.

– А вы сами откуда? – спросил Барри. – В смысле изначально? Насколько я понял, не из Корбана?

– Из Нью-Джерси. На транспорте работал, сейчас на пенсии. Переехали на запад, потому что у меня астма. Вдобавок у жены родня в Солт-Лейк-Сити.

– И как вам здесь в целом, нравится?

Рэй пожал плечами.

– Да вроде ничего. Пейзажи красивые. Смена времен года, опять же. Дом замечательный, люди вокруг хорошие. Много новых друзей. Для пенсионера место прекрасное.

– Но?..

– Ассоциация уж больно настырная. В правлении сидят старикашки, которым больше заняться нечем, как лезть в чужую жизнь. Кого они сегодня к вам прислали?

– Не знаю. Он даже назвал свое имя, но у меня вылетело из головы.

– Молодой такой, стриженый, физиономия ханжеская?

– Да, похоже.

Рэй покивал.

– Кэмпбелл. Из молодых да ранних. В прошлом году сюда переехал, а уже у них на побегушках. Надеется, что его введут в правление, когда кто-нибудь из старперов окочурится.

– Если ассоциация всем так надоела, почему не выберут новый состав правления? Или совсем их не разгонят?

– Я, может, слишком резко выразился… Поймите меня правильно – есть люди, кому они не нравятся, но мы в меньшинстве. Большинство домовладельцев только рады, что ассоциация взяла на себя все заботы по благоустройству, что поселок охраняется и в нем поддерживается порядок… Добро пожаловать в Бонита-Висту!

– Замечательно…

Рэй расхохотался.

– А вы чем зарабатываете на жизнь?

– Я писатель, – ответил Барри.

Густые брови старика поползли вверх.

– Да ну?

– Пишу романы ужасов. Знаете, как Стивен Кинг.

– Стивен Кинг? Ого!

– Ну, не то чтобы совсем как он… Так проще объяснить, какого рода книги я пишу. Раньше я просто говорил «ужасы», но

тогда обо мне начинали говорить: «Познакомьтесь, это наш друг-фантаст» или «Познакомьтесь, это наш друг, автор детективных романов». А я не пишу ни детективы, ни фантастику. Скажешь про Стивена Кинга – всем становится понятней.

– Писатель, надо же… Интересно! Я раньше не встречал настоящих писателей. А можно где-нибудь купить ваши книги?

– Здесь? – Барри усмехнулся. – Вряд ли! Но в крупных книжных магазинах они должны быть. Я вам подарю самую свежую.

– С автографом?

– Конечно!

Рэй подался вперед.

– А знаете, это вам зачтется в плюс! Я поговорю с соседями, распущу слух, что вы – знаменитость, богатый известный писатель… Может, тогда правление оставит вас в покое.

– Думаете?

– По крайней мере, хуже не будет.

Барри кивнул.

– Врите смело! Хоть скажите, что я и есть Стивен Кинг, лишь бы они от меня отвязались.

– Результат не гарантирую, но попробую.

Подъехали еще два автомобиля, в каждом по целому семейству. Пожилая женщина, давно бродившая по двору, подошла к Барри, держа в руках вазу и набор пластиковых салфеток под тарелки. Барри принялся подсчитывать общую стоимость, и Рэй помахал рукой.

– Загляну на неделе, когда устроитесь!

– Приятно было познакомиться, Рэй! – отозвался Барри.

На следующий день в почтовом ящике появился обещанный УАД – «Устав ассоциации домовладельцев». Аккуратно переплетенный том, потолще городского телефонного справочника – под сто страниц через один интервал, сплошь чудовищный юридический жаргон. Барри с трудом осилил полстраницы и перебросил устав Морин.

– На, почитай на сон грядущий!

Жена, перелистнув несколько страниц, бросила брошюру на нераспакованные коробки.

– Похоже, составлено профессионально, – заметила она. – А значит, отыскать лазейку будет непросто.

– К счастью, я богатый и знаменитый писатель, окруженный почетом и поклонением. Я выше мелочных правил, которым подчиняются простые смертные!

– Мечтай, мечтай, – засмеялась Морин.

– По этому случаю требуется песня!

Барри быстро поставил старую пластинку группы «Аэросмит» и подхватил Морин в объятия. В следующий миг они уже кружились по гостиной, лавируя среди коробок и мебели, под музыку своей юности.

Устав Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Статья III. Условия землепользования, права и ограничения.

Раздел 3, параграф А:

На территории поселка запрещены дворовые и любые иные распродажи.

Морин уже не была уверена, что ей очень нравится Бонита-Виста.

Она ни за что не призналась бы в этом, даже Барри. Да и ощущение было довольно расплывчатое, ничего определенного. Просто общее впечатление от нового жилья оказалось не таким безоблачным, как она ожидала.

Отчасти тут повлияло хамское письмо от ассоциации по поводу распродажи. В сугубо официальном стиле и в то же время с явным оттенком порицания им указывали, что дворовые распродажи устраивать запрещается. На первый раз незнание устава их извиняет, однако в дальнейшем подобные нарушения будут караться штрафом.

Однако дело не только в письме. Было и еще что-то. Вот только Морин не могла сказать, что именно. С виду все обстояло благополучно. Редкие прохожие производили приятное впечатление, местность вокруг радовала глаз, и от дома Морин была в полном восторге, хотя работы еще предстояло много.

И все же не клеилось что-то. Симпатичные соседи, красивые пейзажи, идеальный дом так и оставались отдельными элементами и совсем не стыковались друг с другом.

Выходило, что целое меньше, чем сумма составных частей.

Только Барри лучше ничего не говорить. Он так радуется новому дому, не надо портить ему удовольствие разными беспочвенными фантазиями.

Ничего, пройдет.

Работы хватало. Покраска, оклейка обоями… Постепенно мертвое мрачное строение, доставшееся им от прежних владельцев, превратилось в светлый уютный дом, достойный великолепного пейзажа за окнами. И привезенная мебель уже не смотрелась чужеродно.

Вместо тяжелых коричневых штор повесили аккуратные белые жалюзи. Из ванных и уборных вытащили полусгнившее

ковровое покрытие, а паркет отшлифовали наждаком и отполировали. Морин привезла из Калифорнии все свои комнатные растения, даже те, которые наверняка не переживут холодную зиму. Когда она расставила по местам пальмы и фикусы, а в углах и оконных проемах пристроила кашпо с разными висячими растениями, дом стал вдвое краше.

Потом Барри нашел в большой спальне запечатанный конверт. Красил шкаф, хотел смахнуть пыль с верхней полки и вдруг произнес вслух:

– Что это?

Морин замерла с кистью в руке – она красила оконную раму возле кровати.

– Что там?

Барри подошел к ней с большим пыльным конвертом в руке. На конверте была надпись: «Новым хозяевам дома». Внутри явно что-то лежало – документ или записка. Морин поднесла его к окну, стараясь разглядеть на просвет содержимое конверта.

– И что с ним делать? – спросил Барри.

– Не знаю. Думаешь, это нам?

Барри пожал плечами.

– Мы – новые хозяева. Правда, судя по виду, письмо давно тут валяется.

– Давай откроем?

Морин надорвала конверт и ногтем подцепила клапан – он никак не хотел открываться. Внутри лежал листок простой белой бумаги, исписанный торопливым почерком, черными чернилами.

В записке говорилось:

«Знайте, мы покидаем дом не по своей воле. Нас выгоняют силой. То же может произойти и с вами. Постарайтесь защитить себя. ОБЯЗАТЕЛЬНО всё записывайте! Имена, даты, свидетелей.

Имейте в виду, они за всеми следят – так что и вы за ними следите.

Как прочтете это письмо, сразу сожгите! Оно не должно попасть к ним в руки».

Ни даты, не подписи. Морин озадаченно посмотрела на Барри. Несмотря на слой пыли и путаное, невнятное содержание, письмо вызывало тревогу. Чувствовалось, что тот, кто его написал, был всерьез напуган.

– Что это?

Барри в недоумении покачал головой.

– Понятия не имею.

– Вряд ли это предназначалось нам. Написано очень давно, по-моему.

– Может, дети играли? Когда наша семья уезжала из Напы,

мы с сестрой, маленькие, нарисовали карту и зарыли во дворе – думали, новые жильцы ее найдут и будут искать клад. Возможно, здесь что-нибудь в этом духе? Детские шалости?

– Возможно, – ответила Морин с сомнением.

– А что еще, по-твоему?

– Не знаю. Только мне кажется, тут все серьезней. То есть это не значит, что мы должны воспринимать такое письмо всерьез. Просто я думаю, тот, кто его написал, был уверен, что сообщает нам что-то очень важное.

Барри забрал у нее листок и еще раз пробежал глазами записку.

– Что с этим делать?

– Выбросить, – ответила Морин. Она понимала, что это глупое суеверие, и все-таки от записки веяло жутью. – Зачем хранить старое письмо, да еще и не нам адресованное?

Барри кивнул.

– Да, ты права.

Он скомкал письмо вместе с конвертом, выбросил их в пластиковый пакет для мусора, стоявший посреди комнаты, и вернулся к работе, бормоча себе под нос:

– Странно… Очень странно…

Если не считать этого случая, ремонт проходил гладко. Из-за разреженного воздуха Барри с Морин быстро уставали и валились спать задолго до обычных одиннадцати, зато жизнь была наполненной, сделанная за день работа приносила удовлетворение, а дом понемногу приобретал желанный облик.

Трудились они и во дворе. Проредили кусты, обрезали сухие ветки на деревьях, посадили цветы и кустарники – Морин купила их в единственном садовом центре в Корбане: семейном питомнике поблизости от заправочной станции. Барри нашел под террасой тачку в рабочем состоянии и еще часть старинного плуга. Морин красиво расположила его на клумбе возле дорожки, для создания сельской атмосферы.

Наступила третья пятница на новом месте. Барри и Морин занимались расчисткой склона к северу от дома. Возвращаясь после очередной поездки на свалку, они увидели на обочине Рэя Дайсона, совершающего ежедневную прогулку. Старик помахал им. Барри притормозил и опустил стекло в окне.

– Привет, Рэй!

– Барри, Морин, привет! Не хотите зайти к нам сегодня на ужин? Мы с Лиз будем очень рады.

Барри посмотрел на Морин, а она покосилась на свою грязную одежду, на брошенные на пол рабочие перчатки и покачала головой.

Барри улыбнулся.

– Наверное, лучше как-нибудь в другой раз.

– Да ладно! Это же не официальный прием. Приходите как есть – там и руки помоете. У нас без церемоний. Лиз затеяла делать спагетти с мясным соусом, вот мы и подумали, что хорошо бы вас пригласить. – Старик заглянул в лицо Морин, просунув голову в машину. – Сэкономите силы разок – ни готовить, ни посуду мыть… Приходите! Будет весело.

Соблазн был велик, и на этот раз в ответ на вопросительный взгляд Барри Морин кивнула:

– Ну хорошо.

– Вот и отлично! В какое время вас ждать?

– А когда вам удобнее?

– К шести?

– Замечательно.

– Вы знаете наш дом? Из сосновых досок, его от вашей подъездной дорожки видно. Ридж-роуд, номер 1212, на почтовом ящике написан.

– Найдем.

– Увидимся в шесть!

Рэй помахал им и пошел дальше.

Барри планировал заняться пнем, который требовалось выкорчевать, но дело уже шло к вечеру, они с Морин оба устали, так что работу на сегодня решили закончить. Морин отправилась мыться на нижний этаж, а Барри наскоро принял душ наверху. Когда жена вышла из ванной, нарядная и посвежевшая, он лежал на диване и крепко спал. Рядом орал телевизор – показывали новости Си-эн-эн.

Морин тихонько прихватила пару журналов с кофейного столика и устроилась почитать на верхней террасе.

Из дому они вышли без четверти шесть. Барри хотел взять машину, но закат был прекрасен, а Рэй жил совсем близко – меньше чем за квартал.

– Бросай эти калифорнийские замашки! – сказала Морин. – Иногда можно и пешочком пройтись. Тем более в такой чудесный вечер.

Она показала на заходящее солнце в обрамлении розоватых облаков.

– Ты права, – согласился Барри. – Привычка!

Даже после целой недели физического труда они с Морин не обрели хорошей спортивной формы и вверх по склону поднимались, пыхтя от усилий. Под конец плелись еле-еле, а возле дома Дайсонов остановились, чтобы хоть немного прийти в себя.

– Черт, на этой высоте дышать невозможно, – пожаловался Барри.

Морин потянула его за руку.

– Идем, в горле пересохло! Чем скорее доберемся, тем скорее нам дадут что-нибудь выпить.

Рэй пару раз заходил перемолвиться словечком, пока они работали во дворе, а его жену они увидели впервые. Лиз Дайсон оказалась миниатюрной и весьма изысканной пожилой дамой – удивительный контраст с простецким Рэем. Но очень скоро Морин поняла, что эти двое идеально дополняют друг друга. Они производили впечатление очень хорошей пары.

После полагающегося при знакомстве обмена репликами Лиз принесла вино в бокалах, а Рэй повел гостей осматривать дом.

Дом Дайсонов поражал воображение и был похож на оживщую иллюстрацию из журнала по дизайну интерьеров.

Морин восхищалась видом из своего нового дома – но он совершенно померк по сравнению с тем, что она видела сейчас. Огненно-красные отблески заката озаряли раскинувшиеся на сотни миль густые леса, изрезанные каньонами. Кое-где матово поблескивали крышами фермы и шахтерские домики. Тени гор уже накрыли Корбан; в городке один за другим зажигались огни. От панорамы захватывало дух – просто хоть сейчас на открытку. Окна, через которые они любовались этим великолепием, занимали почти всю южную стену гостиной, плавно изгибавшуюся идеально ровным полукругом. Комната была обставлена в сельском стиле: сосновые столы и стулья, диван, обитый тканью с индейским узором, и кофейный столик, состоящий из стеклянной столешницы, положенной на большой древесный пень.

Затем гостей провели в кухню – огромную, с грилем и кухонным островком со столешницей из мексиканской плитки между холодильником и раковиной.

Оранжерейное окно выходило в сад, расположенный уступами на склоне холма. На плите тихо булькала кастрюля спагетти с мясным соусом, и по всей кухне вкусно пахло чесноком, луком и специями.

Хозяйская и гостевая спальни были обставлены с большим вкусом, в стиле минимализма, как и малая гостиная. Морин невольно задумалась, где же Рэй и Лиз хранят… ну, всякие личные вещи, какие неизбежно накапливаются в течение всей жизни. Фотографии родных и друзей, сувениры, вещественное воплощение прошлой жизни на Восточном побережье. Неужели они все выбросили, когда переехали сюда? Трудно поверить, хотя очень на то похоже. У них с Барри в одной комнате больше

всякого хлама, чем во всем доме Дайсонов. Странно, что такие уютные старички настолько несентиментальны.

Впрочем, это их личное дело. Вернувшись в гостиную, Морин похвалила чудесный дом.

– Спасибо, – вежливо улыбнулась Лиз.

Рэй заулыбался.

– Да уж, не то, что было в Хакенсаке!

Он погладил Морин по плечу и потащил Барри смотреть новый телевизор с широким экраном. Мужчины заговорили об электронике, а Морин следом за Лиз отправилась в кухню.

Она невольно улыбнулась, глядя, как Лиз повязывает клетчатый фартук, висевший на крючке на двери кладовой. Морин раньше видела такие фартуки только в кино и в старых телепередачах. Он показался ей ужасно трогательным и старомодным.

Лиз спросила, помешивая в кастрюле:

– А вы работаете где-нибудь или только домом занимаетесь?

– Я бухгалтер.

Лиз просияла.

– Что вы говорите? Я тоже! Когда мы жили в Нью-Джерси, я работала аудитором. Компания «Дойль, Белл и Маккэммон». Тридцать лет. Какая у вас специальность?

– В основном налоги, хотя иногда составляю зарплатные ведомости. Я даже сдала экзамен на право выступать представителем налогоплательщиков.

– Что наверняка помогает заманивать клиентов!

– Во всяком случае, не мешает, – засмеялась Морин.

– Нет, ну вы подумайте, бухгалтер, как и я! – Лиз с довольным видом тряхнула головой. – Приятно, когда есть с кем поговорить на одном языке.

Морин думала то же самое. Лиз ей нравилась. Удачно, что первая знакомая на новом месте – не какая-нибудь провинциальная курица, а умная, образованная, вполне светская женщина. Морин боялась, что ей придется приноравливаться к уровню своего окружения, изображать интерес к церковной лотерее и мыльным операм, и вот нашелся человек, мало того, что неглупый, так еще и одной с ней профессии.

Тем временем Лиз вынула из холодильника вилок салата-латука и еще какие-то овощи в целлофановых пакетах. Морин предложила свою помощь, и ей поручили нарезать огурцы. Темы для разговора обе старались выбирать по возможности безобидные, как бывает, когда двое людей только-только знакомятся друг с другом и боятся невольно задеть или расстроить. Несмотря на разницу в возрасте, у них нашлось много

общего. Обе увлекались садоводством, страстно любили читать и обожали телеканал «Дом и сад». Морин, потихоньку осмелев, попробовала расспросить Лиз о прежних владельцах их с Барри дома, но Лиз ответила, что мало с ними общалась.

По ее словам, те прожили в поселке недолго, меньше девяти месяцев, и ни с кем не успели сблизиться, да, кажется, и не хотели. Пришли и ушли, не оставив следа. А дом после этого стоял пустым больше года.

Другое дело Хазламы – семья, что жила в этом доме еще раньше: муж с женой и двое сыновей, одни из первых обитателей Бонита-Висты. Все очень переживали по поводу их отъезда. Семья буквально исчезла посреди ночи, никого не предупредив. И после никому в поселке не писали и не звонили – очень для них необычно, особенно для Келли, матери семейства. Лиз была с ней хорошо знакома. Морин про себя подумала, что такое загадочное исчезновение вполне сочетается с панической запиской, которую они с Барри нашли в шкафу. Она рассказала Лиз о находке и о том жутковатом впечатлении, которое оставило зловещее письмо. Тут как раз в кухню зашел Рэй за напитками и, хмурясь, тоже стал слушать.

– Совсем не в стиле Теда и Келли!

– Да, не похоже на них, – согласилась Лиз. – Но Морин права, что-то подобное вполне могли написать люди, которые сбежали среди ночи. А вы не сохранили записку?

– Нет, – ответила Морин. – Мы с Барри сразу ее выбросили. Не хотелось держать такое в доме.

– Думаешь, Тед занимался чем-то… незаконным? – спросил Рэй.

Лиз пожала плечами.

– Ты лучше меня его знал. Я в основном общалась с Келли и детьми.

– Он работал с компьютерами, – объяснил Рэй. – В фирме, занимающейся безопасностью, что-то связанное с поиском и обезвреживанием подслушивающих устройств. Дома почти не бывал, много времени проводил в Солт-Лейк-Сити. – Старик направился к двери, держа в руках заново наполненные бокалы для себя и Барри. – Я думаю, при такой работе недолго стать параноиком. И все-таки не похоже это на Теда.

– Говорят, если ты не параноик, это еще не значит, что за тобой никто не охотится.

– Кто мог за ним охотиться?

– Не знаю. Правительство? Может, он продавал государственные тайны…

Когда Рэй вышел, Морин спросила:

– А нас-то зачем хотели предупредить? Если Тед нарушил закон и его разыскивали власти, какая тут может быть опасность для следующих жильцов?

– Не понимаю. Все это очень загадочно.

Морин вспомнила, с каким тяжелым чувством читала странную записку.

– Да, – сказала она. – Очень.

Салат был готов. Лиз поставила на плиту кастрюлю с водой, и женщины вышли в гостиную.

– Что, если нам устроить нечто вроде «вечера знакомств»? – спросила Лиз, усаживаясь на диван. – Пригласим соседей. Тех, кто понормальней.

Морин переглянулась с Барри.

– Было бы замечательно! Мы здесь никого, кроме вас, не знаем. Приятно познакомиться с новыми людьми.

Барри тоже кивнул.

– Отлично, мы этим займемся!

Вечер пролетел незаметно. На следующий день Лиз позвонила спросить, удобно ли будет собраться на следующий день, или это слишком скоро.

– У нас здесь нравы простые, и по вечерам почти все свободны. Вы, наверное, заметили – штат Юта не блещет ночной светской жизнью. Так что, если вы не против, завтра бы и устроили вечер встречи.

– Мы – за!

Морин вызвалась обеспечить вечеринку безалкогольными напитками. Лиз пообещала, что об угощении договорится с остальными гостями – все принесут что-нибудь к столу. От Морин с Барри требуется явиться к шести часам.

На следующий вечер они снова отправились к Дайсонам, на этот раз с пакетами, в которых звякали банки с кока-колой, спрайтом и диетической пепси. Возле дома Рэя, во дворе и на дороге, стояло довольно много машин. Барри, как Морин и ожидала, начал бубнить, что надо бы удрать с вечеринки пораньше.

Морин остановилась.

– Уйдем, когда *я* скажу, что пора уходить, – заявила она. – Нам дают возможность познакомиться с соседями, сразу наладить отношения, и не вздумай демонстрировать свою необщительность! Успеешь еще. Сегодня нужно произвести хорошее впечатление.

Барри хотел было спорить, но посмотрел на ее решительное лицо и вздохнул.

– Сдаюсь! Буду вести себя прилично и постараюсь выстоять

до победного конца.

В итоге он и сам не захотел уходить раньше. Вечеринка оказалась очень приятной. Рэй и Лиз умели выбирать гостей. Люди собрались очень разные: молодые и пожилые, женатые и одинокие. Почти каждый мог порассказать всяких ужасов об ассоциации домовладельцев и о своих стычках с замшелыми бюрократами из правления. Барри был в своей стихии – гневно клеймил конформизм и тиранию власти, призывал новых знакомых сплотиться, выступить единым блоком на отчетно-выборном собрании и свергнуть нынешний состав правления.

Домой они шли усталые, довольные и чуточку пьяные. Стояла безлунная ночь. Морин за всю свою жизнь не видела столько звезд. По небу то и дело чиркали метеоры. Дайсоны были очень славные, и большинство гостей тоже казались приятными людьми.

И все-таки она не была уверена, что ей нравится Бонита-Виста.

Барри мучился чувством вины. Он никогда еще так долго не отлынивал от писательства. Первый месяц литературного безделья еще можно оправдать переездом и отделкой дома, но последняя неделя целиком на его совести. Он читал, смотрел Си-эн-эн и старые ужастики – давно когда-то записал на видео, да так и не собрался просмотреть – и не сочинил ни строчки.

С ним не случился творческий кризис, идеи не иссякли – просто Барри никак не мог поймать рабочий ритм, в котором жил с тех пор, как стал профессиональным писателем. После долгого перерыва оказалось трудно вернуться в накатанную колею. И все-таки нужно было браться за дело – следующую книжку сдавать через полгода, а он и не начинал. Не мог стряхнуть с себя ощущение отпуска, словно организм еще не усвоил, что теперь их дом здесь, и ждал возвращения в Калифорнию, чтобы настроиться на рабочий лад.

Барри разобрал почту, отложил отдельной кучкой счета, а рекламные объявления выбросил, не вскрывая. Отчислений от продажи книг пока не было, хотя Барри ждал чека со дня на день, зато прислали тоненький малотиражный литературный журнал и две открытки с анонсом готовящихся к печати романов ужасов. Барри кинул беглый взгляд на открытки и вышвырнул их в мусорную корзину. Затем просмотрел журнал. Несколько рассказов, обзоры уже неактуальных фильмов и огромное количество писем в редакцию от писателей: одни в защиту, другие с осуждением начинающего автора, посмевшего разместить в интернете обидные замечания по адресу кого-то из

старой гвардии. Все письма были полны яда. Барри только головой покачал.

Из-за этих мелочных свар он всегда избегал общения с другими авторами, не участвовал в конвентах, семинарах и прочих литературных тусовках. Кое-как поддерживал отношения с одним только Филиппом Эммонсом, автором триллеров. Тот сам к нему подошел на единственном конвенте, куда Барри все-таки поехал. Филипп сказал, что ему очень понравился дебютный роман Барри – «Прощание». С тех пор они переписывались. За долгие годы Филипп стал для Барри кем-то вроде учителя. Помог найти нового литагента, вовремя предупредил, что ему хотят подсунуть кабальный контракт на серию книг за мизерный гонорар, посоветовал оформлять авторские права не только на экранизацию и создание аудиокниг по своим произведениям, но и на электронные издания. Барри восхищался и самим Филиппом, и его книгами.

Ему надолго запомнилось, как Эммонс однажды отбился от агрессивной критики. Дело было в Лос-Анджелесе, на встрече с читателями в большом книжном магазине. Барри и Филипп раздавали автографы. В минуту затишья к их столику подошла немолодая, болезненно тучная женщина с озлобленным лицом и вдруг потребовала у Филиппа ответа, почему он пишет книги на такие гадкие темы, да еще и с отвратительными подробностями. Она сообщила, что он отправится в ад, если немедленно не прекратит развращать читателей и общество своими гнусными произведениями. Бог такого не одобряет.

Филипп спокойно ответил:

– Господь в своей неизреченной мудрости пожелал сделать меня богатым, счастливым и успешным автором, а вас – некрасивой, жирной и несчастной теткой. По-моему, Господь мне улыбнулся, а вам – плюнул в лицо. Возможно, Он не был бы к вам так суров, будь вы хорошим человеком. На мой взгляд, Бог совершенно ясно показал, что недоволен вами. Так что идите на хер и оставьте меня в покое. – После чего Филипп, любезно ей улыбнувшись, повернулся к Барри со словами: – Поистине, друг мой, неисповедимы пути Господни!

Сам Барри не смог бы сказать такое читательнице, но, черт возьми, это было круто! С тех пор он еще больше зауважал Филиппа.

Позже у них зашел разговор о Боге, и Филипп очень серьезно заявил, что верит в Бога, но не верит в религию.

– Библия – слово Божие. Почему нельзя просто прочесть ее самому, без посредников? Официальная религия – всего лишь буфер между мной и Богом, ничего больше. Извините, моя вера

не нуждается в бюрократии. И ведь каждый раз, как обратишься к этим ханжам с вопросом о чем-нибудь важном, им нечего ответить. Спроси у проповедника, почему твоя мама умерла от рака или почему твоего сынишку сбила машина, – в ответ услышишь: «На все Божья воля» или «Неисповедимы пути Господни». Зато они точно знают, что Господь велит голосовать за республиканцев, что Он против повышения налогов и за увеличение расходов на оборону, а также что Он люто ненавидит марихуану, хотя сам же ее и создал.

В его речах был некий смысл. Филипп вообще был очень умным человеком. К тому же он совершенно бескорыстно, не жалея времени, помогал начинающим писателям. Барри часто думал: были бы другие авторы, работающие в жанре ужасов, такими же искренними и меньше заботились о своем имидже, это пошло бы на пользу литературе.

Барри отложил журнал, и тут в комнату заглянула Морин со стопкой бумаг в руках.

– Я закончила, можешь пользоваться компьютером.

Он покачал головой.

– Если хочешь, работай дальше, я лучше просто почитаю.

– Ты вроде собирался сегодня заняться книгой? – спросила Морин.

– Может быть, завтра. Да, наверное, я начну завтра.

Барри проснулся от звука работающего факса. Щурясь, посмотрел на часы и с удивлением обнаружил, что уже почти восемь. А по слабому свету, пробивающемуся сквозь щели жалюзи, скорее шесть…

Барри толкнул Морин.

– Просыпайся! Восемь часов.

– Что? – Она приоткрыла один глаз.

– Проспали. Поздно уже.

Не столько понукания Барри, сколько звук факса заставил Морин все-таки вылезти из постели. Обнаженная, она прошлепала в ванную. Барри, лежа на боку, залюбовался ее попкой. Годы идут, а Морин по-прежнему хороша. Не будь у нее столько работы на сегодня, о которой напомнил зловредный факс, Барри снова затащил бы ее в постель, и ближайший час они посвятили бы бурному сексу в какой-нибудь извращенной форме, наверняка запрещенной в чинном штате Юта.

Ну, ничего не поделаешь. Барри встал, надел джинсы и поднялся в кухню. Достал коробку «Фрискис», чтобы покормить Барни, но когда отдернул занавеску на стеклянной двери, кота на верхней террасе не увидел. Барри спустился в спальню – Морин,

уже одетая, застилала постель. Однако и там, выглянув из окна, он кота не обнаружил.

– Гм, – сказал Барри.

– Что такое?

– Барни куда-то делся.

– Я тебе говорила: пусть спит в доме! Там, снаружи, койоты, скунсы и бог знает кто еще шастает. Поищи его!

Барри вышел наружу, потрясая коробкой с кошачьим кормом.

– Барни!

Тишина.

– Барни?

Он опять встряхнул коробку.

Ни одна ветка не шелохнулась ни в кустах, ни на дереве, служившем коту лестницей с нижней на верхнюю террасу. Барри, нахмурившись, сбежал по деревянным ступенькам во двор и остановился как вкопанный.

Все цветы, которые они с Морин посадили, были безжалостно выдраны и свалены в кучу на дорожке между «Шевроле» и «Тойотой». Розовые кусты лежали на асфальте, пучки герани и бальзамина с прилипшей к корням землей – на белом капоте «Шевроле Субурбан». Луковицы раскатились по траве, словно мячики для гольфа.

Кто-то ночью пробрался во двор и уничтожил едва-едва оформившийся сад. Столько работы насмарку! Первой реакцией Барри была злость. Поймать бы этих уродов и набить морду как следует! Но к ярости примешивалось беспокойство. Скорее всего, это дети нахулиганили… Ага, больные на всю голову. И все-таки Барри было не по себе – почему мишенью стал именно их дом? Оглядевшись, он увидел, что все посаженные ими растения либо растоптаны, либо вырваны с корнями. Как будто по двору прошелся ураган. Устояли только сосны и кусты манзаниты.

И кота по-прежнему нигде не видно.

Взгляд остановился на почтовом ящике, и под ложечкой засосало. Барри подошел к ящику, замер на мгновение, потом рывком открыл полукруглую металлическую дверцу.

Пусто. Барри перевел дух – он только сейчас понял, что задерживал дыхание. Никогда еще он так не радовался своей ошибке – ведь был почти уверен, что найдет внутри изуродованный кошачий трупик. Он повернулся к дому – нужно было показать Морин все это безобразие, – и вдруг среди зеленых стеблей и пунцовых цветов на асфальте мелькнуло что-то черное и пушистое.

Барри сразу понял, что это, и все-таки подошел, наклонился.

Барни.

Мертвые кошачьи глаза уставились на бампер «Тойоты». Из пасти на асфальт натекла белая лужица пены. Не надо было быть специалистом, чтобы понять: Барни отравили.

Барри кинулся в дом, оторвал Морин от компьютера и потащил наружу.

– Господи! – ахнула она, увидев разоренные клумбы, разбросанные по двору растения и мертвого кота. – Кто мог такое сделать?

Барри развел руками. В поселке у них не было знакомых, кроме Рэя и Лиз, да еще их вчерашних гостей. Скорее всего, тут обычное хулиганство скучающих подростков. Трудно сказать, кто они – городские или из Бонита-Висты.

Детишки с больной психикой.

– Как ты думаешь, может… вызвать полицию?

– Конечно! – воскликнула Морин. – Пусть эти гаденыши ответят! Мы почти сотню долларов потратили на новые растения, а уж труда сколько!.. И потом, они убили Барни, это не должно сойти им с рук. Отравить беззащитное животное!..

Барри и сам задыхался от ярости. Барни пробыл у них слишком недолго, чтобы по-настоящему горевать о нем, но от гнева перехватывало дыхание. Возмущение Морин еще больше подстегивало Барри, заставляя забыть недавнее тревожное чувство.

В Корбане не было полицейского участка, так что Барри позвонил в контору шерифа и сообщил о случае вандализма. Через двадцать минут к дому подкатил светло-коричневый «Додж» с шерифскими звездами на дверцах. Из машины вылез помощник шерифа – не типичный мордатый бугай, какого ожидал увидел Барри, а худой застенчивый мальчишка, почти школьник.

Барри и Морин встретили его во дворе.

– Я – Уолли Аддисон, – представился помощник шерифа, стараясь выглядеть солидно, хотя ни возраст, ни внешность не давали к этому никаких оснований. Он взял с пассажирского сиденья планшет. – Насколько я понял, у вас на участке совершен акт вандализма. Вам требуется зафиксировать происшествие для страховой компании?

– Нет, – ответила Морин. – Нам требуется, чтобы виновные были наказаны.

– Наказаны?

– Конечно, – удивился Барри.

– Скажу вам откровенно – случаи вандализма у нас довольно часты. Стреляют по дорожным знакам, пугают коров, портят почтовые ящики и так далее. Если свидетелей нет, найти хулиганов почти никогда не удается.

Морин посмотрела ему в глаза.

– То есть вы и пробовать не будете?

– Нет-нет, мы приложим все усилия для поимки виновных! Просто я вас предупреждаю – шансы на успех очень малы.

– Нас не интересует ваша статистика, – отрезала Морин. – Мы надеемся, что вы найдете и арестуете тех, кто убил нашего кота и разгромил наш сад.

– Конечно, мэм, конечно! Позвольте, я запишу все, что вы можете сообщить…

Барри рассказал, как вышел во двор искать кота. Морин вспомнила, что в последний раз видела Барни после обеда, когда вынесла ему остатки курицы на верхнюю террасу. С соседями Барри и Морин не ссорились, подозрительных незнакомцев поблизости от дома не видели. Насколько им известно, ни у кого нет причин желать им зла.

Помощник шерифа старательно занес показания в планшет и, неуверенно покосившись на Морин, заметил, что, по его мнению, они стали жертвами случайного хулиганства. Скорее всего, постарались отвязные подростки. Само собой, поспешил добавить он, в управлении шерифа сделают все возможное, чтобы успешно расследовать это дело. Он вручил Барри копию протокола и свою карточку с номером пейджера, пообещав позвонить, как только появятся новости.

Во время их разговора подошел Рэй. Он молча ждал в сторонке, пока «Додж» не выехал со двора. Морин вернулась в дом, а Барри подошел к Рэю.

– Я в окно увидел, что у вас что-то происходит… В чем дело?

Барри обвел рукой двор.

– Сами посмотрите! Кто-то отравил нашего кота и выдрал все цветы.

– И вы позвонили шерифу?

– Естественно! А что еще мне было делать?

– Я вот о чем: вы уверены, что это незаконно? Шериф, или кто там к вам приехал… не намекал, что никакого правонарушения не было?

– Вы о чем?

– Ну, были случаи, когда шериф… в случае разногласий с отдельными жителями брал сторону ассоциации.

– Вы думаете, нашего кота убил кто-то из правления ассоциации? – изумился Барри.

Рэй пожал плечами:

– Я ничего не утверждаю. Просто есть такой пункт в уставе: домашних животных в Бонита-Висте держать запрещается. – Он помолчал, наклонив голову к плечу. – Слышите? Собаки не лают.

Может, вы не заметили, но в поселке не держат никаких зверюшек. Ни птичек, ни рыбок, ни хомячков. – Он посмотрел Барри прямо в глаза. – Ни собак, ни кошек.

– Но…

– В уставе ассоциации четко сказано: никаких домашних животных.

Барри вспомнил дохлую кошку в почтовом ящике и понял, что не может исключить такую возможность.

– А растения чем провинились? Это уж чистое хулиганство!

– Согласно уставу, любые преобразования на участках должны предварительно получить одобрение ландшафтно-архитектурной комиссии, – тихо проговорил Рэй.

Барри не верил, отказывался верить, однако по спине его пополз холодок. Неужели действительно какой-то сотрудник ассоциации пробрался ночью к ним на участок, пока они спали, отравил кота и перекопал весь сад?

Вдруг он вспомнил Нила Кэмпбелла, человека с планшетом, и эта мысль показалась не такой уж невероятной.

– Погодите, жители ведь не станут с подобным мириться? То есть… – Он затряс головой. – Даже в таком штате, как Юта… Особенно в таком штате, как Юта! Люди здесь должны быть скорее индивидуалистами. Разве они захотят подчиняться какой-то организации?

Рэй фыркнул.

– При всех своих антиправительственных настроениях в ассоциацию они вступают довольно охотно. Черт возьми, многие состоят в Национальной стрелковой ассоциации[3] и начинают биться в истерике от одного намека на закон об обязательном использовании замков для спускового крючка, – и они же готовы тащить человека на суд очередной дурацкой комиссии, если он у себя в саду дерево подстрижет или цветочек посадит!

– Национальной стрелковой ассоциации, говорите?

Рэй махнул рукой.

– Не пугайтесь, я сам недавно вышиб такого с участка. Они только письма с предупреждениями рассылать горазды, а один на один мигом обоссутся… Извините за выражение.

– А что произошло? Почему они к вам прицепились?

– Да я сарай поставил возле дома. Его с улицы даже не видно. Кто-то, наверное, заметил, как я выгружал стройматериалы из машины, и донес на меня. Тут у нас прямо Третий рейх какой-то. Все на всех стучат.

– Рэй! Барри!

С улицы к ним шел, махая рукой, Фрэнк Ходжес – Барри с ним познакомился накануне, у Рэя.

– Я увидел машину шерифа. Что случилось?

Пришлось рассказывать все еще раз, с самого начала.

Фрэнк сочувственно покачал головой.

– Рэй говорит, домашних животных держать не разрешается?

Фрэнк кивнул.

– Угу, ассоциация не хочет… – Он вдруг нахмурился. – Стоп! Вы что, думаете?..

Барри обвел рукой перекопанные клумбы.

– Возможно, это… кара за нарушение?

– Да нет! Они, конечно, придурки, но на такое не пойдут. Порча имущества? Наоборот, они вечно хлопочут насчет охраны права собственности, требуют, чтобы все содержали участки в должном порядке… Не станут они разорять участок в Бонита-Висте. Могут принудительно провести уборку и прислать вам счет, но чтобы причинять вред… Исключено!

Фрэнк явно ожидал от Рэя поддержки, однако старик промолчал и словно замкнулся. Барри не мог понять выражения его лица.

Все на всех стучат.

Тьфу, это уже паранойя!

Или нет?

Он ведь хотел довериться Фрэнку, открыто высказать свои соображения, заручиться союзником… А вместо этого рассеянно кивнул и сказал:

– Да, наверное, вы правы.

На Рэя он больше не смотрел.

Пора было приниматься за уборку. Работы предстояло много. Барри предложил гостям остаться и посмотреть или помочь, если захотят.

– Сфотографируй сначала двор, – посоветовал Фрэнк. – Скорее всего, страховка на дом покрывает подобные случаи.

– Хорошая мысль, спасибо, – отозвался Барри.

Рэй с Фрэнком ушли. Барри с минуту смотрел им вслед, а потом отправился за лопатой – похоронить Барни.

Устав Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Статья III. Условия землепользования, права и ограничения.

Раздел 3, параграф C:

На территории коттеджного поселка запрещено содержание домашних животных, птиц и рыб. Владельцы участков не имеют права вырубать или иным способом видоизменять кустарник, деревья, траву и прочую растительность без письменного разрешения ассоциации. Любые добавления и изменения на участках

должны проводиться только с предварительного разрешения архитектурно-ландшафтной комиссии.

Освоиться на новом месте оказалось проще, чем ожидала Морин.

Она боялась, что свихнется, сидя безвылазно в четырех стенах, общаясь с клиентами по телефону, факсу и электронной почте; на самом же деле работать дома было приятно. Возникло ни с чем не сравнимое чувство свободы. Можно прерваться среди рабочего дня, посмотреть фильм или почитать. Если устанешь, не надо ни у кого отпрашиваться – просто позволяешь себе пару часов отдыха, идешь покопаться в саду. Правда, немного не хватает общения, но ведь всегда рядом Барри, а если захочется – можно прогуляться к Дайсонам, поболтать с Лиз.

Это была хорошая жизнь, и неприятное чувство первых дней в Бонита-Висте понемногу проходило, несмотря даже на тот случай с неизвестными хулиганами.

Как и следовало ожидать, вандалов не нашли. К счастью, больше такое не повторялось. Барри и Морин купили новые цветы и кустарники и восстановили клумбы. Уже две недели прошли спокойно. Барри, кажется, до сих пор подозревал какие-то зловещие махинации правления, но Морин в это не верила.

У Морин вошло в привычку каждое утро от двадцати минут до часа прогуливаться по поселку – знакомиться с местностью и привыкать к разреженной атмосфере, а заодно давать необходимую нагрузку организму. Ей нравилась Бонита-Виста. Все-таки правильно они решили здесь поселиться! Большие участки, ухоженные дома, в то же время не лишенные индивидуальности, а пейзажи просто великолепны, куда ни посмотри. На юге – потрясающая панорама лесов, переходящих в пересеченное каньонами пустынное плоскогорье. Хотя Морин больше нравился вид с северной стороны – лесистое плато за холмом, на котором располагался поселок. При взгляде на него появлялось ощущение, что она наконец-то дома.

Морин решительным шагом спускалась по улице, огибающей холм сзади. Многие дома, служившие своим хозявам дачами в летнее время, сейчас пустовали, и даже в тех, где жили круглый год, никого не было видно. Наверное, их обитатели уехали на работу или за покупками. Издали доносился приглушенный стук молотков – там шло строительство, – да иногда в кустах попискивали птицы.

Ни собачьего лая, ни кошачьего мяуканья. В Бонита-Висте и вправду не держали домашних животных. Морин вспомнила бедного Барни, зарытого у восточной стены дома. Приятно, когда

есть собственный кот, пусть это и продлилось недолго. Хотя Морин не верила, что с его гибелью как-то связана ассоциация, было обидно, что нельзя завести у себя другое животное.

Дорога спустилась в ложбину между холмом и плато. Дома здесь стояли реже. Многие участки еще только дожидались своих хозяев – на них одиноко торчали белые столбики с номерами и порыжевшие объявления о продаже. Морин прошла мимо пустующего домика с островерхой кровлей – подъездную дорожку перегораживала цепь. Дальше стоял бревенчатый дом в стиле хижины первых поселенцев, рядом – гараж на три машины. Дорога сделала еще один поворот и нырнула в сосновую рощицу. Здесь домов не было вовсе, с обеих сторон подступал лес, и, хотя светило яркое солнце, дорога шла в густой тени.

Впереди у обочины что-то виднелось – не куст, не дерево, не дорожный указатель.

Человек.

Он стоял совершенно неподвижно, и Морин порадовалась, что на таком расстоянии он не мог услышать ее удивленного вздоха.

Она наклонилась, упираясь руками в колени, как будто просто решила отдышаться после утренней пробежки. Мысленно досчитав до десяти, побежала трусцой, готовая в любой момент припустить со всех ног, если неизвестный направится к ней.

Бояться глупо, уговаривала она себя. Годы жизни в Лос-Анджелесе приучили ее шарахаться от незнакомцев. Скорее всего, просто кто-нибудь из жителей Бонита-Висты вышел погулять, как и она сама.

Нет причин видеть в нем угрозу.

Но почему он стоит и не двигается?

Береженого бог бережет. Морин продолжала изображать бег трусцой, готовая в зависимости от поведения неизвестного дружелюбно улыбнуться или молча пробежать мимо.

– Гори в аду, сука! – произнес неизвестный.

Его голос, низкий, хриплый, словно простуженный, пугал не меньше, чем слова.

Не смея взглянуть незнакомцу в лицо, Морин пробежала мимо. Сердце отчаянно колотилось – не только от бега, от страха.

Впереди виднелись дома. Пусть даже не занятые, все равно человеческое жилье. Дорога пошла вверх. Мышцы ног уже сводило, во рту пересохло, но Морин, тяжело дыша, поднажала и, не сбавляя скорости, добралась до гребня холма.

Остановилась отдышаться и будто невзначай оглянулась.

Неизвестный шагал по дороге по направлению к ней.

Паника нахлынула с новой силой. Из головы вылетели все

мысли, кроме одной: ее явно преследуют. На ярком свету незнакомец выглядел еще страшнее. Стало видно, что он высок ростом, с косматой растрепанной гривой, зарос густой бородой и одет в суконное пальто, несмотря на теплую погоду. Стук тяжелых башмаков по асфальту казался до нелепого громким в такое тихое утро.

– Гори в аду, сука! – заорал он так, что эхо отдалось от склонов холма.

И перешел на бег.

Морин, вскрикнув, рванулась вперед из последних сил, не обращая внимания на протесты измученных мышц и легких.

Она мчалась без остановки, пока не поравнялась с коттеджем Лиз и Рэя. Буквально пролетела по дорожке и заколотила в дверь. Господи, хоть бы они были дома!

Морин оглянулась через плечо, заранее прикидывая, куда бежать, если псих сунется за ней на чужой участок.

Дверь открылась почти сразу. Морин, задыхаясь, оттолкнула Лиз в сторону, захлопнула дверь и зашарила по ней, пытаясь защелкнуть замок.

Ее страх передался Лиз.

– Что такое? Что случилось?

Морин только отмахнулась, мотая головой – она все никак не могла перевести дух. Осторожно выглянула в окно: незнакомец стоял у обочины.

– Вон тот тип! – Морин ткнула пальцем в его сторону. – Он за мною гнался!

– Кто это?

– Не знаю!

Лиз, нахмурившись, тоже выглянула в окошко.

– Рэй уехал в магазин… Проверь, дверь хорошо закрыта? Пойду, позвоню шерифу.

– Стойте! Посмотрите!

Возле человека у обочины остановилась какая-то машина. Из нее вышли двое. Один приблизился к неизвестному слева, другой – справа.

– Это Чак Шей и Терри Эбби.

Лиз распахнула дверь.

– Чак! Терри!

Они оглянулись и замахали.

– Привет, Лиз! – крикнул тот, что повыше.

– Этот тип гнался за моей подругой Морин! Я уже собиралась звонить шерифу.

– Звони! – отозвался высокий. – Мы его подержим. – И добавил, обращаясь к своему приятелю: – Я тебе говорил, что этот

юморист не к добру тут шатается.

Лиз ушла на кухню. Морин слышала, как она набирает номер и коротко рассказывает о происшествии.

Чак и Терри встали по обеим сторонам от бородача, а их машина загораживала ему путь к отступлению.

– Гори в аду, сука! – проорал он, глядя на дверь домика, за которой пряталась Морин. – Гори в аду!

– Уже едут, – объявила вернувшаяся Лиз.

Долго ждать не пришлось. Минут через пять вдали послышался вой сирены, а еще через две минуты напротив дома Дайсонов затормозила машина шерифа. Лиз и Морин наконец решились выйти во двор.

На этот раз шериф явился собственной персоной. Немолодой, жилистый, похожий на рептилию, с фамилией – нарочно не придумаешь – Хитмэн[4]. Он привез с собой нового помощника, молодого и ужасно толстого. Вдвоем они затолкали бородача в машину, не говоря ни слова, – видимо, допрашивать собирались позже.

Морин как жертве преследования пришлось дать показания. Она рассказала шерифу, как пробежала мимо этого странного человека, как он стал кричать ей вслед непристойности, а потом бежал за ней до самого дома Дайсонов.

– Вообще-то, я не знаю, гнался он за мной или нет. Просто мне показалось…

– Не беспокойтесь! – Шериф кивнул помощнику. – Джонсон, зафиксировал?

– Да, сэр! Пожалуйста, все сообщите ваши имена, адреса и номера телефонов, по которым вас можно застать в дневное время.

Пока помощник записывал, Терри отвел шерифа в сторонку и протянул ему свою визитную карточку. Они о чем-то заговорили вполголоса.

Бородач крикнул из машины:

– Гори в аду!

Шериф с помощником заняли свои места, и машина уехала.

Морин, глядя вслед, покачала головой.

– Шериф Хитмэн! – изумленно повторила она.

Все расхохотались.

Чак спросил:

– Как вы себя чувствуете? Может, вас подвезти до дома?

– Нет, спасибо.

– Не за что, мэ-эм, – протянул он, пародируя юго-западный выговор.

Лиз улыбнулась.

– Чак, Терри, спасибо! Хорошие вы ребята.

– Да, спасибо вам! – подхватила Морин.

– Пустяки, было бы о чем говорить! Для того и существует ассоциация.

– Вы… – Морин так растерялась, что даже покраснела. – Как…

– Молчите, молчите! – Он со смехом оглянулся на Лиз. – Мы знаем, как к нам здесь относятся.

– Я ни при чем!

– Такая уж у нас работа, – хмыкнул Терри.

– Многие недовольны разными запретами, – признал Чак. – Но как иначе, когда наш поселок не инкорпорирован в город? Ассоциация помогает поддерживать порядок. Благодаря воротам сюда не лезет всякая шантрапа. С другой стороны, укрепляется общинный дух. Видели теннисные корты?

Морин кивнула.

– Видели, только опробовать пока не успели.

– Ну вот! Еще планируем построить бассейн. Может, и клуб… У нас здесь свой замкнутый мирок, и если для поддержания уровня требуется немного ужесточить правила – так сказать, поднять планку… Большинство жителей более чем готовы платить такую цену. – Он улыбнулся Лиз. – Подавляющее большинство.

– Кое-кто из городских нам завидует. – Терри кивнул в ту сторону, куда уехала машина шерифа. – Мы с Чаком в комиссии по безопасности, наша задача – присматривать, чтобы по поселку не шатались разные подозрительные личности. Посторонние редко здесь безобразничают. Не знаю, из-за чего этот тип затаил злобу, но в девяти случаях из десяти все просто: кому-нибудь из местных не дает покоя, что у нас тут дом*а* лучше, или машины, или работа, или пенсия больше.

– Такое уже случалось раньше? – спросила Морин.

– Нет, что вы! – воскликнул Чак. – Просто попадаются… скажем так, нарушители спокойствия. Как Терри и говорит, обычно это обозленные местные.

– Или пьяные.

– Или пьяные, – согласился Чак.

– Знаете, – сказала Морин, – у нас пару недель назад кто-то нахулиганил. Дом не тронули, а вот в саду все разорили. И кота нашего убили. То есть он был не наш, просто бездомный кот, мы его подкармливали.

Терри нахмурился.

– Впервые слышу! Вы подали жалобу в правление?

– Да нет, просто позвонили шерифу.

– Нужно было подать жалобу в правление, в письменном виде. Строго говоря, вы обязаны сообщать о подобных происшествиях. То есть я, конечно, не формалист и ни в чем вас не обвиняю – вы здесь люди новые, не со всеми правилами пока знакомы… Мы предпочитаем быть в курсе того, что творится на территории поселка, особенно если речь идет о вандализме, хулиганстве и так далее. Это может случиться и с другими! Лучше знать заранее, с чем мы можем столкнуться.

Чак закивал.

– Не удивлюсь, если тот тип и здесь замешан… Возможно, он выбрал вас как символ своих проблем. Вы молоды, красивы и, с его точки зрения, вероятно, богаты. То есть идеальный объект для преследования.

– Не волнуйтесь, – добавил Терри. – Шериф мне обязательно позвонит, как только допросит бедолагу. А потом я позвоню вам.

Терри открыл дверцу машины со стороны пассажира, Чак сел за руль.

– Вас точно не надо подвезти?

Морин покачала головой.

– Спасибо! Я хочу немножко поболтать с Лиз.

Мужчины распрощались и уехали.

– Вроде не такие уж плохие, – заметила Морин.

– Да, – согласилась Лиз. – Иногда они бывают ничего себе.

Когда Морин вернулась домой, Барри, сидя на диване, перечитывал написанные за утро страницы. Разговаривая с Лиз, Морин отвлеклась, и воспоминания о неприятном происшествии поблекли, но сейчас ее вдруг задело, что Барри сидел себе дома как ни в чем не бывало, пока она убегала от преследователя, спасая свою жизнь.

– Эй, что так долго? – спросил он, оторвавшись от работы.

– За мной гнался какой-то психопат. Его потом арестовала полиция… то есть, я хотела сказать, шериф.

Барри вскочил, уронив на пол листы рукописи, и бросился к ней.

– Что?!

Морин рассказала всю историю с самого начала, подробней, чем шерифу. В красках расписала, как она испугалась, какое ощущение агрессии исходило от косматого незнакомца. Барри то и дело перебивал ее возгласами:

– Вот черт!

Морин стало приятно, что он за нее испугался. В конце концов они обнялись, и она сама стала уверять, что все было не так уж страшно и никакая реальная опасность ей не грозила.

Барри сперва хотел мчаться в контору шерифа и поквитаться с этим типом или, по крайней мере, убедиться, что на него заведено дело, но Морин его отговорила. Незачем суетиться, пусть служба охраны порядка спокойно делает свою работу.

Они вместе поднялись в кухню. Барри налил себе апельсинового сока, а Морин допила остатки кофе.

– Какая ирония судьбы – тебя выручили деятели из ассоциации!

Женщина повела плечом.

– Наверное, мы были к ним немного несправедливы.

– Несправедливы? – изумился Барри. – Они разорили нам сад и убили нашего кота!

– Я думаю, это не они.

– Да ну? И какие же доказательства внезапно открылись…

– А у тебя какие доказательства, что это сделали они? Черт возьми, Барри, ты всегда хвастаешься, какой ты объективный и непредвзятый, а сам уперся, как какой-нибудь узколобый…

– Прости! Я не преуменьшаю того, что случилось…

– Именно преуменьшаешь!

– …но давай смотреть на вещи трезво. Ребята из ассоциации тебе помогли. Хорошо, отлично! Они не совершили ничего из ряда вон выходящего. Любой на их месте поступил бы так же. Шерифа, например, вызвала Лиз. Она впустила тебя к себе в дом.

– А ты остановился бы, чтобы помочь совершенно незнакомому человеку?

– Насколько я понял, они остановились не ради тебя. Ты уже была в доме. Они просто решили проверить этого типа, потому что он показался им подозрительным.

– Ну да, всё так. Они следят за порядком в поселке. Что-то вроде добровольного дежурства. Ну и отлично! Тот тип мог привязаться к кому-нибудь еще. Они заботились не только обо мне, а обо всех здешних жителях. Ты бы так сделал?

Барри улыбнулся.

– Нет. Я же самовлюбленный эгоист, зацикленный на своей писательской карьере, и гори все остальное синим пламенем.

– В каждой шутке есть доля шутки…

– Доля? Да я абсолютно серьезен!

Тут зазвонил телефон.

– Я возьму, – быстро сказал Барри. – Алло?.. Это тебя, – он протянул трубку Морин.

Звонил Чак Шей, чтобы сообщить новости от шерифа. Тип, который преследовал Морин, сознался, что попортил растения у них в саду и убил кота. Он набезобразничал еще на нескольких участках, где владельцы приезжают только летом и потому еще не

успели обнаружить ущерб. Шериф сейчас занимается составлением списка пострадавших.

Виновного зовут Дик Мелдрум, у него зуб на кого-то из жителей Бонита-Висты, хотя неясно, по какому именно поводу.

– Наверное, выполнял здесь какую-нибудь работу и остался недоволен оплатой, – предположил Чак. – В прошлом году ассоциация заключила договор с местной фирмой на обслуживание зеленой зоны поселка и общественных построек. Кое-кто из независимых мастеров сильно обиделся. Я думаю, тот тип как раз из них. Лицо мне показалось знакомым, хотя космы мешали рассмотреть как следует.

– Что с ним будет? Его арестовали?

– Да-да!

– А то вдруг он освободится и опять…

– Не волнуйтесь, – успокоил Чак. – Ассоциация предъявит ему обвинения и проследит, чтобы дело не спустили на тормозах. Пусть посидит, сколько положено.

– От меня что-нибудь требуется?

– Мы обо всем позаботимся. Вам, скорее всего, даже в суд идти не придется. Поскольку много участков пострадало, жалобу подаст ассоциация. Самое большее, от вас понадобятся письменные показания. Сейчас мы с Терри едем к шерифу, выясним, что и как.

– Расскажете, если будет что-нибудь новое?

– Конечно, не сомневайтесь!

Морин поблагодарила его, попрощалась и, положив трубку, шумно перевела дух.

– Ну, слава богу!

– Что такое?

– Звонил Чак. Сказал, что разговаривал с шерифом. Оказывается, тот тип, что за мной гнался, и Барни убил, и наши цветы повыдрал. Его зовут Дик Мелдрум, не то садовник, не то водопроводчик… Он и на других участках набезобразничал – там, где дачи. Теперь его будут судить за все сразу.

– Нам нужно будет поехать, подать заявление или что?

– Нет, жалобу оформит ассоциация домовладельцев.

Барри промолчал.

– Ну ладно тебе, неужели и тут недоволен? Думаешь, вы с Рэем раскрыли какой-то невероятный заговор и теперь ассоциация заметает следы – хочет все свалить на психа-садовника? Тебе самому-то не смешно?

Барри по-прежнему молчал, а Морин, заметив его смущение, прибавила:

– На этот раз ассоциация – не злодеи. Наоборот, они

оберегают нас от злодея. Пусть они не созвучны твоему вольнолюбивому духу, в данном случае они на нашей стороне.

– Не нравятся они мне, вот и все.

– Не хочешь признать, что иногда и ты можешь быть не прав?

Барни посмотрел на нее и вздохнул.

– Иногда и я могу быть не прав.

– Вот-вот.

– Изредка.

– На этот раз ты не прав, – заключила Морин.

И вдруг поняла, что действительно так думает.

Пластинка Гордона Лайтфуда закончилась. Барри продолжал печатать. Вообще-то он любил работать под музыку, но сейчас тишина не отвлекала – он втянулся, и работа пошла. Однако десять минут спустя он словно уперся в стену. Попробовал продолжить, оставляя все больше пустых промежутков, чтобы позже их заполнить, но вскоре стало ясно, что он в тупике. Барри сдался и отошел от компьютера.

Перебрав стопку пластинок, он поставил старый альбом Джони Митчелл и стал смотреть на раскинувшийся за окном пейзаж. Было что-то природное в фолк-певцах конца 60-х. А еще оттенок грусти, словно мостик, переброшенный от той давней эпохи, полной надежд, к нынешней реальности, причем сравнение получалось отнюдь не в пользу последней.

Эта музыка находила отклик в его душе.

Конечно, Джони Митчелл сейчас уже совсем не та. В последний раз он видел ее по телевизору на каком-то благотворительном концерте. Она уныло тянула песню прокуренным голосом и прервалась на середине, укоряя публику за то, что ее невнимательно слушают. Ожесточившаяся, обидчивая, она ничем не напоминала ту смешливую, искреннюю девчонку из записанного вживую альбома «Miles of Aisles». Печально, как меняются люди – и эпохи…

С музыкой вернулась творческая энергия. Барри снова бросился за компьютер. Проработав час, он встал и потянулся.

Морин уехала – у нее была назначена встреча с управляющим единственного в городе банка. Она хотела завести деловые связи в Корбане, познакомиться с местными предпринимателями и финансистами. Барри поднялся в кухню и достал из холодильника банку кока-колы.

Он просидел в доме безвылазно почти неделю и теперь чувствовал, что задыхается. Работа шла хорошо, но невозможно постоянно торчать взаперти! Барри вышел во двор, наслаждаясь свежим воздухом.

Пройдясь до конца подъездной дорожки, он остановился. По ту сторону улицы, за поросшим деревьями участком, начинался лес. Барри подумал немного и вдруг, поддавшись порыву, вернулся в дом, набросал записку для Морин и снова вышел, тщательно заперев за собой дверь.

У подножия холма свернул направо и здесь пошел медленнее, высматривая столбик у начала прогулочной тропы.

Он и без столбика не пропустил бы уходящую в глубь леса широкую немощеную дорогу. Барри с удовольствием сошел с асфальта на мягкую землю. Под кроссовками приятно похрустывала прошлогодняя хвоя.

Вот это ему нравилось в Бонита-Висте – лес, дорожки… Хотя Барри до сих пор ни разу так далеко не забирался. Надо каждый день ходить на прогулку, хотя бы по часу. А то уже отрастил брюшко, с тех пор как писательство стало его основной профессией.

Морин уговаривала гулять вместе с ней, особенно после той встречи с психопатом, но ей нравилось бродить по улицам поселка, а Барри это казалось бессмысленным и скучным. В конце концов Морин махнула на него рукой и стала по утрам ходить на прогулку с Лиз и ее приятельницами, а Барри валялся дома на диване и смотрел программу «Сегодня».

На самом деле он любил бродить по лесу, любил деревья и запах земли. Черт, может, все-таки получится уговорить Морин – они могли бы гулять по лесу вместе.

Дорога свернула в низину, вроде овражка, огибая густые заросли манзаниты и рощицу остролиста. Высокие деревья заслоняли дом*а*, и казалось, будто ты в самой гуще огромного неизведанного леса.

Вдруг справа в кустах зашуршало, и, несмотря на ясное солнечное утро, по спине Барри пробежал холодок страха. Все-таки он человек городской, неожиданные шумы всегда его пугали. Что делать, профессиональное заболевание! Как человек, пишущий в жанре ужасов, он сразу представил себе наихудший возможный вариант развития событий: вот сейчас выскочит пума и вырвет ему легкие, или медведь растерзает его на клочки… Впрочем, не стоит давать волю воображению. Барри остановился, оглядываясь в поисках источника шума.

В подлеске захрустели ветки.

И еще какой-то звук…

Барри застыл. Звук раздался снова. Невнятный стон, отдаленно напоминающий человеческую речь.

Вдруг справа, совсем рядом, колыхнулась ветка, потом другая.

Из кустов на дорогу выполз безногий, безрукий, страшно грязный человек, смуглый и бородатый. Он полз вперед, судорожно изгибая свое искалеченное тело. Безумные глаза смотрели в пространство. Судя по нечленораздельным звукам, умственно отсталый. Из одежды на нем был только чудовищно замызганный, окровавленный памперс, в разинутом рту – ни одного зуба.

Барри пробрал озноб, хоть он и понимал, что это какая-то детская реакция. Несчастное уродливое существо должно бы вызывать жалость, а не страх.

Обрубок человека прополз до середины дороги, увидел Барри и завизжал.

– Все хорошо, – сказал ему Барри. – Я тебя не трону. – Он огляделся – вокруг никого. – Может, тебе помочь? Или…

Человек снова пронзительно завизжал и задергался, корчась на земле, явно в сильном волнении. Барри почудилось, что тот пытается ему что-то сказать, однако визг и судорожные движения могли с одинаковым успехом означать просьбу о помощи или требование поскорее отсюда проваливать.

Жилистая шея мучительно изогнулась, глаза на заросшем лице выпучились, беззубый рот неестественно широко раскрылся.

Барри присел на корточки.

– Тебе что-то нужно?

Снова визг и конвульсивные рывки.

– Прости, я не понимаю… – Барри запнулся.

Он не знал, что делать.

Человек вновь закричал и забился еще отчаяннее.

Может, просто уйти, сделать вид, что ничего не произошло?

Дорога, уходящая в лес, вдруг показалась темной и мрачной. Барри развернулся и бросился обратно, в ту сторону, откуда пришел. У него не было какого-то определенного плана, только чувство, что надо кому-то все рассказать, привести помощь. За странным и жутким обликом несчастного скрывался реальный человек со вполне реальными проблемами. Необходимо было сообщить о нем властям.

Барри пустился бегом.

У поворота на свою улицу он увидел пикап Фрэнка.

Барри замахал руками. Пикап затормозил рядом с ним.

– Ты как будто привидение увидел!

– Вроде того. – Барри тяжело дышал – из-за разреженной атмосферы он быстро запыхался. – Я тут гулял по лесу и вдруг наткнулся… на человека. Человек без рук, без ног, не может говорить… Ползает по земле в подгузнике.

– А, это Культя, – усмехнулся Фрэнк. – Он живет в лесу.

Такого Барри уж точно не ожидал.

Он готов был снова бежать в лес, показывать калеку Фрэнку, даже, может быть, тащить несчастного к пикапу и везти в больницу, к шерифу или еще куда-нибудь, где тому окажут помощь. Но он не был готов услышать жизнерадостное подтверждение: да, всем в Бонита-Висте прекрасно известно, что в лесу возле поселка живет изувеченный человек, ползает целыми днями вдоль дорог и кричит… Это же полный сюр! Такие штуки случаются в его собственных романах, но никак не в реальной жизни. Барри от растерянности не находил слов.

Фрэнк, должно быть, неправильно понял его молчание.

– Не беспокойся, Культя безобидный. Вреда от него никакого.

– Я не из-за него беспокоюсь, а о нем! Он… – Барри глотнул воздуху. – Он весь грязный, в крови… Черт подери, у человека ни рук, ни ног, он ползает на животе…

– Ну да, такой он и есть, наш Культя. – Фрэнк сочувственно улыбнулся. – Слушай, я понимаю, ты хочешь как лучше и прочее, но тут уж ничего не поделаешь. Он сам выбрал такой образ жизни. Кто мы такие, чтобы диктовать ему, как надо жить? Он взрослый человек, у нас свободная страна…

– По-моему, ему совсем не нравится такая жизнь, – возразил Барри. – Он орал от боли и пытался что-то мне сказать.

– Да он всегда такой. Не напрягайся!

Фрэнк явно не понимал, почему Барри все не успокаивается и отчего его тревожит вид грязного калеки, корчащегося на земле. Барри решил, что разговор пора заканчивать. Он кивнул, как будто ему наконец-то все стало ясно, и попрощался. Пикап двинулся дальше, к выезду из поселка.

Барри тоже пошел своей дорогой, ощущая какую-то непонятную отстраненность от случившегося. Страх еще не совсем его отпустил, и в то же время тревога за Культю была скорее рассудочной и не затрагивала эмоций.

Судя по отсутствию «Субурбана», Морин еще не вернулась. Барри, не заходя домой, отправился к Рэю. Лиз выпалывала сорняки во дворе. Она сказала, что Рэй на террасе и что входная дверь не заперта.

Пройдя через прихожую в гостиную, Барри увидел за окном Рэя – тот сидел с книгой в шезлонге.

Барри открыл раздвижную стеклянную дверь. Рэй оглянулся на звук.

– Привет! – Он помахал экземпляром «Пришествия», который ему подарил Барри. – Вот, читаю вашу книгу! Отлично написано.

– Спасибо, – смутился Барри.

Ему всегда становилось неловко, когда хвалили его работу, –

хотя и приятно, конечно.

Рэй отложил книгу корешком вверх на столик рядом с шезлонгом.

– А что случилось? По какому такому случаю меня отрывают от чтения?

– Культя.

Старик хмыкнул, вставая.

– А, так вы наконец услышали о Культе?

– Что значит – услышал? Я его увидел! Пошел в лес размяться, и вдруг – какие-то странные звуки в кустах, а потом на дорогу выкатывается безрукий-безногий человек и вопит, как резаный! Перепугал меня чуть ли не до смерти. Я пробовал с ним поговорить, но он, кажется, умственно отсталый, ничего связно произнести не может. Я пошел за помощью и встретил Фрэнка. Он мне сказал, что это Культя, живет в лесу; похоже, все о нем знают.

– Ну да, – подтвердил Рэй. – Культя в лесу живет. Наверное, у него там какой-нибудь сарайчик есть, но обычно он просто ползает, где захочет.

– И всем всё равно?

– Так ведь… Вроде да.

– А вам это не кажется несколько необычным?

– Само собой, но он ведь не в поселке живет. Лес – территория государственного заповедника. Мы не против, чтобы он бродил по дорогам. И вообще, у кого духу хватит подать на такого в суд за незаконное вторжение? Даже в ассоциации все-таки не совсем чудовища сидят! Культя здесь с незапамятных времен, к нему, можно сказать, привыкли. Мы его не трогаем, и он нас не беспокоит.

– Черт возьми, у него на памперсе кровь! Кто-то же должен проверить, что он… я не знаю, что у него есть доступ к водопроводу и канализации и хотя бы самое необходимое для жизни!

Рэй грустно улыбнулся.

– Стыдно сказать – мне никогда в голову не приходило посмотреть под таким углом. Эх, поживешь здесь подольше, совсем зачерствеешь…

– Так может, позвонить в социальную службу или еще какую-нибудь окружную инстанцию?

Рэй подумал немного и покачал головой.

– Я, вообще-то, не сторонник теории невмешательства, однако в данном случае, пожалуй, лучше оставить все как есть. Мы с Лиз уже девять лет здесь прожили, и за все это время Культя ни разу не просил о помощи…

– Он кричал! Как будто пытался заговорить.

– Он так и разговаривает. Он всегда такой. Согласен, поначалу это нервирует, но… я же говорю, постепенно привыкаешь. Скорее всего, он хотел прогнать вас с дороги. Он не любит посторонних. Считает лес своей территорией.

– Значит, мы ничего не можем сделать?

– Да нечего тут делать! Пусть Культя инвалид – по характеру он такой, знаете, отшельник. Будь у него руки и ноги и умей он разговаривать, все равно жил бы в лесу. И тогда вы просто сказали бы: а, очередной эксцентричный тип свихнулся на почве жизни среди природы – и думать об этом забыли бы.

– А если ему в самом деле понадобится помощь?

Рэй пожал плечами.

– Наверное, тогда он приползет к чьему-нибудь дому и постарается привлечь к себе внимание.

Барри вспомнил ужасный визг, натужно изогнутую шею со вздувшимися жилами и разинутый беззубый рот. Представил, что увидит такое как-нибудь поздно вечером у себя на крыльце, и его словно холодом окатило. Может, все дело в специфике жанра? Привычка постоянно выдумывать разные ужасы, увечья и сверхъестественную жуть? Ну не мог он найти в себе понимание! И хотя вслух возмущался бесчувственностью окружающих, сам инстинктивно испытывал при мысли о Культе только страх и брезгливость.

Рэй предложил ему пива, но Барри отговорился тем, что и так слишком долго увиливает от работы, надо бежать к компьютеру.

Когда он спустился с холма, «Субурбан» уже стоял на своем обычном месте, а Морин в доме только что закончила говорить по телефону.

– А! – сказала она, увидев мужа. – Тебя спрашивали… Ты где был?

– Гулял. А кто звонил?

– Твой старый приятель Нил Кэмпбелл из ассоциации домовладельцев.

– Вот черт!

– Кто-то пожаловался, что ты утром слишком громко включил музыку. Нил говорит, в Бонита-Висте есть правила насчет шума. Нельзя, чтобы громкая музыка доносилась до соседнего участка.

– Громкая музыка? Черт возьми, я слушал «Ladies of the Canyon»! Ее этажом ниже едва слышно, не то что на другом участке!

– Наверное, на плоскогорье звук разносится далеко.

– И что, он еще будет звонить? Или я должен перезвонить?

Морин покачала головой.

– Он пришлет письменное предупреждение.

– Это уже просто смешно! Раз вы с ассоциацией такие друзья, может, объяснишь им, что мы любим слушать музыку, что от нее никому никакого вреда нет и быть не может и, между прочим, это не их собачье дело?!

– Солнце, никто не покушается на свободу твоей неповторимой личности. Они всего лишь просят проявлять чуточку уважения к соседям. Вообще-то вполне разумное требование.

– Нет, неразумное! Оно ущемляет и мои права – я ведь, на минуточку, тоже здесь живу! В собственном доме, на собственном участке я могу делать что хочу, и никто не смеет сюда лезть и диктовать мне, как жить!

– Они обязаны уважать твои права ровно до тех пор, пока твои права не начинают ущемлять других.

– Что еще за демагогия?

– Да, ты у себя дома, но ты не один здесь живешь. Нужно учитывать чувства других людей.

– Хрень какая-то!

Барри смотрел на жену с отвращением. Наверное, они бы поссорились, но тут зазвонил телефон.

Морин поднесла трубку к уху.

– Алло? – Ее лицо внезапно просветлело. – Привет! Вы как?.. Да… Ага… Ну замечательно! Нет-нет, ни чуточки… Секунду, он здесь, рядом… – Она протянула Барри трубку. – Это Джереми!

Барри схватил трубку.

– Привет, чувак! – раздался голос Джереми. – Куда вы там пропали?

Барри улыбнулся. На мгновение он словно перенесся в Калифорнию, в реальный мир, далекий от Бонита-Висты, увечных калек, ассоциации домовладельцев и грозных писем по поводу нарушения тишины.

– Джереми, урод моральный! Давно бы позвонил!

– Угу. Ну как вы там, в лесах?

Барри сделал глубокий вдох, и, хотя все еще был зол, происходящее вдруг показалось ему до смешного нелепым.

– Ты не поверишь, друг! Ты просто не поверишь…

Устав Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Статья III. Условия землепользования, права и ограничения.

Раздел 3, параграф М:

На территории поселка запрещается использовать любые наружные звуковоспроизводящие устройства, как то: громкоговорители, рожки, свистки, звонки и прочие источники

шума, за исключением устройств, необходимых для охраны и обеспечения безопасности. Любые звуки, производимые в доме, в том числе посредством телевидения, радио, аудиоаппаратуры и музыкальных инструментов, а также любым иным способом, не должны превышать общепринятого уровня шума. Звуки, доставляющие неудобства соседям или доносящиеся до других участков, недопустимы в любое время суток.

– Не знаю, Рэй… Я уже ничего не понимаю.

Друзья устроились в шезлонгах на террасе дома Дайсонов, рядом с грилем. Женщины остались поболтать в доме. За городом, за холмами раскинулось ярко-рыжее, изрезанное каньонами плоскогорье. Закат раскрасил утесы из песчаника ослепительными красками, словно произведение живописи в стиле поп-арта.

Барри сказал:

– Казалось бы, в такой глуши, среди дикой первозданной природы не место разным правилам и ограничениям. В Южной Калифорнии – да, там на тебя постоянно сыплются всякие статьи с параграфами. Но здесь… Куда подевалась привычная глубинка со сломанными стиральными машинами на заднем крыльце и злыми собаками в конуре?

Рэй встал перевернуть гамбургеры.

– Что делать, цивилизация шагает по стране, от моря до моря. – Он указал лопаточкой в сторону Корбана. – Если соскучился по брехливым собакам, поломанным стиральным машинкам и дряхлым джипам, поставленным на кирпичи, надо было покупать дом в городе. Хочешь красивые пейзажи, просторные дома и кабельное телевидение – добро пожаловать в Бонита-Висту! – Старик вернулся к своему шезлонгу. – В том-то и беда. Горожане вроде нас мечтают о деревенской жизни, только со всеми привычными удобствами. Нам хочется свежих овощей и деликатесов из супермаркета и чтобы всегда под рукой были факс и мобильный телефон. Мы готовы за это платить, но вместе с удобствами мы тащим с собой и все остальное. Ассоциации домовладельцев, конформизм и элитарность… Получается, на самом деле нам нужна не деревенская жизнь, а городская, только на свежем воздухе и с эффектными видами вокруг.

– Ты вправду так думаешь?

– Вот скажи, почему вы с Морин выбрали себе дом в Бонита-Висте? Понравился пейзаж, понравилась планировка дома, так? Вы бы не купили жилье в Корбане, поехали бы искать что-нибудь получше. Не захотели бы поселиться в жалкой развалюхе с пыльным двором или в автоприцепе в ближайшем лесочке.

Бонита-Виста привлекла вас потому, что здесь все чисто, ухоженно. А это заслуга ассоциации домовладельцев. – Помолчав с минуту, Рэй прибавил: – У меня точно так же было.

– Выходит, мы лицемеры?

– Да нет. Просто нас сюда заманили, и мы попались в ловушку. – Рэй обвел рукой свой участок и соседние дома. – Думали, вся эта красота от природы, а она поддерживается искусственно. Теперь живем как будто под колпаком, полностью отрезанные от окружающего мира…

– Я недавно разговаривал с друзьями из Калифорнии – они ужаснулись, сколько у нас в поселке всяческих запретов и ограничений.

– Ты и сам ужаснулся, правда?

Барри кивнул, а Рэй сказал со вздохом:

– Вот и я тоже, когда впервые с этим столкнулся.

Стол был накрыт в доме, а после ужина все уселись на террасе в плетеных креслах. Лиз зажгла свечи с цитронеллой, чтобы отогнать насекомых. Было полнолуние, и в небе сияли мириады звезд. Одна двигалась, неторопливо пересекая небосвод.

– Это спутник, – заметил Рэй.

– Я не знала, что их невооруженным глазом видно! – удивилась Морин.

– Здесь видно. В Нью-Джерси – нет и в Калифорнии, наверное, тоже. Городские огни мешают. А здесь, как глаза привыкнут к темноте, такие чудеса открываются!

Какое-то время все молчали, глядя в небо.

– Интересно, почему мы больше не летали на Луну? – задумчиво проговорил Барри.

Морин застонала:

– О-о, только не начинай!

– Нет, серьезно! Во времена моего детства все были уверены, что лет через двадцать там построят поселения. Что помешало?

– Ему в шестидесятые запудрила мозги пропаганда НАСА, – объяснила Морин. – Он воспринимает как личную обиду, что нельзя провести отпуск в отеле «Луна-Хилтон».

– Космические полеты имеют огромное значение, – не успокаивался Барри.

Рэй кивнул.

– Будущее оказалось не так близко, как думали. При жизни моего отца мир конных экипажей уступил место миру автомобилей, самолетов, космических ракет и телевидения. Все считали, что техника и дальше будет развиваться теми же темпами – ан нет.

– Не будем привередничать, – сказала Морин. – У нас тут,

может, и не «Облик грядущего», зато и не «Побег из Нью-Йорка».

– И не «Четыреста пятьдесят один градус по Фаренгейту», не «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» и не «Дивный новый мир»[5], что бы там Рэй ни думал, – поддержала Лиз, прихлебывая вино.

– Только потому, что у ассоциации домовладельцев технические возможности ограничены, – возразил Рэй. – Не то они бы развернулись!

Лиз лукаво наморщила нос.

– Видите, с чем мне приходится мириться?

Барри, смеясь, собрался защитить Рэя, как вдруг краем глаза заметил движущиеся разноцветные огни. На одно безумное мгновение он вообразил, что это НЛО, но тут же понял свою ошибку: просто мимо проехал автомобиль с красно-синей мигалкой. Отсветы выхватывали из мрака то стволы деревьев, то стену дома.

– Что происходит?

– Не знаю. – Рэй встал и подошел к перилам, всматриваясь в темноту. – Там как минимум две или три патрульные машины.

– А почему сирены не слышно? – спросила Морин.

– Сам не пойму… – Рэй кивнул Барри. – Пойду, узнаю, в чем дело. Ты со мной?

– Конечно!

– А мы, скромные женщины, конечно, должны остаться дома, – сказала Лиз, переглянувшись с Морин. – Раз уж нам не дано свершать подвиги на равных с мужчинами, остается идти на кухню и готовить десерт к их возвращению. Они ведь проголодаются!

Рэй удивился:

– Ты тоже хотела пойти?

– Нет, – улыбнулась Лиз. – Но можно было все-таки спросить, из вежливости.

– Прости!

Барри вопросительно посмотрел на Морин. Та покачала головой.

– Ступайте, мальчики, развлекайтесь. А мы посудачим о вас за вашей спиной. Слушай, Лиз, хочешь, расскажу, каков он в постели?

Обе женщины расхохотались.

– Очень смешно, – буркнул Барри.

Рэй подтолкнул его к двери.

– Идем, идем! Раз мы здесь не нужны…

– Не беспокойтесь! – усмехнулась Лиз. – К вашему возвращению мы успеем решить все мировые проблемы!

Должно быть, на террасе еще держалось тепло от гриля – ближе к дороге было значительно прохладней. Руки у Барри покрылись гусиной кожей. Он пожалел, что не прихватил с собой куртку.

Они спустились с холма, прошли мимо дома Барри и остановились, не зная, куда повернуть – снизу мигалку не было видно. В конце концов решили пойти на восток – туда, где начиналась прогулочная тропа. У столбика, отмечающего ее начало, собралась небольшая толпа и стояли, сверкая огнями, две патрульные машины.

Барри первым делом подумал о Культе, вообразив, что калека выполз на дорогу и угодил под колеса. Однако никаких машин, кроме двух автомобилей службы шерифа, поблизости не наблюдалось, да и накрытое брезентом тело у обочины было нормального размера.

Возле машины топтался Уолли Аддисон – тот самый помощник шерифа, что приезжал разбираться с жалобой на вандализм, а хмурый дядька, стоявший рядом, не мог быть никем иным, кроме как шерифом Хитмэном. Чуть в стороне, переговариваясь вполголоса, жались в кучку жители соседних домов – должно быть, вышли посмотреть, из-за чего шум. Никто их не прогонял, они сами старались не подходить ближе, словно от лежащего на земле тела их отделял невидимый барьер.

Зато Рэй решительно перешагнул незримую черту и приблизился к шерифу.

– Увидел с холма вашу мигалку. Что случилось?

Хитмэн кивнул на тело под брезентом.

– Труп. Энни Борем его обнаружила. Похоже, бедолага упал в канаву и ударился головой о камень. Скорее всего, истек кровью.

В самом деле, земля и камни у дороги были залиты кровью. Барри невольно представил себе, как выглядит сейчас человек под брезентом.

– Кто он, известно? – спросил Рэй.

– Дик Мелдрум. Совсем недавно мы его задержали за то, что приставал к местной жительнице.

Помощник что-то тихо сказал Хитмэну. Шериф изогнул брови.

– К вашей жене, я так понимаю?

Барри кивнул. В животе у него все сжалось. Он сразу узнал имя. Хорошо, что Морин не захотела с ними идти!

– Я думал, Мелдрум сидит…

– Позавчера вышел под залог. Судебное заседание назначили на следующий месяц, когда приедет окружной судья, а до тех пор он свободен… – Хитмэн запнулся. – Был.

Шериф отвернулся, явно не желая дальнейших расспросов. Рэй отошел к кучке соседей.

Барри последовал за ним. Сосны у дороги казались выше, чем днем. Их плотная черная масса заслоняла небо, оставляя только узкую полоску, усыпанную звездами. Красно-синие огни мигалки словно щитом заслоняли маленькую толпу от ночной тьмы.

Сюрреализм всей этой сцены лишь усиливала мысль о том, что где-то поблизости в лесу, возможно, прячется Культя, наблюдая за происходящим. Барри всмотрелся в кусты у тропинки, и хотя нигде не заметил зловещего блеска глаз, по спине все равно пробежал озноб.

Рэй расспрашивал Расса Гиффорда – с этим молодым человеком Барри познакомился на ужине у Дайсонов.

– Кто его знает, что тут случилось… Я только сейчас подошел, заметил мигалку. Вот Хэнк говорит, он слышал, как этот тип тут шастал, потом споткнулся и башку себе разбил.

– Точно? – спросил Рэй.

Бородатый Хэнк пожал плечами.

– Вроде никто не видел. Энни шерифу так сказала, я слыхал. Она нашла тело.

Энни Борем, как выяснилось, была фанатичной сторонницей оздоровительного бега. Она совершала ежевечернюю пробежку, и вдруг ее карманный фонарик выхватил из темноты торчащие из канавы ноги. Энни кинулась домой и набрала девять-один-один.

– Сюда уже не вернулась, – продолжал Хэнк. – Перепугалась небось. Наверное, у нее показания взяли прямо дома.

К разговору присоединилась женщина средних лет – рядом с

ней стоял молодой человек, который с равным успехом мог быть ее мужем или сыном. Ей кто-то сказал, что Мелдрума ударили по голове камнем, от этого он и полетел в канаву, там стукнулся о другой камень и умер. Еще одна пожилая соседка объявила, что это городские подростки швырялись из кустов камнями в проезжающие машины и нечаянно попали в Мелдрума, а потом струсили и убежали.

Слухи циркулировали самые дикие, а на самом деле никто ничего толком не знал. Приехала «Скорая» и увезла тело – тихо, без сирены и сигнальных огней. Барри и Рэй вместе с другими двинулись в обратный путь. Понемногу их спутники разошлись по домам, и от дома Барри друзья шли одни.

Сперва молчали, потом Рэй негромко спросил:

– Видел, сколько крови?

Барри кивнул.

– Угу.

– Многовато, если человек просто споткнулся и упал.

– Думаешь, его и вправду сначала ударили?

Рэй не ответил.

– Что? – спросил Барри.

Рэй помотал головой.

– Ну скажи!

– Тебе не понравится. Мне и самому не нравится. Я просто старый сыч, параноик, мне бы в интернете сидеть целый день, мусолить теории заговоров…

– Расскажи!

– Забудь…

– Давай, выкладывай!

– Ты вправду хочешь услышать?

– Конечно.

Рэй остановился и повернулся к Барри.

– Я думаю, с бедолагой разделалась ассоциация домовладельцев. Они знали, что он опять сюда притащится, и наверняка подготовили небольшой комитет по встрече. Скорее всего, его хотели просто напугать, чтобы он уехал в другой округ или даже штат, но немного не рассчитали, и дело закончилось смертельным исходом.

Барри, не выдержав, расхохотался.

– Дичь какая-то!

Рэй пожал плечами и пошел дальше.

– Я предупреждал…

Смех замер у Барри на губах. Он вдруг понял, что не может просто отмахнуться от такой гипотезы, несмотря на всю ее нелепость. Что само по себе жутко…

Какое-то время они шли молча.

– А нельзя как-нибудь выяснить, кто внес за него залог?

– Не знаю, – отозвался Рэй. – Попробую завтра позвонить шерифу.

– А если это правда? Что, если в самом деле за него заплатила ассоциация, а потом его труп обнаружили в Бонита-Висте? Шериф начнет расследование? Увидит он связь?

Рэй покачал головой.

– Я же говорил – он ест у них из рук. Не знаю, получает за это что-нибудь или, как это бывает с чиновниками, просто лебезит перед богатством… Во всяком случае, он с ними повязан и не станет раскачивать лодку.

– Как ты думаешь, у Мелдрума есть родня в городе?

– Понятия не имею.

Они медленно поднимались в гору.

– Если это правда, – проговорил Барри, – если ассоциация действительно заплатила за него залог, а потом убила, и дело закроют…

Рэй промолчал.

Всю оставшуюся дорогу ни один не произнес ни слова.

Морин и Лиз ушли в дом – их чуть не съели комары, привыкнув к запаху цитронеллы. Женщины рассказывали об этом со смехом, но короткий отчет Барри и Рэя мгновенно испортил им настроение. Ясно было, что на сегодня веселье закончено. Вскоре Барри и Морин засобирались домой.

Перед сном, уже лежа в постели, Барри рассказал жене о предположении Рэя: что деятели из ассоциации намеренно помогли Мелдруму выйти из тюрьмы, зная, что он обязательно вернется в Бонита-Висту, и направили «группу бдительности» припугнуть его, а в результате убили.

– Глупость несусветная! – фыркнула Морин.

Барри и сам чувствовал, что здесь, в уютной постели, все это звучит нелепо – а потом вспомнил черные деревья у дороги, равномерно вспыхивающие огни мигалок, накрытый брезентом труп, кровь на камнях и молчаливую толпу. Ему стало не по себе, к горлу подступила дурнота.

Барри решил, что Морин уснула – он и сам уже засыпал, – как вдруг она тихо проговорила:

– Я рада.

Как будто ни к селу ни к городу, но Барри сразу понял, о чем она.

Морин повернулась набок, лицом к мужу.

– Я рада, что он умер.

Барри молчал. А что тут скажешь?

– Я плохая, да?

– Нет. – Он наклонился и поцеловал ее в лоб. – Ты хорошая.

Они пришли, когда Лиз принимала ванну.

Рэй так и не узнал, специально это было сделано или просто так совпало. Его испугала и разозлила сама мысль, что за домом наблюдали, отслеживая их с женой действия. Он как раз находился поблизости от входа и открыл дверь, как только в нее постучали. На пороге стоял Нил Кэмпбелл – как всегда, с планшетом в руках. За спиной у него виднелись Чак Шей и Терри Эбби. Нил коротко кивнул. Рэя всегда бесила его показная деловитость.

– Рэй, будь добр, удели нам пару минут. Нужно поговорить с глазу на глаз.

– Откуда вы узнали, что я один?

– В каком смысле, Рэй? – слишком уж невинно осведомился Нил.

– Как, по-вашему, где Лиз?

– Понятия не имею.

– В ванной. Так что я сейчас один. Чертовски удобно.

– Я всего лишь сказал, что нам нужно поговорить не в присутствии твоей жены. Можно было просто пообщаться за закрытыми дверями, но если Элизабет в данную минуту принимает ванну, это и в самом деле весьма удачно.

Беспокойство Рэя усилилось.

– Что вам надо?

– Можно войти? – поинтересовался Нил.

– Нельзя, – ответил Рэй.

– В таком случае придется беседовать на крыльце.

– Я не собираюсь с вами беседовать, – отрезал Рэй. – Я вам уже не раз говорил: проваливайте с моего участка, уроды!

Никто не двинулся с места.

Чак насмешливо изогнул губы.

– Ты отлично знаешь, что мы имеем полное право здесь находиться.

– Почему это?

– Ассоциации стало известно, что ты разговаривал с шерифом Хитмэном, – сказал Нил. – Пытался выяснить, кто внес залог за ныне покойного Дика Мелдрума.

– И что? Вам-то какое дело?

– Естественно, ассоциации есть дело до того, что один из жителей бросает тень на репутацию Бонита-Висты. Ассоциация прилагает все силы к поддержанию уровня жизни в поселке на должном уровне. Безусловно, смерть человека, пусть даже в

результате несчастного случая, вызывает беспокойство.

– При чем здесь мои попытки узнать, кто поручился за Мелдрума?

– Мы всего лишь стараемся предотвратить нежелательные последствия. Учитывая твои прошлые высказывания, такие расспросы указывают на то, что ты пытаешься обвинить в его гибели ассоциацию домовладельцев. Мы пришли, чтобы… посоветовать тебе воздержаться от подобных действий.

– А что такое, Кэмпбелл? Вам есть что скрывать?

Чак шагнул вперед.

– Рэй, Рэй! Ты так и не понял, что в некоторые дела лучше не лезть. Целее будешь.

– В каком смысле?

Они двигались стремительно. Чак схватил его за левую руку выше локтя и выдернул на крыльцо. Терри, подскочив сзади, вцепился в правую. Они крепко держали Рэя, а Нил, размахнувшись, врезал ему между ног планшетом. Боль была такая, что Рэй чуть было не заорал. Удержался отчаянным усилием воли – не хотел доставлять удовольствия этим подонкам.

Ухмылка Нила отражала искреннее наслаждение. Злобная радость – смертоносная штука. Рэй испугался по-настоящему, впервые с тех пор, как они с Лиз переехали в Бонита-Висту. Он почувствовал, что рубеж перейден. Уже нельзя притвориться, будто ничего не случилось.

Нил прошелся взад-вперед перед крыльцом, любовно поглаживая планшет.

– Нет в тебе, Рэй, командного духа. Бонита-Виста – сплоченное сообщество, и ты – часть этого сообщества. Вы с женой не какие-нибудь отшельники, не на необитаемом острове живете. Вы живете с нами, в цивилизованном обществе. – В его голосе зазвенела сталь. – Извольте играть по общим правилам.

– Скажи своим бандюганам, чтобы отпустили меня.

Нил коротко, без замаха ударил его в живот. Рэй согнулся пополам. Он не упал только потому, что Чак и Терри его держали, и со стыдом услышал в собственном рваном дыхании нечто очень похожее на всхлипы.

– Бонита-Виста – твой дом. Проявляй уважение! Ты живешь в красивом доме, в приличном районе, и все благодаря тому, что ассоциация домовладельцев поддерживает уровень жизни в поселке на должной высоте и бдительно выявляет тех, кто нарушает правила. Мы делаем твою жизнь легкой и приятной, а ты, неблагодарный, вечно ищешь какую-то оборотную сторону, выдумываешь чьи-то коварные умыслы…

– Мы живем в свободной стране, – напомнил Рэй.

Нил улыбнулся. Чак и Терри хрипло загоготали.

– В свободной стране? А знаешь, почему у нас вообще существует ассоциация домовладельцев? – осведомился Нил. – Да потому, что мы – на ничейной земле! Федеральному правительству, равно как и правительству штата, неинтересны наши мелкие будничные проблемы, а у руководства округа, буде оно вдруг нами заинтересуется, не хватит средств. Мы сами по себе. Ты прав, мы свободны! Свободны от правительственного надзора и мелочной опеки. Зато и заботиться о себе должны сами, без посторонней помощи.

Он говорил отрывистым, лающим тоном, словно армейский офицер. У Рэя мурашки поползли по коже.

– Это и есть настоящая демократия, – подхватил Кэмпбелл. – Не выборное правительство, а прямое участие граждан в самоуправлении. Мы, народ, сами принимаем решения и сами их выполняем. Не ждем, что добрый дядя все сделает за нас. И все отлично получается! Ассоциация домовладельцев куда эффективней правительственных учреждений. И реагирует быстрее. Наш поселок, – он взмахнул планшетом, указывая на окрестности, – прообраз будущего! Люди годами борются за децентрализацию управления, а мы к этому уже пришли!

– Я – либеральный демократ, – сказал Рэй. – Мне нравится общегосударственное управление.

Нил снова ударил его в живот.

Куда девалась его показная любезность!.. Он говорил со злостью, уже не пытаясь создать видимость убедительных аргументов:

– Рэй, ты больно медленно учишься. Мы не будем вечно терпеть твои выходки! Сегодня мы пришли предупредить по-хорошему. Одумайся, пока не доигрался.

Рэй не мог вдохнуть и все же кое-как выдавил:

– Пошел в жопу!

Чак подсек его ногой под колени, а Терри рубанул ребром ладони по шее.

Рэй, остававшийся на ногах только потому, что его держали, хрипя, осел на землю.

Нил что-то неразборчиво произнес, и все трое двинулись прочь.

Рэй с трудом встал, цепляясь за дверной косяк. Все у него болело. Он вдруг сообразил: били его так, чтобы не оставить следов. Если даже он вздумал бы пойти к шерифу, доказать ничего невозможно. Его сжигала жажда мести, но еще сильнее был страх. Четкое осознание, что эти люди ни перед чем не остановятся для достижения своих целей.

А ведь они своей цели уже добились, понял Рэй.

Раньше он не боялся.

А теперь боится.

Хорошо хоть, что перед ними не выдал своего страха. Сумел плюнуть в лицо этим ублюдкам.

Рэй медленно и мучительно вернулся в дом, запер за собой дверь и, прихрамывая, прошел в гостиную. Там рухнул на диван, все еще еле переводя дух.

Через минуту из ванной вышла Лиз.

– Кто-то заходил? Мне послышались голоса.

Рэй попытался изобразить улыбку.

– Нет, никого не было. Это просто телевизор.

Устав Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Статья III. Условия землепользования, права и ограничения.

Раздел 3, параграф L:

Члены архитектурной комиссии, члены правления, а также любые его представители, наделенные соответствующими полномочиями, вправе находиться на участках жильцов поселка с целью проверки выполнения владельцами участков данного устава. Пребывание вышеперечисленных лиц на территории участка не составляет нарушения частной собственности и не может считаться незаконным вторжением.

Если Морин и испытывала поначалу неприязнь к Бонита-Висте, со смертью Дика Мелдрума это чувство совершенно исчезло.

Морин подергала водопроводный шланг, зацепившийся за переднее колесо «Субурбана», – она поливала заново посаженные ирисы, поглядывая то на небо, то на дорогу. Как ни странно, ей понравилось жить в охраняемом поселке – это давало чувство защищенности. Не потому, что уровень преступности намного ниже в патриархальном штате Юта по сравнению с крупными городами, а потому, что Бонита-Виста – замкнутый маленький мирок, прочно отгороженный от окружающей действительности. Первоначальные впечатления словно перевернулись с ног на голову, и то, что казалось недостатками, теперь превратилось в плюсы.

Барри шутил, что тут сказывается ее «бухгалтерская сущность». Может, в его словах и есть доля правды. Морин всегда была аккуратисткой, ценила порядок и организованность. Это общая черта людей, которым нравится работать с цифрами, в то время как люди искусства, вроде Барри, чувствуют себя уютно в

обстановке хаоса.

Вообще-то, Морин привыкла верить в «женскую интуицию». По крайней мере, на свою интуицию она всегда полагалась и крайне редко меняла мнение, но в этот раз получилось иначе. Толчком послужила смерть Мелдрума. Он, будто своего рода громоотвод, принял на себя все отрицательные впечатления от Бонита-Висты. От них не осталось и следа после того, как жертвоприношение свершилось.

Жертвоприношение?

Откуда взялось это слово? Морин не хотела вникать. Это все остатки тех, первоначальных негативных эмоций. Нельзя принимать всерьез подобную обмолвку. Все прекрасно в Бонита-Висте, а тот психопат погиб случайно, и ни соседи, ни ассоциация домовладельцев тут ни при чем.

Из дома вышел Барри, прихлебывая «Доктор Пеппер» из поцарапанной пластмассовой кружки с Бэтменом. Этой кружкой ограничивался его вклад в экипировку семейной кухни.

– Чем занимаешься? – спросил он.

– Цветы поливаю.

– Нет, в смысле потом? У тебя что-нибудь намечено?

– Да нет, а что?

– Может, освоим теннисный корт? Содержание кортов оплачивается из членских взносов ассоциации. Хоть разомнемся за свои денежки!

Они уже давно не играли в теннис, а в начале знакомства часто проводили субботу на школьном корте, рядом с прежней квартирой Морин. Потом перестали – ни он, ни она не были особо спортивными, да и времени свободного оставалось все меньше. А забавно было бы тряхнуть стариной!

– Давай! – поддержала Морин.

– Отлично!

– Ты не помнишь, где у нас хранятся ракетки?

– Я убрал их в коробку – из тех, что свезли на склад. Съезжу заберу, а ты пока заканчивай с поливкой.

– Ладно! – Морин, улыбаясь, потянула за собой шланг. – Ну, готовься, я тебя раскатаю!

– Ты еще ни разу у меня не выиграла, – напомнил Барри. – Вряд ли за десять лет вдали от кортов твое мастерство сильно возросло.

– Последнее слово обреченного! – засмеялась Морин.

Наконец все растения были политы, Барри вернулся из города с ракетками, и они с Морин отправились на теннисный корт. Собственно, кортов было два. Располагались они у самого въезда в поселок, поражая воображение гостей и проезжих.

Площадка содержалась в идеальном порядке, а высокая металлическая сетка, выкрашенная в зеленый цвет, не давала мячикам улетать в лес и заодно служила преградой для посторонних – пользоваться кортами разрешалось только жителям поселка. Играть можно было и поздно вечером, благодаря укрепленным на столбах прожекторам, по размеру больше подходившим какому-нибудь огромному стадиону.

На калитке стоял электронный замок с небольшой клавиатурой.

– Надо было заранее почитать инструкцию, – вздохнул Барри и, передав Морин тубу с мячиками, нагнулся над металлическим квадратиком. – Никаких подсказок…

Он набрал код от въездных ворот поселка – безрезультатно.

– Попробуй наш адрес, – посоветовала Морин. – Или номер участка.

Номер участка подошел. Железная сетчатая калитка плавно открылась.

– Как мило, – заметил Барри. – Отслеживают, кто пользуется кортом.

– Да ты параноик не хуже Рэя!

Морин со смехом прошлась по травяному корту. Газон упруго пружинил под ногами. Не то что расчерченный полустертыми линиями асфальт на школьном дворе, где они играли раньше… Профессиональный уровень, вот это да!

Тронув туго натянутую сетку, Морин прошла на дальнюю сторону корта.

– По-моему, Майк и Тина говорили, что играют в теннис?

Барри кивнул.

– Угу.

– Вот потренируемся немножко, и можно будет устроить парный матч!

– Ага, через годик-другой.

– За себя говори!

Морин красивым ударом послала мячик через сетку. Барри отбил, а жена промахнулась. Ее ракетка рассекла воздух, мячик стукнулся о землю, пару раз подскочил и в конце концов затих у ограды. Несколько минут продолжался обмен подачами, за которыми чаще всего следовал промах.

– Все еще думаешь, что мы потянем матч со Стюартами? – крикнул Барри.

– Играй давай, писатель! Четыре гейма из семи. С твоей подачи!

Игра пошла всерьез. Морин заметила, что Барри постоянно оглядывается на лес за спиной, а подбирая мячик, всякий раз

внимательно смотрит куда-то за ограду из железной сетки.

– Культю высматриваешь? – поддразнила Морин.

Муж обернулся так виновато, что она сразу поняла – в точку.

Могла бы и догадаться, не стоило так шутить. Хотя Барри почти не вспоминал вслух о калеке, наверняка эти мысли не давали ему покоя. Изувеченный человек, обитающий в лесу, – это же как раз его тематика! Можно себе представить, сколько Барри напридумывал жутких сценариев с участием несчастного урода, ползающего под домами, подглядывающего за местными жителями и ворующего собак и кошек ради пропитания…

На самом деле, насколько могла понять Морин, все обстояло далеко не так мелодраматично. Местный инвалид был совершенно безобиден и никому не желал зла. У всех, с кем она разговаривала, нашлась какая-нибудь забавная история про Культю. Барри, конечно, прав – печально, что в наше время человек живет, словно дикий зверь. С другой стороны, судя по рассказам, он сам сделал выбор. Ну нравится ему подобная жизнь, и, похоже, он вполне доволен.

Барри, подобрав мячик, вернулся на корт.

– Думаешь, он за нами следит?

– Во всяком случае, наблюдает, – отозвался Барри. – И, по-моему, Культе многое известно. Он же всюду может пробраться. Сколько всего интересного он рассказал бы, если бы умел говорить…

Морин встряхнула головой.

– Ладно, подавай уже!

Барри вел со счетом три-один – и хотя они играли просто для развлечения, характер не позволил Морин сдаться без борьбы.

– Поменяемся местами! Мне солнце в глаза светит.

– Ага, конечно!..

Все же Барри согласился поменяться, и следующий гейм она выиграла, причем и на его подаче.

Следующую подачу жена провела не особенно удачно, однако Барри, даже не пытаясь отбить мяч, застыл посреди корта, а потом подошел к сетке и поманил Морин к себе.

– Незаметно посмотри вон туда. За нами подглядывает старуха.

Морин обернулась. Через дорогу от корта, в окне двухэтажного домика, шевельнулась занавеска, спрятав морщинистое лицо.

– Ну и что? Все старики любопытны; им же больше нечем заняться, кроме как сплетничать о соседях.

– Нет, тут другое. Она давно за нами наблюдает, и очень пристально.

– Может, она любительница тенниса?

Морин снова обернулась. Занавески в окне по-прежнему колыхались. По дороге не спеша, прогулочным шагом двигалась пожилая пара. Женщина улыбнулась Барри с Морин и помахала рукой, а мужчина уставился на них долгим, изучающим взглядом.

– Видишь теперь? Что-то странное творится.

– Да что такого-то? Местечко здесь, согласись, не особенно оживленное, тем более в будни. Мы для них, наверное, целое событие.

– Не только в этом дело. – Барри озирался, будто что-то искал. – У меня такое чувство, словно мы под прицелом объектива.

Он посмотрел на столб с прожектором, нахмурился и медленно обошел вокруг столба, глядя вверх.

– Ты смотри…

– Что?

– Там, наверху.

Морин посмотрела, куда указывал его палец. На верхушке столба крепилась видеокамера, вроде тех устройств наружного наблюдения, какие устанавливают в банках и крупных магазинах.

– Видишь?

– И что? В целях безопасности! И очень хорошо, если вспомнить, *что* хулиганы сделали с моими цветами.

Барри еще раз обошел вокруг столба.

– Интересно, где находится монитор?

– Да нет никакого монитора! Скорее всего, камера просто записывает.

– А кто просматривает запись? Председатель правления? И дает наплыв, чтобы заглядывать девушкам в вырез теннисных маечек?

– Да ты совсем сдвинулся! Или проверяешь на мне сюжет очередной страшилки?

– А неплохую страшилку можно было бы забацать… Нет, я серьезно.

– Разводишь панику на пустом месте.

– Ты уверена?

– Это просто меры безопасности, и я их полностью одобряю. Благодаря воротам и видеокамерам у нас в поселке практически нет преступности. Почему людям и нравится здесь жить.

– Ты прямо как рекламное объявление.

– Барри!

Морин, качая головой, хотела огрызнуться, но передумала.

– Давай играть дальше.

Однако муж никак не мог успокоиться.

– А старуха, подсматривающая из-за занавески? И те прохожие? Как ты это объяснишь?

– Просто они заботятся о нас. По-моему, очень даже мило.

– Они за нами шпионят!

– А разве тебе не хочется вернуть старые добрые дни, когда не было такой разобщенности, когда люди были интересны друг другу?

– Тогда это было естественно, а не навязано со стороны. Так развивалась сама жизнь.

– Да ну тебя! У нас в Калифорнии была добровольная дружина «присмотра за соседями» – точно то же самое.

– Нет, не то же самое. – Барри бросил мячик в тубу. – Пойдем домой… Что-то меня не тянет больше играть.

– А меня тянет!

– Отлично, играй тогда в одиночку, а я пошел. Не хочу торчать здесь под присмотром.

– Ну и дурак!

Они ушли вместе и до самого дома оба молчали. Морин по дороге заглянула в почтовый ящик – там было пусто. Зато на входной двери обнаружилось послание на розовой бумаге. Его заткнули за сетку, покрывающую нижнюю часть двери. Барри вытащил листок и поднял повыше, чтобы Морин тоже могла прочесть.

Судя по всему, это была копия официального бланка, озаглавленного: «Отчет о состоянии участка».

Далее шел короткий абзац, в котором сообщалось, что архитектурная комиссия Ассоциации домовладельцев поселка Бонита-Виста в результате наружного осмотра выявила необходимость следующих мероприятий для приведения участка в надлежащий вид – и ниже список мероприятий. Два пункта были отмечены галочками: «Покрасить колпак дымовой трубы» и «Убрать сосновые шишки и хвою».

Трудно было представить, что за время их отсутствия – полчаса, максимум сорок пять минут – кто-то успел осмотреть дом и участок, сверяясь с длиннейшим списком возможных нарушений. Морин даже немного растерялась. Она знала, что правление вправе проводить инспекцию, и все-таки неприятно сознавать, что, пока тебя нет дома, кто-то шныряет по твоему участку и все рассматривает. Неправильно это. Не могли прийти с проверкой при них?

Однако Морин не хотелось показывать Барри, что ей не по себе. Муж-то наверняка разъярился вдвое больше, и она втайне позлорадствовала. Так ему и надо!

Барри изумленно воззрился на листок.

– Сосновые шишки?

Действительно, глупая мелочность. Морин подумала даже, не позвонить ли Чаку или Терри – спросить, к чему такие придирки, – но она еще злилась на Барри. Пускай бесится.

– Придется тебе в кои-то веки поработать метлой! – объявила Морин.

День был прекрасный, по синему небу с востока на запад лениво плыли пышные белые облака. Барри решил не сидеть взаперти за компьютером, а поработать на террасе. Если придумается что-нибудь хорошее или хотя бы пристойное, потом перепечатает.

Барри взял блокнот, с вызовом прибавил громкость, хотя играл ничуть не бунтарский Джеймс Тейлор, и шагнул к стеклянной двери.

– Звук убавь! – крикнула с нижнего этажа Морин.

– На террасе будет не слышно! – прокричал Барри.

– Купи себе плейер!

Барри, не отвечая, вышел на террасу, но едва устроился в кресле, как музыка внезапно оборвалась. Он совсем не удивился, когда за стеклом показалась усмехающаяся Морин.

– Спасибо большое, – буркнул Барри.

– Не за что!

Жена вернулась к своей работе. Барри уставился на разлинованную страницу блокнота.

Совершенно чистую.

С тех пор как они переехали, ему то и дело приходила на память сцена из фильма «Забавная ферма». Главный герой в исполнении Чеви Чейза переезжает за город, чтобы работать над романом. Осматривая с женой свой новый дом, он находит идеальную комнату для кабинета. За окном на ветке весело щебечет птичка. Позже показано, как герой сидит за пишущей машинкой, тупо уставившись на чистый лист бумаги, и когда птичка снова начинает щебетать, Чейз швыряет в нее чашку горячего кофе.

Больше всего на свете Барри боялся, что в чудесном новом доме, среди великолепных пейзажей способность к писательству его покинет. И сегодня, сидя на террасе с тетрадью и ручкой, он не мог до конца избавиться от затаенного страха: вдруг идеи не придут?

Впрочем, опасался он зря. Воображение, как всегда, работало безотказно, и скоро ручка уже летала по бумаге, описывая ощущения маленького мальчика, которого психопатка-сестра заставляет есть на завтрак кашку, сваренную из праха их

кремированной матери.

По улице прошла какая-то женщина. Барри, поймав ее взгляд, помахал рукой. Женщина, скупо улыбнувшись, махнула в ответ и заторопилась прочь. Ей явно не терпелось оказаться от него как можно дальше.

А еще говорят, что в провинции люди приветливы и дружелюбны…

Глядя в удаляющуюся спину, Барри вдруг подумал, что за последнюю неделю или две светская жизнь слегка заглохла. Их с Морин больше никуда не звали, а поначалу приглашения в гости так и сыпались со всех сторон. Правда, жаловаться не на что, у них появились хорошие друзья: Рэй и Лиз, Фрэнк с женой Одри, Майк и Тина Стюарты… И все-таки странно. Что случилось? Возможно, они, сами того не зная, нарушили некий неписаный закон? Или просто эффект новизны прошел, а все, кто хотел, с ними уже познакомились?

Женщина скрылась за поворотом дороги. Барри размял пальцы и снова сосредоточился на работе.

Погода в штате Юта менялась иногда невероятно быстро. Только что Барри потел от июньской жары, и вдруг на солнце набежали пухлые белые облачка, и резко похолодало – на целых восемь градусов[6], если верить термометру, который Морин прикрепила к стене у двери. Пот застывал на коже.

Если верить Рэю, в июле начнутся муссоны, и вот тогда погода по-настоящему сойдет с ума. Барри ждал этого с нетерпением. С детства живя на юге Калифорнии, он знал о временах года только из книг, фильмов и телепередач. Приятно будет наконец-то воочию увидеть капризы матушки-природы.

Шесть страниц спустя он решил устроить перерыв. Руку уже свело судорогой. Барри был доволен результатами сегодняшней работы. Если пойдет, можно будет полгода трудиться, а потом полгода отдыхать. Или выдавать две книги за год вместо одной. Пожалуй, так даже лучше. Как известно, писательство – дело коварное. Пусть сейчас его книги нарасхват, никто не гарантирует, что через годик-другой интерес к нему не упадет. Это в природе вещей. Надо ковать железо, пока горячо, даже если бы не писательская добросовестность, граничащая с одержимостью.

С другой стороны, вдохновению не прикажешь. Иногда настрочишь за день двадцать страниц, да так, что и править не надо, а в другой раз еле выжмешь один-единственный абзац, который, скорее всего, назавтра придется переделывать.

Сегодня утро выдалось продуктивное. Вернувшись в дом, Барри бросил блокнот на стол и отправился в кухню, разыскивая,

чем перекусить. Ни в шкафах, ни в холодильнике готовой еды не обнаружилось, а возиться у плиты было лень. В конце концов Барри взял яблоко и, жуя на ходу, спустился вниз. Морин плескалась в ванной, а на столе рядом с компьютером лежала пачка конвертов с уже наклеенными марками и адресом налоговой службы – наверняка слезные просьбы об отсрочке от имени клиентов.

Барри крикнул с набитым ртом:

– Ау! Бросить письма в почтовый ящик?

– Да, пожалуйста! – приглушенно донеслось в ответ.

После целого утра сидячей работы тело требовало движения. Барри швырнул огрызок в мусорную корзину, прихватил конверты и вышел на улицу. Открыв дверцу ящика, он сразу же заметил, что внутри что-то есть.

Почту еще не доставляли, так что ни писем, ни открыток, ни счетов там оказаться не могло. Зато в ящике лежал конверт без марки с надписанными именем и фамилией адресата, то есть Барри, и пометкой в левом верхнем углу: «АДБВ».

Ассоциация домовладельцев Бонита-Висты.

Барри, заранее внутренне закипая, вскрыл конверт. На сей раз в конверте лежал не бланк, а листок бумаги с официальной шапкой и отпечатанным на машинке текстом.

Барри прочел. Потом перечитал еще раз.

«Уважаемый мистер Уэлч!

Как нам стало известно, Вы занимаетесь профессиональной деятельностью по адресу своего проживания на участке 113 по Сосновой улице.

Напоминаем, что Бонита-Виста – жилищный поселок. Любая коммерческая и профессиональная деятельность на его территории строго запрещены.

Правление лишь недавно было ознакомлено со спецификой Вашей работы. После тщательного рассмотрения мы вынесли решение, обязывающее Вас в течение тридцати дней найти место за пределами Бонита-Висты, где Вы могли бы заниматься литературным творчеством в соответствии с требованиями УАДа.

Если у Вас возникнут вопросы, обращайтесь ко мне лично, по телефону 555-7734. Буду рад помочь.

С уважением,

председатель комиссии

Барри затолкал письма Морин в ящик и с трудом закрыл дверцу – руки тряслись от ярости.

Литературное творчество, надо же!..

Мысленно он уже редактировал мерзкое письмо – бессмысленная привычка, но его всегда это успокаивало. Приятно сознавать, что владеешь пером лучше своих противников. Ощущение собственного превосходства, хотя бы иллюзорное, придает уверенности.

На дороге послышался звук мотора. Из-за угла показался красный джип Майка Стюарта. Майк работал в городе, на телестудии кабельного канала. Должно быть, сейчас он ехал домой обедать. Проезжая мимо, Майк дал приветственный гудок и помахал рукой, но, должно быть, по лицу Барри понял, что что-то не так, и, притормозив, сдал немного назад.

– Случилось что-нибудь?

Барри подошел к машине и протянул письмо:

– Как тебе это?

Майк заглянул в листок и хмыкнул.

– Вот уроды!

– Действительно есть такое правило?

– Сталкиваться не приходилось… впрочем, ко мне это и не относится. Раз тут пишут, что в УАДе так сказано, – значит, сказано, к гадалке не ходи.

– По-моему, тут скорее имеется в виду, что нельзя устраивать на своем участке магазин или какой-нибудь производственный цех в гараже, нет? Черт, я же просто набираю текст на компьютере, кому это мешает? Никто и знать не знал бы, если б я помалкивал!

Майк вздохнул.

– Скорее всего, ты прав, но для этих крохоборов главное – буква закона. В смысл они не вдумываются. Найдут, к чему прицепиться, и рады.

– Чтоб их черти взяли!

– Знаешь, о чем я мечтаю? – спросил Майк. – Выиграть в лотерею! Здесь еще много пустых участков. Я бы их все скупил! Не только ради сохранения пейзажей. За каждый участок дают один голос на выборах правления. Эх, у меня, наверное, набралось бы больше голосов, чем у всего поселка! Только не решил еще, на что их потратить: совсем распустить ассоциацию или выбрать себя в председатели и освободить своих друзей от соблюдения правил, а прочих заставить соблюдать устав по всей

строгости!

– Отличный план, – усмехнулся Барри.

– Лотерея проводится по средам и субботам.

– Если что, я твой друг!

– А то. Вот они у меня попляшут! – Майк вернул Барри письмо.

– А мне-то пока что делать?

Майк посерьезнел.

– Да вроде как деваться некуда. Прищучили тебя. – Он замахал рукой. – Только ты меня не особо слушай, я в этих делах не спец! Посоветуйся лучше с юристом каким-нибудь.

– Это уж обязательно.

– Ладно, я к себе, обедать. А то у нас перерыв полчаса, пятнадцать минут уже прошло. Потом еще позвоню!

– Хорошо. Спасибо, Майк!

Джип поехал дальше, а Барри с письмом в руке вернулся в дом.

Как ни странно, Морин послание не очень взволновало. Она согласилась, что глупо запрещать писателю работать за домашним компьютером, однако ход мысли запретителей был ей понятен.

– Не могут же они для тебя одного сделать исключение! Правила общие для всех, их не специально тебе назло придумали. Обидно, конечно, что ты попал под общую гребенку, но вряд ли это намеренно. За такие штуки их бы давно засудили. Пусть устав дурацкий, они стараются применять его беспристрастно.

– Господи боже…

– Неприятно, что тут скажешь, но мир от этого не рухнет.

– Спасибо за поддержку!

– Я хочу сказать – может, и неплохо снять специальное помещение для работы. Даже с точки зрения налоговой инспекции. Арендную плату можно вычесть из общей суммы дохода…

– Не в этом дело!

– Я понимаю. Просто у нас в последнее время доходы растут, а производственных затрат в твоей профессии практически никаких. Потому в прошлом году с нас такой зверский налог и содрали. А если ты снимешь офис…

– Хватит меня успокаивать! Я в бешенстве, и, черт возьми, у меня есть для этого все основания! Прекращай заливать, якобы все к лучшему!

Губы Морин плотно сжались.

– Будь я пенсионером, хоть целый день сиди, строчи идиотские письма в газеты, никакого нарушения! А если я за то

же самое деньги получаю, сразу вдруг оказывается, что я страх какой нарушитель устава. И я же еще и радоваться должен?

Вдруг Барри выхватил письмо из рук жены и снова пробежал его глазами.

– Кстати, а почему речь только обо мне? Не я один дома работаю!

– И что? Побежишь на меня жаловаться?

– Нет, конечно!

– Тогда к чему ты это сейчас сказал?

– К тому, что правила не для всех одинаковые. Ко мне придираются.

– И что ты сделаешь? В суд на них подашь?

– Пригрожу, по крайней мере. Ты права, тут есть юридическая зацепка. Может, если правильно разыграть свои карты, для меня и сделают исключение.

По просьбе Барри Морин позвонила своему знакомому из правления, Чаку Шею, и попробовала осторожно разведать, нельзя ли как-нибудь спустить дело на тормозах. Увы, по словам Чака, правила ассоциации соблюдаются жестко и непреложно. Допускались только исключения, оговоренные в уставе: риелторская и бухгалтерская работа, – причем встречаться с клиентами на дому не разрешали, дозволялось только ведение документации. Потому о Морин и не упоминали в письме. Барри оказался первым писателем в Бонита-Висте. Возможно, в будущем в устав внесут поправки касательно литературной деятельности; вопрос нужно будет поставить на голосование в сентябре, на ежегодном отчетно-выборном собрании. А до тех пор Чак советовал подчиниться требованиям правления.

– Вот видишь, никаких придирок лично к тебе, – заметила Морин, положив трубку.

В ее голосе Барри явственно расслышал торжествующие нотки.

Да нет, это уже паранойя! Он просто злится на нее, причем совершенно напрасно.

Барри отправился на кухню – выпить и успокоиться, пока не наговорил лишнего.

Потом он позвонил Рэю. Тот, как и Майк, считал, что деятели из правления, изображая сочувствие и для виду предлагая помощь, втайне злорадствуют.

– Может, посоветоваться с юристом? – спросил Барри и буквально почувствовал, как на другом конце провода Рэй пожал плечами.

– С моей точки зрения, только деньги зря выбросишь. Устав уже столько раз оспаривали в суде, что и не сосчитать, и всегда

неудачно. Попробуй сам пройтись по нему частым гребнем, вдруг отыщется какая-нибудь лазейка. Хотя вряд ли.

– А если я просто никак не буду реагировать?

Рэй угрюмо хмыкнул.

– Ну, тогда получишь по полной программе. Сначала тебя оштрафуют. Штрафы будут расти, как снежный ком, вовек не расплатишься. А потом они подключат юристов и наложат арест на твой участок…

– Они имеют на это право?

– О да.

– Ты по собственному опыту знаешь?

– Со мной такого пока не случалось. Кое с кем среди знакомых. И это крайне неприятно, можешь мне поверить. Если не найдешь лазейки в правилах и не сумеешь уболтать кого-нибудь из правления, мой тебе совет – начинай присматривать себе помещение для работы.

Барри немедленно засел штудировать устав. Поздно вечером, так и не добившись никаких результатов, он позвонил Майку. Тот позвонил еще какому-то своему знакомому, который знал кого-то в правлении. Хотя устав не предусматривал исключений, Барри надеялся все-таки добиться поблажки.

Не вышло.

Спать он лег злой и расстроенный и сказал Морин, что никогда в жизни не поселился бы в Бонита-Висте, несмотря на красоты пейзажа, если бы знал, что не сможет работать в собственном доме, на собственном участке. В этом же был весь смысл переезда! Жаль, они столько денег в него вбухали, а иначе он, Барри, не задумываясь, выставил бы проклятый коттедж на продажу, и только бы их видели в этом злосчастном штате Юта!

Морин не стала спорить, промолчала. Они уснули, отодвинувшись на разные стороны кровати, так, чтобы не касаться друг друга.

Утром Барри еще раз попытался продраться через хитросплетения устава в слабой надежде, что утро вечера мудренее, но сейчас правила показались ему еще более железобетонными, чем накануне.

Морин, проходя мимо, тронула его за плечо.

– Нашел что-нибудь?

Барри сжал ее руку. Вчерашняя невысказанная враждебность уже забылась.

– Пока глухо.

– И что будем делать?

– Ох, не знаю…

Барри хотел позвонить своему другу Джереми – тот был юристом. Но, как следует обдумав слова Рэя, решил пока воздержаться.

Что-то подсказывало, что скоро ему понадобится очень много юридических советов.

Отложив толстую брошюру, Барри уставился на деревья за окном. Не устроить ли рабочий кабинет на складе, где хранятся их вещи?.. Он съездил в Корбан проверить – как и следовало ожидать, небольшое помещение было плотно забито коробками, лишней мебелью и прочим барахлом, которое не поместилось в доме. По дороге к выходу Барри остановился у прилавка и спросил пожилого служащего, можно ли снять еще один бокс и пользоваться им для работы.

Старик пожал плечами.

– Вроде законом не запрещено. Только дверь придется запирать. По правилам двери открываются лишь на время погрузки-разгрузки. И света внутри нет, и вообще электропроводки. А летом бывает довольно жарко… – Он сощурился, будто представляя себе зрительно внутренность склада, и покачал головой. – Нет, вряд ли получится. Хотя идея неплохая. Сдавать складские помещения под офисы… На этом можно здорово нажиться. Не у нас, в Корбане, а может, в Сент-Джордже или в Сидар-Сити…

Барри сказал:

– Извините за беспокойство, – и ушел.

Он немного посидел в машине, задумчиво глядя в пыльное ветровое стекло. По сути, оставалось только одно. Барри поехал в риелторскую контору и спросил, заглянув в дверь трейлера:

– Дорис на месте?

Худая женщина за столом у входа крикнула:

– Босс!

Из-за перегородки высунулось знакомое лицо. При виде Барри Дорис просияла улыбкой:

– Приве-ет! Как дела?

– Нормально.

– Одну минуточку, я факс покупателю отправлю. Присаживайтесь пока за мой стол или…

– Ничего, я постою.

– Я сейчас!

Барри едва успел окинуть взглядом контору – фотография Патрика Бьюкенена[7] с автографом в рамке на столе, на стенах любительские картины с изображением рыб и разнообразных животных, – как Дорис вышла из комнаты для совещаний.

– Прошу прощения… Вы по делу или так, пообщаться?

– Э-э… по делу, – слегка растерялся Барри.

– Шучу! И как вам в Бонита-Висте?

– Очень нравится.

– Проблем, сложностей нет? Ассоциация домовладельцев не беспокоит? – улыбнулась Дорис.

– Ну-у…

– Уж извините, что сразу не предупредили, но что делать – такая работа.

– Я, в общем-то, как раз из-за этого и пришел.

– Чем могу помочь? – любезно осведомилась Дорис.

– Мне нужно помещение для писательской работы. Ассоциация запрещает работать на дому – говорят, не положено по уставу. Не могли бы вы подыскать небольшую комнату, что-нибудь вроде кабинета…

Дорис положила ладонь ему на локоть.

– Ах, у меня есть то, что вам требуется! Комната позади кафетерия. Представьте, раньше там был музей чайников! Старик Пруитт был в наших краях крупным землевладельцем, а его жена коллекционировала заварочные чайники. Старинные, фарфоровые, из России, со всего света. И вот ей взбрело в голову устроить музей. Не знаю, откуда она думала брать посетителей. Туристы к нам валом не валят, а местные жители стариной не особо интересуются. Да если бы даже интересовались, за два дня весь город успел бы ознакомиться с экспозицией. Но старик Пруитт купил специально для нее здание, и она возилась со своим музеем, пока не умерла. В восьмидесятых годах это случилось, и с тех пор здание пустует. Хотите посмотреть?

– Покупать я не собираюсь, – предупредил Барри. – Только снимать.

– Зайчик, так я об этом и говорю! Берт, хозяин кафе, купил зданьице у старика Пруитта на случай, если понадобится расширить кафе, или добавить парковочную площадку, или еще что. Небось уже и забыл о нем, а тут такая возможность – заработать денежек ни за что… Наверняка он нам не откажет. – Дорис, жизнерадостно улыбаясь, достала из ящика стола связку ключей. – Пойдем к Берту, побеседуем.

Кафе находилось в соседнем квартале, но Дорис все равно захотела взять машину. Барри покорно сел в ее «Бьюик», хотя и подозревал извечный риелторский трюк: лишить клиента возможности удрать, пока она сама его не отпустит. Они явно неспроста поехали не по шоссе, а по узкой грунтовой дороге; зато Дорис успела вкратце рассказать о причудах Берта и предупредить, чтобы Барри помалкивал, – она сама поговорит с владельцем кафе.

Время завтрака давно прошло, а время обеда еще не настало. Единственный посетитель, унылого вида старикан, сидя за стойкой, жевал яичницу с гренками. Дорис помахала молоденькой официантке:

– Лорелин! Папа здесь?

– Секунду!

Девочка скрылась на кухне и через минуту вернулась с невысоким, коротко стриженным человечком. Он на ходу вытирал руки полотенцем.

– Берт! – окликнула Дорис.

Владелец кафе, не меняя выражения лица, кивнул:

– День добрый.

– Тут один человек хотел бы снять у вас музей чайников.

– Чего? – непритворно изумился хозяин кафе.

– Я думала, вы не прочь заработать лишние денежки.

– Это само собой.

– Ну так познакомьтесь, мистер Уэлч – писатель, живет в Бонита-Висте. Ассоциация домовладельцев не разрешает ему работать на дому, так что он ищет место, где можно устроить рабочий кабинет и писать книги. У вас вроде тот бывший музей пустует, и я подумала, может, вы договоритесь.

Она снова фамильярно тронула Барри за руку, а на его удивленный взгляд ответила игривой улыбкой. При Морин риелторша не вела себя так развязно. Барри стало неловко. Надо было взять с собой Мо… Он поскорее отвел глаза.

– А какую сумму вы имеете в виду? – Вопрос был адресован Дорис.

О сумме оплаты речь пока вообще не шла. Барри поторопился вмешаться, пока Дорис не назвала от его имени слишком большую цифру.

– Может быть, сначала посмотрим помещение?

– Замечательно! – радостно согласилась Дорис и тут же обратила всю яркость своей улыбки на Берта. – А Лорелин пока тут похозяйничает, вы не против?

Берт что-то невнятно буркнул, но полотенце отложил.

– Не волнуйся, папочка! – улыбнулась Лорелин, кивая на старичка у стойки. – Я как-нибудь справлюсь с наплывом посетителей!

Берт провел их через кухню и заднюю дверь на улицу.

Зданьице и впрямь оказалось миниатюрным – размером примерно с хозяйскую спальню в доме Барри и Морин. Зато здесь были окна, полки и электрические розетки, а главное – крошечная уборная. Вода и электричество были пока отключены, и Берт сказал, что за них придется платить отдельно. Огромный

вирджинский тополь закрывал домик от солнца, а позади, с противоположной от кафе стороны, простирался зеленый луг. За лугом виднелся лес и дальше линия холмов.

– Так сколько все это потянет? – спросил Берт.

Барри уже открыл рот, чтобы сказать, что готов платить сто долларов в месяц, плюс водопровод и электричество, но Дорис его перебила:

– Пятьдесят в месяц.

Ее решительная интонация как бы давала понять, что предложение окончательное и обсуждению не подлежит. Дорис неторопливо обошла комнату.

– Здесь еще требуется серьезный ремонт, да и мистеру Уэлчу нужен только минимум удобств. Он писатель, а не адвокат и не врач, которым необходимо помещение с отделкой по первому разряду.

Берт кивнул:

– Справедливо.

Дорис пожала ему руку.

– Спасибо, Берт! Сейчас мы с мистером Уэлчем вернемся в офис, я вам потом сообщу о нашем решении. Если все будет нормально, я подготовлю документы, и оформим договор.

– Я могу вас вышибить в любой момент, – предупредил Берт. – Я этот участок специально купил, на случай, если буду расширять кафе или там парковку добавлять. В общем, если что, вы отсюда вылетите за милую душу.

Барри кивнул:

– Понимаю.

– Вот и отлично.

В машине Дорис расхохоталась.

– Вышибет он вас!.. С ума сойти. Старина Берт, наверное, и думать забыл про это строение, пока мы ему не напомнили.

– Спасибо, что вмешались, – отозвался Барри. – Я собирался предложить сотню.

– Я так и подумала, – улыбнулась Дорис. – Не хотелось, чтобы вы сделали глупость себе во вред. Хотя мои комиссионные вышли бы побольше…

– Я пока еще не могу дать окончательный ответ, – заметил Барри. – Нужно позвонить жене.

– Зачем звонить? Привозите ее сюда! Посмотрите вместе помещение, посоветуетесь. Эта хибарка никуда не убежит. И никаких планов на ее счет у Берта нет, он просто важность на себя напускает. На самом деле вы для него – подарок судьбы. Так что не спешите.

– Спасибо.

Дорис подмигнула.

– Я просто делаю свою работу, зайчик, только и всего.

В каком-то смысле ассоциация домовладельцев оказала Барри услугу.

Хоть ему страшно не хотелось в этом признаваться даже самому себе, работа вне дома пошла на пользу и книге, и его собственной жизни. Оказалось неожиданно приятно проводить день в городе, знакомиться с колоритными местными обитателями и ощущать себя частью повседневной жизни Корбана. Роман наконец сдвинулся с мертвой точки, обрел глубину, фактурность и реализм. По сравнению с прошлыми текстами он выходил не таким индивидуалистическим, стал ближе и понятней среднему читателю.

Барри мрачно усмехнулся. Может, поместить в конце благодарность ассоциации?

Дятел в красной шапочке вылетел из кроны тополя и скрылся под застрехой кафе. День был жаркий, вовсю стрекотали цикады, заглушая гудение компьютера и прочие обыденные звуки. В тени густой листвы температура в комнате оставалась приятно умеренной, а за окном воздух над дорогой мерцал от жары. Наверняка на солнцепеке можно поджариться.

Барри сохранил написанное, выключил компьютер и покрутился на вертящемся стуле. Собственный офис… А ведь приятно! У Рэя Брэдбери был специальный офис для работы и у других известных писателей тоже.

Чувствуешь себя как-то более солидно, более профессионально. И с Морин они стали лучше ладить, с тех пор как не толклись больше в доме целый день, действуя друг другу на нервы.

И компьютер больше не надо делить.

Барри взглянул на часы. Скоро полдень – впрочем, желудок и так уже настойчиво сообщал об этом. Писатель взял со стола бумажник, запер дверь и отправился в кафе.

Он завел привычку перекусывать здесь, вместо того чтобы ездить домой обедать или привозить еду с собой. В кафе можно пообщаться со знакомыми, да и кормят неплохо. И домохозяину лишний приработок добавить не вредно – может, он тогда два раза подумает, прежде чем повышать арендную плату, или при случае согласится задаром отремонтировать протекающую крышу.

Открыв матовую стеклянную дверь, Барри с удовольствием окунулся в кондиционированную прохладу общего зала. Кафе уже начало заполняться посетителями, но привычный столик, ближе к

туалетам, еще пустовал. Барри помахал рукой, здороваясь с Лорелин, взял с прилавка меню и уселся.

Придя сюда обедать впервые, он чувствовал себя довольно неловко. Барри был из тех людей, кому неуютно в одиночку в общественном месте – в ресторане или в кинотеатре. Кажется, будто все на тебя уставились. Умом Барри понимал, что на самом деле ничего подобного нет, и все-таки искушение сбежать и пожевать что-нибудь прямо в офисе было велико. Однако он преодолел себя, сел за стойку и сделал заказ. И успешно справился с обедом, хотя и не без внутренних терзаний.

На следующий день Барри повторил свой подвиг. Он плохо умел внедряться в уже сложившиеся компании, но, к счастью, ему помог Берт. Барри сидел за стойкой с чизбургером, притворяясь, будто редактирует рукопись, а за спиной у него двое завсегдатаев обсуждали показанный накануне по телевизору фильм ужасов с участием Уильяма Шатнера, «Царство пауков». Фильм снимался в Кэмп-Верде, в штате Аризона. Один из собеседников, родом из тех мест, ругательски ругал создателей фильма за топографические неточности. Мол, в одной сцене главный герой едет на машине, якобы направляясь к некоему ранчо, а на самом деле – удаляясь от него, и вообще в фильме город выглядит совершенно не так, как в действительности.

– Пусть бы еще просто все переделали для фильма, так ведь они утверждают, что это и есть Кэмп-Верде, а не какой-нибудь там выдуманный городок! – возмущался он.

– Вот этот парень – писатель, тоже сочиняет похожие истории, – заметил из-за стойки Берт, кивая в сторону Барри. – Может, он знает, почему такие штуки делают.

Прежде постоянные посетители на Барри даже не смотрели, будто его здесь нет, а тут все разом обернулись. Один старикан даже вытащил из нагрудного кармана очки и нацепил на нос, чтобы лучше видеть.

– Я сдал ему тот старый музей во дворе, – продолжал Берт с некоторой гордостью. – Он там книжки пишет.

Старик, возмущавшийся по поводу фильма, поинтересовался, прищурившись:

– Вы знаменитый писатель?

Барри засмеялся.

– Не знаю, насколько знаменитый, но на жизнь зарабатываю.

– А как вас зовут? – спросил еще кто-то.

– Барри Уэлч.

Все принялись качать головами, а один заметил:

– Не слыхал о таком.

Доморощенный кинокритик отодвинул стул и, подойдя к

стойке, протянул руку:

– Хэнк Джонсон. Рад познакомиться.

Барри с улыбкой ответил на рукопожатие.

– Я тоже.

– Вот скажите, вы, как писатель, стали бы такое делать в своей книге? Разводить откровенное вранье о настоящем городе?

– Писательство – сплошное вранье, – пожал плечами Барри. – Мы выдумываем сюжет, а если с ним связана реальная местность или упоминаются реальные события, мы меняем их так, как требуется для книги. Действительность для нас не имеет значения.

Хэнк закивал.

– Это понятно. Бесит меня ужас как. Но понять можно.

– Мой вам совет: если ищете реализм, не смотрите «Царство пауков».

Старик отозвался, посмеиваясь:

– А ты, сынок, парень что надо. Садись-ка к нам, поедим, побалакаем. У меня куча вопросов, а как-то неуютно разговаривать, когда Берт стоит над душою.

– Эй! – прорычал Берт.

Барри с тарелкой и стаканом пересел за столик Хэнка.

С тех пор в кафе он сделался своим, и это тоже было одним из плюсов работы вне дома. Приятно было ощущать себя частью обычного мира трудяг, а не загадочным и надменным затворником из элитного поселка на холме.

Подошла Лорелин. Барри заказал сэндвич с курицей и кока-колу. Потом кивнул Джо и Лайлу за соседним столиком.

– А где Хэнк?

– В нужнике, – бесхитростно ответил Джо.

Тут подошел и сам Хэнк, вытирая руки о штаны.

– Здоров, сынок! Жарень сегодня?

– У меня в хибарке температура нормальная.

– Везет некоторым!

Хэнк уселся на свое привычное место за соседним столиком и помахал Лорелин, чтобы несла еще чая со льдом.

Лайл заметил, кашлянув:

– Еще одного пса вчера отравили.

– Да ты что?

– Лабрадор Билла Спенсера. Они его привязывают на ночь во дворе. Лежал мордой в свою миску. Сегодня Гузман будет делать вскрытие.

Хэнк задумчиво покачал головой.

– Не люблю я этого Гузмана. Если кто из зверей или скотины захворает, всегда к Райану хожу.

– Угу, но Гузман определит, из-за чего пес подох.

– Отчего подох, мы и так знаем, а толку? Сколько в этом году, четыре собаки?

– Вроде того.

– Если добавить кошек Абилины, всего получается шесть, – вмешался Джо.

– А я и не слышал, – сказал Барри.

– Да уж давно это безобразие творится, – кивнул Хэнк. – Не так чтобы постоянно, однако месяц-два пройдет, обязательно у кого-нибудь собаку отравят. И всегда ночью. И так-то плохо, когда любимая зверюга подохнет, а когда их детишки находят, вот как дочки Уильямсона… – Хэнк вздохнул. – Неправильно это.

– А тот засранец Хитмэн и не почешется.

– Хитмэн! – фыркнул Хэнк. – Вот бы кого линчевать.

Барри засмеялся и тут же умолк, поняв, что смеется один. Конечно, Хэнк не предлагал всерьез совершить убийство, но чувства за его словами скрывались далеко не шуточные. Барри вдруг почувствовал, насколько он далек от этих людей. Словно из другого мира. Пусть Хэнк, Джо и Лайл общаются с ним по-приятельски, на самом деле он здесь посторонний.

Тут подала голос женщина за дальним столиком:

– Почему шериф не арестует этих уродов?

– Вопрос на шестьдесят четыре тысячи долларов!

– То есть шериф знает, кто этим занимается? – изумился Барри.

– Да все знают.

– И кто?

Лайл посмотрел на него, как на придурочного.

– Ваша ассоциация домовладельцев.

Это было настолько неожиданно, что Барри инстинктивно почувствовал себя виноватым, точно соучастник. Он не сомневался, что все вокруг считают его замешанным в историю с убийствами домашних животных, но быстрый взгляд убедил его, что здесь к нему относятся как к своему – не как к «одному из тех». Нахлынуло облегчение, и все-таки на душе было муторно, словно он каким-то образом предал своих новых друзей.

– Ассоциация домовладельцев…

Лайл кивнул, а Хэнк ответил вслух:

– Всё правда.

Лица посетителей кафе помрачнели.

Барри страшно хотелось возмущенно отмести безумные обвинения, но слишком легко было представить себе, как специальная комиссия по борьбе с домашними животными, облачившись в черное, крадется в ночи по улицам Корбана и

уничтожает собак.

Сразу вспомнилась мертвая кошка в почтовом ящике. И пропавший Барни.

– Зачем им это? – спросил он вслух. – Какой смысл?

Хэнк пожал плечами.

– Хотят подмять город под себя. Присоединить нас к своему маленькому королевству. В Корбане нет городского совета, вот они и решили, что могут тут распоряжаться.

– Только не выйдет! – вмешался Лайл. – Их здесь никто терпеть не будет.

Джо кивнул.

– Ну да, и теперь они стараются силой навязать свои правила. Ассоциация не разрешает держать домашних животных – вот они и убивают наших собак и кошек.

– Потом начнут дома наши красить, проводить уборку во дворах…

– Да на здоровье! – крикнули за столиком ближе к двери. – Пусть бесплатно мне дворик расчистят, я только спасибо скажу!

Послышались смешки, даже Лайл улыбнулся. Шутка разрядила атмосферу, напряжение ушло, и Лорелин наконец принесла Барри кока-колу.

– Сэндвич сейчас будет.

– Надо бы купить такой, знаете, датчик, который реагирует на движение, – задумчиво произнес Джо. – Поставлю на заднем дворе, около конуры Люка. Ночью кто сунется – бац! Зажигается свет, и я выскакиваю из дома с дробовиком.

– А что, хорошая мысль, – одобрил Хэнк. – Неплохо бы всем собачникам так сделать.

– Точно, – поддержал Лайл.

Барри вернулся к себе в офис с тревожным чувством и, хотя сразу уселся за компьютер, почти целый час не мог собраться с мыслями и вновь приступить к работе.

Вечером он закончил позже обычного – было по-летнему светло, и Барри не заметил, как прошло время. А когда приехал домой, Морин еще сидела за работой, по уши в каких-то вычислениях. Она занималась проверкой ведомостей по зарплате для ипотечной компании в Корбане и сразу же объявила, что не успела ничего приготовить и не жаждет разделить с Барри плоды его скудных кулинарных умений, так что пусть он ужинает в одиночестве.

– Да запросто!

Барри разогрел в микроволновке замороженную пиццу и устроился с тарелкой на верхней террасе, любуясь пейзажем. Солнце только-только начало склоняться к изрезанному

каньонами плато.

Отправив тарелку и стакан в посудомоечную машину, Барри сказал, что пойдет размять ноги и, может быть, заглянет к Рэю.

– Передавай от меня привет Лиз! – отозвалась Морин.

– Передам.

На улице еще не стемнело. Все вокруг окутывало рассеянное оранжевое сияние. С вершины холма казалось, будто дом Дайсонов охвачен пожаром – так ярко пылал в окнах отраженный свет заходящего солнца. Рэй, должно быть, издали завидел Барри – когда тот подошел, друг ждал его на крыльце, потягивая пиво.

– Привет тебе, путник! – весело поздоровался Рэй. – Что привело тебя в наши края среди суровых трудовых буден?

– Ассоциация домовладельцев.

Улыбка Рэя погасла. Он мотнул головой, указывая на входную дверь:

– Пойдем внутрь или здесь поговорим?

– Давай лучше здесь. Погода хорошая.

– Выпить хочешь?

Барри покачал головой.

– Только что пообедал.

Рэй со вздохом отхлебнул пива.

– Так что еще случилось?

Барри рассказал о разговоре в кафе, об отравленных домашних животных и о том, что местные винят ассоциацию.

– Как по-твоему, они вправду травят собак и кошек?

Рэй ненадолго задумался.

– Вряд ли, – сказал он наконец. – То есть с них бы сталось, но мне кажется, внешний мир их не интересует. Все, что находится за пределами Бонита-Висты, может провалиться в тартарары, им и дела нет. Лишь бы на территории поселка было тихо-мирно, домики покрашены в положенный цвет, и ничьи автомобили не загораживали проезд.

– Ты же сам говорил, шериф у них на побегушках. Может, они хотят расширить сферу своего влияния? Подчинить себе Корбан?

– Может, – с сомнением отозвался Рэй. – Но Хитмэн идет у них на поводу, только пока дело касается поселка. Пойми, я не защищаю этих уродов, просто я уверен, что их интересы не выходят за рамки нашего маленького мирка. Наших собак и кошек они истребляют, очень даже может быть, но вряд ли станут соваться наружу. – Помолчав, он продолжил: – Им ведь не власть сама по себе нужна, а конкретно власть над Бонита-Вистой. Нормальному человеку трудно это понять. У них какое-то первобытное собственническое отношение к поселку. Вроде это их территория, а все, что вокруг, значения не имеет.

– Земля, на которой построен элитный поселок, излучает особую энергию зла, заставляя обитателей совершать немыслимые жуткие деяния… – Барри усмехнулся. – Похоже на сюжет одного из моих романов.

Рэй ответил без улыбки:

– Точно. Так и есть.

– Да я шучу!

– Я понял.

Рэй, по-прежнему с серьезным лицом, остановился возле угла дома, прихлебывая пиво и глядя на раскинувшийся внизу городок. Сумерки сгущались, и в Корбане один за другим зажигались огни.

Барри уже несколько дней замечал, что Рэй ведет себя странно. Ничего конкретного, просто иногда мелькало неясное ощущение какой-то неправильности. Барри не решался спрашивать, думая, что у Рэя в семье какие-то нелады, но, похоже, дело в другом. Барри кашлянул, подойдя ближе к другу, и осторожно спросил:

– Э-э… случилось что-нибудь?

– Нет.

Барри попробовал пошутить:

– Куда подевался твой вечный оптимизм?

Рэй только рукой махнул, все еще глядя в сторону.

– Да ничего… Устал.

Барри не стал больше давить. Может, и в самом деле ничего не случилось.

Рэй наконец обернулся.

– Лиз хочет устроить еще один вечер. Собрать всех аутсайдеров вроде нас. Вы с женой придете?

– Само собой!

Рэй вздохнул.

– Староват я стал для таких затей. Вот не думал, что такое скажу! Пропади все пропадом, превращаюсь в дряхлого старикашку, которому ничего в жизни не надо, только сидеть на диване и смотреть «Свою игру». Эх, старость не радость… А если тебе кто другое скажет – плюнь ему в глаза.

– Я всегда это знал, – отозвался Барри.

Рэй еще немного помолчал, а затем произнес очень тихо:

– Не надо с ними ссориться. С ассоциацией. Если им дорогу перейти…

– Все-таки что-то случилось! – воскликнул Барри.

– Нет, нет. Могло, но не случилось.

– Значит…

– Одно дело – я, старожил. Меня тут знают и… терпят. А

новичку вроде тебя высовываться не стоит.

– Я не боюсь этих мерзавцев!

– А надо бы.

– Почему?

Рэй снова вздохнул.

– Постарайся с ними не связываться. Если сами сунутся – дерись насмерть. Защищайся всеми средствами. Главное, не нарывайся. Не лезь на рожон, из гордости там или из принципа.

– Я не дурак, – ответил Барри.

На вечеринку они немного опоздали. Когда уже выходили, Морин позвонил расстроенный клиент из Калифорнии – он только что вернулся домой и обнаружил в почтовом ящике извещение из налоговой службы о грядущей аудиторской проверке. Пришлось минут десять его успокаивать и уверять, что бояться нечего, документация за прошедшие пять лет в полном ажуре, и речь идет всего лишь о выборочной инспекции.

– Не волнуйтесь, я с этим разберусь, – сказала Морин под конец.

Еще минут десять она провела за компьютером, просматривая архивы, чтобы убедиться, что все действительно в порядке.

В результате к Дайсонам они добрались с опозданием примерно в полчаса.

Лиз открыла дверь и крепко обняла их обоих.

– Мы уже гадали, что с вами стряслось…

– Задержались в последнюю минуту, – сказала Морин.

Лиз подмигнула.

– Понятно-понятно!

– Что ей понятно? – шепнул Барри по дороге в гостиную. – Она решила, что мы ссорились или трахались?

Морин стукнула его в плечо и сердито нахмурилась, а потом, включив ослепительную улыбку, направилась к чаше с пуншем.

Кто-то крепко, по-мужски хлопнул Барри по спине. Обернувшись, он увидел Фрэнка Ходжеса с банкой «Хайнекена».

– Как дела, друг? Засел в своем музее среди чайников, и не видно тебя…

– Чайников там больше нет. Они уступили место извращенному сексу и насилию.

Фрэнк, от души расхохотавшись, снова хлопнул его по спине.

– Отлично! Так держать! – Он показал на группу гостей у окна. – Знаешь Кенни Толкина?

– Вроде нет.

– О, надо вас познакомить! – Фрэнк потащил приятеля через толпу. – Здесь только у него одного профессия круче твоей. Кенни

у нас карьерный консультант, работает с рок-звездами. Кенни, правильно я говорю?

Высокий седой человек с бокалом красного вина в руке выглядел необыкновенно элегантно, только ярко-синяя повязка на глазу немного портила общую картину. На слова Фрэнка он ответил с улыбкой:

– Я предпочитаю себя называть художественным консультантом.

– Расскажи-ка Барри, чем ты занимаешься.

– Ох, Фрэнк… – рассмеялся Кенни.

– Ну давай, расскажи!

– Я делаю из эстрадных звезд артистов.

Фрэнк подтолкнул Барри локтем:

– Слушай, слушай!

Кенни замахал рукой.

– Да ну, не надо!

– Надо!

– Мне бы очень хотелось послушать, – признался Барри.

– Что ж, если так… – Кенни помолчал, улыбнулся, отпил глоток из бокала. – В карьере успешного певца или музыканта рано или поздно наступает момент, когда ему начинает хотеться, чтобы публика воспринимала его всерьез. Кроме славы и богатства, люди жаждут восхищения критиков. Тут-то и появляюсь я. За возмутительно низкую плату я организую кампанию в прессе, публикацию интервью, прорабатываю тексты песен, чтобы представить своих клиентов как серьезных художников. Журналисты, пишущие о музыке, – самые доверчивые люди на планете. Помню, однажды Курт Кобейн явился на интервью в женском платье, пьяный в дым. Так журналист потом настрочил восторженную статью о том, что Кобейн «бросает вызов гендерным стереотипам». – Кенни весело засмеялся. – В общем, им не так уж сложно заморочить голову и заставить поверить, будто двадцатидвухлетний недоучка ни с того ни с сего начал изрекать глубокие философские мысли о судьбах человечества.

– И как это вам удается? – поинтересовался Барри.

– Секрет фирмы! Я вам подскажу два слова, они очень важны: духовные искания. Испытанный прием, безотказный. Я беру кошмарную чушь, которую сочиняют эти сопляки, добавляю пару намеков на некие высшие силы, потом советую клиентам на полгодика скрыться от общественности и всем говорить, что им требуется «духовная перезарядка». И готово дело! После возвращения критики встречают их с восторгом и громко восхищаются, насколько те выросли в художественном

отношении.

И правда, любопытная профессия. Барри даже не подозревал о такой. Одна из новых специальностей, о которых столько разговоров.

Впрочем, больше всего ему не давал покоя глаз Кенни.

Снова синдром автора ужастиков поднял свою уродливую голову.

Барри невольно то и дело поглядывал на ярко-синюю повязку. Много ли в наши дни встретишь людей, потерявших глаз? И сколько из них носят повязку? Анахронизм какой-то, можно сказать экзотика. Но ведь не спросишь, и вряд ли Фрэнк или Кенни первыми заговорят на такую щекотливую тему.

Да что за черт, может, у этого типа вообще оба глаза на месте? Возможно, среди рок-музыкантов пиратский шик нынче в моде…

Снова Фрэнк от души хлопнул его по спине.

– Барри писатель! Как Стивен Кинг.

– Правда? – заинтересовался Кенни.

– Я пишу романы ужасов, – признался Барри.

– И публикуетесь?

– Иначе не называл бы себя писателем, – улыбнулся Барри. – Собственно говоря, я не стал бы называть себя писателем, если бы не зарабатывал этим на жизнь.

– Вы – редкость! У меня есть знакомые писатели, которые и не пишут ничего.

Барри усмехнулся.

– Я тоже таких встречал.

– А фильмы по вашим книгам снимали?

– Пока нет.

Кенни сказал:

– У меня есть связи в киноиндустрии. Могу замолвить за вас словечко. Если, конечно, вы не против.

– Не хотите сперва прочитать хоть одну мою книгу? А то вдруг я – полный халтурщик?

– В Голливуде творения халтурщиков идут «на ура». Хотя я вас халтурщиком не считаю, – торопливо поправился он.

Барри улыбнулся.

– Да я не обижаюсь.

– К тому же Фрэнк и Рэй за вас ручаются, с меня этого довольно. Я всегда рад помочь другу-изгою.

Фрэнк так и сиял.

Барри показалось странным, что человек со связями в мире эстрады и кино поселился здесь, в медвежьем углу. Правда, кто бы говорил – он и сам, будучи романистом, сбежал сюда из

Калифорнии. Не ему судить о том, какого рода людей привлекает Бонита-Виста. И вновь он подумал о повязке на глазу. Быть может, Кенни Толкин вроде Нормана Маклина – человек из сельской местности и с бурным прошлым. Тоже вполне себе объяснение, не хуже всякого другого.

– Знаете, – сказал Фрэнк, – с такими двумя талантами в наших рядах можно быстренько поставить на колени эту тухлую ассоциацию.

– У тебя проблемы с ассоциацией домовладельцев? – Кенни подчеркнул голосом легкую брезгливость на слове «ассоциация».

– Пожалуй. Вчера пришло извещение, что я обязан заново покрасить карниз. Я весь дом красил в прошлом году, а их инспектор, видите ли, нашел крошечные пятнышки облупившейся краски с южной стороны – там, где солнце. Теперь мне то ли надо искать здоровенную лестницу и с риском для жизни лезть на крышу, то ли выкладывать кучу баксов бригаде маляров.

Кенни покачал головой.

– Как знакомо! Прошлой осенью я получил извещение: мне велели заново положить асфальтовое покрытие на подъездную дорожку. А я всего месяц как ее заасфальтировал!

– И как ты, послушался?

– Черта с два! Отмыл дорожку из садового шланга, чтобы блестела как новенькая, и позвонил в правление – сделано, мол. Пока все тихо.

– Может, и мне им так отрапортовать? – обрадовался Фрэнк. – Пусть лишний раз слазают, проверят. А уж потом я перекрашу.

Все засмеялись.

Барри рассказал, как ему прислали требование покрасить колпак над дымовой трубой и очистить участок от сосновых шишек.

– Одна чертова шишка на земле валялась. Одна! И из-за такой ерунды они присылают письменное извещение?

– А колпак-то на трубе перекрасил?

– Нанял мастера. Некий Том Петерман – он даже сам не приехал, сына прислал. С задержкой на неделю.

– Приготовься, на следующий год придется все переделывать, – мрачно заметил Фрэнк. – Мне карнизы тоже Петерман красил.

Кенни хмыкнул.

– Добро пожаловать в американскую глубинку!

Понемногу вокруг них начали скапливаться другие гости. У каждого находилось что вспомнить о своих стычках с правлением и о последующей капитуляции. Как и в прошлый раз, скоро все по очереди принялись рассказывать о наболевшем. Всех этих людей

объединяла ненависть к ассоциации. Быть может, потому они и сдружились с Лиз и Рэем. Барри всегда инстинктивно побаивался всяческих группировок. Не было в нем духа коллективизма. Однако сейчас его неожиданно воодушевило сознание общности с другими. Вроде легче, если знаешь, что кто-то еще чувствует то же, что и ты.

Главную сенсацию вечера объявил Грег Дэвидсон.

– Мы уезжаем, – сказал он, обняв за талию свою жену Вайнону. – Нам больше не по средствам жить в Бонита-Висте.

Дэвидсоны весь вечер помалкивали, не выказывая интереса к разоблачительным речам в адрес ассоциации. Это было необычно. Барри не успел близко познакомиться с Грегом, но, по его впечатлениям от предыдущей встречи у Дайсонов, тот высказывался всегда откровенно.

Майк Стюарт положил руку Грегу на плечо.

– Что случилось?

Тот обвел взглядом собравшихся, стараясь никому не смотреть в глаза.

– Ассоциация. Они уже давно к нам прицепились… И мы уже не в силах продолжать борьбу.

Голос у него слегка дрожал, как будто Грег вот-вот заплачет.

– Ворота, – пояснила Вайнона.

Барри удивился.

– Вы не можете остаться в поселке из-за ворот?

– Их специально установили, чтобы нас выжить.

Майк покачал головой.

– Ну, это вряд ли…

– Нет, вы послушайте! – Грег глубоко вздохнул. – На прошлом отчетно-выборном собрании мы голосовали против правления. Мы понимали, что рискуем, но просто сил больше не было прогибаться под них.

Вокруг понимающе закивали, однако Грег, должно быть, заметил недоумение на лице Барри.

– Вы здесь люди новые, ни разу еще не участвовали в выборах правления. Точнее, в том фарсе, который они называют выборами.

– Не приходилось, – отозвался Барри.

– Выборы проводят во время ежегодного собрания на День труда. Тебе дают бюллетень, на котором напечатаны имена всех нынешних членов правления. Против каждой фамилии – квадратик с подписью «Одобрить». И все. Нет других кандидатов, нет пустой строчки, где можно вписать своего кандидата, нет даже квадратика «Не одобрить». Единственное, что ты можешь – утвердить существующий состав правления.

– Именно так, – кивнул Майк.

– Вообще непонятно, кому нужен этот балаган. Подозреваю, в каком-нибудь законе прописано, что ассоциация домовладельцев обязана ежегодно устраивать отчетно-выборное собрание, вот они и создают видимость. А мне наконец надоело одобрять и поддерживать этих засранцев. Раньше мы с женой просто выбрасывали свои бюллетени. На этот раз я нарисовал рядом с каждым «Одобрить» свой собственный квадратик и вписал: «Отстранить». Ясное дело, им это не понравилось. Я получил угрожающее письмо с требованием прекратить клеветнические действия в адрес правления. Написал ответ: мол, ни один закон не запрещает мне говорить о правлении все, что я захочу, а попытку провести честные выборы нельзя классифицировать как клеветнические действия.

– Тогда они установили ворота, – подхватила Вайнона.

Грег кивнул.

– Тогда они установили ворота. Не сразу. Пару месяцев спустя. Но мы-то поняли, что к чему.

Барри оглянулся на Морин. Она недоуменно хмурилась.

– Простите, – сказал Барри. – Не вижу связи.

Грег смущенно обвел взглядом гостей.

– На самом деле жить в Бонита-Висте нам не совсем по средствам. Нам здесь очень понравилось, поэтому мы все-таки купили участок и кое-как держались, путем строгой экономии и разных ухищрений, однако в правлении знали, что мы висим на волоске. Вот и решили… чуточку сдвинуть равновесие, не в нашу пользу. Свой любимый способ – придраться к какой-нибудь ерунде – они использовать не могли. Мы не нарушали ни единого правила. И вот полгода назад они объявили Бонита-Висту охраняемым поселком. – Грег выставил перед собой ладонь. – Знаю-знаю, они называли совсем другие причины. Кто знает, может, отчасти это и правда. Охрана действительно помогает бороться с городскими хулиганами и так далее, но уж очень вовремя они все это провернули. Их главная цель – увеличить стоимость домов в поселке и, соответственно, повысить налог на недвижимость. Они знали, что повышенный налог нам не осилить.

– И?..

– Мы получили налоговую квитанцию от ипотечной компании, – вздохнула Вайнона. – За нами числится долг, которого нам не оплатить, хоть сдохни. Мы и так по уши в долгах.

– Морин – налоговый консультант, – заметил Майк. – Может, она согласилась бы проглядеть вашу бухгалтерию. Вдруг найдется

какая-нибудь лазейка…

– Ну конечно! – подхватила Морин. – С радостью.

Грег болезненно улыбнулся.

– Спасибо, но лучше не надо. Мы знаем, что проиграли. Нет смысла назло правлению закапывать себя еще глубже. Игра окончена, остается только поджать хвост и уматывать из Бонита-Висты как можно дальше.

– А как же твоя работа? – спросил Майк.

– Я увольняюсь. Мы продадим дом, переедем в Аризону и начнем все заново. Мой брат живет в Финиксе, обещал найти мне работу в компании «Моторола». – Грег посмотрел в окно. – Я родился в Корбане. Вайнона тоже. С детства у меня была одна мечта: купить дом в Бонита-Висте. Мне казалось, что это рай. Стоит только попасть туда, и все будет хорошо. Счастье навек. А на самом деле тут настоящий гадюшник. – Он снова повернулся к гостям. – Вы, ребята, все классные, но большинство в поселке…

Грег не договорил, только головой покачал.

В комнату зашел Рэй. Он уже час как где-то пропадал, однако кое-что, как видно, все-таки услышал. Столь же очевидно, он успел как следует принять на грудь.

– Да пошло оно на хер, это правление! – крикнул Рэй, выйдя на середину. – Пусть поцелуют меня в задницу!

Раздались одобрительные возгласы:

– Ага!

– Точно!

– Так им и скажи!

– Никуда вы не поедете! – сказал Рэй, обернувшись к Дэвидсонам. – Как-нибудь скинемся вам на этот чертов налог. Да если надо, я сам его заплачу! – Он с пьяной нежностью закинул руку Грегу на плечи. – Не поддадимся мерзавцам!

Грег и Вайнона замотали головой.

– Я не могу этого позволить, – твердо заявил Грег. – Мы уже всё решили. Уезжаем. Хватит с нас здешних радостей.

Но Рэй разошелся вовсю.

– Гражданское неповиновение – вот как с ними надо бороться! Если все откажутся подчиняться произволу, правлению некуда будет деваться.

– В поселке не мы одни живем, – напомнил Майк.

– Тогда надерем им задницы! Я одного такого долбодятла скинул с крыльца, так он мигом хвост поджал. Удрал, размазывая сопли. Все они трусы поганые! Соберем настоящих мужиков, у кого кое-что есть в штанах, и накостыляем этим уродам из правления!

– Да! – поддержал Фрэнк.

Шумели до полуночи. Домой Барри вернулся в приподнятом настроении, несмотря на печальный рассказ Дэвидсонов. Рэй и подвыпившие гости напридумывали массу безумных способов досадить ассоциации, но общий дух бунтовщичества внушал надежду.

Они с Морин уже больше недели не занимались любовью, однако этой ночью всё наверстали. Такие марафоны они устраивали, наверное, только в первое время после свадьбы. В конце концов Барри заснул, уставший до предела. Во сне к нему на распродажу явился Нил Кэмпбелл с поджатыми губами и планшетом. Барри отлупил его так, что пух и перья летели.

Проснувшись, Морин обнаружила, что ей нечем заняться.

Такое состояние было ей в новинку, и она плохо представляла, как себя вести. Трудоголиком она не была, но и бездельничать не любила. Барри спокойно мог просидеть целый день, созерцая свой пуп, а Морин так не умела. Она привыкла каждый день ходить на работу к определенному времени и проводить там столько-то часов. Даже на выходные и отпуск всегда составляла план заранее.

На новом месте она пока набрала работы недостаточно, чтобы занять свое время с утра до вечера. Понимая это заранее, Морин уговаривала себя не торопиться, хотя тянуть время тоже было не по ней. Она выполнила работу, как обычно – быстро и качественно. Скоро у калифорнийских клиентов наступит конец фискального года, недели через две ее завалят работой, так что поспать будет некогда… А пока заняться совершенно нечем, даже в саду. Вчера она полила клумбы, выполола сорняки, обрезала засохшие цветы и внесла подкормку. Больше делать нечего, разве что дом заново покрасить.

Морин села на постели и, сбросив одеяло, посмотрела на свой плоский живот. Они с Барри часто говорили о том, что неплохо бы завести детей. Да уж, тогда некогда было бы скучать!

Ей стало стыдно за саму мысль о том, чтобы родить ребенка по такой эгоистичной причине. Совсем как ее знакомые бухгалтерши, которые старались подгадать дату рождения ребенка так, чтобы получить самые выгодные налоговые льготы.

Морин вздохнула. Когда Барри работал дома, всегда было с кем поболтать. А сейчас она на целый день остается одна.

Может, съездить к нему в город, пообедать вместе? Было бы весело. А на обратном пути заглянуть к Лиз или к Тине Стюарт – она давно приглашала зайти, полюбоваться на новые розовые кусты.

Морин повеселела. Все-таки есть занятия! Тоска, минуту

назад грозившая затопить ее с головой, развеялась без следа. На смену ей пришла куда более привычная бодрая целеустремленность.

За завтраком, слушая по радио передачу Говарда Стерна – у них замечательно ловилась радиостанция из Лас-Вегаса, – Морин решила начать утро с небольшой разминки. В будний день на теннисном корте наверняка никого нет. Можно с толком использовать свободное время, потренировать подачу – кстати, и для фигуры полезно. Потом она примет душ, соберет обед и устроит Барри сюрприз. Может, они даже съездят куда-нибудь на природу. Устроят пикник.

Морин сбросила только что натянутые джинсы, переоделась в шорты и, прихватив ракетку и тубу с мячами, трусцой побежала по дороге, ведущей к теннисным кортам.

Как она и надеялась, безлюдные корты оказались в ее полном распоряжении. Морин выбрала левый, ближе к деревьям, и приступила к тренировке. Переходя из угла в угол, она старалась подавать мячи как можно ближе к противоположному краю площадки. Подача была у Морин слабым местом. Если чуточку подтянуть ее, может, получится наконец обыграть Барри.

По улице с ревом промчался красный «Мустанг» и затормозил, разбрызгивая гравий, на небольшой стоянке рядом с кортами.

За тонированными стеклами гремел тяжелый рок. Из машины выскочили двое подростков с ракетками в руках – один белобрысый, другой темненький, оба нечесаные и какие-то развинченные. Морин поскорее отвела глаза. Не хотелось встречаться с ними взглядом. Она продолжила тренировку, решив не обращать внимания на посторонних.

Это оказалось не так-то легко.

Мальчишки принесли с собой несколько коробок с мячами, но Морин заметила краем глаза, что они не играют, а просто перекидываются одним и тем же мячом, не вкладывая силы в удар и больше интересуясь предметом своей беседы – весьма недвусмысленного и явно преувеличенного обсуждения собственных подвигов на ниве секса. Беседа становилась все громче и громче.

Так и тянуло их одернуть, сказать, чтобы говорили потише или отправились общаться куда-нибудь в другое место, но судя по всему, эти детишки за словом в карман бы не полезли, а затевать перебранку с хулиганьем не хотелось. Проще не обращать внимания.

Они, словно почуяв, еще повысили голос.

– Слышь, у той телки такая вонючая дырка была, прям как будто она оттуда срет, прикинь?

– А, знаю, у меня тоже такие бывали.

– Ну что делать, я все равно ее вылизал. Дыхание только задержал, и вперед.

Второй понимающе загоготал.

Морин, подобрав мячик, будто случайно глянула на соседний корт и очень удивилась, обнаружив, что парни, не скрываясь, смотрят в ее сторону.

– А я слыхал, у калифорнийских баб писькы прям золотые, – заметил белобрысый. – И сладкие, как мед.

От его улыбочки срочно захотелось в душ. Морин отвернулась, тихо радуясь, что на столбе над кортом укреплена камера видеонаблюдения. Собрать бы вещи и уйти, но тогда сопляки будут злорадствовать, что напугали ее. Морин, подобрав мячи, перешла в дальний угол площадки и продолжила тренировку.

Мяч влепился в сетку. Морин подошла его поднять, и тут прилетевший с соседнего корта мячик угодил ей пониже спины.

– Эй! – крикнула Морин, выпрямляясь. – Смотреть надо, куда бьете!

Черноволосый заржал, и она сообразила, что удар, скорее всего, был прицельный.

Как только она отвернулась, прилетели еще два мяча. Один просвистел у виска, так что щеку обдало ветерком, а другой звонко шмякнулся о ее голую ногу ниже колена. Больно было зверски. Наверняка потом опухнет.

Морин в ярости подобрала мяч и, размахнувшись ракеткой, отправила его через ограждение. Собиралась и второй мяч зашвырнуть туда же, но не успела до него дойти, как еще два мяча больно стукнули ее по заду.

Ну всё! Она уходит, а если поганцы попробуют ее остановить, она так врежет ракеткой по самодовольной роже, что только брызги полетят. Морин схватила тубу, стоявшую у забора, и принялась собирать мячи. Свои было нетрудно отличить – старые, серовато-белые, а у тех гаденышей новомодные, желто-зеленые.

Последний мяч застрял в ячейке железной сетки ограды, ниже валялся мяч пришельцев. Как только Морин направилась к ограде, туда же двинулся белобрысый. Морин замедлила шаги.

Блондин тоже притормозил.

Он явно рассчитывал оказаться у ограды одновременно с ней. Конечно, у Морин не было желания с ним встречаться, но и страх показывать не хотелось.

Она крепче сжала ракетку в руке.

Они подошли к сетке одновременно. Морин, не глядя на парня, высвободила мячик и бросила его в тубу.

Блондин, опустившись на колени, поднял свой мяч.

– Ты из Калифорнии, да? – спросил он с ухмылкой, выразительно облизывая губы и уставившись на ее пах.

Морин, чувствуя себя осквернённой этим взглядом, больше всего на свете хотела треснуть парня по башке ракеткой, но сдержалась и ответила с достоинством:

– Иди к черту.

Мальчишки опять заржали, но остановить ее не пытались.

Уходя с корта, Морин постаралась запомнить номер «Мустанга». Дома надо будет сразу позвонить Чаку Шею и пожаловаться на этих щенков. Пусть ассоциация даст им по мозгам! Или их родителям. Кто-то же должен ответить. В данную минуту ей было безразлично, кто именно. Если Чак решит, что родителей нужно оштрафовать или вообще выгнать из Бонита-Висты – на здоровье, она только «за».

Однако по дороге домой Морин увидела такое, что вмиг передумала.

Человек стоял справа от дороги, против приземистого дощатого дома с очень маленькими окошками. Раньше Морин и не замечала этот дом за деревьями, а сейчас обратила внимание только из-за человека. Ростом не меньше чем шесть футов пять дюймов[8], с буйной гривой белоснежных волос, как у Лорна Грина[9], плохо сочетавшихся с гладким, как у младенца, лицом. А главное, на костылях.

И без ноги.

Металлические костыли блестели на солнце так, что слепило глаза. Правая штанина светло-коричневых брюк болталась пустая, чуть покачиваясь на ветерке – не обрезанная и не подколотая. Человек смотрел прямо на Морин.

Она попыталась безлично улыбнуться и помахала рукой.

Человек отвернулся и заковылял к дому. Морин не ожидала от него такой прыти. Эта спешка, как и выражение лица перед тем, как он отвернулся, выказывали дикий страх. Морин заозиралась, как будто ожидала увидеть сзади убийцу или разъяренного медведя, но, конечно, ничего такого не увидела. На дороге было пусто.

Одноногий, нелепо подпрыгивая, добрался до крыльца и исчез в доме. Тут же его лицо показалось в крошечном окошке. Он смотрел на Морин и хмурился.

Этот человек, сам чем-то испуганный, напугал ее. Она заторопилась дальше, думая, не пожаловаться ли на него в

правление. И тут же одернула себя. Этак дойдет до того, что она будет мчаться с жалобами в правление, как только что-то пойдет не так или покажется ей необычным.

И Чаку она передумала звонить. Сама не сразу поняла, отчего.

Ей не хотелось быть в долгу у ассоциации.

Какая странная мысль… Они с Барри платят взносы, а значит, имеют право получать определенные услуги.

В самом деле, ей помогли, когда тот псих, Дик Мелдрум, ее донимал, причем помогли совершенно безвозмездно. И все-таки она не могла избавиться от ощущения, что, если сама попросит о помощи, останется им обязана, и когда-нибудь с нее стребуют ответную услугу.

Сколько ни отрицай, похоже, она все-таки заразилась паранойей от Рэя и Барри. Впрочем, в гостях у Дайсонов почти каждый рассказывал всякие ужасы об ассоциации, так что для паранойи, возможно, имелись некоторые основания, но на Морин подействовали не рассказы очевидцев, а собственное неясное чувство. Просто… если она обратится за помощью к ассоциации, это ее к чему-то обяжет.

А если тех подростков специально подослали в надежде, что она со страху кинется звонить в правление?

Глупость несусветная, но все-таки Морин не стала сбрасывать со счетов свои нелепые мысли. Остаток пути до дома она почти бежала и, только оказавшись за крепко запертой дверью, смогла перевести дух.

Рэй все утро драил наждаком и заново обрабатывал морилкой пол на террасе. Скорее всего, она вполне продержалась бы еще годик, но Рэй любил, чтобы в доме все было в идеальном состоянии. К тому же это бесило ассоциацию – не к чему придраться.

Хотя они найдут, за что его прищучить. Всегда находят.

Закончив работу, Рэй отправился в душ, прихватив флакон «Аякса», чтобы свести пятна морилки на руках. Он как раз старался дотянуться до локтя, когда дверца душевой кабинки распахнулась настежь.

Рэй вскрикнул от неожиданности.

На него смотрели шестеро мужчин.

На сей раз не Нил, Чак и Терри или еще какие-нибудь мелкие сошки. К нему явились старики из правления, верхушка ассоциации. Они столпились в тесном пространстве ванной, окутанные клубами пара, в нелепых длинных мантиях, которые надевали обычно во время собраний.

Рэй выключил воду.

– Вон из моего дома! – приказал он.

Пар понемногу редел, стало видно лица.

Казначей уставился на съежившийся, обвисший член Рэя.

– И ты называешь себя мужчиной?

Сердце Рэя стучало так сильно, словно вот-вот разорвется. Никогда в жизни он не испытывал такого ужаса. Впервые очутившись так близко, лицом к лицу с деятелями из правления, он увидел, что они очень стары – еще старше, чем он раньше думал. Морщинистая кожа казалась прозрачной, словно древний пергамент.

И что-то еще в них было… странное, не определимое словами. И это пугало до потери сознания.

Председатель правления сделал шаг вперед.

– Я думал, у тебя хватит ума послушаться. – Негромкий голос постепенно окреп. – Нил и его помощники из комиссии ясно дали тебе понять, что мы больше не потерпим безобразий!

Костлявый кулак ударил в стену с такой силой, что пузырьки с шампунями и духами Лиз подскочили на полке.

Другие старики согласно кивали.

Рэй хотел спокойно выйти из душа, обтереться полотенцем и накинуть халат, но его обступили слишком плотно. Сердце колотилось все отчаянней. Рэй пытался что-то сказать, но голосовые связки отказали, и он только закашлялся.

Казначей небрежным жестом взял с полки баночку лака для волос, тоже принадлежавшую Лиз. Нет, подумал Рэй, ничего небрежного или случайного здесь нет и не будет. Он внутренне приготовился к тому, что ему брызнут лаком в лицо, в глаза.

Вместо этого старик размахнулся и запустил металлической банкой Рэю в живот. Острый край донышка распорол кожу до крови. Рэй охнул от боли. Банка с грохотом покатилась по дну душевой кабинки.

– Мы считали, что все предельно ясно, – продолжал председатель. – Мы думали, ты осознал.

Это конец, понял Рэй. Они не могут рассчитывать, что он спустит им такое и не обратится к властям. Он не станет молчать после того, как вломились в его дом.

Если только его не убьют.

Именно это, Рэй чувствовал, они и планировали.

А если бы он сомневался, нашел бы подтверждение в глазах председателя.

Ванная словно уменьшилась в размерах. Шестеро в черных одеяниях подступили ближе. Рэй озирался в поисках выхода, но единственное крошечное окно над унитазом явно не годилось, а

дверь загораживали члены правления.

Рэй заметил, что они без перчаток, и в нем вспыхнула дикая надежда. Их отпечатки остались на дверной ручке и на других предметах. Может, они все-таки не намерены дойти до конца?

А если и дойдут, их, по крайней мере, поймают. Даже Хитмэн не сможет отмазать их от обвинения в убийстве. Лиз ему не позволит.

– Мы располагаем сведениями, что ты вел бунтовщические разговоры, подстрекал людей… – председатель поморщился, словно ему тяжело было выговорить такие слова: – … пренебрегать правилами УАДа.

Кто-то из гостей донес. Рэй мысленно перебрал имена и лица, пытаясь вычислить предателя.

Фрэнк. Наверняка Фрэнк.

Все на всех стучат.

Надо было следовать собственному совету. Не высказываться открыто. Он с недоверием относился к Фрэнку с тех пор, как тот выгораживал ассоциацию, когда убили кота Барри. Надо было остерегаться. Да вообще нельзя было его в гости приглашать!

Но Рэй всегда старался видеть лучшее в людях, даже если те принадлежали к сомнительным организациям. Вот и к Фрэнку применил презумпцию невиновности.

Рэй посмотрел в злые глаза председателя. Сейчас бы все отрицать, сказать, что болтал спьяну, ползать перед ними на пузе и лизать им задницы. Но он чувствовал, что толку не будет, поэтому выпрямился и расправил плечи.

– Да, было дело, – признал Рэй. – Я им говорил: к черту ассоциацию!

– Дрянь. Ничтожество.

Председатель надвинулся на него и толкнул. Рэй поскользнулся, упал, ударился головой. Боль ослепила его, из-под волос потекла теплая кровь. Он затих, закрыв глаза и надеясь, что его примут за мертвого.

К сожалению, такие глупости люди допускают только в кино. А эти шестеро не собирались уходить, не убедившись, что задуманное выполнено. Беспомощного, окровавленного, его за ногу вытащили из душевой кабинки. Рэй задел головой край дверцы, рассадив кожу за ухом. С новой силой хлынула кровь. Он приоткрыл веки, но перед глазами все плыло.

Темные пятна двигались на размытом светлом фоне: черные мантии стариков из правления.

Чьи-то руки ухватили его под локти и, подняв с пола, выволокли в коридор, а оттуда – на кухню.

Зрение немного прояснилось. Рэй смог рассмотреть, где

находится. Еще он увидел – и почувствовал, – как председатель задел его запястьем настенный телефонный аппарат, так что трубка свалилась с рычага. Боль прошила руку до плеча.

Рэя потащили дальше, в гостиную. Ткнули коленом об угол кофейного столика, разбив до крови, плечом пихнули на пальму в горшке, чтобы та опрокинулась.

Заместитель председателя открыл дверь на террасу.

Рэй наконец-то понял, что происходит.

Они создавали видимость несчастного случая. Якобы Рэй поскользнулся и упал в душе, стукнулся головой, поранился. Оглушенный, добрел до кухни, попытался и не сумел набрать девять-один-один, потом, ничего не соображая, через гостиную вышел на террасу.

А там свалился через перила и разбился насмерть.

Никому и в голову не придет, что его убили.

Рэй закричал, ненавидя себя за это, и с ужасом услышал, что его крики больше похожи на визг испуганной женщины.

Члены правления, перекидываясь шуточками насчет немужественного поведения, прижали его ладонь к раздвижной стеклянной двери, а потом защемили гениталии металлической дверной рамой. Рэй кричал, не переставая. Не намеренно – он не рассчитывал отпугнуть своих мучителей или привлечь внимание прохожих. Он кричал, потому что иначе не мог.

Его вытащили на террасу.

Он хотел до самого конца сохранять презрительное спокойствие, бросать едкие реплики, которые те не смогут забыть даже после его смерти, – но ничего не вышло. Он просто визжал как девчонка, пока его раз за разом с силой ударяли о перила. Свежепокрашенная перекладина не выдержала и треснула.

Ниже пояса он ничего не чувствовал. Руки пока слушались, и зрение еще не отказало, хотя кровь заливала глаза. Падая, он машинально выставил перед собой руки в бессильной попытке смягчить удар. Приземлился на каменистый склон холма с таким треском, словно в его теле не осталось ни одной целой кости.

Он все еще был жив.

Эта мысль пробудила в нем надежду и безумную радость, а еще неистребимую жажду мести. Правление ассоциации так и не смогло его уничтожить, несмотря на все старания, и это их погубит. Он не знал, парализовано его тело или просто страшно разбито, однако даже не пробовал двигаться.

Наверняка сверху за ним наблюдают. Надо притвориться мертвым, а свое состояние он сможет проверить позже.

Только позже так и не наступило.

Должно быть, он все-таки потерял сознание. Ему показалось,

что не прошло и секунды, когда сквозь приоткрытые веки, залепленные подсыхающей кровью, он увидел у своего лица ноги стариков из ассоциации. В этом была какая-то неотвратимость. Последняя надежда угасла. Рэй открыл глаза, уже не скрываясь. Ему было все равно.

Он увидел, как председателю подали крупный обломок камня, и тот положил камень на землю рядом с его головой. Затем еще и еще.

Несколько рук приподняли его за плечи, и он понял, что они собираются делать.

Пожалуйста, пусть все будет быстро и безболезненно, подумал Рэй.

Но смерть не бывает быстрой и безболезненной. В этом ему пришлось убедиться на собственном опыте.

После похорон все собрались дома у Лиз. Дом казался непривычно пустым, несмотря на толпу народа. Морин, Одри Ходжес и Тина Стюарт приготовили еду и вообще занимались организацией неофициальных поминок. Лиз старались занять работой, чтобы отвлечь ее от грустных мыслей, но даже под негромкий гул разговоров отсутствие Рэя чувствовалось очень остро. Барри невольно представил, как тоскливо здесь будет, когда все разойдутся и Лиз останется одна.

Они с Фрэнком и Майком стояли в сторонке, наблюдая, как их жены буксируют в кухню и обратно пребывающую в зомбиподобном состоянии Лиз. Говорили о ремонтных работах на шоссе, из-за которых открытыми для движения остались всего две полосы, о баскетболе, о погоде, о ценах на бензин… О чем угодно, только не о Рэе. Не настолько близко они все-таки знакомы, чтобы раскрываться эмоционально. Все трое думали об одном и том же, и все старательно избегали говорить об этом вслух. Рэй объединял их, только благодаря ему они могли откровенничать друг с другом, а без него разговор не клеился. Примерно так было, когда Тодд Инголс, лучший друг Барри с детского сада до третьего класса, переехал вместе с родителями и пришлось играть с Джоном Уэйкменом – просто приятелем, другом про запас. Как вскоре выяснилось, ничего общего у них с Барри, по сути, не было. Вот и Фрэнк с Майком – друзья про запас. Вроде хорошие ребята, а все-таки не то, совсем не то.

Барри и не замечал, насколько привык полагаться на Рэя. Сейчас он вспоминал старика с глубокой печалью. Никогда больше они не будут сидеть на террасе, делать барбекю и обсуждать великие вопросы бытия. Или просто трепаться о разных пустяках.

Словно большой кусок жизни вдруг взяли и выбросили, и на его месте осталась мучительная пустота.

Вслед за грустью пришла злость. Барри нутром чуял, что в гибели Рэя замешана ассоциация. Не прямо, конечно – это не их метод, – а как-нибудь этак хитро: ничего не делать своими руками, но создать ситуацию, которая приведет к нужному им исходу.

Барри встретился взглядом с Грегом Дэвидсоном, стоявшим в дальнем углу. Тот устало кивнул в знак приветствия. Грег и Вайнона должны были переехать на этой неделе. Их выжили, повысив стоимость проживания в Бонита-Висте за счет новых ворот и охраны. Вот так и действует ассоциация.

Барри вспомнил Дика Мелдрума – его мертвое тело в канаве и молчаливую толпу вокруг.

Иногда они идут напролом и сами выполняют грязную работу.

Не угадаешь, на что они способны.

Морин и другие женщины привели Лиз в гостиную – поздороваться и выслушать слова сочувствия. Барри, Фрэнк и Майк в основном повторяли то, что уже говорили на кладбище, – как они сочувствуют ее утрате, как им самим не хватает Рэя, каким замечательным другом он был. Барри старался говорить коротко и искренне. Его тревожил погасший взгляд Лиз. Она словно стала другим человеком. Барри выдержал всего пару секунд, а потом отвернулся к Морин. Он знал, что ведет себя трусливо и бессердечно, как последний эгоист, но справиться с собой не мог. Барри был не из тех, кто умеет себя держать рядом с немощными, безумцами или умирающими. Он мог писать об этом книги, а в реальной жизни совершенно терялся, если требовалось оказать кому-то эмоциональную поддержку. Слава богу, есть и такие, как Морин, – те, кто знают, как себя вести.

– Можно тебя на минуточку, на кухне помочь? – спросила Морин.

– Да, конечно.

Барри пошел за женщинами.

Одри и Тина принялись загружать посудомоечную машину, а Морин отвела Барри в уголок. Там на столе стоял старый кожаный чемодан.

– Книги Рэя, – объяснила Морин. – Лиз почему-то уложила их в чемодан, а чемодан поставила вот здесь. Вообще не представляю, как она затащила на стол такую тяжесть. Мы его еле сдвинули.

Барри кивнул. Горе иногда принимает странные формы. Этот нелогичный поступок больше всех надгробных речей и больше

самих похорон показал Барри всю огромность случившегося несчастья. Как видно, Лиз очень любила Рэя.

– И что с ним делать?

– Отнеси в маленькую гостиную, чтобы не мешался, – шепотом велела Морин. – Потом придумаем.

Барри взялся за ручку чемодана.

– Чертова ассоциация! Наверняка эти уроды приложили тут руку!

Он обращался скорее к Морин, но отреагировала Лиз. Она шагнула к Барри, взгляд ее стал жестким.

– Слышать ничего не желаю об ассоциации! Из-за этого безумия он и выскочил на террасу. Если бы не его паранойя, сейчас он был бы жив!

Барри промолчал. Не хотелось спорить, не хотелось еще больше ее расстраивать. С чемоданом в руке он оглянулся на Морин. Лицо жены ничего не выражало.

Уже выходя из кухни, он заметил, как Лиз обмякла. Барри потащил тяжеленный чемодан по коридору. Как только Лиз его подняла? Он занес чемодан в полутемную комнату и поставил на пол. В углу скудно обставленной комнаты стоял письменный стол Рэя. Внезапно Барри показалось, что он будто подсматривает за семейной жизнью пары. Он быстро вышел и прикрыл за собой дверь.

Неужели в гибели Рея действительно виновна ассоциация?

Барри хотелось так думать, но он понимал, что хватается за соломинку, лишь бы не верить очевидному: смерть его друга – всего лишь нелепая, горестная случайность.

Барри глубоко вздохнул. Вот уже ему всюду мерещатся заговоры, как тем психам, что в любом несчастье видят коварные происки правительства, верят в НЛО и в снежного человека, зато не верят ни в удачу, ни в случай, ни даже в судьбу и всякое незначительное происшествие объясняют сложными хитроумными действиями той или иной организации.

Приходится признать, что Рэй тоже был из таких.

Иногда верно самое простое объяснение, а поиски неких тайных причин – пустая трата времени.

И все-таки хорошо, что никто из ассоциации не явился выразить соболезнование.

Барри вернулся в гостиную. Фрэнк куда-то исчез, зато Майк стоял на прежнем месте и беседовал с женщиной, у которой рука была в гипсе. Барри подошел к ним, прихватив по дороге бокал с кофейного столика.

Майк представил их друг другу.

– Мойра, Барри. Мойра и ее муж, Клэн, живут на той стороне

холма. Знаешь дом на сваях? Клэн раньше работал в строительстве, он помог Рэю построить знаменитый сарай.

– Сегодня он не смог прийти, – объяснила Мойра. – Так что я тут без него.

– Барри писатель. Они с Рэем подружились на почве общей ненависти к ассоциации домовладельцев.

Барри смутился. Такое описание звучало по-детски нелепо.

– Что у вас с рукой? – спросил он, чтобы сменить тему.

Женщина покраснела, ее открытое лицо вдруг стало замкнутым.

– Просто несчастный случай.

Ее интонация явно говорила об обратном.

Майк из-за ее спины подавал знаки, проводя ладонью поперек горла – Барри понял это так, что данной темы лучше не касаться.

Должно быть, семейные неурядицы, подумал он и сам удивился своему спокойствию. Он всегда считал себя неравнодушным человеком, который, столкнувшись с насилием в семье, бросается бить в набат, уведомлять власти, искоренять зло и восстанавливать справедливость. И вот пожалуйста: муж избил жену, а он, Барри, как и Майк, предпочитает остаться в стороне.

Поистине день полон сюрпризов.

Понемногу народ начал расходиться. Те, кто пришел по обязанности, исполнить долг соседей, спешили распрощаться. В конце концов, не на вечеринку явились. Все чувствовали себя неловко и, выразив еще раз напоследок сочувствие Лиз, с явным облегчением выскакивали за дверь, торопливо поминая срочные и неотложные домашние дела.

Майк и Фрэнк тоже ушли, оставив жен помогать Лиз с уборкой. Барри решил последовать их примеру. Морин проводила его до двери. Они приехали к Дайсонам – к Лиз – на машине прямо с кладбища, а сейчас Барри хотелось пройтись. Он сказал Морин, чтобы взяла машину, когда соберется домой.

Жена вышла вместе с ним на крыльцо и спросила, прикрыв за собой дверь:

– Как ты думаешь, это вправду был несчастный случай?

Барри удивился такому вопросу.

– Скорее всего.

Морин неуверенно кивнула. Странно. Возможно, она от кого-нибудь слышала или сама видела что-нибудь подозрительное?

Спрашивать Барри не стал. Он не хотел ничего знать, по крайней мере сейчас. Наскоро поцеловал Морин в губы и зашагал прочь.

В жарком неподвижном воздухе разносились стрекот

невидимых цикад, шуршание ящерок в траве да изредка далекий рокот грузовиков на шоссе. Поселок будто вымер. В одном из своих романов Барри придал бы этому безлюдью зловещую окраску, однако сейчас ему даже приятно было ненадолго отдохнуть от соседей.

На улице он слегка повеселел. В доме Рэя все напоминало о нем, там никак не удавалось собраться с мыслями. Под неохватным ярко-синим небом легче вспоминать хорошее, и можно было представлять друга живым, а не скорбеть о его смерти.

Впереди над деревьями уже виднелась коричневая черепичная крыша их дома. Подойдя ближе, Барри увидел кое-что еще, отчего челюсти его непроизвольно сжались, и кровь быстрее побежала по жилам.

Розовый листок бумаги, прикрепленный к входной двери.

Ассоциация опять здесь побывала.

Барри мгновенно вскипел от ярости, совершенно несоразмерной масштабам события. Он понимал, что причина – не нашедший выхода гнев на смерть друга, но успокоиться не мог. Мерзавцы шныряли по его участку, пока они с женой и соседями хоронили Рэя и пытались утешить вдову старика. Что у них, совсем стыда нет?

Стремительно поднявшись на крыльцо, Барри сорвал записку и прочел.

Ассоциация назначила им штраф в пятьдесят долларов, потому что Морин подвязала поникшие хризантемы белым шнуром, а не зеленым. Оказывается, по уставу подвязывать растения на участках разрешается исключительно зеленым шнуром, чтобы они не выделялись на фоне естественной зелени и не портили внешний вид поселка.

Барри зажмурился, чувствуя, как мышцы лица сводит в мучительной гримасе.

– Твари! – заорал он во всю силу легких.

Злые слезы жгли глаза. Барри с трудом перевел дух, скомкал бумажку в кулаке и в бешенстве зашагал в дом.

Июль

Как и предсказывал Рэй, пришли муссоны. После полудня небо наполнялось тучами. Короткие летние грозы прогоняли нестерпимую жару, и к вечеру наступала приятная прохлада. С террасы можно было наблюдать, как с юга приближается дождь, словно легкая белая занавесь скользит над лесами и каньонами. Уловить бы словами это мимолетное очарование – но писательский дар Барри относился скорее к области гротеска, а не к области возвышенного. Запечатлеть в книге великолепие природы ему было не дано.

Они с Морин сидели на террасе, пили охлажденный чай и любовались пейзажем.

К югу кое-где виднелись полотнища дождя, словно свисающие из темно-серых плотных туч до самой земли. Изредка мирную картину нарушала далекая молния, за ней следовал глухой раскат грома. Однажды Барри увидел, как в землю ударили сразу три молнии.

С улицы донеслось тарахтение мотора без глушителя, и на дороге показался грузовичок с песком. Водитель, как видно, решил с разгону одолеть крутой склон, не осилил и забуксовал чуть выше дома Барри. Сейчас его заслоняло дерево, но по звуку мотора Барри определил, что водитель пробует дать задний ход. После первой неудачной попытки грузовичок сдвинулся с места, медленно пополз вниз по склону и резко затормозил прямо против дома. Барри посмотрел на Морин.

– Даже не думай! – отрезала она.

– Ему нужна помощь. Мы же не в Калифорнии, так что это не хитрость, чтобы наставить на нас пистолет и ограбить.

– А кто его знает…

Барри, качая головой, уже собрался спуститься и спросить, чем он может помочь, но тут возле грузовичка остановился пикап.

– Твое счастье, проблему решат без тебя, – усмехнулась Морин.

Из пикапа вылез высокий, крепко сбитый человек в чересчур новых джинсах, стильной ковбойской рубашке и с такой громадной блестящей пряжкой на ремне, какие носят обычно эстрадные юмористы. Загорелое обрюзгшее лицо и грива белоснежных волос придавали ему высокомерно-нетерпеливый вид. Ковбой еще не успел раскрыть рот, а Барри уже понял, что он не намерен помогать незадачливому водителю.

– Разрешение есть?

Водитель грузовичка высунул в окно темноволосую голову и ответил с сильным мексиканским акцентом:

– Да, сэр! Конечно, конечно. У меня зеленая карта.

– Я не о разрешении работать в Америке. Это само собой. Разрешение на работу в Бонита-Висте у твоего начальства есть?

В тихом воздухе звук разносится далеко, но если водитель и ответил, Барри ничего не услышал.

– Если хочешь работать в Бонита-Висте, надо получить особое разрешение от ассоциации домовладельцев. Не знаю, что тебе наплел твой босс, а на самом деле вот так вот, компренде?

Испанское словечко прозвучало с явной издевкой даже издалека, а уж водитель наверняка почувствовал враждебность. Он что-то ответил, тихо и угодливо, и вновь принялся заводить мотор. С третьей попытки ему это удалось.

Беловолосый хлопнул ладонью по дверце грузовичка.

– Давай, разворачивай свою колымагу, а начальнику передай, что я сказал. Нет разрешения от ассоциации – не суйся в Бонита-Висту, ясно?

И снова Барри не расслышал ответа. Во всяком случае, грузовичок дальше не поехал, двинулся задним ходом к подножию холма. Тарахтение мотора постепенно затихло вдали.

Ковбой вернулся к своему пикапу, на ходу хмуро покосившись на Барри, словно недовольный, что их разговор услышали. Писатель быстро отвел глаза и отодвинулся от перил.

Ковбой сел за руль и уехал.

– Слышала? – спросил Барри.

Морин кивнула, прихлебывая ледяной чай.

– Расисты повсюду встречаются. Уроды…

Это, конечно, верно, только у Барри от услышанного осталось иное впечатление.

По всей вероятности, точно такой же прием ждал всякого другого рабочего, независимо от этнической принадлежности. Тут не расизм… тут чертова ассоциация. Барри перевел взгляд на предгрозовое небо, но мелочность земных людишек портила величие природы. Душа совсем не лежала любоваться пейзажем.

Они просидели на террасе почти до самого вечера, когда налетел дождь. Молнии сверкали, словно вспышки фотоаппаратов по случаю приезда какой-нибудь знаменитости, и одновременно с ними ударами бича обрушивались разряды грома. Дом трясся, стекла в окнах дребезжали, будто от землетрясения. Гроза бушевала полчаса, потом наконец утихла, и Морин пошла готовить ужин.

Барри оставался на террасе, пока не стемнело, отложив принесенную с собой книгу и просто глядя вдаль. Закат был

потрясающий. На границе леса и пустыни одинокая скала с одного боку пылала огненно-рыжим в лучах заката. Грозовые тучи рассеялись, только легкие розовые облака тянулись по небу, похожие на нити сладкой ваты.

От этой красоты захватывало дух.

Но Барри, как ни старался, не мог выбросить из головы ковбоя, мексиканца и ассоциацию домовладельцев.

Четвертое июля

Барри и Морин никогда особенно не праздновали этот день и сегодня тоже не строили планов – просто позволили себе поспать на часик подольше. Барри в виде уступки традициям поджарил на гриле низкокалорийные сосиски. Остальную часть дня они собирались посвятить работе по саду, а вечером посмотреть телевизор.

День прошел тихо. Когда полил дождь, Морин подхватила грабли, секатор и метлу, а Барри – лопату и полупустой мешок с удобрениями, и оба бегом помчались к дому. Дождь вскоре стих, так что Барри успел поджарить сосиски. Они с Морин уселись с едой перед телевизором. Посмотрели подряд два пародийных боевика про суперагента Дерека Флинта, потом вместе приняли душ, потом любили друг друга. Уснули рано.

Проснулись они от оглушительного грохота, словно над домом разорвался снаряд. Правда, в следующий миг Барри уже узнал звук фейерверка.

Весна стояла исключительно засушливая, и, несмотря на недавние дожди, у выезда из Корбана еще стоял плакат, предупреждающий об опасности лесных пожаров: медведь Смоки с красным флажком. Барри поразился, какой идиот при таких условиях запускает фейерверки. Он встал с постели и, накинув халат, подошел к стеклянной раздвижной двери. Отогнув край занавески, увидел, как по нижней террасе пробежал толстый енот и по стволу растущего рядом дерева спустился на землю.

Сзади подошла Морин, все еще обнаженная, прислонилась головой к плечу Барри и зевнула прямо в ухо.

– Фейерверки?

– Похоже на то. Плохо видно…

Тут взорвался еще один фейерверк. Судя по траектории, его запустили у подножия холма, возле теннисных кортов. Бледно-голубая вспышка на несколько секунд озарила небо. Искры сыпались вниз и гасли среди сосен.

– А лес не загорится? – встрепенулась Морин, окончательно проснувшись.

– Может и загореться.

– Наверное, кто-то самовольно запускает? Дети, наверное…

Барри покачал головой.

– Фейерверк профессиональный. У детей нет такого оборудования. Да и стоит оно довольно дорого.

Они подождали еще пару минут, но больше ничего не

увидели.

– Возможно, в самом деле кто-то самовольно праздник устроил, – признал Барри.

– Может, полиция или пожарные приехали и положили конец…

– Нет. Смотри!

По небу черкнула еще одна ракета. Над деревьями расцвела блекло-красная вспышка.

Морин улыбнулась.

– Ну, для профессионалов слабовато!

– Просто мы избаловались.

На юге Калифорнии каждые выходные устраивали потрясающие фейерверки для развлечения туристов, а в Диснейленде так и вообще каждый вечер происходили невероятные световые шоу – их было видно от побережья до Фуллертон-Хиллс.

Барри и Морин не отходили от окна. Через несколько минут взлетела еще одна ракета.

– Я ложусь спать, – зевая, объявила Морин. – Смотреть не на что.

Барри с ней согласился. Они снова легли и заснули под неравномерные хлопки ракетницы.

Проснулся Барри поздно. Морин уже встала. Сверху, из кухни, доносился аромат яичницы и картофельных оладьев. Барри быстро оделся, пригладил рукой волосы и взбежал по лестнице. День был чудесный. Морин открыла настежь все окна. С безоблачного неба лился солнечный свет.

– Завтрак будет готов через пару минут. – Жена указала лопаточкой на свернутую газету на столе. – Вот, почитай пока. Передовая статья.

– Кофе есть?

– Сначала прочти.

Барри развернул газету и уставился на заголовок во всю ширину страницы:

В БОНИТА-ВИСТЕ ЗАПУСКАЮТ ФЕЙЕРВЕРКИ, НЕСМОТРЯ НА ОПАСНОСТЬ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ

Газета «Корбан уикли стандарт» выходила по вторникам. Статьи для каждого выпуска готовили за неделю – во всяком случае, до предыдущих выходных. Поэтому о вчерашних фейерверках ничего конкретного не говорилось. В статье содержалась, так сказать, превентивная критика. Опрошенные горожане дружно возмущались наплевательским отношением устроителей светового шоу – Ассоциации домовладельцев Бонита-

Висты.

Оказывается, из-за прошедшей засушливой зимы жители Корбана все лето страдали от нехватки воды. Нечто подобное уже было три года назад. Две недели в середине июля, перед наступлением муссонных дождей, питьевую воду в город привозили в цистернах из Солт-Лейк-Сити. Люди выстраивались в очереди с пластиковыми канистрами. В этом году таких крайностей не ожидалось, однако действовали добровольные ограничения на потребление воды. Жителям рекомендовали не мыть машины, а владельцам собственных участков – не поливать газоны.

Далее в статье говорилось, что Бонита-Виста не зависит от городского водоснабжения – в поселке имеются свои колодцы, и нехватка воды здесь не ощущается. Тем не менее, городские власти считают затею с фейерверками бессердечной и бестактной, не говоря уже об угрозе лесного пожара. «Если от фейерверков загорится лес, на тушение пожара придется бросить все наши силы и, возможно, потратить последние запасы воды», – сказал начальник пожарной службы. Его поддержал представитель лесничества, добавив, что пожароопасное состояние сохранится еще несколько недель после начала дождей, пока деревья и подлесок как следует не пропитаются влагой. Руководитель добровольной пожарной дружины заявил напрямик, что его люди не должны рисковать жизнью и здоровьем, ликвидируя последствия глупости и недальновидности жителей Бонита-Висты – хотя и придется, поскольку лесной пожар представляет непосредственную опасность для Корбана и его окрестностей.

Меж тем ассоциация домовладельцев намерена провести шоу фейерверков, несмотря ни на какие возражения. Завершало статью высказывание давнего знакомца Барри – Нила Кэмпбелла: «Мы действуем не только ради Бонита-Висты. Фейерверки будут видны издалека, ими смогут любоваться все желающие. Это наш подарок жителям Корбана и окрестностей. Поздравляем с Четвертым июля!»

Барри поморщился.

– Мне срочно требуется кофе.

Морин кивнула на кофеварку.

– Вот и я так подумала.

– Господи! Это же глупость несусветная в плане дипломатии, да и просто опасно к тому же.

– И фейерверки-то были убогие.

– Рэй говорил, в поселке даже пожарных гидрантов нет. Об этом как раз должна бы заботиться ассоциация – так нет, им не до

того. Кому интересны лесные пожары – важнее оштрафовать нас за веревку не того цвета.

– Тот самый случай, – согласилась Морин.

Барри налил себе кофе.

– Ты уже не так восхищаешься своей драгоценной ассоциацией?

– Я никогда ею и не восхищалась.

– По крайней мере, сейчас они тебя чуточку меньше радуют?

Морин поставила перед Барри тарелку с яичницей и горкой оладьев.

– Ешь давай!

Работа над книгой застопорилась.

Барри по-прежнему каждый день ходил в офис, включал старенький компьютер и мучительно пытался закончить роман. Срок сдачи неумолимо приближался, а работа не шла.

Наверное, это и есть так называемый «творческий тупик».

По времени кризис совпал со смертью Рэя. Барри позволил себе несколько дней отдохнуть – настроение было совсем не рабочее. Потом наступило Четвертое июля. Барри никогда не работал в праздники. А когда наконец добрался до своего офиса, вдруг оказалось, что родник иссяк.

Он точно знал, как должен дальше развиваться сюжет, давно уже спланировал события очередной главы, оставалось только заполнить пробелы – и вот, заклинило. Никак не получалось перейти от пункта А к пункту Б.

Неделя прошла, а он ни с места.

Никакой логической причины этому Барри не находил. Два года назад, когда умерла его мама, он сумел дописать роман вовремя. Черт возьми, работа была его спасением! Он с головой ушел в книгу, забыв обо всем вокруг, и закончил даже раньше срока. А ведь мама значила для него гораздо больше, чем Рэй.

Тем не менее книга не шла. Застряла намертво.

Он ничего не сказал Морин, совсем как Джек Торранс из «Сияния»[10], однако почему-то поделился с Хэнком, Бертом и другими завсегдатаями кафе. После истории с фейерверками они какое-то время относились к нему с прохладцей, хотя он уверял, что возмущен не меньше них, и рассказывал, как они с Морин проснулись от треска ракетниц, не понимая, откуда шум.

Его выслушали, покивали, но не признали невиновным так же безоговорочно, как в истории с отравленными собаками. Барри догадывался, что в следующий раз ему просто не поверят и начнут подозревать, что он с ассоциацией заодно.

Несправедливо… однако их можно понять. Пусть Барри не

одобряет действий ассоциации, тем не менее он продолжает жить в поселке и платит членские взносы, а значит, на него тоже ложится какая-то доля ответственности. Пусть он чурается соседей и водит дружбу с городскими – водой он пользуется без ограничений, наравне с другими обитателями Бонита-Висты. Вот и выходит, что Барри – нечто вроде аристократа, снисходительно заверяющего окрестных крестьян, что сочувствует их бедственному положению. Даже сейчас, неделю спустя, он чувствовал холодок со стороны посетителей кафе – правда, это не относилось к Хэнку, Лайлу и другим завсегдатаям.

Вот и еще одно утро он тупо просидел перед компьютером. Старался сосредоточиться на недописанном романе, а сознание своевольно перескакивало на совершенно посторонние темы: давняя подружка, вчерашний фильм по телевизору, не забыть по дороге домой зайти в магазин за продуктами, на что потратить деньги, если следующая книга принесет десять миллионов долларов…

Обычно Барри устраивал перерыв на обед в полдень, но поскольку сегодня работать все равно не получалось, он запер лавочку вскоре после одиннадцати и отправился к Берту. Накануне день простоял без дождя, впервые за целую неделю. Воздух был сухой и горячий. На тропинку перед Барри то и дело выскакивали кузнечики, иногда с налету стукаясь о его джинсы.

В кафе были только Берт, его дочка и незнакомый стриженый парень. Правда, сразу вслед за Барри появился Джо. Он заказал охлажденный чай, а там подтянулась и вся компания.

Лайл, придя после всех, принес новости.

– Говорят, если муссон продержится еще неделю, ограничения на воду отменят.

– Кто сказал?

– Я зашел в контору заплатить по счетам, слышу – в задней комнате Шелли разговаривает с Грэмом.

– Давно пора, – хмыкнул Хэнк.

– Значит, Берт может опять подавать воду бесплатно? – громко предположил Джо.

– Особо не надейся, – отозвался Берт, стоя за прилавком.

Ральф Гриффит покосился на Барри.

– Я тут вчера еду на ранчо, смотрю, из Бонита-Висты на шоссе выезжает «Лексус», весь такой блестящий, чисто вымытый… На капоте еще вода не просохла…

– Ну, я свой «Зубурбан» месяца два не мыл, – дружелюбно заметил Барри. – Можете пойти полюбоваться!

Все засмеялись.

– Я ж не о тебе, – сказал Ральф. – Просто богачи в Бонита-

Висте свои машины моют прямо перед грозой, а я даже своему сынишке в игрушечное ведерко не могу воды налить.

Смех мигом смолк.

– Слушай, – вступился Хэнк, – эгоисты везде встречаются. Если бы, наоборот, у нас была вода, а в Бонита-Висте нет, наверняка нашлись бы и у нас уроды, которые стали бы свои машины мыть и газоны поливать, да еще и хвастаться этим. Человеческая натура, ничего не поделаешь!

– А тебе не кажется, что в Бонита-Висте таких все-таки больше? – упорствовал Ральф.

– Очень может быть, – подал голос Барри.

– Ты на Барри-то не срывайся, – сказал Хэнк.

– Да я не срываюсь, просто… – Ральф тряхнул головой. – Бесят меня эти засранцы! Вчера прямо так и хотелось бампером садануть этому «Лексусу» в бок!

– А кто из вас там бывал, в поселке? – спросил Джо и тут же усмехнулся. – К Барри, само собой, вопрос не относится.

Хэнк медленно качнул головой.

– Знаете, никогда не бывал. Не особо-то и хотелось. А теперь ворота установили, уже и не войдешь.

– Я тоже не бывал, – сказал Лайл. – Старина Эл, кровельщик, говорит, дескать, виды там обалденные, какой дом ни возьми, но сам я не видел.

– Приезжайте посмотреть, – пригласил Барри.

– Как это? – удивился Лайл.

– А что? Я проведу вас через ворота. Посидим у меня, выпьем. – Он улыбнулся Ральфу. – Проведете разведку во вражеском лагере.

Щеки Ральфа вспыхнули.

– Спасибо, конечно, только… – Лайл не договорил.

– Да что такое?

– Эх… Ничего, наверное. Что скажешь, Хэнк?

– А давайте!

Сразу после обеда и отправились. Ральфу и еще двоим помоложе пришлось вернуться на работу, зато Джо и Санни были безработными, а Хэнк и Лайл – уже на пенсии. Все четверо набились к Джо в потрепанный «Форд Эконолайн» и следом за машиной Барри выехали из города на шоссе.

У ворот Барри притормозил и, высунув руку в окно, набрал код. Металлическая перекладина повернулась, освобождая дорогу. Барри рванул с места. Джо, как и договорились, не отставал и успел проскочить, пока ворота только еще начали закрываться.

– Прорвались! – донесся из «Форда» победный клич Лайла.

Морин не оказалось дома – трудно сказать, к добру или к худу. Она никогда не любила внезапных гостей, и Барри потом огреб бы по полной программе за то, что без предупреждения натащил полный дом народу. С другой стороны, он много рассказывал о новых приятелях, и Морин наверняка хотелось с ними познакомиться – желательно узнав об их визите заранее.

Четверка выбралась из машины, озираясь по сторонам.

– Правду Эл говорил. Вид – с ума сойти.

Лайл остановился рядом с домом, глядя вниз, на Корбан – городские постройки проглядывали кое-где между деревьями.

– Это что! Вы с верхней террасы посмотрите! – Барри отпер входную дверь. – Прошу!

– Неплохо тут, – признал Хэнк.

Барри провел их на третий этаж, и через раздвижные стеклянные двери все вышли на террасу.

– Хороший вид, говорите? Видели бы вы, какой пейзаж вон оттуда открывается! – Барри показал вверх, туда, где на склоне холма виднелся дом Рэя. – У них в гостиной вся стена стеклянная. До самой пустыни видно.

– Это ты писательством столько зарабатываешь, что на такой домик хватило? – поинтересовался Джо.

Барри кивнул.

– Слушай, парень, я тебя зауважал!

Он рассмеялся.

Хэнк прислонился спиной к перилам, рассматривая дом.

– И значит, ассоциация не дает тебе здесь работать? Такая хоромина, а ты должен в городе комнатенку снимать для работы… Вот бред-то!

– Причина номер двести, почему я ненавижу этих уродов.

Санни кашлянул.

– Ты вроде что-то говорил насчет выпить?

– Ща все будет! – Барри шагнул в комнату, придержав за собой дверь. – Пиво пойдет? Есть «Бад» и «Миллер». И кока-кола, если кто предпочитает.

– Мне «Бад».

– «Бад».

– «Бад».

– «Бад».

Барри принес из холодильника пиво. Посидели еще минут сорок – сорок пять, испытывая все большую неловкость. Барри уже жалел, что пригласил гостей. Он рассчитывал сломать лед. Надеялся – может, они станут настоящими друзьями, а не просто приятелями на обеденный перерыв. А в результате пропасть между ними, похоже, только стала шире. Барри чувствовал себя

каким-то нуворишем, который хвастается своим богатством перед местными недотепами, хотя на самом деле ничего подобного и в мыслях не держал. Красивый дом на холме в охраняемом поселке среди великолепных пейзажей по-прежнему мешал им ладить. Правильно все-таки говорят: от добра добра не ищут. В кафе они легко находили общий язык, а здесь, в непривычной обстановке, ярко проявились все различия. Даже пиво не помогло создать компанейскую атмосферу. Барри хотел сблизиться с новыми знакомыми, а в итоге только еще больше отдалился от них.

Вскоре гости засобирались уезжать, вежливо поблагодарив и слегка натянуто попрощавшись. Барри решил остаться дома и позволить себе отдохнуть остаток дня. Все равно уже ничего не напишется.

Он устроился на террасе с романом Ричарда Лаймона. Грозы сегодня как будто не предвидится, на небе ни облачка, только бескрайняя синь, воздух сухой и жаркий. Замечательно, только этого не хватало! Если в Корбане продлят ограничение расхода воды, его окончательно возненавидят.

Барри листал страницы, мельком проглядывая текст. Хотя гости ушли, он продолжал пить. Возле кресла копились пустые жестянки.

Час. Два. Три. Четыре. Когда в половине пятого к дому подъехал пикап Фрэнка, у Барри уже хорошо шумело в голове. По лестнице он спускался очень осторожно, придерживаясь за перила.

– Привет, Фрэнк! – Барри открыл дверь раньше, чем тот успел постучать.

– Ого! Да ты телепат!

Барри улыбнулся.

– Я увидел тебя с террасы.

– А, загадка разрешилась.

– Зайдешь?

– Нет-нет, я на секундочку. – Фрэнк вдруг смутился.

– Что такое?

– Я тут работал и случайно встретил кое-кого из правления…

Фрэнк опустил глаза и неловко переступил с ноги на ногу.

– Они просили тебе передать, что в Бонита-Висте не поощряется панибратство с городскими. Наверное, заметили, что ты к себе гостей каких-нибудь водил из города, или там я не знаю… В общем, они сказали, тебе можно в гости ходить в Корбане, а сюда – ни-ни.

– Что-о?

– Посторонние в Бонита-Висте не приветствуются.

– Так, они теперь будут мне диктовать, с кем можно дружить,

а с кем нельзя? – Барри не верил своим ушам. – Что за хрень!

Фрэнк развел руками.

– Я только передаю! Понимаю, звучит бредово, но не я же устанавливаю правила.

– Нельзя пригласить друзей к себе домой?

Фрэнк пожал плечами.

– Нельзя, если они из Корбана.

– Да не может такого быть!

– Так написано в уставе.

– На хер этот устав!

Барри не мог бы сказать наверняка, алкоголь в нем говорит или праведный гнев, но в эту минуту ему больше всего хотелось найти свой экземпляр УАДа и разорвать его в клочья на глазах у Фрэнка. Пусть передаст мерзавцам из правления: засуньте себе свой устав сами знаете куда!

Фрэнк с опаской оглянулся.

– Даже в шутку никогда такого не говори! Вдруг кто услышит?

Реакция Фрэнка показалась Барри странной – преувеличенной какой-то. Притворяется он, что ли, чтобы напугать Барри? Вспомнилось, как Фрэнк убеждал их с Рэем, что не ассоциация подослала хулиганов, разоривших сад. Фрэнк тогда оказался прав, но дело не в этом. Важно его отношение. Барри вдруг понял, что почти ничего не знает о Фрэнке.

Все на всех доносят.

С виду вроде неплохой парень, и Рэй ему доверял, и все-таки он не так уж непримирим к ассоциации, хоть и рассказывает иногда о своих стычках с правлением. Это еще не значит, что он подсадной, и все-таки слегка настораживает.

– Здесь мой дом, – ровным голосом произнес Барри. – Здесь я могу говорить, что хочу и о ком хочу. И если мне захочется высказать мнение, что архитектурная комиссия родную мать продаст с потрохами и не почешется, я это мнение выскажу.

Фрэнк вымученно улыбнулся и кивнул.

– А если мне захочется пригласить гостей, я их приглашу, ясно?

Фрэнк замахал руками.

– Придержи коней, ковбой! Я на твоей стороне!

– Ага, конечно…

По тону Барри было ясно, что он в этом сильно сомневается.

Фрэнк попятился.

– Ну, в общем, я передал, что велено… Пойду теперь.

Барри, стоя в дверях, смотрел, как Фрэнк сел в кабину и, помахав рукой, вывел пикап на дорогу.

Барри не собирался больше звать в гости компанию из кафе, но теперь ему захотелось назло таскать их к себе обедать хоть каждый день. Он закрыл дверь, поднялся в кухню и взял из холодильника банку пива.

Черт возьми, он еще и код от замка в воротах им скажет!

Устав Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Статья IV. Общие положения.

Раздел 9, параграф D:

Членам Ассоциации домовладельцев поселка Бонита-Виста запрещается общение с жителями города Корбана на территории поселка. Исключение возможно только в случае, если житель Корбана владеет участком в поселке и является членом Ассоциации.

Морин с утра предстояла встреча с Эдом Декстером из ипотечной компании, для которой она проводила аудиторскую проверку. Пока «Тойота» находилась в мастерской, где ей меняли бензонасос, у них осталась всего одна машина, поэтому Морин предложила подвезти Барри в город, к хибарке, которую он гордо именовал офисом. Обычно Барри уходил на работу после окончания утренней программы новостей, но сегодня ради Морин собрался пораньше, так что они вышли в восемь.

Морин медленно и осторожно вела машину по извилистой дороге, спускающейся по крутому склону к воротам.

Ворота за ночь изменились. Морин притормозила, чувствуя, как по спине ползет холодок и ледяным комом скапливается в животе. У Барри, сидевшего рядом с ней, тоже был ошарашенный вид.

Они только вчера вечером проезжали через эти ворота вместе с Майком и Тиной – попытались вытащить Лиз в ресторан поужинать, чтобы та немного развеялась. В прошлый раз Лиз была в этом ресторане с Рэем, поэтому всю первую половину вечера тихонько проплакала, а вторую – не поднимала глаз от почти нетронутой тарелки. В поселок они вернулись около десяти. Барри был за рулем. У ворот он, как всегда, остановился и набрал код.

А сегодня на этом месте высилось могучее сооружение: два каменных столба по бокам, с укрепленными на них чугунными коваными створками.

И сторожка охранника.

Барри и Морин молча переглянулись.

В этом месте дорога расширялась, обходя сторожку с двух

сторон, так что машины могли одновременно въезжать и выезжать из поселка.

«Субурбан» двинулся вперед и остановился перед самыми воротами.

Морин опустила боковое стекло. К машине подошел подтянутый охранник средних лет, с планшетом в руках. Короткая стрижка и оливковая милитаризованная форма придавали ему сходство с военным.

– Ваше имя, сэр?

Охранник смотрел в упор на Барри, как будто Морин вовсе не было за рулем.

Барри отвернулся и подчеркнуто уставился на жену.

Она невольно улыбнулась, отвечая:

– Меня зовут Морин Уэлч.

Охранник пробежался глазами по списку.

– Уэлч… Уэлч… Да, вот, Барри и Морин. – Суровое официальное выражение сменила льстивая улыбка. – Можете проезжать! Извините за неудобство.

– Можем проезжать? – Морин уже собиралась включить передачу, но, услышав вопрос Барри, задержала руку. – То есть, если бы нас не было в списке, вы бы нас не выпустили?

– В последнее время поступают жалобы на то, что по поселку бродят посторонние, – ответил охранник. – Один дом даже ограбили. Моя работа – следить, чтобы въезжали и выезжали только жители Бонита-Висты. А если нарушитель ухитрился как-то пробраться – то да, сэр, я обязан его задержать до прибытия шерифа.

Морин оглянулась на Барри: у него тоже кровь заледенела в жилах от фашистских ноток в этой отповеди?

– Значит, вас наняли и новые ворота установили из-за кражи?

– Я так понял, слишком много народу знали код. Водопроводчики, кровельщики, ремонтники… Да половина Корбана знала! Так что кодовый замок уже не выполнял свою функцию. Понадобились усиленные меры безопасности.

– Вы сами из Корбана? – спросила Морин.

Охранник покачал головой.

– Нет, мэм. Я здесь живу, в Бонита-Висте.

Сзади послышался звук мотора. Морин глянула в зеркальце заднего вида – за ними остановился красный «Сатурн».

Морин наконец включила передачу, однако ногу с педали тормоза пока не убрала.

– Скажите, а как… – Ей трудно было подобрать слова для вопроса. – Как все это здесь поставили… так быстро?

Охранник пожал плечами.

– Не знаю, мэм. Я не строил, я просто здесь дежурю.

Он ответил равнодушно, как будто произошло нечто пусть необычное и странное, но не так чтобы физически невозможное. Морин, проезжая в открывшиеся ворота, окинула взглядом каменные столбы – даже цемент на стыках уже просох. Словно вся конструкция стоит здесь уже месяцы, годы. Даже очень большая бригада рабочих не могла за одну ночь снести старые ворота, поставить новые, расширить дорогу и построить будку для охранника.

Выехав за ворота, Морин тихо спросила:

– О чем ты сейчас думаешь?

– О Дэвидсонах, – ответил Барри.

Морин кивнула:

– Я тоже.

Она тогда не вполне поверила их рассказу, будто бы ассоциация поставила ворота специально, чтобы выжить их из поселка, повысив размер членских взносов. А сейчас это казалось более чем вероятным.

Барри сказал:

– Может, позвонишь Чаку Шею или Терри Эбби? Спросишь, что происходит?

Морин покачала головой.

– Почему?

– Боюсь, – тихо ответила она.

Больше Барри ни о чем не спрашивал. Они проехали меж двух поросших сосновым лесом холмов и свернули на шоссе.

Морин спросила, набрав побольше воздуха:

– Как ты думаешь, от кого на этот раз они хотят избавиться?

Барри ничего не сказал, да она и не ждала ответа. До самого города ехали молча.

Вечером, когда они вернулись, в доме звонил телефон. Едва Морин отперла дверь, Барри бросился к кофейному столику и схватил трубку.

– Алло?

Морин тем временем закрыла наружную сетчатую дверь и убрала ключи в сумочку.

– Да, слушаю, – сказал Барри.

Значит, звонили не ей. Морин отнесла сумку вниз и пошла в ванную. Вернувшись через несколько минут, она застала Барри на том же месте. У него было странное выражение лица: не поймешь, плохие новости услышал или хорошие.

У нее заколотилось сердце.

– Барри?

Он показал рукой, чтобы она молчала, и сказал в трубку:

– Да… Понятно.

Морин тронула его за локоть.

– Хорошо, спасибо. До свиданья.

– Ну что? – спросила Морин.

Барри с ошарашенным видом нажал кнопку отбоя.

– Что там?

– Предлагают экранизацию.

– Что?!

– Хотят купить права на экранизацию «Друга». Полмиллиона долларов.

Барри все еще не мог до конца поверить.

Он застегнул чемодан и затянул ремни. В самом деле, «Друг» – один из самых коммерческих его романов, хотя и не первый по продажам. Барри всегда втайне считал, что из него бы вышел отличный фильм, но даже в самых безумных мечтах ему не могло привидеться, что книгой заинтересуется Голливуд, и уж тем более за такие деньжищи.

Вначале Барри подумал, что Кенни Толкин «замолвил за него словечко», но когда расспросил литагента, оказалось, что тот вовсе ни при чем. Инициатива исходит исключительно от кинокомпании. Какой-то сотрудник среднего звена прочел книгу в отпуске, ему понравилось, и он предложил ее для экранизации.

Барри все же хотелось доверить переговоры Кенни. У того больше опыта общения с голливудскими деятелями. Может, он хоть подскажет, каких подводных камней следует опасаться. Барри записал фамилии того читателя-сотрудника и официального представителя киностудии. Надо спросить, вдруг Кенни их знает.

Барри позвонил Фрэнку, хотел узнать телефон Кенни. К его изумлению, Фрэнк ответил со злостью, что художественный консультант неожиданно уехал из Бонита-Висты, и, видимо, насовсем. Оказывается, дом ему не принадлежал. Он два года незаконно проживал в особняке, владелец которого купил участок просто в виде капиталовложения и сам никогда сюда не приезжает. По всей вероятности, Кенни вообще не имеет никакого отношения к эстраде и Голливуду, он мошенник, уже несколько раз проворачивал подобные делишки в других штатах и успел облапошить нескольких жителей Бонита-Висты, а потом сбежал.

Барри зашел с чемоданом в гостиную попрощаться с Морин. Она улыбнулась ему и подняла руку со скрещенными пальцами.

– Удачи!

– Она мне не понадобится. Дело решено.

– Ну, все-таки…

Морин поцеловала его, обхватив руками за шею.

– Осторожней за рулем! И позвони из аэропорта. И когда приземлишься тоже!

Барри улыбнулся.

– Обязательно.

– Ты же знаешь, я беспокоюсь.

– Может, все-таки поедешь со мной? Всего-то на два дня.

– Вот если бы дольше… А с одной ночевкой – только зря деньги тратить.

– Деньги? – усмехнулся Барри. – Вот с этим у нас проблем больше не будет!

– Погоди тратить, получи сначала!

– Слышу голос истинного бухгалтера.

Морин оглянулась на часы.

– Иди-иди. До Солт-Лейк-Сити два часа ехать, не меньше.

Барри крепко обнял ее и поцеловал.

– Я тебя люблю.

Морин с улыбкой ответила на поцелуй.

– Я тебя тоже!

Поездка до Солт-Лейк-Сити показалась бесконечной. После горной гряды на сотню миль по сторонам шоссе тянулся однообразный пейзаж: слева засеянные поля, справа – предгорья.

Одно спасение – кассетник. Приличную радиостанцию здесь не поймаешь, остается слушать пленки, записанные с музыкальных альбомов и компакт-дисков, иначе заснешь за рулем.

Барри поймал себя на мысли – получится ли, если припрет, прожить на доходы с уже написанных книг? За две недели он не добавил к роману ни единого слова и просто не представлял себе, как успеть к сроку. И удастся ли вообще закончить книгу. Ладно бы еще он только с этим романом застрял – новых сюжетов тоже не придумывалось. Даже короткого рассказа не удавалось из себя выжать.

Предложение насчет экранизации – просто дар судьбы. Продать бы в Голливуд еще хоть одну книгу, тогда они смогут окончательно расплатиться за дом и лет десять спокойно жить. Особенно если список клиентов Морин будет продолжать расти.

Думать о том, что, возможно, его писательской жизни пришел конец, было страшно до обморока. Барри никогда ничем другим не хотел заниматься, да и просто ничего больше не умел. Если у него это отнимут… Господи, хоть бы все вернулось, хоть бы источник не иссяк окончательно!

Солт-Лейк-Сити оказался совсем не таким, как ожидал Барри.

Раньше он никогда здесь не был, только видел фотографии в журналах и на открытках: старомодные домики в викторианском стиле и современные здания в центре на фоне далеких гор в снеговых шапках. На самом же деле еще на подъезде к городу вдоль дороги потянулись бесконечные железнодорожные депо и уродливые заводские корпуса. Угнетающее зрелище. Барри воспрял духом, увидев наконец четкие современные очертания аэропорта.

Он едва успел выполнить свое обещание – позвонить Морин – и купить недорогую страховку на время полета, как объявили посадку.

Усевшись на свое место в самолете, Барри достал из сумки книгу. Чтение помогало отвлечься от мыслей о возможной авиакатастрофе и безвременной гибели в огненном аду. Морин каждый раз предлагала ему захватить одну из своих книг для вдохновения, но Барри стеснялся. К тому же ему совсем не хотелось перечитывать собственные тексты. Пока напишешь, вычитаешь, внесешь правку, потом сверишь гранки… К тому времени, как книга попадает на полки книжных магазинов, ты ее уже видеть не можешь.

Полет прошел без происшествий. Девушка в соседнем кресле была не расположена к разговорам, так же как и сам Барри. Не успел он оглянуться, как самолет уже катил по взлетно-посадочной полосе аэропорта LAX.

Барри всегда интриговало, откуда взялась буква «икс» в названии аэропорта. Официальное название – Лос-Анджелесский международный аэропорт. С чего вдруг «икс» означает «Международный»? Правда, она еще означает Христа в сокращенном обозначении Рождества Христова. И ею же обозначают перекрестки на дорожных знаках…

Сплошная бессмыслица.

Взятая напрокат машина уже дожидалась его. Барри снова позвонил Морин, отчитался, что самолет сел нормально, и через пять минут выехал из аэропорта, включив в машине кондиционер и свою любимую радиостанцию.

Несмотря на смог, бешеное движение на дороге и бомжей у обочины, Барри чувствовал, что снова дома. Надо же – оказывается, он скучал по Калифорнии. У светофора рядом с ним остановился ярко-красный автомобиль с откидным верхом. Водитель, коротко стриженный блондин, включил музыку на полную громкость, так что уши закладывало, – видно, хотел произвести впечатление на окружающих.

Эх, Лос-Анджелес!

Ощущение было такое, словно он много лет здесь не был.

Барри свернул на бульвар Уилшир – проехаться по городу, посмотреть, много ли изменилось за прошедшие месяцы. До встречи с литагентом оставалось полтора часа. Следуя внезапному порыву, Барри остановил машину возле своего любимого магазинчика подержанных пластинок. Отдел винила заметно сократился, а компакт-дисков – наоборот, вырос, но и в том, и в другом стеллажи тянулись длинными рядами. Барри с наслаждением перебирал альбомы и набрал целую стопку, пока не спохватился, что пора идти.

Двигаясь на восток вдоль бульвара Уилшир, он прикидывал, сколько времени уйдет на дорогу от Лос-Анджелеса до Бри. Там предстояло ночевать, и там он договорился встретиться с друзьями. Обед в обществе агента вряд ли займет больше часа. Еще останется время как следует пообщаться и обсудить последние новости.

Линдси Уайт ждала его на обычном месте – в ресторане «Кантерс». Как всегда, в зале было полно стариков, живущих в районе Фэрфакс, и начинающих звезд Голливуда. Линдси устроилась в угловой кабинке и, увидев Барри, издали замахала ему. Не успел писатель сесть, как она со своим всегдашним самоуверенным видом щелкнула пальцами, призывая официантку, а когда та подошла, заявила:

– Обслуживают здесь вечно с черепашьей скоростью, так что я сделала заказ заранее. Ты тоже закажи, а потом поговорим.

Барри еще не успел заглянуть в меню, поэтому заказал то же, что и в прошлый раз: сэндвич с бастурмой и охлажденный чай.

Официантка ушла, а Линдси, потянувшись через столик, похлопала Барри по руке.

– Как дела? Как живется в глуши?

– Нормально.

– Это замечательно! – воскликнула Линдси, не дав ему продолжить, и еще минут пятнадцать выпендривалась. Барри, как обычно, терпел, изображая интерес к ее очередному стильному увлечению. Она была из тех, кого Морин прозвала «интеллектуалами от «Мирамакса»[11] – людей не слишком знающих и начитанных, зато истово следующих модным веяниям на основе артхаусного кино: посмотрев «Ангел за моим столом», они бросаются читать Джанет Фрейм, после «Иль Постино» изображают бурный восторг от Пабло Неруды и знают Джейн Остин по фильмам, а не по книгам. В светском обществе такой подход процветает, у Барри от него зубы сводило, а Морин вообще всеми силами избегала общения с Линдси, до того ее раздражала эта манера.

Затем принесли еду, и Линдси наконец перешла к делу.

Новости оказались нерадостными.

– Я думала, мы сегодня и контракт подпишем, но… Уже после нашего разговора возникли сложности. Боюсь, что сделка сорвалась. Хотя я не отчаиваюсь! – поспешно прибавила Линдси. – Может, еще получится. Беда в том, что на киностудии сменилось руководство. Знаешь, как это бывает, – все, что связано с прежним начальством, автоматически оказывается под вопросом. В данном случае – мы. Правда, я надеюсь на той неделе устроить встречу с одним довольно высокопоставленным сотрудником. Возможно, что-нибудь и выйдет. Посмотрим… «Друг» – прекрасный материал, очень киногеничный. Они наверняка это поймут, надо только их уболтать, чтобы посмотрели на него отдельно от нежелательного контекста, который и привел к отказу…

Линдси постаралась изобразить улыбку.

– Пирожное будешь?

Когда они вышли из ресторана, еще не стемнело. Барри сел в машину и отправился в путь, рассчитывая проскочить до вечерних пробок.

Какое-то время это ему удавалось, но на шоссе в Санта-Ану скопилась плотная масса машин. От Санта-Фе-Спрингс Барри двинулся в объезд, избегая тех участков, где велись дорожные работы. Сложности маневрирования в калифорнийских транспортных потоках отвлекали от печальных известий.

В Бри он неожиданно для себя решил проехать через свой прежний район. Мостовые и тротуары были сплошь засыпаны лиловыми лепестками жакаранды – нависающие над дорогой деревья роняли цвет, по-летнему покрываясь листьями. Заходящее солнце окрасило смог в ярко-оранжевые тона. Внезапная ностальгия кольнула сердце.

Все-таки хорошо было жить в Калифорнии… И никакой тебе ассоциации домовладельцев.

Джереми, Чак и Дилан ждали его на парковке возле «Майндербайндера» – они часто собирались здесь в студенческие времена. Нынешние посетители тоже были все сплошь студенты колледжа и на четверку новоприбывших смотрели с большим подозрением.

– Наверное, мы выглядим старше своих лет, – заметил Дилан.

– Не в этом дело, – возразил Чак. – Ты просто чувствуешь себя моложе своих лет.

– Я понимаю, что ты меня подкалываешь, но ведь молодость духа продлевает жизнь, разве нет?

– Ну, преимущества инфантильности пока еще никем не

доказаны.

Подошла скучающая официантка. Друзья заказали пиво.

– Он платит за всех, – объявил Дилан, указывая на Барри. – Он богатый и знаменитый писатель. Только что продал свой роман в Голливуд.

Официантка, слегка оживившись, улыбнулась Барри.

– Празднуете?

– Нет.

– Ну все равно, поздравляю!

Она отошла от столика, преувеличенно покачивая бедрами. Дилан расхохотался, а когда официантка уже не могла услышать, сказал:

– Готово, друг! Она твоя, только свистни.

– Я же вам говорил, с экранизацией сорвалось.

– Ну, она-то этого не знает! И вообще, зачем нужны слава и богатство, если нельзя иногда пошалить?

– Я все Мо расскажу!

– Кстати, как вольная жизнь в лесном краю? – спросил Джереми.

– Не такая уж и вольная…

Барри начал долгую повесть о бесконечных запретах и драконовском уставе ассоциации домовладельцев. На середине рассказа официантка принесла пиво и, когда ставила бокалы на стол, постаралась наклониться так, чтобы продемонстрировать Барри свое декольте.

– Теперь они еще и будку поставили с охранником, и новые ворота, чтобы посторонние не забредали. Хочешь въехать или выехать – проси разрешения.

– Серьезно? – заржал Чак.

– Серьезней некуда.

– А чаевые ему нужно давать, охраннику этому? – поинтересовался Дилан. – На Рождество там и на другие праздники… Говорят, в Нью-Йорке швейцарам так приплачивают.

– Понятия не имею, – ответил Барри. – Да если бы только в этом была проблема!

Он не собирался ничего говорить о том, что пугало его по-настоящему. Наверняка со стороны это покажется дурацким и смешным… Но Джереми смотрел вопросительно, и Барри невольно разоткровенничался.

Они же его друзья! Если не им, кому и рассказывать?

Барри сделал глубокий вдох.

– Это только капля в море…

И выложил все как на духу: о гибели Барни и о смерти Рэя, о Культе и о бродяге, который напугал Морин. И о том, что новые

ворота появились за одну ночь, будто по волшебству.

Друзья долго молчали. Они явно не знали, что сказать.

Первым заговорил Чак.

– Ты точно не испытываешь на нас новый сюжет для романа?

– Если бы! К сожалению, я совершенно серьезен. Все так и было.

Барри надолго приложился к пиву.

– Я тебе верю! – объявил Дилан. – Есть многое на свете, брат Горацио…

Чак толкнул его плечом.

– Хватит красоваться перед студентками, перевирая цитаты из Шекспира! Это не к лицу человеку в твоем возрасте.

– В моем возрасте?

– Я говорил, что не надо вам переезжать, – сказал Джереми.

Барри одним глотком допил пиво.

– Угу, спасибо.

– И я сразу понял, что дохлая кошка – не к добру.

Дилан покачал головой.

– Что, и вправду в лесу, вплотную к домам, култыхается какой-то урод, без рук, без ног, без языка?

– Правда.

Вопросы посыпались градом – не от недоверия к нему, просто рассказанное не укладывалось у друзей в голове. Барри перевел дух – в нем не сомневались.

Джереми хлопнул его по плечу:

– Слушай, чувак, если что – мы с тобой. Как почувствуешь, что дело швах, – звони, поможем.

– Боюсь, придется ловить вас на слове.

– Ну так!.. Устроим себе отпуск! – заявил Дилан.

Они просидели почти до полуночи. Джереми приглашал к себе с ночевкой, но отменять заказ на номер в отеле было уже поздно.

– Все равно платить, так хоть воспользуюсь.

Прощаясь, Джереми пожал ему руку неожиданно взрослым жестом.

– Серьезно, если начнется хрень какая-нибудь, только позови.

Барри благодарно стиснул его руку.

– Позову. Даже не сомневайся.

Сейчас он был рад, что выбрал гостиницу в округе Ориндж, а не возле аэропорта. Не придется на ночь глядя далеко ехать. Завтрашний рейс в одиннадцать с чем-то, а потом долгая дорога, еще и остаток часа пик он зацепит.

Пятнадцать минут спустя Барри упал в кровать и отключился. Так и пролежал бревном, пока в семь утра его не разбудил

заказанный накануне звонок.

Перехватив на завтрак макмаффин с яйцом, Барри снова поехал в Лос-Анджелес.

На дороге встретились неожиданные заторы, и в результате Барри, пока сдавал прокатную машину, чуть не опоздал на самолет. Расслабился и перевел дух только уже в воздухе, глядя в иллюминатор на уходящий вниз мегаполис. Как ни странно, он был рад, что возвращается домой. Все-таки штат Юта стал ему по-настоящему родным. В Калифорнии весело, но он там уже не свой. Хотя действительно хорошо, что съездил. Поделился с друзьями, выговорился, и стало легче. Словно откуда-то пришли новые силы, и теперь ему ничто не страшно.

Даже ассоциация домовладельцев.

В Солт-Лейк-Сити прибыли в начале второго. Кормили в полете скудно, Барри все еще был голоден. До Корбана ехать предстояло долго. Он зашел в закусочную «Сабвэй», взял сэндвич и большой стакан кока-колы.

Держа руль одной рукой, порылся в коробке с кассетами на пассажирском сиденье и поставил «Джетро Талл». Зазвучала знакомая мелодия, и на душе сразу стало хорошо. Барри, улыбаясь, прибавил звук.

Если и был у него кумир, то только Иэн Андерсон. Мало того, что лидер группы уже не одно десятилетие сочинял неизменно первоклассную музыку, он еще и не шел ни на какие компромиссы. Барри восхищался его художественной цельностью и драйвом, которые привели к созданию такого альбома, как «A Passion Play». Этот человек плевать хотел на критику и даже на собственных фанатов, он следовал за своей музой и ничего не боялся. Барри мечтал быть настолько же смелым и свободным. Пусть у него не хватит таланта, чтобы достичь таких высот, лишь бы хватило честности и храбрости, по крайней мере на попытку.

Полтора часа спустя он свернул с основной магистрали на двухполосное шоссе, ведущее к Корбану. Здесь его уже не обгоняли автофургоны дальнобойщиков. Лишь изредка встречный джип или пикап напоминал о том, что Барри не один на дороге.

Откуда взялось слово «дальнобойщики»? Не бывает ведь «короткобойщиков» или каких-нибудь там просто «бойщиков». Явный водительский жаргон, непонятно, как он проник на телевидение, а потом и в общее употребление.

Дорога пошла в гору. Редкие кустики уступили место кедрам и зарослям можжевельника. Барри обогнул выступ холма, и тут с боковой, почти незаметной дороги выскочил белый внедорожник «Джимми». Барри притормозил, пропуская его на шоссе. Внедорожник, взревев мотором, унесся вдаль. Барри не успел еще

снова набрать скорость, а тот уже скрылся за поворотом.

Десять минут спустя Барри снова его увидел: отчаянно сигналя, тот плелся позади серебристого «Лексуса». Даже на расстоянии полумили было видно, что «Лексус» нарочно издевается – то ускорится, то притормозит, а когда «Джимми» пытается его обогнать, сдвигается на соседнюю полосу и загораживает путь.

Наконец водитель «Джимми» не выдержал, выскочил на узкую обочину и попробовал обойти переднюю машину справа. «Лексус» наддал, не позволяя «Джимми» вернуться на шоссе. Впереди дорогу пересекал довольно глубокий овраг – высохшее русло реки. На подъезде к мосту обочина исчезала совсем. «Джимми» рванулся вперед в отчаянной попытке проскочить. Из-под колес летели комья земли.

А «Лексус» не сбавлял скорость.

Должно быть, водитель «Джимми» в последнюю секунду понял, что соперник не отступит, как будто затеял какую-то странную игру «у кого крепче нервы», и ударил по тормозам, да только поздно. Автомобиль скатился по крутому склону в овраг.

Барри был близко и хорошо видел все происходящее. Остановив машину в том месте, где заканчивалась обочина, он бросился к краю обрыва. Между тем водитель «Лексуса» опустил боковое стекло, что-то крикнул пострадавшему и умчался.

«Джимми» не перевернулся, зато на всем ходу врезался в песчаный откос. Водителя, судя по всему, выбросило через открытую дверцу.

– Вот черт! Вы целы? – крикнул Барри, подбегая.

Водитель кивнул, ощупал разбитый лоб и принялся отряхивать рубашку от песка и сухих листьев.

– Помощь нужна? Давайте позвоню в «Скорую», в полицию…

– Нет! – заорал водитель «Джимми». – Полицию не зовите!

– Вы серьезно? Это гад буквально вытолкнул вас с дороги. Я все видел, я свидетель!

– Я никого ни в чем не обвиняю. Не надо ничего. Просто…

Он помотал головой, словно собираясь с мыслями.

– Слушайте, если хотите помочь, подвезите меня в Корбан, к заправке. У Бака есть тягач, он отбуксирует мою машину в город.

– Конечно, как скажете, – отозвался Барри. – Все-таки полицию надо бы вызвать – хоть протокол для страховой компании составить.

– Нет!

Барри замахал руками.

– Не хотите – не надо.

Водитель «Джимми» потрогал лицо, посмотрел на пальцы.

– Крови вроде нет, – сказал Барри.

Тот осторожно сделал пару шагов.

– Помочь?

– Сам дойду.

– Попадаются же такие придурки, – заметил Барри. – Я видел, как он выжимал вас с дороги…

– Не хочу об этом говорить, – отрезал водитель «Джимми».

Барри кивнул, и они стали карабкаться вверх по крутому склону оврага. Барри шел медленно, на случай, если пострадавшему понадобится помощь, но тот поднялся на самый верх самостоятельно.

– Вы из Корбана? – спросил Барри, подходя к своему «Субурбану».

– Угу.

– И я. Живу в Бонита-Висте.

– Я тоже, – очень тихо произнес водитель «Джимми».

Больше он не раскрывал рта до самой заправки, как ни старался Барри его разговорить.

Даже имени своего не назвал.

Расс Гиффорд, вернувшись после работы домой, не обнаружил своей подружки.

Он подумал бы, что она ушла в магазин, или на теннисный корт, или на пробежку по лесной тропе, если б не розовый листок бумаги, засунутый в дверную щель и трепещущий на ветру.

Извещение на бланке ассоциации домовладельцев.

Расс читал и перечитывал сухой официальный текст. Руки у него тряслись, а внутри клубилось трудно определимое словами чувство: может, злость, может, растерянность, а может, и страх. Над пунктирной линией было неразборчиво вписано его имя, а в квадратике против пункта «Приняты меры по устранению нарушения» стояла галочка. Нижнюю часть листка занимали строки, от которых холодела кровь: «В поселке Бонита-Виста совместное проживание пар, не состоящих в браке, строжайше запрещено (см. статью IV, раздел 9, параграф F). Во избежание дальнейшего нарушения Тамми Биндлер удалена из поселка».

Что за чертовщина?

Он еще раз перечитал текст.

Проживание запрещено? Удалена? Не убили же ее, в самом деле! Тогда что? Увезли силой и держат где-то взаперти? Тоже невообразимо.

Расс бросился в дом звонить сестре Тамми в Сент-Джордж и ее матери в Кингман в надежде, что Тамми им что-то рассказала, но ни та, ни другая ничего не знали.

Расс метнулся в спальню и заглянул в платяной шкаф: вся ее одежда на месте. Туалетные принадлежности в ванной тоже.

Он растерянно замер посреди комнаты, не понимая, что делать дальше.

Призвать на помощь закон.

Расс набрал девять-один-один – и тут же положил трубку, не дожидаясь ответа. Он видел немало детективных фильмов и знал, что официально человека могут признать пропавшим только через сорок восемь часов.

Ну и черт с ним! Он соврет.

Снова набрал девять-один-один и сказал диспетчеру, что его девушка три дня как пропала – он боится, не случилось ли с ней чего. Диспетчер записала его имя и адрес, пообещав, что шериф приедет через полчаса. И действительно, не прошло и пятнадцати минут, как возле дома остановилась патрульная машина. Расс вышел навстречу.

Из машины вылез суровый с виду немолодой человек, поправил ремень и подошел к крыльцу.

– Шериф Хитмэн, – представился он. – Вы Расс Гиффорд?

– Да. Слава богу, что вы приехали! Моя подруга пропала.

– Я слышал, три дня уже не появлялась?

Кажется, в голосе шерифа проскользнуло недоверие? Расс нахмурился.

– Да, с понедельника.

– Хм-м… – Хитмэн строго посмотрел на него. – Слушайте, мистер Гиффорд, давайте начистоту. Никто не станет ждать три дня, если пропал близкий человек.

– Ну хорошо… Она исчезла сегодня. – Расс протянул шерифу листок. – Вот это я нашел у входа в дом. Звонил ее маме, сестре – никто не знает, где она и что с ней.

Хитмэн проглядел бумагу и вернул Рассу.

– Я сожалею. Этот вопрос вне моей компетенции.

Расс вытаращил глаза:

– Что?!

– Я не вправе вмешиваться в ваши дела с ассоциацией.

– Тут человек пропал!

– Ваша подруга не пропала. – Хитмэн кивнул на листок. – Здесь ясно сказано: ее удалили из поселка, потому что ассоциация домовладельцев не разрешает проживание неженатых пар.

– Вы шутите? – недоверчиво фыркнул Расс.

Шериф молча смотрел на него.

– Хотите сказать, если в Бонита-Висте будет совершено преступление, вы и пальцем не пошевелите?

– Никакого преступления никто не совершал, – терпеливо объяснил шериф. – Если вы почитаете свой собственный устав, то убедитесь, что по закону ассоциации домовладельцев надлежит добиваться соблюдения установленных ею правил.

– Вы-то сами на чьей стороне?

– Я ни на чьей стороне. Я служу в органах охраны правопорядка, этим и занимаюсь – охраняю правопорядок. Всего хорошего, мистер Гиффорд!

Расс шагнул за ним.

– Постойте! А мне что делать?

Хитмэн открыл дверцу машины.

– Со всеми вопросами обращайтесь в правление своей ассоциации. До свидания!

Патрульная машина уехала. Расс долго смотрел ей вслед.

Правление ассоциации.

А ведь он и не знает, кто состоит в правлении. На розовом листке не было ни подписи, ни конкретных фамилий. Наверняка список членов правления можно посмотреть в уставе, только он куда-то закинул чертову книжицу, как только ее получил. Можно спросить у соседей, но они с Тамми были не очень общительными и почти никого в поселке не знали. Неудобно как-то лезть с вопросами к практически посторонним людям.

Рэй Дайсон ответил бы наверняка. Старик относился к ним по-дружески, даже приглашал пару раз в гости. Однако Рэй умер…

Может, его жена Лиз что-нибудь посоветует?

Расс пошел пешком. Напрямик, через посадки, получится быстрее, чем на машине. Он пересек улицу и начал подниматься в гору, не разбирая дороги.

Расс знал, что Рэй ненавидел ассоциацию домовладельцев, – не знал только почему. А теперь понял. Эти самодовольные ханжи стремятся навязать всем вокруг свое представление о морали. Если они с Тамми не женаты, так ее надо вон из поселка? Они уже десять лет вместе! Наверняка дольше многих супружеских пар в Бонита-Висте.

Черт побери, будь у него деньги, он бы нанял частного детектива, пусть выяснит, сколько этих подонков из правления сами в разводе или изменяют женам и вообще не дотягивают до высоких стандартов устава.

Злость – это хорошо. Она прогоняет отчаяние.

Обойдя пышно разросшийся куст манзаниты, Расс оказался прямо перед домом Дайсонов. Все еще сжимая в руке розовый бланк, который про себя называл «извещением об удалении», Расс поднялся на крыльцо и позвонил.

Никто не откликнулся. Он позвонил снова, потом еще и постучал.

Наконец дверь приоткрылась. Лиз выглянула в щелочку.

– Да?

Выглядела она ужасно: ненакрашенная, со всклокоченными волосами, в каком-то грязном халате. Больше всего Расса поразило, что она не узнала его в лицо.

– Это я, Расс!

– Что вам?

Лиз говорила очень неприветливо. То ли так и не вспомнила его, то ли вообще была не расположена к беседе.

Расс торопливо начал:

– Я сегодня приехал с работы, а Тамми нет. Я бы ничего такого и не подумал, но вот, это было у входной двери. – Он помахал «извещением». – Бумага от ассоциации, там написано, что неженатым парам нельзя жить в Бонита-Висте и что Тамми «удалили». Я не понимаю, какого черта все это значит…

Лиз открыла дверь чуть шире и, высунув голову, осмотрелась по сторонам, словно ожидала увидеть соглядатаев.

– Они проводят чистку, – прошептала Лиз. – Наказывают тех, кто нарушает правила, избавляются от людей, которые им досадили…

– Я-то при чем? Я им ничего не сделал. Вообще понятия не имею, кто там у них в правлении.

– Узнать бы, кого еще выселили, – чуть слышно пробормотала Лиз. – Вы знакомы с Патом и Уэйном? Которые геи?

– Ну да, встречал у вас в гостях.

– Знаете, где они живут?

– Совсем рядом, на Дубовой улице.

– Загляните к ним. Увидите, их тоже нет.

Рэй вдруг заметил, что, сам того не сознавая, мнет «извещение» в кулаке.

– Так кто же состоит в этом чертовом правлении? Я хочу выяснить, что случилось с Тамми! Я от них добьюсь ответа!

– Мой муж тоже хотел, – прошептала Лиз и закрыла дверь прямо перед его носом.

Щелкнул замок, звякнула дверная цепочка.

– Хоть одну фамилию назовите! – Расс треснул кулаком по двери. – Кто у них председатель?

Но Лиз больше не появлялась. Расс еще несколько минут безрезультатно стучал и звонил, выкрикивал что-то умоляющее, потом наконец сдался. На обратном пути он подошел к дому, где жили Пат и Уэйн. Дверь ему не открыли, и вообще никто в доме не подавал признаков жизни – хотя во дворе по-прежнему стояли

две машины.

Удалены.

Злость прошла, навалились ощущение безнадежности и цепенящий страх, что Тамми уже не помочь. Он обречен бессильно сидеть на месте, пока с ней происходит что-то неведомое и страшное. Расс попытался снова вызвать в себе злость и направился к соседнему дому. Дверь открыла приятная на вид женщина. Расс спросил, не может ли она сказать, кто состоит в правлении ассоциации. Никаких подробностей добавлять не стал, чтобы не грузить соседку своими проблемами, но она от одного вопроса шарахнулась назад.

– Погодите! – закричал Расс, однако дверь уже закрылась, и раздался щелчок замка.

То же самое повторялось и в других домах. Расс обошел всю улицу. Почти везде кто-нибудь подходил к двери, всего несколько домов служили своим владельцам только на время отпуска и сейчас пустовали, да кое-где хозяева еще не вернулись с работы. На вопрос об ассоциации домовладельцев ответить не захотел никто.

Домой Расс пришел расстроенный, растерянный и напуганный. Перевернул все вверх дном, разыскивая устав, но так и не нашел.

Весь остаток вечера обзванивал друзей и знакомых, спрашивал, не звонила ли им Тамми, рассказывал в общих чертах, что случилось, и просил совета. Кажется, никто ему не поверил. Черт возьми, он бы и сам не поверил, расскажи ему кто другой такую дикую историю.

Лиз говорила о чистках. Что она имела в виду? Надо было спросить… Хотя она явно была не в настроении общаться.

Ему вдруг представилось, как в глухом лесу толпа инквизиторов в рясах привязывает Тамми к столбу и сжигает заживо за то, что жила с мужчиной до свадьбы…

Да нет, не может этого быть!

Или может?

Удалена.

Расс заплакал, впервые с далекого детства, и плакал, пока не заснул. То были скорее слезы бессильной ярости, а не скорби. Все чувства перемешались. Казалось, он должен что-то сделать, вспомнить бы только что. Рассудком он понимал, что это эмоциональная реакция, как у всякого человека, потерявшего кого-то из близких. На самом деле ему остается только ждать.

Обычно Расс спал крепко, но сегодня, измучившись от неизвестности и непривычного ощущения пустой кровати, ворочался с боку на бок и спал урывками. Просыпаясь, смотрел на

часы: половина двенадцатого, без двадцати, без пяти, полночь. Во втором часу наконец задремал и проспал полтора часа. Может, так и дотянул бы до утра, но его разбудил громкий стук.

Открыв глаза, Расс машинально взглянул на будильник: час сорок три. Он сел, стараясь понять, откуда шум. По его ощущениям, звук доносился со стороны улицы.

Вообще, грохот был такой, словно в стену дома швыряют булыжники. Хотя обычно дети, когда хулиганят, бросят один-два камня и тут же удирают, а он с тех пор, как проснулся, насчитал не меньше десятка ударов, и шум не стихал. Больше того – стук звучал равномерно, словно камни метала какая-то машина вроде катапульты. Вдруг раздался особенно громкий удар, и окно в гостиной разлетелось вдребезги.

Не успел еще затихнуть звон разбитого стекла, а Расс уже выскочил из постели, промчался через весь дом и, распахнув входную дверь, быстро включил фонарь над крыльцом.

– Я все про тебя знаю, придурок! – заорал он во тьму, хотя никого не мог рассмотреть. – Сейчас полицию вызову, дебил хренов!

У его ног валялись камни – видимо, те самые, которыми швыряли в стену. В круге света от фонаря ими была засыпана вся земля. Расс похолодел.

– Выметайтесь с моего участка! – заорал он, вглядываясь в черноту.

В ответ – ни звука, ни движения. Кто же это делает? И почему?

Удалена…

Расс наклонился поднять камень, и снова ночную тишь вспорол звон бьющегося стекла.

На этот раз в его машине.

В кустах послышался топот, и со всех сторон в стены дома полетели камни.

Расс отскочил за дверь, защелкнул замок и затаился. Сердце колотилось так, что заглушало даже панические мысли. Крикнуть бы, пригрозить – но Расс подчинился инстинкту.

Им завладел страх: там, в темноте, так много людей. И действуют так организованно.

Кто они? Что им от него надо?

Ассоциация домовладельцев.

Точно.

Вообще-то, полная бессмыслица. С чего бы взрослым людям прятаться в кустах посреди ночи и швыряться камнями в дом соседа? Но ведь и история с «удалением» Тамми – бессмыслица. Если удалили одну половину греховной пары, захотят избавиться

и от другой.

У Расса не было ни ружья, ни револьвера, зато были клюшки для гольфа. Он выбрал одну, потяжелее, «девятый номер», и сделал пробный замах. Приятно было слышать, как она со свистом рассекает воздух. Если кто из этих подонков сунется в дом, Расс ему голову снесет.

Он вернулся в гостиную, придвинул кресло к стене и сел лицом к разбитому окну. Прохладный ночной ветерок раздувал занавески, осколки стекла на ковре поблескивали в лунном свете.

Расс ждал, стиснув клюшку до боли в пальцах.

Грохот продолжался еще примерно час, потом внезапно затих. Расс так и не уснул до самого рассвета.

Утром он упаковал самое необходимое, взял чистую одежду на неделю, запер дверь и выжал из своего «Доджа» максимальную скорость.

Как-нибудь потом он приедет с друзьями, заберет оставшиеся вещи – и выставит дом на продажу.

Устав Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Статья IV. Общие положения.

Раздел 9, параграф F:

На территории поселка запрещается сожительство вне брака с представителями своего либо противоположного пола.

Пары, не состоящие в браке, могут совместно владеть участком в Бонита-Висте, однако им запрещается одновременно проживать на этом участке вплоть до вступления в брак. Однополые пары не имеют юридического статуса супругов и вследствие этого строго запрещены.

После переезда в Юту Барри и Морин стали ложиться спать намного раньше, чем в Калифорнии («Влияние мормонов», – говорил Барри). Впрочем, каждодневные ритуалы остались прежними, и хотя они заранее договорились той ночью заняться любовью, Барри успел задремать, пока Морин плескалась в душе. В спальне работал телевизор – шла передача «Неполиткорректно» с Биллом Маром. Морин присела на край кровати, глядя на мужа сверху вниз. По его лицу перебегали голубоватые отсветы от экрана.

Она всегда завидовала тому, как легко он засыпает. Едва положит голову на подушку – и тут же отключается. Так и спит до утра, и лицо ангельски безмятежное, какие бы передряги ни приключились за день. А она, Морин, вечно крутится с боку на бок, просыпается, если Барри пошевелится или в комнате станет

чуть теплее или прохладней…

Барри улыбнулся во сне. Морин слегка потыкала пальцем ему в щеку.

– Эй!

Он нахмурился и заморгал.

– А? Что?

– Ты спишь!

– И что?

Морин обиделась.

– Мы вроде собирались…

– Шучу!

Барри зевнул, с улыбкой потянул Морин к себе и принялся целовать. Ей пришлось немного потрудиться, чтобы его завести. Сама она, с тех пор как перестала принимать противозачаточные таблетки, возбуждалась мгновенно. Это придавало занятиям любовью особую остроту, и сегодняшняя ночь не стала исключением. Морин кончила быстро и бурно.

Потом она лежала рядом с Барри и слушала, как он похрапывает, заглушая негромкое бормотанье телевизора. Смотрела в спящее лицо и не могла понять: попытки завести ребенка так же увлекают Барри, как ее саму, или все-таки меньше? Да, конечно, он уверял, что хочет детей, но, как говорится, суди не по словам, а по делам. Все его поведение явно указывало на то, что он не очень стремится обзавестись потомством. Хотя наверняка будет хорошим отцом…

Морин заснула, глядя на мужа и прислушиваясь к успокаивающему звуку его глубокого, ровного дыхания.

Утром они впервые за неделю позавтракали вместе. Барри поджарил французские гренки, а Морин тем временем выжала апельсиновый сок. Потом проводила Барри до дверей и поцеловала на прощанье.

– Удачи, милый!

– Да что это с тобой?

Она, смеясь, погладила себя по животу.

– Надо осваивать традиции нормальной семейной жизни!

Барри как-то неопределенно улыбнулся и уехал. Морин помахала ему вслед, потом заперла дверь. На сегодня у нее не было назначено никаких деловых встреч. Страшно сказать – она полюбила свободные дни и теперь старалась так распределять рабочее время, чтобы вся нагрузка приходилась на понедельник, среду и пятницу.

Вторник и четверг – ее время.

На теннисный корт Морин после неприятной стычки с

подростками больше не ходила. У нее и дома дел хватало. Она копалась в саду, заглядывала в гости к соседям, с кем успела подружиться. Постепенно привыкала к новой жизни. А если не все в Бонита-Висте идеально… Что делать, нет в мире совершенства.

Морин устроилась на диване перед телевизором и включила Си-эн-эн. Недалеко от Лос-Анджелеса в пустыне произошло землетрясение. По сообщениям сейсмологов из Калифорнийского университета, сила землетрясения достигла 6,1 по шкале Рихтера, толчки ощущались также в Финиксе и Лас-Вегасе. Сведений о жертвах и разрушениях пока не поступало, хотя ведущие, в вечной погоне за сенсациями, больше минуты беседовали в прямом эфире с пострадавшим, пока сообразили, что их разыгрывает какой-то фанат Говарда Стерна[12].

– Баба Буи! – заорал «пострадавший». – Ку-ку, Джеки! Тимми – дохлый кот!

Морин расхохоталась и выключила телевизор. День предстоял жаркий, так что имело смысл к десяти закончить работу в саду. Она зашла на кухню, налила в пластиковую бутылку воды и отправилась в сад, прихватив с собой мобильник – вдруг клиент позвонит? Скверная привычка. Барри именно поэтому до сих пор не завел мобильного телефона, хотя и признавал, что было бы полезно держать его при себе в машине, на случай аварии. Ему не нравилось, что Морин в любую минуту могут достать по работе. Она, в свою очередь, пыталась объяснить, что его профессия – исключение, а большинство людей имеют дело с клиентами или заказчиками, они не могут под настроение взять и устроить себе выходной, вывесив табличку: «Ушел на рыбалку». На деловые звонки приходится отвечать даже в неудобное время.

В саду делать было почти нечего. Морин добавила подкормку розовым кустам и выполола новые побеги вьюнка, обвившие стебли особо чувствительных растений. Когда она собирала первые в этом году спелые помидоры, зазвонил мобильник. Морин наскоро вытерла руки о джинсы и схватила телефон – он лежал рядом на большом камне.

– Алло?

Звонила Одри Ходжес. К ней только что заглянула Лора Холм, возвращаясь после ежедневной пробежки, и мимоходом рассказала, что видела, как Морин работает в саду. Вот Одри и решила узнать, как у нее дела.

– Все хорошо. Я устроила себе выходной. Хочу домашними делами заняться.

– Отлично, замечательно! – Одри чуть помолчала. – Вообще-

то я звоню не просто так. Мы с Фрэнком ищем налогового консультанта. Пришло извещение, якобы у нас задолженность в пятьсот долларов из-за того, что сумма дохода в налоговой декларации Фрэнка не совпадает с той, что указана в отчетах его начальства и нашего банка. Уже второй год подряд такая ерунда происходит, мне просто надоело. Мы вчера из-за этого поругались даже и, в общем, решили обратиться к специалисту… Только один раз, – торопливо прибавила Одри. – Не стоит рассчитывать на нас как на постоянных клиентов. Фрэнк хочет на следующий год заполнить декларацию сам, по твоему образцу. Я-то лучше бы всегда к тебе обращалась, но от него и такой уступки добиться – все равно что коренной зуб выдрать.

Морин засмеялась.

– Да запросто! Я вам скидку сделаю, по-соседски.

– Спасибо, Мо! Так может, зайдешь сегодня к обеду?

– Н-не знаю, – замялась Морин. – Вообще-то я немного занята…

– Да ладно! Все равно тебе надо будет поесть. Поболтаем, посплетничаем, да и пройтись тебе полезно. Часикам к двенадцати приходи, перекусим, и побежишь. Я не буду тебя задерживать.

– Намекаешь, что мне нужно заняться фигурой?

– После моего лукового супа по-французски?

Морин засмеялась.

– Хорошо, приду к двенадцати.

Она еще часик провела в саду – полила клумбы и истребила изрядное количество улиток. Потом вернулась в дом, приняла душ и переоделась.

Компьютер манил, и соблазн закончить вчерашнюю сводную таблицу был велик, но Морин не поддалась, устроилась на диване и перечитала последние номера «Лос-Анджелес таймс». Выходной так выходной! Около двенадцати, дочитав газеты, она еще раз забежала в ванную, накрасила губы и, прихватив ключи, отправилась к Одри. Многие в поселке не запирали дверей, полагаясь на охрану у ворот, однако после случая с котом Барри и Морин всегда запирали дом, уходя даже ненадолго.

Погода стояла прекрасная – не жарко, а приятно тепло; по небу плыли пушистые белые облака, в каких дети любят находить разные картинки. Проходя мимо пустой площадки, где предполагалось построить бассейн, Морин с удивлением увидела рабочих. Пятеро или шестеро подстригали кусты и сгребали граблями сухие листья и прочий мусор, другие долбили мотыгами твердую каменистую почву. Работали они без рубашек и до жути напоминали группу каторжников, хотя никаких оков не

было и в помине.

Морин прошла мимо, не глядя на мужчин и отчего-то смущаясь, ожидая в любую секунду услышать одобрительные свистки и улюлюканье, однако на площадке раздавались только лязганье садовых ножниц и звон металла о камень, да изредка кто-нибудь из рабочих громко хекал от усилий.

Морин показалось странным, что они работают вручную – ни бензопилы, ни культиватора… Может, против этого тоже есть какие-то правила в уставе ассоциации?

Одри накрыла стол снаружи, на патио. Она еще издали замахала рукой.

– Сюда! Все уже готово, я как раз несу салат.

У Ходжесов был симпатичный дом, только находился он у подножия холма, среди высоких сосен, заслоняющих обзор. Морин знала, что Фрэнк и Одри заплатили за него намного больше, чем они с Барри за свой. Как им все-таки повезло! Морин по деревянным ступенькам поднялась на патио.

– Садись! – захлопотала Одри. – Будешь вино, воду, лимонад или холодный чай?

– Просто воды.

– Сейчас принесу!

Морин села за стол. Через минуту подруга вернулась из кухни с двумя высокими бокалами воды со льдом.

Морин с благодарностью сделала долгий глоток.

– Сейчас видела – тут, рядом, какие-то люди копают яму…

– А, это добровольцы помогают вырыть котлован для бассейна и заложить фундамент клуба. Руководит строительством Декс Ричардс, он взялся привести в форму всех этих лежебок. Может быть, Фрэнк тоже немного с ними поработает на следующей неделе.

– А мы ничего не слышали даже…

Одри махнула рукой.

– Все это тянется так давно, что уже никаких официальных планов не рассылают. Ассоциация не хочет лишний раз позориться, объявляя сроки, которые все равно не удастся выдержать. Хотя на этот раз, может, все-таки что-то получится. Декс – хороший специалист, он знает, что делает. Может, не этим летом, так, по крайней мере, к следующей весне бассейн будет.

– А клуб для чего?

– Ну как – устраивать разные сборища, праздники, развлечения для молодежи… Наверное, там же будут проходить отчетно-выборные собрания ассоциации. Сейчас мы собираемся в Корбане, в школьной столовой. Конечно, приятней, если есть свое помещение, прямо в поселке. – Одри подняла кверху палец: – Я на

секундочку, принесу суп и салат.

Она ушла, а Морин задумчиво рассматривала высокие сосны. Было очень тихо, только иногда вдали крикнет птица. В неподвижном воздухе далеко разносились звуки строительства – стук мотыг, глухие удары, треск сухих сучьев.

Одри принесла еду, и они принялись за обед, попутно обсуждая погоду, своих мужей, работу Морин и вообще все на свете.

– Значит, Кенни Толкин оказался мошенником? – спросила Морин, подцепляя вилкой салат.

– Что? – нахмурилась Одри.

– Фрэнк сказал Барри, что Кенни незаконно занял чужой дом и еще развел кого-то на деньги…

Одри покачала головой.

– Да нет… Дом был действительно его. Насколько я поняла, он задолжал ассоциации членские взносы за целый год. По-моему, ему назначили что-то вроде испытательного срока, а он сбежал. Не понимаю, с чего бы. Мог ведь отработать задолженность. Ассоциация не совсем уж несгибаемая. – Одри улыбнулась: – Хотя близко к тому.

Подруги рассмеялись.

Одри прибавила, наколов на вилку кусочек помидора:

– Наверное, он выставит дом на продажу.

Суп был очень вкусный, и салат тоже, и свежеиспеченный хлеб с розмарином – Одри вынула его из духовки, как только на кухне прозвонил таймер. Она замечательно готовила, и Морин в который раз подумала, что следует больше заниматься домашним хозяйством. На курсы по кулинарии записаться, что ли… Надо было в детстве внимательней слушать мамины советы! Хотя учиться никогда не поздно.

– А как тебе брошюра? – спросила Одри.

– Брошюра? – озадаченно нахмурилась Морин.

– О сексуальных домогательствах. Неужели еще не получала?

– Нет.

Одри рассмеялась.

– Ну, тогда у тебя все впереди! Наша славная ассоциация установила новые правила по поводу незаконных связей между жителями поселка. Ох, не думаю я, что это кого-нибудь остановит.

Морин изогнула бровь.

– Ты хочешь в чем-то признаться?

– Нет-нет, ну что ты!

– А у тебя есть эта брошюра? Любопытно посмотреть.

– Наверное, Фрэнк ее выбросил. Пойду гляну все-таки.

Брошюру она не нашла, зато принесла две вазочки мороженого с персиками. Уплетая десерт, приятельницы рассуждали о том, что в последнее время мир заполонило ханжество.

Морин предложила помочь с мытьем посуды, но Одри замахала на нее руками:

– Кыш отсюда!

– В следующий раз ты ко мне приходи!

– Надеешься, что я и тебе посуду помою?

– Нет, конечно!

– Тогда приду.

Морин шла домой не спеша и по дороге снова наткнулась взглядом на рабочих у котлована. Чем-то они напомнили ей Кенни Толкина. Почему все-таки он сбежал? Из-за просроченных взносов? Странно как-то, нелогично. Люди бегут, если чего-то боятся. Морин вспомнила необъяснимое появление новых ворот, и, несмотря на жару, ее пробрал озноб.

В почтовом ящике лежала глянцевая брошюрка. И конечно, называлась она «Методические рекомендации по искоренению сексуальных домогательств в коттеджном поселке Бонита-Виста». Морин на ходу раскрыла брошюрку, и в глаза сразу бросился подзаголовок: «Любовь подождет».

Чего подождет?

Морин бегло просмотрела параграфы, отмеченные жирными точками.

«Сексуальные отношения между соседями трудно сохранить в тайне. Другие жители поселка наблюдают за вами и выносят свое суждение; в результате обстановка накаляется, возникает дисгармония.

Отношения могут закончиться разрывом, и тогда у одного, а то и у обоих участников останется горький осадок. Это также ведет к дискомфорту в обществе, возникает неловкость, случаются иногда и проявления мстительности.

Секс между соседями, даже по взаимному согласию, – неподобающее поведение. В настоящее время подобное не запрещено уставом, однако соответствующие правила уже разрабатываются и будут поставлены на голосование в сентябре, на ежегодном отчетно-выборном собрании».

Морин нахмурилась. Постойте, здесь же ни слова о сексуальных домогательствах! Просто правление, как и говорила Одри, беззастенчиво лезет в личную жизнь обитателей поселка. Мало того, что ассоциация изгоняет должников, они еще будут указывать, кому с кем спать! А дальше что? Спрашивать письменного разрешения на определенные позиции во время

полового акта? Какая неслыханная наглость! И смешно, и страшно.

Что-то подталкивало Морин выбросить брошюрку, не показывая Барри. И без того тяжело признавать, что была неправа, а тут еще такое вопиющее подтверждение… Но и замалчивать такую штуку нельзя. Барри и Рэй с самого начала все говорили верно. Пусть новые правила, о которых упоминается в брошюре, не касаются ее лично, – кто знает, может, вслед за тем примут новые решения, которые непосредственно заденут их с Барри. Морин невольно задумалась: что еще ассоциация пожелает запретить?

Текст наконец пошел.

Барри тихо радовался, не пытаясь анализировать, чем был вызван творческий кризис. Он не из тех, кому обязательно нужно докопаться до причин; все наладилось, и отлично. Лишь бы и дальше так оставалось.

Барри допечатал предложение, размял пальцы и перечитал только что написанный абзац.

Кажется, Голливуд его испортил. Звучит мелодраматично и даже, наверное, смешно – и все же, если честно, он невольно все время держал в уме возможность экранизации нового романа. Раньше сюжет и персонажи служили только задачам самого повествования, и никакие соображения реальной жизни роли не играли. А едва замаячил призрак киноуспеха – и вот уже Барри почти бессознательно подбирает актеров и актрис на роли своих героев и непривычно много внимания уделяет видеоряду. Старается учитывать, что будет лучше смотреться на экране.

Влияет ли это на качество текста? Как будто нет, но сама возможность слегка тревожит.

И все-таки дело идет. За утро Барри написал двенадцать страниц. Он сохранил написанное, выключил компьютер, встал и потянулся. Пора обедать.

В кафе он застал непривычную тишину, хотя все завсегдатаи были на месте. Ему стало неуютно от ощущения, что разговор прервался из-за него.

– Всем привет! – воскликнул он, чересчур широко улыбаясь.

Хэнк ответил коротким «здорово», даже не подняв головы от тарелки.

Берт за стойкой ограничился кивком. Барри сел за свой обычный столик у стены, и непривычно тихая Лорелин приняла у него заказ.

Прихлебывая воду, Барри старался поймать чей-нибудь взгляд, но приятели упорно отводили глаза. Похоже, его

намеренно игнорировали. Барри почувствовал себя посторонним, неуместным, как в первый свой день здесь. Страшно захотелось попросить у Берта еды на вынос. Пришлось собрать всю силу воли, чтобы остаться на месте.

Постепенно вновь послышались разговоры – сначала в дальнем конце зала, потом за соседними столиками. Барри старался не подслушивать, но когда Джо произнес название «Бонита-Виста», Барри невольно насторожил уши.

– Это уже выходит за рамки, – сказал Лайл.

Ему стали поддакивать.

– И ведь опять ничего им за это не будет, – громко проговорил Джо. – Никого не накажут.

Лорелин принесла Барри еду и сказала, обращаясь не к нему, а к Лайлу с компанией:

– Сестра его нашла. Хотела покормить собаку, а он около собачьей миски лежит.

Хэнк прокашлялся.

– Вы тут все прямо как о покойнике. Может, он и оклемается.

– Может, – согласился Джо. – Только дело-то плохо. Его на вертолете переправили в больницу, в Сидар-Сити. Там хорошее отделение отравлений. Но я так слышал, он все еще в коме, и врачи сомневаются, что он придет в сознание.

Ральф отозвался в полный голос:

– Ассоциация домовладельцев его убила. Считай, все равно что пистолет к виску.

Барри сосредоточенно ел. Все – явно ради него – старались говорить погромче, но он понятия не имел, что происходит и какой реакции от него ждут. Следует ли вообще как-то реагировать? Барри без единого слова закончил обед, расплатился по счету и, кивнув на прощанье, вернулся к себе в офис.

Что произошло? Они ведь знают, что он ненавидит ассоциацию домовладельцев. По крайней мере, Хэнк знает. Не думают же они, что Барри стал бы участвовать в каком-то отравлении? Почему вдруг такая демонстративная неприязнь?

Барри никак не мог успокоиться. Промучившись за компьютером два часа, он все отключил, запер помещение и отправился домой.

Когда он смотрел телевизор, вернулась Морин – она ездила на встречу с новым клиентом, большой шишкой в каком-то банке. Поставив кейс, брезгливо глянула на экран.

– Смотришь дневные ток-шоу?

– А как еще мне держаться в курсе современного сленга? Я здесь в полной изоляции. Надо знать, как и о чем говорят

широкие массы. Считай, что я собираю материал для книги. Можно даже оформить налоговый вычет, правда? – усмехнулся он.

– Надо стоять выше толпы, – отозвалась жена.

Барри поднялся за ней наверх. Морин в кухне наливала себе диетическую колу.

– Не привыкла я… убалтывать клиентов, – призналась она. – В Калифорнии требовалось всего-то убедить человека, что я – самый подходящий для него налоговый консультант. А здесь приходится убеждать, что им вообще нужен налоговый консультант. Такая отсталость!

– Зато пейзажи… – Барри показал рукой на стеклянную дверь.

– Да-а, пейзажи чудесные! – засмеялась Морин.

Они решили пойти погулять. Пока жена переобувалась и наливала воду в пластиковую бутылку, Барри ждал перед телевизором, глядя, как две роскошные женщины не могут поделить жирного до безобразия двоеженца.

Выйдя на улицу, Барри остановился.

– Куда пойдем? Вверх или вниз?

– Пойдем вниз, – предложила Морин. – Самое трудное оставим под конец.

Они спустились по крутой улочке, держась за руки, чтобы не слишком разгоняться. Миновали несколько участков, густо заросших лесом, и вдруг, уже у подножия холма, деревья расступились, открыв расчищенную площадку примерно в пол-акра. Группа мужчин, раздетых до пояса, рыла канаву. На небольшом пригорке стоял хорошо одетый человек, особенно неуместно смотревшийся здесь по контрасту, и выкрикивал приказы, держа в руке длинный черный кнут. Все вместе напоминало сцену из малобюджетного фильма на библейскую тему или исторической картины о рабовладельческих штатах. Только операторов с кинокамерами поблизости не было.

– Что за дичь?

– Они роют котлован для бассейна, – объяснила Морин. – И закладывают фундамент клуба. Одри говорит, это добровольцы.

Человек на возвышении щелкнул кнутом и рявкнул:

– Живей! Отстаем от графика!

– Что-то не похожи они на добровольцев.

Барри вдруг заметил, что оба они говорят шепотом, словно боясь, как бы их не услышали, и сознательно повысил голос.

– Что за шуточки? Не бывает такого!

– Не знаю, вчера они тоже здесь работали. Правда, без кнута. Уже много расчистили, между прочим… Видимо, работают

всерьез.

– Вроде ассоциация запрещает вырубать кусты и деревья?

– Им можно, – сухо ответила Морин.

Они медленно двинулись вперед, поглядывая на работающих. Вдруг Морин остановилась и нахмурилась.

– Это что, Грег Дэвидсон?

Барри посмотрел, куда она показывала, и увидел с краю молодого человека. Его частично заслонял еще не вырубленный куст манзаниты. Все же человек сильно напоминал Грега. Барри прищурился, вглядываясь.

– Я думал, они с женой уехали.

– Я тоже так думала.

– Грег! – позвал Барри, размахивая рукой.

Человек даже не оглянулся и продолжал копать.

– Наверное, не он, – сказал Барри, хотя и знал, что это точно Грег.

Что-то здесь было явно не так. Грег Дэвидсон уже должен был продать свой дом и переехать в Аризону. Мало того, он был таким же ярым противником ассоциации, как Рэй и сам Барри, и на то у него имелись куда более веские причины. Почему же он еще здесь, да вдобавок добровольно тратит время и силы, помогая строить бассейн для ассоциации?

Не добровольно, подумал Барри, и по спине у него прошел холодок.

Надсмотрщик снова щелкнул кнутом.

Еще один работник казался смутно знакомым – тощий, с коротко остриженными каштановыми волосами, – однако узнать его Барри так и не смог.

На первый взгляд, ничто не мешало зайти на стройплощадку, выяснить, правда ли там Грег Дэвидсон, и спросить у человека с кнутом, что, черт возьми, он тут делает. Участок общественный, принадлежит всей ассоциации, и они имеют полное право на нем находиться, как и всякий другой житель поселка.

Но Барри и Морин прошли мимо, не задерживаясь. Права – это одно, а реальность – совсем другое. Здесь им точно не будут рады. Какая-то угроза таилась в этом якобы добровольном совместном труде.

Оба молчали, пока стройплощадка не скрылась за растущей у поворота дороги рощицей. Даже и потом сказали только:

– Странно все это…

– Ага.

Впечатление от увиденного было слишком сильным для обычной болтовни, а серьезного разговора затевать ни ему, ни ей не хотелось.

Барри мысленно убрал весь этот эпизод в копилку, где уже хранилось знакомство с Культей. Пригодится для очередной книги.

Между тем они с Морин шли дальше. Полюбовались, как косуля объедает азалии у кого-то во дворе, как ярко-оранжевая птица присела на сухую ветку можжевельника. Чудесный сказочный мир, где царит полная гармония. Только далекое звяканье заступов нарушало иллюзию.

По переулку они вышли на другую сторону холма и посреди Платанового проезда встретили Майка. Он стоял у обочины, согнувшись, тяжело дыша и держась за бок. Увидев их, смущенно улыбнулся:

– Чертова крутизна!

Морин засмеялась.

– Да ладно! Если уж Барри может этот склон осилить – значит, все могут.

– Обижаешь! – возмутился Барри. Потом добавил, видя, что Майк никак не может отдышаться: – Я думал, ты в хорошей форме. В теннис играешь…

– Да я просто стою на месте и перекидываю мячик через сетку. Не бегаю, не прыгаю… Поэтому Тина и погнала меня на пробежку. Считает, что мне не хватает движения. Кстати, если спросит, – так вы видели, как я бегаю трусцой, а не задыхаюсь у обочины, как кит на берегу.

Морин засмеялась.

– Мы тебя не выдадим!

– А вы куда направляетесь?

Барри пожал плечами.

– Просто хотели сделать кружок и домой.

– Можно, я с вами?

– Пожалуйста.

Они пошли дальше вместе. Барри тоже запыхался, но признаваться не хотел: старался дышать медленно, глубоко и размеренно, чтобы не пыхтеть.

Дорога пошла под уклон, потом снова вверх. В самой нижней точке от нее ответвлялась еще одна улица.

Майк показал на нее пальцем.

– Можно срезать.

Барри прочел табличку на углу:

– Пихтовое кольцо?

– Название неудачное. Эта улица на самом деле не замкнута в кольцо. Зато примерно на середине от нее отходит Кедровая, а по ней можно выйти на вашу улицу.

Барри оценивающе посмотрел на крутой подъем.

– Давайте лучше и вправду срежем.

– Трусы! – подначила Морин.

– Так ты вроде тоже не возражаешь…

Они свернули налево. Узкая улица огибала холм, а потом ныряла в низину. В этой части поселка домов было мало, только кое-где немощеные дорожки вели вправо, к летним домам на сваях. Ровная территория слева заросла деревьями и густым подлеском, лишь железные столбики с номерами участков напоминали, что здесь вообще-то поселок.

А потом они увидели дом.

До сих пор Барри не встречал в Бонита-Висте таких больших домов. Безупречно ухоженный участок с трех сторон ограждала настоящая стена из растений. Сам дом, двух-, а то и трехэтажный, был выкрашен в серый цвет, с черными карнизами и черной шиферной крышей. Окон не было, только два узеньких оконца по бокам от входной двери, похожие на бойницы. Галерейка вокруг дома, казалось, была приделана с намерением придать постройке более человеческий вид, однако попытка не удалась. Лишенная окон серо-стальная глыба давила в зародыше все поползновения смягчить ее суровый облик.

Возле дома стоял серебристый «Лексус».

Налетевший ветерок взъерошил волосы Барри, холодя вспотевшую кожу, хотя на кустах и деревьях не шелохнулось ни листика. Он вдруг вспомнил, где видел раньше того, второго добровольца. Этот был тот самый безымянный водитель «Джимми», которого «Лексус» согнал в дороги в овраг. Барри еще подвез его потом – он тоже жил в Бонита-Висте.

– Помнишь, я тебе рассказывал, как возвращался из Солт-Лейк-Сити и видел аварию? Когда «Лексус» спихнул с дороги другую машину?

– Угу, – кивнула Морин.

– Так это тот самый «Лексус» и есть. Майк, чей это дом? Кто здесь живет?

– Колхаун, – ответил Майк.

Что-то такое прозвучало в его голосе, отчего у Барри по спине поползли мурашки.

Все звуки внезапно стихли, только ветерок шелестел, и звякало колесико блока на пустом флагштоке посреди газона.

– Колхаун, – повторил Майк. – Джаспер Колхаун. Председатель правления.

Суббота

Утро провели во дворе: Барри сметал с дорожки мусор и отдирал грязь, нанесенную вчерашней грозой, Морин подстригала кусты, поливала растения и вносила подкормку.

После обеда Морин занялась созданием собственной веб-страницы: сидела перед чистым экраном компьютера и рылась в справочниках, которые недавно получила по почте. Все-таки местные клиенты набирались не так резво, как хотелось бы. Если не удастся завоевать Корбан, есть еще выход: работать через интернет и превратить свой маленький бизнес в глобальную онлайновую корпорацию.

– Электронная бухгалтерия – шаг в будущее! – объявила Морин. – И я уже на первой ступеньке.

– Метафоры не согласуются, – заметил Барри.

– Я дам тебе на редактуру текст для сайта, прежде чем вывешивать.

Барри целую неделю жульничал – работал дома. Все равно никто не докажет, что такие-то абзацы он написал не в офисе. А сегодня совсем не было настроения работать, вообще ничего делать не хотелось. Попробовал взять книгу, но поймал себя на том, что мысли куда-то уплывают, и он в десятый раз перечитывает одну и ту же фразу. Включил телевизор – ничего хорошего не показывали. Просмотрел каталог своих видеокассет и тоже ни на чем не остановился.

Морин в конце концов надоело смотреть, как он мается, и она придумала для него поручение.

– Одри собрала для меня их с Фрэнком налоговые квитанции за четыре года, я обещала посмотреть. Им в этом году пришлось заплатить вдвое, и она хочется подстраховаться на будущее от неприятных сюрпризов. Боится, вдруг налоговая найдет еще какие-нибудь недоимки задним числом. Сходи к ним, принеси мне бумаги, ладно?

– Я тебя настолько допек?

– Ага. Иди, хоть польза будет.

Барри поворчал для виду, хотя на самом деле обрадовался, что появилось какое-то занятие. Зайдя в спальню, он сменил шлепанцы на кроссовки. Разумно было бы позвонить заранее, проверить, дома ли Одри и Фрэнк, но ему хотелось пройтись. Чмокнув Морин в макушку, Барри направился к выходу.

– Скоро вернусь, шеф!

Было жарко, парило. Грозы, скорее всего, не ожидалось,

однако воздух был влажный, как на тропическом болоте. Не только их участок пострадал от вчерашнего ливня – по дороге Барри видел и в других дворах на дорожках грязь и обломанные ветки.

А что делает Культя, когда идет дождь? Прячется под деревьями или у кого-нибудь под верандой? Может, у него какой-нибудь сарайчик есть в лесу? Или он настолько слабоумен, что не догадывается искать укрытие и просто барахтается в грязи, завывая под хлещущими струями дождя?

За поворотом показалась стройплощадка. Сейчас на ней никто не работал, но добровольцы уже многое успели. На расчищенном участке был частично вырыт котлован под фундамент, а яма эпических размеров сгодилась бы и для олимпийского бассейна.

Барри обрадовался, что рабочих нет. Пусть сейчас ясный день и сам он – взрослый человек, зато человек с буйным и мрачным воображением. Ему было страшно даже думать об этих зомбиобразных добровольцах и беспощадном надсмотрщике.

Возле дома Ходжесов, окруженного высокими соснами, не стоял хозяйский пикап; значит, Фрэнк и Одри, скорее всего, уехали в город за покупками. Барри все-таки на всякий случай подошел к крыльцу и позвонил. К его удивлению, Одри открыла дверь.

– Барри, привет!

– Я думал, вас нет дома.

– Фрэнк поехал рыбачить. Раз в месяц я даю ему порезвиться на воле – у него есть свое тайное местечко на ручье. Улова ноль, но он там неплохо расслабляется. Ты к нему? Он часам к трем-четырем должен вернуться.

– Вообще-то я к тебе. Мо просила принести какие-то бумаги.

– Ах, да! Входи, входи.

Одри отступила в сторону, пропуская Барри в гостиную, и указала на диван.

– Ты спешишь или есть время немножко поболтать?

Барри посмотрел на часы.

– Никаких срочных дел. Могу посидеть чуток.

– Вот хорошо! Я хотела с тобой поговорить насчет Лиз. Мы с Фрэнком ужасно о ней беспокоимся.

– Мы тоже.

– Я вчера к ней заглянула, хотела пригласить к нам на обед, так она даже не открыла. Крикнула мне что-то через дверь.

– С нами тоже так было. Сегодня утром, после тенниса, мы хотели к ней зайти, а она не впустила. Крикнула, что плохо себя чувствует. Мол, позвонит, когда придет в себя.

– Нужно что-то делать! Я понимаю, она тяжело перенесла смерть Рэя, но надо жить дальше. Может, соберем друзей и явимся к ней всей толпой? Если надо, станем лагерем в саду и с места не сдвинемся, пока она не согласится с нами поговорить по-настоящему.

Барри кивнул:

– Стоит попробовать.

Одри вдруг встрепенулась.

– Какая я невоспитанная! Хочешь что-нибудь выпить? Кофе, пиво?

– Спасибо, не надо.

Одри все равно встала.

– Ну ладно, чувствуй себя как дома. Я на секундочку, только сбегаю пись-пись.

Она мило улыбнулась, задержав его взгляд чуть дольше, чем следовало. Барри сделалось неловко, и он смущенно отвел глаза.

Одри вышла из комнаты. Барри стал перебирать журналы на кофейном столике: «Жесткий секс», «Путы», «Новости садо-мазо», «Современные сексуальные пытки». По спине побежали мурашки.

Что-то здесь было неладно.

Он так часто в последнее время испытывал это ощущение, что уже стало казаться нормой – быть все время настороже, готовым в любую минуту столкнуться с каким-нибудь новым жутким сюрпризом.

Барри подумал, не сбежать ли, но тут же осудил себя за трусость. К тому же это было бы невежливо.

И вообще, с чего вдруг такая паника? Ну, допустим, у Одри с Фрэнком несколько эксцентричные вкусы по части интима. Никого не касается, чем они занимаются у себя в спальне. В остальном комната была совершенно обычная: музыкальный центр у стены, голова лося над камином – Фрэнк добыл ее на охоте. Мебель типичная для американской семьи среднего достатка, и гравюры в рамках.

Только журналы выбиваются из общей стандартной картины.

Современные сексуальные пытки…

Прошло несколько минут.

В комнату вошла Одри. Из одежды на ней был только пояс верности – готического вида штуковина, охватывающая бедра и тесно облегающая зад и промежность. Щеки у Одри чуть раскраснелись, но вовсе не от стыда.

От возбуждения.

Барри заметил, что у нее отрезаны соски. Остались только шрамы.

Одри широко раскрыла рот, высунув язык. На языке лежал

ключ.

Барри вскочил и попятился.

– Я… – начал он.

И запнулся. Что тут скажешь?

Одри двумя пальцами протянула ему ключ.

– Отопри мой ларчик!

Барри инстинктивно продолжал пятиться, хотя дверь находилась в другой стороне. Голос наконец вернулся к нему.

– Одри, ты выпила или что, я не знаю, только лучше перестань. Предупреждаю сразу, я такими вещами не увлекаюсь.

Одри бочком придвинулась к нему.

– Ты можешь делать со мной все, что хочешь, – прошептала она. – Бей меня, мучай, используй мой рот вместо унитаза, поставь мне клизму с кипящим маслом, сделай анальный душ с соусом табаско…

Она протянула руку к его паху и нахмурилась, помяв пальцами совершенно мягкий, ничуть не возбужденный член.

– Ты что, больной?

– Это я больной?! – Барри оттолкнул ее руку. – Иди к черту!

На улице взвизгнули тормоза, потом хлопнула дверца пикапа.

Барри отпихнул Одри и выскочил из дома. За спиной у него лязгнул пояс верности.

– Мне необходима боль! – завопила Одри вслед.

Барри пробежал мимо Фрэнка, боясь взглянуть другу в глаза. На бегу вспомнил, что так и не забрал документы для Морин, но ничто на свете не заставило бы его вернуться в дом.

Он промчался мимо пустой стройплощадки и остановился только на середине холма, совсем запыхавшись.

Что сейчас происходит у Ходжесов? Одри не успела бы снять с себя сложную конструкцию и снова надеть платье. Фрэнк кричит на нее, ругает за попытку измены, за то, что она открыла их извращенные склонности постороннему? Или… От новой мысли Барри прошиб холодный пот. Возможно, Фрэнк вовсе и не удивился? Вдруг они заранее сговорились? Он потому и вернулся домой пораньше – принять участие в веселье?

Нет, не может такого быть! Барри не планировал зайти к Ходжесам. Это Морин его отправила, чтобы хоть чем-то занять. Никто не знал, что он появится.

С другой стороны, Одри приглашала Морин зайти за документами. Что, если все представление было подготовлено для нее?

Если ты параноик, это еще не значит, что за тобой не охотятся.

Барри оглянулся и, убедившись, что Фрэнк не гонится за ним на своем пикапе, быстро зашагал вперед.

Когда он пришел домой, Морин сидела за компьютером. Прежде чем войти в комнату, Барри вытер пот со лба и пригладил волосы.

– Вот же черт, – пробормотал он. – Где эта брошюрка о сексуальных домогательствах?

– А что такое? – оглянулась Морин.

Барри все ей рассказал, с самого начала. Как Одри пригласила его в дом, завела невинный разговор о бедняжке Лиз, потом вдруг объявила, что идет «пись-пись», и о том, что последовало после: непристойно долгий взгляд, пояс верности, требование боли…

Морин сперва не поверила и явно решила, что Барри ее разыгрывает, но примерно к середине рассказа посерьезнела. Потом спросила:

– Она правда тебя трогала… там?

– Прямо вцепилась.

Оба долго молчали, не зная, что сказать. Фрэнк и Одри были их единственными настоящими друзьями в Бонита-Висте, кроме Лиз и Майка с Тиной.

Морин помотала головой.

– Никак не поверю… Одри?!

– Одри. – Барри тяжело опустился на стул. – Господи, как же Рэя не хватает! Он был последним бастионом здравого рассудка в этом дурдоме.

– Может, надо уезжать?

Барри промолчал, однако про себя впервые признал, что, может быть, придется.

Телефон.

Два звонка. Четыре. Восемь.

Перестал.

В тишине Лиз позволила себе снова сделать вдох. Третий раз звонит, считая с обеда. Шестой за день.

Лиз говорила себе, что это могут быть друзья – Тина, Мойра, Одри или Морин, а может, какая-нибудь реклама, но в глубине души она твердо знала, что это неправда. Ясно, кто до нее добирается и названивает по шесть-семь раз в день.

Правление.

Лиз осторожно отогнула краешек занавески и выглянула. У крыльца – никого, на улице тоже пусто, ни машин, ни прохожих. Только видимость может обманывать. Неизвестно, кто прячется за деревьями, за большими валунами. Эти мерзавцы на все

способны.

– Прости меня, Рэй! – всхлипнула Лиз.

Она уже в который раз просила у мужа прощения за то, что не верила ему, не слушала все эти годы.

Лиз вытерла слезы, стыдясь своей слабости.

За окном солнце клонилось к закату. Длинные тени протянулись по склону холма. Лиз вздрогнула и отпустила занавеску. Быстро прошла по всему дому, в каждой комнате включая свет. Ни одного темного угла не осталось, и все равно страх разъедал ее изнутри. Вернувшись в ярко освещенную гостиную, Лиз приблизилась к телефону и осторожно, словно тот был заражен радиацией, сняла трубку.

Хуже всего ночью.

Ночью страшнее.

Лиз включила телевизор, чтобы в доме было не так пусто и тихо, и пошла на кухню. Раньше она всегда готовила настоящий обед: жареную рыбу, фахитас с курицей, запеканку из индейки, – а сейчас просто поджарила себе гренок с сыром и запила кока-колой. Сегодня она не будет пить, останется трезвой и ляжет спать с ясной головой… И все-таки не удержалась – к восьми часам сидела с бутылкой, а в десять, когда ложилась, в голове уже порядком шумело.

Так и заснула при включенном свете и орущих телевизорах в гостиной и в спальне.

А проснулась в полной тишине и темноте.

В первый миг подумала с ужасом, что кто-то пробрался в дом и выключил везде свет, чтобы ее напугать. Потом глянула на цифровое табло будильника на прикроватном столике и поняла, что дело не только в лампах и телевизорах.

Отключили электричество.

Лиз спустила ноги с кровати и, держась за стену, подошла к окну. Выглянула из-за занавески, надеясь увидеть сплошную черноту, но среди деревьев мерцали желтые огоньки.

В других домах освещение работало.

Отключили у нее одной.

Она поскорее забралась опять в постель и зажмурилась, приказывая себе заснуть.

Однако сон не шел. В голове лихорадочно крутились мысли. Лиз старалась припомнить все, что говорил Рэй. Как жаль, что он ничего не записывал! Не осталось никаких подробностей, никаких доказательств…

Нет, доказательств они не оставляют. Не такие дураки.

Мысли шли по кругу. По крайней мере, это лучше, чем думать об отключенном электричестве и о том, что кто-то

шныряет вокруг дома, а может, и пробует залезть внутрь.

Неприятные случаи бывали и раньше, но до сих пор до физической опасности дело не доходило. Хоть бы и сегодня обошлось!

Лиз пробовала считать овец, представлять себе черную пустоту… Заснуть все равно не получалось.

В темноте слышались звуки. Шорохи и скрипы в доме, крик ночной птицы за окном, вой койота, стрекот цикад. Невнятный стук: то ли ветви деревьев на ветру, то ли… что-то еще. Звуки постепенно сливались в единый гул, одни стихали, другие, наоборот, набирали силу. И наконец раздался голос.

Она сперва решила, что ей мерещится. Голос был детский, мальчишеский, произносящий какую-то белиберду. Бессмысленный набор звуков. Как раньше разрозненные ночные шумы сложились в единый голос, так и невнятица мало-помалу оформилась в слова.

Ее имя.

– Лиз! – дразнясь, кричал голос. – Лиззи!

Звук шел со всех сторон сразу, отовсюду и ниоткуда. Не поймешь, в доме раздается или на улице.

– Лиззи! Лиззи! Лиззи!

А голос не такой уж детский. Скорее искусственно повышенный, как при ускоренной перемотке. Лиз натянула одеяло на голову, как маленькая, но звук тише не становился. Она подоткнула одеяло со всех сторон и зажала уши руками.

Даже не слыша, она знала, что голос все еще звучит, и до утра не смела заснуть. Руки и ноги занемели, но она не отнимала ладони от ушей, пока в щелочку между складками одеяла не забрезжил утренний свет.

В шесть снова включилось электричество. Разом вспыхнули все лампы, в двух комнатах зазвучала программа новостей. Теперь можно было вылезти из кровати.

Скорее накинуть халат, обежать комнаты, проверить окна, двери – вроде все как было. Никто ночью не забрался в дом.

На веранду она выходить побоялась, а выглянув в окно, не увидела ни дохлых кошек, насаженных на колья, ни собак с отрезанными головами. Кажется, и вправду обошлось.

– Слава богу, – прошептала Лиз.

Она приготовила на завтрак гренки с сыром, сварила кофе и только села за стол, как в дверь постучали.

Лиз вздрогнула от неожиданности и чуть не уронила чашку. Решила затаиться – мало ли, может, она спит или принимает душ. Стук раздался снова, громче, настойчивей.

Лиз на цыпочках вышла в прихожую. Посмотрела в глазок.

Джаспер Колхаун.

У Лиз перехватило дух. До сих пор она видела председателя правления только на официальных мероприятиях – на отчетно-выборном собрании и на разбирательствах по поводу разнообразных нарушений. Видеть его здесь, у себя на пороге, ни свет ни заря, в черной мантии было, мягко говоря, непривычно.

Не он ли ночью шутки шутил с электричеством?

Председатель с улыбкой смотрел прямо в глазок.

– Элизабет, откройте.

Она знала, что снаружи увидеть человека в глазок невозможно. Даже изнутри, чтобы хоть что-нибудь разглядеть, нужно прижаться глазом вплотную к крохотному стеклянному кружочку. Неоткуда Колхауну знать, что она стоит за дверью! И все же ей невольно захотелось отступить подальше в дом.

– Выходите, Элизабет. Мне нужно с вами поговорить.

Какое-то странное было у него лицо – точно маска или толстый слой грима. Лиз вздрогнула, рассматривая его через выпуклое стекло.

– Вы же знаете, что я вам звонил, – продолжал председатель. – А я знаю, что вы не подходите к телефону.

Лиз задержала дыхание, молясь, чтобы он ушел. Она не смела шевельнуться, не смела вздохнуть, чтобы не выдать себя.

– Я не уйду, пока вы не откроете дверь.

Лиз твердо решила, что простоит так, если надо, целую вечность, под защитой своей крепости, но вдруг передумала. Быстро отперла замок, отодвинула задвижку и распахнула дверь настежь.

– Убирайтесь с моего участка! Вон!

Председатель широко развел руки, должно быть, демонстрируя искренность, однако жест вышел карикатурным.

– Элизабет, Элизабет…

– Прекратите это преследование и выметайтесь со двора!

– Преследование? – Он хмыкнул, словно подобная мысль ни в коем случае не могла прийти ему в голову. – Я просто хочу задать вам один вопрос от лица правления. Очень важный вопрос.

– Не знаю, что за вопрос, но я отвечаю: нет! А теперь уходите и оставьте меня в покое.

– На этой неделе состоялось закрытое заседание ответственных работников ассоциации, и мы единогласно решили пригласить вас в правление.

Лиз растерянно моргнула.

– Что?

Колхаун улыбнулся. Лиз снова пробрала дрожь. На открытом воздухе, при солнечном свете толстый слой грима телесного

цвета придавал его лицу неестественный вид. Неужели он всегда такой? Лиз то ли не помнила, то ли не обращала внимания. Однажды в Нью-Джерси она видела, как снимали рекламу какого-то автомобиля. На экране комментатор выглядел совершенно обычно, а в реальной жизни облепленное гримом лицо казалось ненатуральным. Быть может, Колхауну грим тоже придает солидности за председательским столом, при искусственном освещении, а сейчас его лицо выглядит гротескно.

Впрочем, зачем ему вообще грим? Что он там замазывает? Лиз снова пробрал холодок.

– Мы будем крайней благодарны, если вы примете наше предложение и согласитесь вступить в правление Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

– С чего это вдруг?

Колхаун, видимо, постарался изобразить дружелюбную улыбку.

– Вы – давняя жительница поселка, многих знаете, дружите и с новыми домовладельцами. При этом у вас есть свободное время, которое вы можете посвятить выполнению общественных обязанностей. Трудно найти более подходящую кандидатуру.

Полный бред. Что они замышляют? Хотят ее подкупить? Лиз перевела дух. Попробовала призвать на помощь логику, но бессонная неделя и постоянное напряжение дали себя знать. Мысли путались.

Как поступил бы Рэй?

– Ну, Элизабет, что скажете?

Лиз медленно проговорила:

– Давайте разберемся. Вы убили моего мужа, а теперь хотите, чтобы я участвовала в ваших делишках?

Улыбка Колхауна испарилась.

– Подобных лживых клеветнических измышлений мы терпеть не будем! Я, как и все мы, скорблю о кончине вашего мужа и потому готов делать вам определенные поблажки, однако мы не позволим распространять злонамеренные слухи…

– Я, значит, самая подходящая кандидатура? – фыркнула Лиз. – Не знаю, зачем на самом деле вы устроили этот фарс, зато я отлично знаю вас, Джаспер Колхаун! И всех в вашем правлении знаю. Убирайтесь отсюда, и чтобы духу вашего больше не было на моем участке!

Колхаун вновь улыбался.

– Элизабет, вы совершаете ошибку.

– Это мое дело.

Они еще несколько секунд смотрели друг другу в глаза.

Правильно ли она поступила? Сердце говорило – да, а разум

отвечал – нет. Лиз, не прощаясь, закрыла дверь. Дрожащими пальцами заперла замок и набросила цепочку, не смея заглянуть в глазок, пока не услышала, как завелся автомобиль Колхауна, как полетели из-под колес мелкие камешки и понемногу звук мотора председательского «Лексуса» затих вдали.

Проработав неделю в бешеном темпе, Барри наконец закончил роман. Отправил рукопись по почте в издательство, и они с Морин, как обычно, отметили завершение работы мороженым-сандей – этот ритуал сохранился еще с давних, безденежных времен. Молоденькая официантка в кафе «Дэйри Кинг» – местной разновидности «Дэйри Квин» – то ли не знала, что они из Бонита-Висты, то ли ей было все равно. Когда Барри попросил добавить орехов, девчонка насыпала их от души. Барри и Морин съели мороженое на улице, сидя за шатким металлическим столиком. Зонтик не спасал от солнца, но на жаре холодная сладость казалась еще вкусней.

На обратном пути спустила шина заднего левого колеса. Барри битый час проторчал на карачках возле машины, обливаясь потом и ругаясь последними словами, пока извлек из-под днища запаску и отвинтил намертво приросшие гайки спущенной шины.

Наконец он поставил запасное колесо и выпрямился, собираясь забросить пробитое в багажник, и тут у него над головой просвистела банка с пивом и с треском расплющилась о бок «Субурбана». Теплая липкая жидкость мигом пропитала волосы и одежду, а бросивший банку водитель грузового фургона, радостно просигналив, скрылся за поворотом дороги.

– Черт бы тебя побрал! – в ярости заорал Барри.

Швырнув колесо в багажник, он принялся оттирать лицо, одежду и руки оставшимися салфетками из кафе.

Когда приехали домой, оказалось, что верхний туалет засорился, хотя ни Барри, ни Морин туда сегодня не заходили. Барри прочистил его вантузом, и вроде все наладилось, однако Барри опасался, не предвестье ли это более серьезных проблем с очистной системой.

– Попробуй позвонить Майку или еще кому-нибудь, – посоветовала Морин. – Может, что-нибудь полезное подскажут.

– Угу, – рассеянно ответил Барри.

На самом деле звонить ему не хотелось. Он до вечера протирал пол в ванной и отмывал половичок. Потом вынес его сушиться на верхнюю террасу.

Вслед за жарким днем настала такая же жаркая ночь. Ложась спать, Барри с Морин оставили окна открытыми и включили вентилятор.

Когда они раздевались, с улицы донесся визг тормозов.

И глухой удар.

– Черт, дьявол! Кончится когда-нибудь этот день?

Барри снова натянул штаны, накинул рубашку и взбежал по лестнице.

Он решил, что кто-то сбил оленя или пекари, и ожидал увидеть в свете фар труп злосчастного животного, а рядом – расстроенного водителя, осматривающего бампер на предмет повреждений и вмятин. Однако ему открылась совсем иная картина.

Водитель решил скрыться с места происшествия. Задние огни автомобиля уже исчезали среди сосен. В последних красноватых отблесках Барри увидел посреди дороги неподвижное тело. Сперва ему показалось, что это ребенок, и он бросился к пострадавшему со всех ног. Но сделав несколько шагов, понял, что это не ребенок.

На дороге лежал Культя.

Калека не шевелился. Лишенное конечностей тело изогнулось под совершенно немыслимым углом. У Барри перехватило горло.

Оглянувшись, он с облегчением увидел на крыльце Морин.

– Звони девять-один-один! – крикнул Барри. – Культя попал под машину!

Он прижал пальцы к влажной жилистой шее и не нащупал пульса. На самом деле он о таком только читал и видел в кино, а на практике до сих пор не приходилось, так что Барри не знал – дело в его медицинской безграмотности или Культя на самом деле мертв. Барри наклонился пониже, почти прижавшись ухом к раскрытому рту, но не услышал дыхания.

Он знал, что передвигать пострадавшего нельзя, однако об искусственном дыхании и других приемах первой помощи не имел никакого понятия. Только когда Морин принесла фонарик, он окончательно убедился, что Культя умер.

– Не мог он остаться живым, – сказала Морин. – Смотри, машина прямо по нему проехала, вон следы шин.

В самом деле, присмотревшись, Барри увидел расползающуюся вокруг тела лужу крови и торчащие между ребер внутренности. Остекленевшие глаза уставились в никуда.

Морин на всякий случай тоже пощупала горло, приложила ухо к покрытой мозолями грудной клетке и покачала головой.

Они ждали, что сейчас примчится целая толпа: шериф с помощниками, пожарные, медики – все, кто приезжает на место несчастного случая в цивилизованных краях. А здесь минут десять спустя появилась одна-единственная «Скорая» без сирены

и с выключенной мигалкой. Вылезший из машины шериф Хитмэн подошел не торопясь, держа в руке блокнот.

Барри обвиняюще указал на тело.

– Он мертв.

Шериф коротко кивнул.

– Угу.

– Что-то вы не спешили!.. А где врачи? Как вы стали бы приводить его в чувство, или оказывать первую помощь, или там… стабилизировать?

– Я знал, что он умер, – просто ответил шериф.

Барри хотелось врезать кулаком по этой крокодильей роже. Его переполнял гнев, однако Барри понимал, что причина гнева – не только наплевательское отношение шерифа.

Тут вмешалась Морин:

– Я не говорила, что он мертв, когда звонила в службу спасения.

– Не вы одна звонили.

Барри и Морин переглянулись, зная без слов, что думают об одном и том же. Рядом не было домов, и никаких прохожих на улице тоже не было. Звонить мог только водитель, который задавил Культю.

Они сказали об этом шерифу, тот записал их слова и пообещал принять меры к тому, чтобы выяснить, откуда был сделан звонок. Барри подозревал, что никто ничего выяснять не будет.

Потом они рассказали, как услышали шум, выбежали на улицу и нашли тело. Шериф уложил мертвого Культю в машину – ни носилок, ни мешка для покойника, только голое изломанное тело на металлическом полу.

Хитмэн захлопнул заднюю дверцу.

– Спасибо за помощь, – буркнул он, не глядя на них, сел за руль и уехал.

– Странно как, – растерянно проговорила Морин.

– Не то слово.

– Даже не сфотографировал место преступления… Это вроде полагается в таких случаях?

– Не знаю, что и думать, – признался Барри.

– Ну какой он шериф?

Они вернулись в дом, заперли двери и легли в постель. Как ни старался Барри отвлечься, перед его глазами так и стояло изувеченное тело Культи с застывшим мертвым взглядом. Он еще чувствовал пальцами липкий холод загрубевшей кожи и долго, очень долго не мог заснуть.

Пару дней назад они назначили на завтрашнее утро игру в теннис с Майком и Тиной. Быстренько позавтракали хлопьями из цельной пшеницы и апельсиновым соком и отправились на корт. Майк и Тина уже разминались – видно, специально встали пораньше, хоть и в воскресенье. Повсюду валялись яркие теннисные мячики, а голубая рубашка Майка на спине промокла от пота.

– Давно тренируются, – шепнула Морин. – Боятся продуть.

– Угу, – кисло улыбнулся Барри.

Ему сейчас было не до тенниса. Он и пришел-то лишь потому, что Морин уговорила – мол, невежливо отказываться в последний момент. И прибавила: «Нам сейчас нельзя терять друзей».

– Привет, соседи! – крикнул Майк, вскинув вверх ракетку.

– Доброе утро! – ответила Морин.

Женщины обнялись, мужчины пожали друг другу руки. Барри не рассказывал Майку о случае с Одри и просил Морин ничего не говорить Тине. Стюарты с Ходжесами дружили теснее, чем те или другие – с Барри и Морин. Кто знает, на чью сторону они встанут… Не хотелось думать, что Майк и Тина знают о наклонностях Одри или даже сами чем-нибудь таким балуются, – просто они могут по дружбе оправдать ее или придумать какое-нибудь невинное объяснение, хоть бы и самое неправдоподобное. А прослыть лгуном было бы сейчас для Барри очень некстати.

Начали с простого обмена ударами – мужчины с одной стороны, женщины с другой. Поскольку тут не приходилось бегать взад-вперед, они могли разговаривать. Барри рассказал про ночной переполох: как Культю задавили прямо напротив их дома, а шериф почти не скрывал, что никакого расследования не будет.

Майк страшно удивился:

– Что-что?

– Вот так вот. Хитмэн спокойно уехал… – Барри не закончил фразу, только пожал плечами.

– Постой, – сказал Майк. – Я видел Культю – может быть, с час назад.

Барри привычно почувствовал, как мурашки побежали по спине.

– Культя умер!

– Да живой он. Говорю, я его видел.

– Где?

– На пробежке. Ну, помнишь, где мы в прошлый раз бегали? – Майк предостерегающе посмотрел на Барри – не выдавай, мол. – Он сидел на обочине, у Пихтового кольца. То есть не сидел, а лежал или как это назвать… В общем, был живехонек и, как

всегда, дебильно мычал…

– Майк! – укорила Тина.

– Нет, ну правда же, идиотские звуки. Я с ним поздоровался и дальше побежал. Вот и всё.

Майк явно не врал. Он был уверен, что говорит правду, и это пугало. Не могут они оба быть правы.

А если так…

Какой-то человек, проходивший мимо кортов, улыбнулся и помахал рукой.

– Трэвис, ау! – позвал Майк. – Слышал, говорят, Культю машина задавила?

– Насмерть? Да нет, ты что. Сегодня утром он копошился в куче компоста во дворе Мерль. Пришлось отогнать его лопатой.

– Спасибо! – крикнул Майк.

Трэвис, кивнув, пошел дальше.

– Я же знаю, что я видел, – уперся Барри.

– Я тоже видела, – подхватила Морин.

Майк пожал плечами.

– А я знаю, что *я* видел… Да ладно, замяли. Давайте к сетке! Мы с Тиной зададим вам жару!

Однако Барри никак не мог успокоиться. Из-за его рассеянности они проиграли. Вернувшись домой, Барри сказал, что идет на прогулку.

– Ну нет, не на прогулку, – отозвалась Морин.

– То есть?

– Думаешь, ты самый хитрый? Знаю-знаю, куда ты собрался.

– И куда?

– Искать Культю.

– Как ты угадала? – смутился Барри.

– Не первый год с тобой живу. Знаю ход твоих мыслей.

– Слушай, мы с тобой оба видели, что Культя умер. Я просто хочу найти подтверждение.

– Почему не позвонить шерифу?

– Ага, так он нам и скажет правду.

– Ну-у…

– Хочешь, пойдем вместе?

Морин покачала головой.

– Нет уж, хватит с меня физкультуры на сегодня. Приму прохладненький душ и почитаю интересный журнал, а ты, коли охота, играй в юных следопытов.

– Пожелай мне удачи.

– Удачи.

Барри отправился той дорогой, на которой впервые встретил Культю. Тропинка сворачивала в лес недалеко от Пихтового

кольца, где Майк сегодня якобы видел калеку.

Неизвестно, что там на самом деле видели Майк и тот прохожий; во всяком случае, Культю они встретить никак не могли, и Барри твердо решил это доказать.

Тропинка пересекала рощицу манзанитовых кустов и ныряла в канаву для водостока. Барри перепрыгнул жидкую грязь на дне, наступая на торчащие там и сям камни. Дальше тропинка огибала здоровенный валун, какое-то время шла вверх по склону, а потом вновь углублялась в лес.

Так далеко раньше Барри не забирался. Непонятно, зачем кто-то морочит людей, старается им внушить, будто бы Культя жив. Ясно одно: каким-то боком тут замешана ассоциация. Трудно сказать, кому это выгодно, и тем не менее творится обман.

Барри уже хотел было вернуться домой и все-таки позвонить шерифу, как вдруг слева явственно зашуршало. Сердце замерло. Шуршать в кустах могло что угодно: птица, кабан, пума и еще сотня разных существ, но Барри узнал этот звук. Он уже слышал его раньше.

Нет. Невозможно. Культя умер. Барри сам видел переломанное тело. Морин проверила пульс. И Хитмэн подтвердил.

Хрустнула ветка. Зашелестели листья.

Все это до жути напоминало сцену из какого-нибудь его романа. Барри представилось, как шериф привозит труп к коронеру, а там Культя оживает и глухой ночью, извиваясь, выползает из морга.

Низко над землей кто-то простонал. Барри обернулся, готовый в любую секунду кинуться бежать. Неужели Культя превратился в зомби? Или сделался вампиром? А то и еще чем-нибудь похуже?

Среди ясного дня Барри пробрала дрожь, словно он вновь стал маленьким мальчиком, который боится возвращаться домой по темной улице, посмотрев в кино страшный фильм.

На тропинку с криком вывалился Культя.

Нет… Не Культя. Другой. Тоже грязный, голый, без рук и без ног, продвигается ползком, судорожно выгибая торс, вскидывая голову и обдирая до крови гениталии. В растрепанных космах застряли репьи и колючки, единственный глаз мутный, бессмысленный, на месте второго – глубокий провал. Между опухших губ виднеются два уцелевших, надколотых зуба.

Изуродованное лицо почему-то казалось знакомым. Несмотря на страх, Барри остался на месте. Нетрудно понять, почему Майк и тот прохожий обманулись. На беглый взгляд очень похоже на Культю, но, если дать себе труд всмотреться, становятся заметны

отличия.

Калека пополз к зарослям папоротника, невнятно взвизгивая, когда камни царапали ему живот. Барри вдруг осенило.

Кенни Толкин!

Он мысленно добавил синюю повязку на глазу и узнал искаженные черты. Разом пересохло во рту.

– Кенни? – позвал Барри.

Новый Культя тупо посмотрел на него и завыл в бессильной злобе, широко распяливая рот с обрубком языка.

Барри прикончил очередную банку пива и швырнул пустую жестянку на дощатый пол террасы. Он теперь жил в романе ужасов. Работа и жизнь слились воедино. Еще неизвестно, как на такую бредятину откликнутся читатели. О друзьях-маньяках читать будут. О призраках и бессмертных демонах – безусловно. А о зловещей ассоциации домовладельцев, которая отрезает руки-ноги жителям элитного коттеджного поселка за неуплату членских взносов? Для истинной фантастики слишком близко к реальности и в то же время слишком фантастично, чтобы такой сюжет приняли всерьез.

Барри открыл еще одну банку и сделал глоток.

Мысленно пробежался по списку литературы. Романы ужасов – его специальность. Найти бы хоть какой-то смысл в происходящем, тогда можно будет вычислить, с чем он имеет дело, и проработать стратегию защиты. Однако смысл не находился. Насколько знал Барри, Бонита-Виста не была построена на территории древнего захоронения. В прошлом здесь не случалось злодейских убийств и массовой резни. Вряд ли в ассоциации домовладельцев состоят последователи древнего культа плодородия, как в романе Томаса Трайона «Дом урожая» или в романе Теодора Кляйна «Церемониал», а увидеть за всем этим происки дьявола и вовсе глупо.

Что же остается?

Барри остро чувствовал свое бессилие.

Он вспомнил, как Кенни Толкин корчился на земле, с едва поджившими культяшками и ободранными в кровь гениталиями. А ведь не исключено, что Культю специально убили, чтобы скрыть, как ассоциация расправилась с Кенни. Хитмэн, очевидно, с ними заодно. Незаметно избавиться от трупа и подсунуть одного калеку вместо другого – никто бы и внимания не обратил, если бы не Барри и Морин. Тут мерзавцы просчитались – нельзя было давить несчастного Культю прямо у их дома.

Рэй говорил, что судьи чаще всего берут сторону ассоциации против отдельной личности, и все-таки убивать и калечить людей

наверняка незаконно. Никакой суд этого не одобрит и ни один служитель правопорядка.

Кроме, конечно, всеми любимого шерифа Хитмэна.

Попробуем мыслить логически. Если сообщить в ФБР или еще какую-нибудь стороннюю организацию, возможно ли доказать, что Барри говорит правду?

У Кенни невозможно взять отпечатки пальцев, не осталось и зубов, которые можно было бы сверить с медицинской картой стоматолога. Можно проверить группу крови и код ДНК, если только данные о нем где-нибудь имеются.

Черт, да найдут ли они вообще этого Кенни? К тому времени его, наверное, запрячут так, что не отыщешь. Или убьют. А труп сожгут и по ветру развеют. Доказывай потом…

Барри допил пиво и бросил банку в общую кучу. В висках билась тупая боль.

И что будет с ним самим, если он подаст жалобу на ассоциацию? Что будет с Морин? На них тоже откроют охоту?

Может, попробовать взглянуть на дело с точки зрения писателя? Как он сам выкрутился бы, если б герой его книги попал в такую переделку? Ничего путного в голову не приходило. Сидеть на попе ровно и помалкивать в тряпочку – отвратительно в нравственном плане. Точно так же, как и удрать под покровом ночной темноты и затеряться во внешнем мире, никогда больше не вспоминая о Бонита-Висте.

Что же делать?

Плохо, что Рэя больше нет. Старик умел трезво посмотреть на происходящее и дать разумный совет. К тому же он за долгие годы основательно изучил ассоциацию домовладельцев. Бесценные знания, Барри их взять неоткуда, если не у Рэя.

А Рэй умер.

Его тоже убили.

Солнце медленно приближалось к горизонту. Длинные тени сосен легли на землю.

В лесу протяжно закричал Кенни.

Мясной рулет почти допекся, бабуля Мэри уже приехала, прочие родственники таскают стулья и раздвигают стол к воскресному обеду, а Уэстона нет как нет.

Лора Линн выглянула в пыльное кухонное окошко: во дворе никого, на качелях и в домике на дереве пусто. Мальчишка удрал из дома сразу после завтрака – наверное, опять где-то шляется с этим хулиганом Тарли Спунером. Неудивительно, что опаздывает.

Лора Линн и не удивлялась.

Рассердилась, конечно, а удивляться-то чему?

Она выключила духовку, помешала фасоль на сковородке. И ведь знает же Уэстон, что сегодня семейное сборище. Сама ему с утра сказала: можешь пойти погулять, но к полудню чтобы был дома! Уэстон пообещал, что на этот раз не забудет. И так искренне, что она поверила. Ох, надо было построже, а то распустился, никакого сладу с ним нет…

В кухню зашел Клод – как всегда, разведать, что готовится.

– Пахнет вкусно!

И потянулся подцепить пальцем картофельного пюре.

Лора Линн шлепнула его по руке.

– Хуже маленького, честное слово!

Тогда он попытался стащить булочку с тарелки на буфете. Лора Линн переставила тарелку подальше.

– Кстати, о мелких, – вспомнил Клод. – Ты сегодня видела Уэса?

– Как раз хотела с тобой о нем поговорить.

– Не волнуйся, я его найду.

Клод схватил ложку, быстро зачерпнул желе из большой миски и тут же метнулся к двери.

– Клод Ричардс!

– Помираю с голоду! – отозвался он и, распахнув дверь, крикнул во двор: – Уэс!

Никто не откликнулся.

Клод подождал немного и снова позвал:

– Уэстон! Обедать пора!

– Иди, поищи, – велела Лора Линн.

– Уж я его найду!

Дверь за Клодом захлопнулась.

В окно было видно, как он заглядывает в домик на дереве, потом в сарай – любимые убежища мальчишки.

Убежища…

Клод скрылся за углом, а у Лоры Линн внезапно сжалось сердце. Непохоже на Уэстона – откровенно врать. Он, конечно, упрямый, неугомонный, но если пообещал вернуться к обеду – вернулся бы вовремя… если бы смог.

Лора Линн вытерла руки и бросилась вслед за Клодом.

– Уэстон! – позвала она во весь голос. – Уэстон Ричардс!

Вся семья высыпала на крыльцо.

– Из-за чего шум? – спросила бабуля Мэри.

– Уэстон потерялся!

Клод оглянулся, хмуря брови.

– Что ты панику разводишь? Небось заигрался с Тарли.

– Нет. – Лора Линн уверенно качнула головой.

Она боялась озвучить свои страхи, словно от этого они могли стать правдой, но и промолчать не смогла.

– С ним что-то случилось, я знаю.

Форд, Чарли и Эмма мигом сбежали с крыльца. Бабуля Мэри загнала в дом Рэйчел и малышей.

– Уэстон! – завопил Форд.

– Уэстон!

– Уэстон!

– Пойду загляну к Тарли, – объявил Клод.

Лора Линн, сама не зная почему, двинулась к пустырю с восточной стороны от дома.

– Уэстон! – звала она, все ускоряя шаг. – Уэстон Ричардс!

А потом она увидела.

Маленькая неподвижная фигурка скорчилась на земле у невысокого корявого дуба.

– Уэстон? – задохнулась Лора Линн.

Она бежала, как никогда в жизни не бегала. Смутно сознавая, что за ней бегут Клод, и Форд, и Чарли, и Эмма, она видела только застывшую фигурку среди сорняков. Она уже знала, что это ее Уэс, и только молилась – Господи Иисусе Христе, пусть он просто спит или ударился и потерял сознание, лишь бы только не умер.

Ее молитва осталась без ответа.

На земле действительно лежал Уэстон – с пробитой головой. Во вмятине на виске скопилась кровь, уже немного подсохшая. Сбоку от пролома болталось ухо на лоскуте кожи, а среди влажно поблескивающей красноты выступало что-то белое – не иначе, как мозг.

И это еще не все.

Изо рта мальчика натекла пена – густая, розоватая, словно от шампуня или от крема для бритья.

Лора Линн отвела взгляд. Что-то блестело вдали, будто искорки на сломе гранита – это на холмах за городом полуденное солнце отражалось в окнах роскошных особняков Бонита-Висты.

Лора Линн вновь посмотрела на своего мальчика и рухнула на колени, отметив краем сознания, но не чувствуя по-настоящему боль от острых камешков. Тронула пальцем кровь, потом пену.

Клод обхватил ее сзади.

– Лора Линн! Лора Линн!

И тогда она завыла в голос.

Что-то было неладно. Морин сразу почувствовала это, как только вошла в офис ипотечной компании. Вроде ничего

определенного: никто на нее не таращился, не прерывал разговоров, и все-таки ей вдруг стало не по себе. Не было привычного по прошлым встречам теплого приема.

Морин прошла мимо секретаря, мимо сидящих за столами сотрудников. Кто-то чуть отвернулся на крутящемся стуле, кто-то отвел глаза, кто-то уткнулся в бумаги. Без единого жеста, без единого слова ей отчетливо давали понять, что она здесь не к месту.

Ей отвели для работы крохотный угол за перегородкой. Туда Морин и направилась, улыбаясь направо и налево и старательно делая вид, будто не замечает, что никто не кивнул и не улыбнулся в ответ. На полпути ее перехватил управляющий, Харланд Саутер, и попросил зайти к нему в кабинет. При этом нервно кашлянул, что, по мнению Морин, не предвещало ничего хорошего.

В кабинете Харланд притворил за собой дверь и предложил Морин садиться.

Усевшись, она осторожно спросила:

– Что такое? Случилось что-нибудь?

– К сожалению, мы не сможем воспользоваться вашими услугами.

– Постойте! Согласно контракту, мне поручено провести аудиторскую проверку ваших ведомостей по зарплате.

– Да-да, верно… Как вам известно, в контракте есть пункт, который позволяет нам расторгнуть договор и выплатить вам неустойку. Мы его и применим.

Морин посмотрела ему в глаза.

– Можно спросить, почему?

Харланд заерзал.

– Да в связи со всей этой историей… К вам лично мы претензий не имеем, – торопливо добавил он. – Вы, кажется, человек хороший и прекрасный специалист, это видно. Живете здесь недавно… Неудачно для вас все сложилось.

– Ничего не понимаю!

– Ну, вы же знаете…

– Что я знаю?

– А-а… – В глазах управляющего промелькнуло удивление, и он заметно смутился. – Видите ли… В городе были случаи отравления. Кто-то травил домашних животных. Многие считают, что этим занимается ассоциация домовладельцев Бонита-Висты, потому что… В общем, по разным причинам. На прошлой неделе один мальчик случайно поел отравленный корм из собачьей миски. Сейчас он в коме, в больнице Сидар-Сити. А вчера… – Управляющий опустил глаза и тяжело вздохнул. – Нашли еще

одного мальчика, на пустыре рядом с домом. Отравленного и с проломленной головой. Я не выдвигаю никаких обвинений, и, насколько мне известно, шериф уже кого-то арестовал. Но из-за всех этих событий принято решение не вести никаких дел с Бонита-Вистой. Ничего не могу поделать, у меня связаны руки, – закончил он скороговоркой, словно боясь реакции Морин и заранее оправдываясь.

Женщина молчала, совершенно ошарашенная. Было сильное искушение возразить. Такой подход – явная дискриминация, к тому же, скорее всего, незаконная, но и горожан можно было понять. Она в чем-то разделяла их возмущение.

Только вспомнить историю с воротами, смерть Рэя, тысячу причин их с Барри недоверия к ассоциации… Нет, нельзя винить жителей Корбана за то, что они боятся и ненавидят Бонита-Висту.

– Так неудачно сложилось, – повторил Харланд. – На самом деле вы ни при чем, конечно…

Морин устало кивнула.

– Я понимаю.

– Мы выплатим неустойку…

– Да-да.

Вернувшись домой, Морин первым делом бросилась проверять электронную почту – письма, полученные за сегодняшнее утро. Заголовки были самые разнообразные, а суть одна.

Все местные клиенты отказались от сотрудничества.

Собственно, этого следовало ожидать, и все равно тяжело увидеть своими глазами, как все от тебя отвернулись.

И Фрэнка с Одри у нее уже нет.

Морин засмеялась бы, если бы ей не было так горько, заплакала бы, не будь она так зла. Она долго сидела молча, уставившись в экран.

Барри больше недели не приходил обедать в кафе. Он говорил себе, что это не специально – то подворачиваются разные дела, то вчерашние остатки надо доесть, то по каким-то причинам удобней пообедать дома или в офисе или даже совсем пропустить обед.

На самом деле он знал, что все это неправда, и сегодня решил переломить себя. Надо надеяться, что за это время страсти улеглись.

Не может Хэнк так долго злиться. Джо – запросто и даже Лайл. Хэнк – человек спокойный и разумный, а поскольку он задает тон в компании, можно не сомневаться, он постарается урезонить приятелей. Напомнит им, что Барри хороший, что

Барри на их стороне.

Едва войдя в дверь, Барри понял, что ошибся. Холод ощущался буквально физически, и кондиционер здесь был совершенно ни при чем. Барри кожей чувствовал направленные на него взгляды. В тишине слышно было только шкворчание мяса на гриле в кухне и звяканье вилки о тарелку – кто-то все-таки продолжал есть.

Барри скованно прошел к своему обычному столику и сел, стараясь не замечать общего враждебного молчания. Лорелин сперва взглядом спросила у отца разрешения и только после этого швырнула на стол меню и так резко поставила перед Барри стакан, что вода выплеснулась ему на колени. Барри, заставив себя улыбнуться, вернул официантке меню и произнес ровным голосом:

– Спасибо, Лорелин, мне как обычно.

Она молча выдернула у него из рук запаянное в пластик меню и быстро ушла.

Что-то явно произошло за то время, пока Барри сюда не заглядывал. Достаточно серьезное, чтобы всех настроить против него. Знать бы еще, что именно.

Барри вытер салфеткой разлитую воду и отпил из наполовину опустевшего стакана. Он уже подумывал прямо подойти к Хэнку и в лоб спросить, в чем дело, но тут Джо, сидевший у стойки, встал и решительно двинулся к столику Барри.

Не зная, как себя вести, тот остался сидеть, прихлебывая воду.

Джо остановился вплотную к столику.

– Не думал, что у тебя хватит наглости сюда явиться.

В его голосе звучала злоба. Нет, не злоба. Ярость.

У Барри глухо стукнуло сердце. Он не помнил, когда в последний раз участвовал в потасовке, однако чувствовал, что Джо явно нарывается. Провоцирует на драку неведомо почему.

Барри встал, стараясь держаться по-прежнему дружелюбно, хотя это становилось все труднее.

– Не понимаю, Джо, о чем ты? – Он развел руками. – Если что-то случилось, расскажи. Я не в курсе.

– Уэстон Ричардс! – буквально выплюнул Джо.

Завсегдатаи кафе не сводили с Барри глаз. Он в недоумении покачал головой.

– Не знаю, что натворил этот Уэстон, но я…

– Ничего он не натворил! – заорал Лайл – он сидел у самой двери. – Уэстон умер! Ваши его отравили!

Барри оглянулся на Хэнка.

– Еще один несчастный случай?

– Никакой не случай, – ответил Хэнк. Глаза старика горели гневом. – Мальчика убили. Намеренно. У Ричардсов нет собаки.

– Ему проломили голову! – крикнула Лорелин.

У Барри все оборвалось внутри.

– Я ничего об этом не знал. Вот только сейчас от вас услышал!

– В том-то и беда, – кивнул Хэнк. – Никто ничего не знает.

– Зато мы знаем, кто виноват, – вмешался Ральф, сидевший за одним столом с Лайлом.

– Послушайте… – Барри попытался воззвать к их разуму. – Я не меньше вас ненавижу эту чертову ассоциацию. Наверное, даже больше – мне приходится терпеть их безумные выходки и подчиняться идиотским правилам…

– Но ты же не выходишь из ассоциации, – заметил Лайл.

– У меня нет выбора! Я живу в поселке, я обязан платить членские взносы!

– У вас снегоуборочная машина есть! – крикнула женщина у окна.

Барри видел ее впервые. Толстая тетка с неправильным прикусом и громадными грудями. Ее глаза тоже пылали злобой.

– Что? – растерянно спросил Барри.

– У вас в поселке есть снегоуборочная машина, только для своих. Наша зимой сломалась, так весь город снегом завалило на целую неделю. Завалило снегом, понятно? А вы не захотели нам помочь, дороги расчистить!

– А вода? – негромко напомнил Ральф.

Все закивали.

– Прошлой зимой меня здесь вообще не было! И насчет воды не я решаю. И к этому Уэстону я никакого отношения не имею…

– Нам плату за электричество задрали до небес, потому что ваш поселок прорву электроэнергии тратит!

– Ваши отходы реку загрязняют!

– Я просто здесь живу, – оправдывался Барри. – Я…

– Уэстону проломили голову, – повторила Лорелин. – А изо рта шла пена – значит, еще и отравили. Маленький совсем, я его знала.

– Не я это сделал!

– Не ты, – согласился Хэнк.

Как только раздался его серьезный голос, остальные притихли.

– Но ты ничего не сделал, чтобы им помешать.

Глядя в глаза старика, Барри вдруг понял, что ему никогда не выиграть этот спор. Для всех окружающих он навеки замаран

наравне с другими жителями Бонита-Висты.

– Они убивают наших детей, – сказала женщина у окна.

– Разозлились, что мы не стали плясать под их дудку, и теперь хотят убить наших детей!

Голос Джо дрожал от гнева:

– Сначала собак… Потом детей… Дальше что?

Барри хотелось возразить, однако слова не шли с языка. На первый взгляд, нелепое обвинение, но если честно, Барри не мог с уверенностью его отмести. Ни за что на свете он не станет защищать ассоциацию домовладельцев.

– Лучше возьми еду с собой, – произнес за стойкой Берт.

По голосу было ясно, что это не совет, а приказ.

Взгляд Барри упал на белый прямоугольник картона, прислоненный к кассовому аппарату: «Мы оставляем за собой право ОТКАЗАТЬ в обслуживании ЛЮБОМУ КЛИЕНТУ».

Судя по всему, сегодня он в последний раз здесь обедал. И навынос ему вряд ли что-нибудь продадут.

Барри встал, одним глотком допил воду и подошел к кассе.

Он не удивится, если Берт его и из офиса выгонит. А другое помещение найти будет нелегко, если настроение завсегдатаев кафе выражает общее мнение в городке.

Дома работать запрещает ассоциация, так что он, прямо по старинной поговорке, попал между молотом и наковальней.

Может, поставить палатку в лесу, запитать компьютер от электрогенератора, да там и работать?

Берт хмуро вручил ему промасленный пакет с сэндвичами, взял деньги и молча протянул сдачу. Барри, ни на кого не глядя, прошел прямо к двери. Его шаги громко отдавались в мертвой тишине.

На улице дышалось чуть легче, и подступившая клаустрофобия развеялась. Такое чувство, словно вернулся в реальный мир, проснувшись от навязчиво-бредового сна.

Через пятнадцать минут, расправившись с сэндвичами, Барри вновь погрузился в мир смерти и сверхъестественных ужасов. Неприятное происшествие отступило на задний план, оставшись в глубине сознания как живописная деталь, которую можно использовать в новом романе.

Он писал очередную главу от лица монстра. Пальцы летали по клавишам, не поспевая за мыслью, как вдруг тишину офиса нарушил звон разбитого стекла. В окно рядом с компьютером влетел бейсбольный мячик, веером посыпались осколки. Барри машинально пригнулся. Может, просто дети нечаянно отбили мяч не в ту сторону, однако в глубине души Барри в этом сомневался. Подождав немного, он выскочил на крыльцо и увидел человека,

убегающего в сторону кафе.

Что это – просто предупреждение или начало систематической травли? Оба варианта казались малопривлекательными. Перед уходом Барри скопировал рабочие файлы на дискету, которую забрал с собой.

Было около полуночи. Они лежали в постели и молчали под тихое бормотание телевизора.

– Может, нам уехать? – вполголоса спросила Морин.

– Нет, – ответил Барри, чувствуя крепнущую решимость. – Не доставлю этим уродам такого удовольствия.

Морин протянула, пародируя техасский акцент:

– Никто не выгонит нас из города до заката!

– Вот именно.

– По принципу «пусть нам будет хуже»? Ни одна фирма в Корбане не станет со мной работать. Я не преувеличиваю.

– И не надо. Ну их, придурков. Я на двоих прекрасно заработаю.

– Я не хочу бросать профессию из-за того, что ты уперся и непонятно с кем решил мериться пиписьками!

– А как насчет калифорнийских клиентов?

– Несколько еще остались, – признала Морин. – Но не в этом дело! Если вернуться в Калифорнию, я бы втрое больше набрала.

– У тебя есть электронная бухгалтерская империя.

– С этим тоже проще будет в Калифорнии.

– Не хочется удирать, поджав хвост. И потом, обидно, что нас обвиняют, когда мы ни сном ни духом.

– Вот и огребаем с обеих сторон – и от ассоциации, и от ее противников. Не понимаю, зачем дальше мучиться.

– Потому что мы любим наш дом. Потому что нам здесь нравится. Все те же причины, по которым мы решили здесь поселиться. Ничего не изменилось. Подумаешь, стало меньше друзей…

Морин вздохнула.

– Купили бы мы участок не здесь, а в городе…

– В городе мы бы не купили. Правду сказал Рэй: мы живем здесь, потому что нас привлекают красивые виды, асфальтированные дорожки и хорошие дома. Нам хочется жить в сельской местности, только в ее улучшенном варианте, как в кино. Вот и расплачиваемся теперь… Скажи честно, понравилось бы тебе жить в трейлере или в какой-нибудь развалюхе на окраине Корбана?

– Можно построить собственный дом.

– Ага, в окружении работяг, которые колотят своих жен. И с

завистью смотреть издали на Бонита-Висту…

– Значит, тут классовый вопрос?

– Ну да, – отозвался Барри. – Выходит, так. Об этом сейчас не принято говорить, все старательно делают вид, что классовых различий не существует, но они есть. Мы с тобой – образованные, обеспеченные люди, а из местных большинство хорошо если среднюю школу закончили, за пределы штата никогда не выезжали. Нам с ними не ужиться.

Барри вспомнил, как пригласил к себе приятелей из кафе, и ему вдруг стало страшно: он рассуждает о них совсем как эти, из ассоциации.

– Нам и здесь ни с кем не ужиться, – сказала Морин.

Барри изобразил сладенькую улыбочку и захлопал ресницами.

– Разве нам друг друга мало?

Морин ответила не сразу.

– Я не буду вечно терпеть. Ты можешь писать книги где угодно: хоть здесь, хоть в Калифорнии, хоть в Нью-Йорке. А я – бухгалтер, я работаю с людьми. Посмотрим, как пойдет работа по интернету, но я ничего не обещаю. Если почувствую, что больше не могу тут оставаться, мы сейчас же уедем.

На самом деле Морин была не права – он не мог писать где угодно. В Бонита-Висте ему запрещали работать, а из музея чайников, по всей вероятности, его скоро попросят. Действительно, получается «пусть нам будет хуже», но если уж цитировать расхожие присказки – надо решать проблемы по мере их поступления.

Больше они не разговаривали. Морин пристроила поудобней подушку, закинула руку на пояс Барри, поерзала, тесней прижимаясь к нему, и они уснули под тихое, уютное журчание телевизора.

– Барри!

Он сонно приоткрыл глаза.

– Барри!

Испуганные нотки в голосе Морин мигом прогнали дрему. Барри сел на постели, окончательно проснувшись. В щель между занавесками ярко светило солнце. Глянул на будильник: уже девять. Он проспал почти двенадцать часов.

Морин стояла возле кровати, протягивая ему свежий номер «Корбан уикли стандарт». Руки у нее тряслись. В утренней тишине шелест газеты казался удивительно громким.

Барри с невольным страхом прочел заголовок:

БОНИТА-ВИСТУ ОБВИНЯЮТ В ОТРАВЛЕНИИ РЕБЕНКА

– Здесь написано, что сегодня вечером будет митинг. Жители Корбана, родители, соберутся в восемь у ворот в знак протеста.

Барри прочел статью от начала до конца. Митинг организовал Клод Ричардс – отец Уэстона. Горожане хотели припугнуть и заставить сознаться виновников – тех, кто отдал приказ подложить яд в миски дворовых собак, и тех, кто этот приказ выполнил.

Для этого Ричардс собирался надавить на ассоциацию и на всех жителей поселка, а горожане, чьи высказывания приводились в статье, да и сами журналисты единодушно его поддерживали.

Как ни странно, в газете не было комментариев шерифа. Чью сторону возьмет Хитмэн? Пусть он подкуплен ассоциацией, все-таки нельзя же смотреть сквозь пальцы на убийство! Тем более ребенка, тем более – в маленьком городке. Если он, конечно, хочет остаться шерифом.

– Не нравится мне этот «митинг», – заметил Барри, отдавая Морин газету.

– Мне тоже. Представляю: явится орава пьяных молодчиков, да еще с дробовиками. Взвинтят себя разговорами и начнут палить почем зря.

– Ничего нет страшнее толпы, – согласился Барри.

– Что же делать?

– А что мы можем сделать?

Морин присела на край кровати.

– А не прокатиться ли куда-нибудь на пару дней? В здешних краях уйма заповедников, а мы ни в одном до сих пор не были. Остановимся в Сидар-Сити, съездим в Брайс, или Зайон, или Сидар-Брейкс…

– Я смотрю, ты все продумала!

– Полистала путеводитель, – созналась Морин, сжав руку мужа. – Не хочу быть здесь этой ночью. У меня плохое предчувствие.

Барри наклонился и легонько поцеловал ее.

– Я не шучу! Здесь опасно.

– Кто опасней, те или эти?

– Не знаю. Да какая разница? Я просто хочу быть подальше отсюда, когда это случится.

Барри вздохнул.

– Да ничего не случится…

– Как ты можешь!

– У нас ворота и вооруженная охрана. И потом, даже Хитмэн

такое не проигнорирует. Шериф проследит, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

– Да, конечно, – хмыкнула Морин.

Барри хотел еще добавить, что их дом стоит далеко от ворот, и если толпа ворвется в поселок, их успеют остановить, не допустят настоящих бесчинств… Тут Барри вдруг спохватился. Что за черт? О чем он только думает? После всего, что он видел и о чем подозревал, он еще рассчитывает, что происходящее останется в рамках нормы? Да здесь все ненормально! Обычная логика к Бонита-Висте неприменима. Вот дьявол, знай он себя хуже, мог бы подумать, что его и самого подкупили, подвергли какому-нибудь магическому облучению или обработали телепатией, чтобы со всем соглашался и следовал линии партии…

– Ты права, – сдался Барри.

– Значит, уедем?

– Да, – вздохнул он. – Сразу после завтрака, я только душ приму. Собери пока сумку. Много вещей не бери, завтра вернемся.

– Осмотреть обломки?

– Будем надеяться, что до этого не дойдет.

Морин поцеловала его.

– «Ты хороший человек, Чарли Браун»[13], – сказала она и встала. – Иди мойся.

– Хочешь со мной?

– Вечером, – пообещала она.

Барри уже вышел из душа и наливал себе кофе, когда раздался громкий стук в дверь. Морин была внизу. Она открыла и через минуту окликнула Барри.

Заглянув через перила, тот увидел, что в гостиную входит Майк с газетой в руке.

– Привет! – крикнул Барри, спускаясь по лестнице. – Как дела?

Майк помахал «Стандартом».

– Видел?

Барри кивнул.

– Они это называют «митинг», – зло проговорил Майк. – Якобы что-то такое мирное, вроде пикника. А на самом деле сговариваются напасть на нас! Соберут людей, вынесут ворота и… Не знаю, что будет.

– Вот поэтому мы и уезжаем, – ответил Барри. – Переждем до завтра в Сидар-Сити. Так, на всякий случай.

– Не понял… – Майк озадаченно помотал головой. – Ты о

чем?

– У меня нехорошее предчувствие, – объяснила Морин. – Я, конечно, не экстрасенс, но лучше уж мы уедем ненадолго. Что-то обязательно произойдет.

– Еще бы не произойти! Они здесь все разнесут, дай только волю. Вернетесь, а тут окна перебиты, шины порезаны и черт знает что еще…

– Вот-вот. Лучше не при нас.

Майк уставился на Барри.

– Да ты что?! Здесь твой дом, твоя собственность. Если у тебя в доме вдруг пожар, ты что, сбежишь и не будешь бороться с огнем? Да мы все полезли бы на крышу со шлангами, заливать малейшую искорку!

Барри нехотя кивнул.

– Так и сейчас то же самое! Я понимаю, ассоциация – банда моральных уродов, но у нас просто выбора нет, надо всем сплотиться. Кстати, как раз для таких случаев и создана ассоциация. Она обязана защищать жителей поселка!

– Не было бы необходимости защищаться, если бы ассоциация… – Барри посмотрел Майку прямо в глаза. – Если бы детей не отравили.

– Согласен, это сделка с дьяволом, – признал Майк. – Однако выбора нет. Нравится нам, не нравится, но горожане ставят вопрос так: мы или они. А «они» в данном случае – это мы.

Барри попытался изобразить улыбку.

– И что, по-твоему, они сделают? Сожгут наши дома?

– Такое случалось, и даже в нашей стране. Да, я считаю, они вполне могут выкинуть что-нибудь этакое.

– Я тоже так думаю, – подала голос Морин. – Потому и хочу уехать. Толпу остановить невозможно. Разъяренные люди никого не станут слушать, особенно если у них погибли дети.

– Тебя я вполне понимаю, – сказал Майк. – А ты, Барри, почему собрался уезжать? Если боишься за свою шкуру – о'кей, причина резонная. А если делаешь это назло ассоциации, то ты не прав. Ты ведь читал статью. Горожане винят нас всех, не только правление. Почему все должны страдать?

Сравнение с пожаром задело Барри за живое. Хоть он и дал слово Морин, доводы Майка его убедили. Он должен остаться и защищать свой дом.

И есть еще кое-что…

– Да, бежать нельзя, – сказал Барри.

– О-о, только не начинай разыгрывать из себя мачо!

– Кто защитит наш дом?

– А что, ты сядешь с ружьем на крыльце и будешь стрелять в

каждого, кто сунется во двор? Брось! Если что и поломают, убытки покроет страховка. Половина домов здесь вообще пустует, хозяева приезжают только летом, и они не примчатся к нам стоять насмерть! – Морин заглянула ему в глаза. – Ну зачем тут сидеть?

– А если это проверка? – тихо спросил Барри.

– Какая еще проверка?

– Вдруг эти, из ассоциации, просто проверяют, кто готов сражаться?

– Сражаться? – ахнула Морин.

– В переносном смысле, конечно. Хотят испытать на прочность своих противников? То есть нас.

– В общем, вы обсудите все между собой и решите, а я пойду, – сказал Майк, пятясь к двери. – Хотя, по-моему, вы должны остаться. Численный перевес много значит, а у нас каждый боец на счету. Твоя жена верно говорит: многие вообще не живут здесь постоянно. И газеты не скликают наших сторонников, не то что у городских. Вот о чем стоит подумать.

Морин захлопнула за ним дверь.

– Не о чем тут думать!

– Мо…

– Ты обещал, что мы уедем!

– Ну да, обещал…

– Что такое? Великий всенародно любимый писатель Барри Уэлч боится, *что* о нем скажут соседи? Да пошли они!.. Если хочешь кому-нибудь доказать, что ты мужик, – докажи мне, своей жене! Не поддавайся психологическому давлению. Уедем до завтра!

Вот она, главная беда профессионального писателя, подумал Барри. Привыкаешь на все смотреть с разных точек зрения. Автору постоянно приходится влезать в голову каждого персонажа и обосновывать противоположные позиции. Морин права, но прав и Майк. Барри каждый день занимался таким вот шизофреническим перевоплощением и привык любую ситуацию видеть со всех сторон.

А вот с точки зрения ассоциации он посмотреть не мог. Логика буксовала.

Не исключено, что его хотят заставить помучиться над выбором, а сами тем временем наблюдают и изучают его реакцию, как ученые исследуют поведение лабораторной крысы. Такое запредельное коварство может показаться плодом слишком бурного воображения, но если вспомнить все, что произошло со дня их с Морин приезда в поселок, то идея вполне правдоподобная.

– Я серьезно. Что, если ассоциация устроила своего рода испытание?

– Опомнись! Это уже паранойя. Значит, они травили детей и собак специально, чтобы раздразнить горожан, заставить их идти на Бонита-Висту с ружьями и бейсбольными битами, и тогда Барри Уэлчу придется решать, уехать на два дня или остаться тут? Не многовато ли сложностей ради тебя одного?

Барри поморщился.

– Ну, если так сформулировать…

– Приди в себя, и уедем поскорее, а то еще явится очередной посланец сатаны, сбивать тебя с пути истинного.

– Это Майк – посланец сатаны?

– Собирайся уже!

– Ладно, иду.

Взгляд Барри нечаянно упал на телевизор.

– Постой, хоть посмотрим, какую обещают погоду.

Он взял пульт управления и начал переключать каналы.

– Эй! – остановила его Морин. – Что это… Что это такое?

– Где?

– Верни назад!

Барри принялся листать каналы в обратном порядке.

– Вот, смотри!

Он нахмурился. Что это, какая-то местная телепрограмма? Размытая, почти черно-белая запись, без звука, снято откуда-то сверху, как немолодые муж с женой играют в теннис. Оба в белой теннисной форме, старательно перебегают по корту, хотя спортивными их никак не назовешь.

– Это же наш теннисный корт! – ахнула Морин.

Она схватила лежавший на телевизоре листок и повела пальцем по списку каналов.

– Шестнадцать… БВТВ. Что это?

Но Барри по лицу видел, что она и сама поняла.

– Бонита-Виста ТВ. Так вот зачем там видеокамера… Я тебе говорил, что это не просто секьюрити?

– Господи боже…

Мужчина на экране неуклюже взмахнул ракеткой, но отбить подачу жены не сумел.

– Я их видела раньше, – сказала Морин. – По-моему, они живут в соседнем доме с Одри.

– Интересно, что еще записывают? – негромко спросил Барри.

Словно в ответ на его вопрос, картинка на экране изменилась. Теперь там показывали чей-то дом изнутри. В кадре появилась женщина.

Лиз.

Она ничего особенного не делала, просто сидела на белом диване в гостиной, сложив руки на коленях, запрокинув голову, и всхлипывала. Эта сцена была настолько личной, что Барри не раздумывая выключил телевизор.

Он просто не мог дальше смотреть, и так чувствовал себя подлецом.

Неужели члены правления сейчас тоже сидят перед телевизорами и смотрят?

И ухмыляются…

При одной только мысли в глазах потемнело от ярости. Никогда еще ненависть к ассоциации не горела в нем с такой силой. Барри вспомнил этого хорька, Нила Кэмпбелла с ханжеской физиономией, и вдруг понял, что для него Кэмпбелл олицетворяет ассоциацию, потому что никого из правления он не видел. Видел автомобиль Джаспера Колхауна, а самого Колхауна не встречал, как и других членов правления. Черт, он даже имен их не знает!

Морин судорожно вздохнула. По щеке у нее ползла слезинка.

– Как они могут?!

– Лиз говорила, что ассоциация ее преследует.

– Сейчас позвоню, хоть предупрежу ее!

Морин бросилась наверх, схватила с обеденного стола трубку и вернулась, на ходу набирая номер. Видимо, Лиз ответила не сразу – Морин успела дойти до нижней ступеньки лестницы. Барри представил себе, как Лиз собирается с силами, чтобы ответить на звонок – вытирает слезы и старательно переводит дух.

И все это передают в эфир, на потеху соседям…

– Лиз, тебя сейчас показывают по БВТВ, – сказала Морин. – В доме установлена скрытая камера. Мы включили телевизор, смотрим: ты сидишь на диване… и плачешь. Звука нет, так что разговаривать можно спокойно, только отойди от дивана, и вообще выйди из гостиной, там тебя видно…

Последовала долгая пауза: Морин слушала, что ей говорит Лиз.

– А-а… Понятно… Ну, да… И тебе тоже… Пока.

Она с потрясенным видом нажала кнопку отбоя.

– Лиз говорит, что уже знает.

– Знает?

– Она вчера видела себя по телевизору. – Морин стиснула зубы. – В уборной.

– Как это?..

– Программа идет не в прямом эфире. Они записывают, а потом выбирают куски. Лиз говорит, эту передачу снимали,

наверное, на прошлой неделе. Она сейчас не плакала. Она вообще в кухне была, посуду мыла. Полночи проискала, где в уборной видеокамера, но так ничего и не нашла. Говорит: у нее, наверное, все комнаты под наблюдением.

– Что же она будет делать?

– Подаст жалобу.

– И всё?

– Может, будет дальше видеокамеры искать. А пока не нашла, стараться о них не думать.

– Вот черт…

– Уедем отсюда! – жалобно попросила Морин. – Поехали в Сидар-Сити!

Десять минут спустя они были готовы к отъезду. Сумки лежали в машине. Морин оглянулась на дом.

– Как по-твоему, заколотить окна досками? На всякий случай.

Барри покачал головой.

– Не надо показывать свой страх. Пусть в ассоциации не думают, что нас легко запугать. Для них нам просто захотелось полюбоваться заповедниками.

– Ладно.

– И потом, придется еще ехать, покупать доски, прибивать… До верхних окон вообще не дотянешься.

– Я сказала – ладно!

– Ну и хорошо.

Барри завел мотор и вывел машину на дорогу.

У ворот их остановили.

– Прошу прощения, – сказал охранник. – Въезд-выезд запрещен.

Вид у него был мрачный и решительный. Вместо оливковой формы сегодня на нем была черная, отутюженная, с серебряными нашивками и эполетами, на ногах черные сапоги. Обычного планшета не было и в помине, у пояса – кобура с револьвером.

– Что? – переспросил Барри.

– Для вашей же безопасности жителям запрещается покидать территорию поселка.

– Что еще за фигня? Ассоциация объявила военное положение?

– Так точно, – ответил охранник, глядя Барри прямо в глаза.

А он-то думал пошутить… Ну, не совсем пошутить, скорее нарочно преувеличивал, чтобы пристыдить охранника. А оказалось, нечаянно угадал.

Барри переглянулся с Морин. Она, вся красная от злости, перегнулась через его колени и крикнула охраннику:

– Слушайте, вы! Мы тоже состоим в ассоциации домовладельцев, из наших взносов вам зарплату платят! Сейчас же открывайте ворота!

Охранник, холодно взглянув на нее, обратился к Барри:

– Будьте добры развернуть автомобиль. Не занимайте дорогу.

– Как ваша фамилия? – гневно спросила Морин. – Я добьюсь, чтобы вас вышвырнули с работы, невоспитанный хам!

– Фамилия моя Кертис. И, как вы знаете, я тоже живу в Бонита-Висте. – Он наклонился, облокотившись на край окна рядом с Барри, и просунул лицо в машину, пересекая невидимую границу, отделяющую салон автомобиля от внешнего мира. – И я бы посоветовал тебе разговаривать повежливее, невоспитанная сучка.

Он с улыбкой выпрямился и козырнул, приложив руку к черной фуражке, лихо сидящей на коротко остриженных светлых волосах.

– Всего хорошего, мэм, и вам, сэр!

Барри включил задний ход. Только у теннисного корта он развернулся и погнал машину вверх по склону.

– Мы в ловушке, – ошарашенно проговорила Морин. – Нас заперли, не убежишь.

– Давай подумаем, – сказал Барри. – Сейчас заедем домой и сообразим, что делать.

– Нечего тут соображать. Можно, наверное, уйти пешком, но до города топать полчаса, да и рады там нам не будут.

Барри усмехнулся.

– Можно устроить финт ушами, как в фильме «Конвой».

– В смысле?

– Дать полный газ и вынести ворота.

– Вообще-то соблазн велик.

Барри остановил машину возле дома и выключил зажигание.

– У охранника был пистолет. Заметила?

– Да, – тихо отозвалась Морин.

Они немного посидели молча.

– Ну, так что делать будем? – спросил Барри. – Есть идеи?

– Нет, – вздохнула Морин. – Черт, просто в голове не укладывается…

– Пошли в дом.

Еще только подходя к крыльцу, они увидели на двери записку.

Всего минут на пять отлучились, максимум на восемь, а кто-то уже успел доставить послание от ассоциации.

– За нами тоже наблюдают? – изумилась Морин. – Специально шпионили, чтобы принести эту гадость, пока нас нет дома? Не случайно же так совпало!

– Случайностей здесь не бывает.

Барри вспомнил письмо, найденное в шкафу.

«Знайте, они за всеми следят».

Барри отцепил от двери бумажный листок и прочел:

– Приказ всем жителям Бонита-Висты собраться на встречный митинг у ворот, в восемь вечера.

– Приказ?

– Так здесь написано.

Он передал ей извещение, отпер дверь, и они вошли в дом.

– Тут сказано, если мы не явимся, нас оштрафуют. Они имеют на это право?

– Не знаю. Но подозреваю, что да. Насколько я понял,

юридическая сторона дела у них отработана. Какие бы гадости они ни творили, закона при этом не нарушают.

– Если верить шерифу Хитмэну. По-моему, не самый надежный источник.

– Позвоню Джереми. Он скажет точнее.

Барри запер за собой дверь и задвинул задвижку. Потом пошел звонить, но после первых же цифр в трубке раздался механический женский голос:

– Извините, линия перегружена. Перезвоните, пожалуйста, позже.

Связь оборвалась. В трубке раздались гудки.

Барри попробовал еще раз.

И еще.

И опять, и снова. Пробовал больше часа, раз тридцать набирал номер Джереми и каждый раз получал тот же ответ, явно записанный заранее. Наконец, сдавшись, швырнул телефон через всю комнату. Безвинный аппарат шлепнулся на ковер.

Мало того, что не уедешь, еще и нет никакой возможности связаться с внешним миром. Полная изоляция, они буквально отрезаны. Невольно подумаешь, что этого-то и добивалась ассоциация домовладельцев. Барри не удивился бы, узнай, что в Бонита-Висте собственный коммутатор и правление ассоциации может контролировать телефонные разговоры жителей.

Они с Морин так и не придумали способа выехать из поселка мимо вооруженной охраны, иначе как выбив ворота. В конце концов им надоело мрачно сидеть в гостиной, уставившись друг на друга.

Морин спустилась к компьютеру и занялась своим сайтом. Барри поднялся в кухню перекусить.

Вскоре после полудня позвонил Майк.

– Видели извещение?

– Это ты нам его принес?

– Нет, я тоже такое получил. Хотел спросить, как ваши планы.

– Пока не знаю.

– Вам могут начислить штраф. Не заплатите – наложат арест на дом.

– Какое счастье, что мы живем в демократической стране.

– Мы живем в охраняемом коттеджном поселке, – поправил Майк. – Одно исключает другое.

– А ты что собираешься делать?

– Пойду на митинг.

– Я, наверное, тоже.

– Если хочешь, прихвачу для тебя бейсбольную биту.

Бейсбольную биту? От мысли о том, чтобы ударить битой

другого человека, Барри пробрала дрожь.

– Думаешь, в самом деле дойдет до драки?

– Кто знает. На всякий случай надо подготовиться. Как говорится, чтобы потом не жалеть.

Повесив трубку, Барри сказал Морин, что пойдет на митинг. Единственная надежда предотвратить кровопролитие – показать, что жители поселка в состоянии дать отпор.

Он ожидал возражений, но Морин уже смирилась. Только сказала, что пойдет с ним. Раз уж никак не отвертеться, надо стоять плечом к плечу.

Весь день они не находили себе места. Время тянулось бесконечно. Пробовали браться за домашнюю работу, но отвлечься все равно не могли. В конце концов Морин устроилась на диване с журналом, а Барри сел смотреть телевизор – сначала судебную хронику, а потом политическое ток-шоу на Си-эн-би-си.

Они заставили себя поужинать раньше обычного и вместе помыли посуду. Потом посмотрели местные новости, общеамериканские новости, «Новости шоу-бизнеса».

А потом настало время идти на митинг.

Дождя сегодня практически не было, только днем чуть-чуть накрапывало, но жара спала, и вечер был непривычно прохладный. Морин накинула жакет, Барри надел рубашку с длинными рукавами. Заперев дверь, они отправились к воротам.

Солнце совсем недавно зашло. Если смотреть от дома, небо на западе еще озаряли рыжеватые отсветы, а внизу среди сосен уже сгустились сумерки. Ночь в лесу наступает рано.

Впереди на дороге виднелись еще люди: две пары и семья из четырех человек. Их силуэты чернели в свете редких фонарей. Барри и Морин шли молча, а впереди, у подножия холма, среди кустов и деревьев слышался ровный гул. Шум толпы.

За поворотом гул стал громче. Из боковой улочки появилась еще одна пара, освещая себе путь электрическими фонариками. Барри хотел поздороваться, завести разговор – может, они что-то знают о происходящем, – но люди были незнакомые, и он не решился подойти. Мало ли, вдруг это сторонники ассоциации…

Барри сжал руку Морин и замедлил шаги, выжидая, пока та пара подальше уйдет вперед.

Морин поняла без слов.

– Не угадаешь, кто на какой стороне, – шепнула она.

Барри кивнул.

– Осторожность не повредит.

Деревья слева кончились. Барри и Морин вышли на открытый участок. Бассейн уже был готов и даже наполнен – в воде отражалось черное небо. Правее виднелись деревянная опалубка

и бетонный фундамент будущего клуба.

Добровольцы не сидели сложа руки.

Барри и Морин постарались быстрее миновать стройплощадку. В ужастиках, в том числе и его собственных, зло всегда обитало в местах с бурным историческим прошлым, а не там, где вовсе нет прошлого, одно только будущее. Но в Бонита-Висте все шиворот-навыворот. Недостроенный клуб и новенький бассейн отчего-то казались зловещими. Барри даже вздрогнул от отвращения.

Миновали дом Фрэнка и Одри. Прошли мимо освещенных теннисных кортов.

Поворот.

А вот и толпа.

Здесь собралось, наверное, около сотни людей. Мощные галогеновые прожекторы на крыше будки освещали большой кусок дороги. В ярком свете деревья вокруг выглядели плоскими, будто нарисованными. Большинство жителей поселка пришли пешком, хотя несколько машин тоже стояли у обочины – должно быть, на них приехали те, кто жил по ту сторону холма. Пикапы и легковушки выстроились в несколько рядов перед воротами, наподобие бастиона. В стороне, за будкой охранника, стояла машина шерифа.

Люди смеялись, пили пиво, болтали, словно на пикнике. Не подумаешь, что происходит нечто из ряда вон выходящее, если бы не четкая разделительная линия ворот – за ними было черно и тихо. А еще все собравшиеся принесли с собой оружие. Огнестрельное, правда, Барри увидел только у шерифа и охранника, зато многие держали молотки, бейсбольные биты и монтировки. Какая-то женщина сжимала в руке большой кухонный нож, ее собеседник помахивал бильярдным кием.

– Не нравится мне это, – прошептала Морин.

Барри тоже не нравилось. Очень неуютно видеть, как самые обычные люди – соседи, знакомые – готовятся сражаться с враждебно настроенной толпой.

– Идут! – крикнул кто-то.

Сквозь решетку ворот, поверх выстроившихся в ряд автомобилей виднелась цепочка огней. Огоньки приближались к Бонита-Висте. Барри вспомнились классические фильмы о Франкенштейне, где толпа разъяренных крестьян с вилами и факелами врывается в замок безумного ученого.

На этот раз, правда, не будет ни вил, ни факелов.

Разве что электрические фонарики.

И дробовики.

Толпа притихла, словно вдруг разом осознав серьезность

момента. У Барри живот подвело от страха.

С той стороны к воротам начали подъезжать пикапы, старенькие «Шевроле», «Бьюики» и потрепанные джипы. Скоро их стало так много, что прибывающие машины уже не помещались на обочине и заняли всю проезжую часть.

Хитмэн с охранником, стоя возле будки, заряжали револьверы. Барри в который раз подивился, отчего шериф слушается ассоциацию домовладельцев Бонита-Висты, даже в ущерб служебному долгу. Он ведь не живет в поселке?

Или…

Барри сам поразился, как настолько очевидная мысль не пришла ему в голову раньше. Вот, например, Грег Дэвидсон – местный паренек, выбился в люди и переехал в Бонита-Висту. Что, если и Хитмэн?.. Это многое объясняет. Наверное, ему предложили здесь поселиться, еще и скидку сделали.

По ту сторону ворот захлопали дверцы машин. Один за другим замолкали моторы, хотя наружу никто пока не вышел. По толпе жителей поселка пробежал шепоток. Все повторяли одну и ту же фразу, однако говор заглох, так и не дойдя до того места, где стояли Барри и Морин.

Через минуту горожане дружно двинулись вперед. Плотная масса разъяренных фермеров, строителей, механиков и мелких предпринимателей намеревалась штурмом взять ворота. Барри узнал кое-кого в толпе. Хэнк. Джо. Лайл. Берт. Тошнота подступила к горлу, но, что ни говори, инстинкт самосохранения всегда берет верх над принципами. Если нападут – Барри готов защищаться.

Прав был Майк. Нельзя стоять в сторонке, когда твой дом в опасности.

Хочется только надеяться, что никого не ранят.

И не убьют.

Барри нашарил руку Морин и крепко сжал холодные пальцы. Жена дрожала всем телом. Рядом стоял тот самый красномордый тип, что орал тогда на рабочего-мексиканца. Пузан явно был в своей стихии – скалился во всю пасть, вытаскивая из багажника арбалет.

– Мои старые приятели, – заметила Морин, кивнув влево.

Чак Шей и Терри Эбби решительно шагали к воротам, размахивая битами.

Барри считал, что жители Бонита-Висты – слабаки по сравнению с горожанами. Изнеженные богачи против крепких, жилистых парней, закаленных физическим трудом. Пожалуй, мнение было неверным. Скорее уж горожане, при всем своем праведном возмущении, казались растерянными и

слабоорганизованными, меж тем как жители поселка держались деловито и уверенно.

Что это, влияние ассоциации?

Пожалуй, нет, и это страшнее всего. Они и сами по себе такие.

Шериф и охранник заняли места возле каменных столбов по бокам от ворот. Между ними выстроились наиболее рьяные жители поселка.

Вдруг толпа затихла. Все словно оцепенели, глядя куда-то назад. Барри тоже обернулся. На самом краю освещенного круга стояли в ряд шесть старцев в черных мантиях, украшенных золотыми нашивками. Барри почему-то вдруг вспомнился суд, где решался вопрос об импичменте Билли Клинтона, когда старый осел Уильям Ренквист выступал в официальном облачении члена Верховного суда, осквернённом дурацкими золотыми полосами, словно из оперетки Гилберта и Салливана. Эти старики выглядели так же нелепо, только чувствовалась в них какая-то угроза. Словно за ними таилось что-то темное, грозное и чудовищно неправильное.

Все взгляды устремились на этих шестерых. Барри ждал, что они сейчас выступят вперед и возьмут на себя командование, но те продолжали неподвижно стоять на месте. Главным, по-видимому, был тот, что в центре. Наверняка председатель правления, знаменитый Джаспер Колхаун. Лиз говорила Морин, что во внешности Колхауна есть что-то неестественное. Барри показалось, что и остальные члены правления выглядят странно – слишком белые, ненатуральные лица, хотя, может быть, дело в освещении. Трудно судить издалека.

Между тем горожане подступили вплотную к воротам.

– Вы убили нашего сына! – выкрикнула женщина с опухшим от слез, искаженным яростью лицом.

Рядом с ней мужчина схватился за завитки чугунной решетки.

– Убийцы! – заорал он. – Убийцы!

Другие голоса подхватили. Посыпались угрозы и проклятия.

– Выпускайте добровольцев, – властно произнес председатель, перекрывая шум.

Он взмахнул рукой. Раздался щелчок бича. Из-за деревьев показалась марширующая колонна. Голые до пояса добровольцы шагали по три в ряд. Направляясь к воротам, они прошли совсем близко от Барри и Морин. Это были те же самые люди, что рыли бассейн и котлован под фундамент. Вблизи стало видно, что у многих не хватает кистей рук, у других были страшные шрамы на лице, а некоторые хромали. Барри невольно вспомнил повязку на

глазу Кенни Толкина.

Мимо промаршировал Грег Дэвидсон, глядя прямо перед собой. Правая половина головы у него была выбрита, и с этой стороны не хватало уха. Толпа расступилась, пропуская добровольцев. У тех не было ни дубинок, ни клинков, ни ружей, зато была неумолимая решимость. Чувствовалось, что они ни перед чем не остановятся.

Армия Бонита-Висты, подумал Барри. Знают ли о ней другие жители поселка или появление добровольцев такая же неожиданность для всех, как для него самого? Люди пришли вооруженными – значит, готовились к бою, а выходит, они – всего лишь резерв на крайний случай. Основная сила обороны – добровольцы.

Барри не подозревал, что их так много. Идут и идут.

– Почему они такие? – дрожащим голосом спросила Морин.

– Не знаю.

– Как будто… под гипнозом.

– Их привлекли за неуплату, – произнес незаметно подошедший Фрэнк Ходжес. – Они не выплатили штрафы.

Рядом вдруг возник Нил Кэмпбелл с вечным планшетом в руках.

– Почитайте устав. Там все сказано насчет отработки за неуплату.

– Открыть ворота! – скомандовал председатель.

Громадные створки медленно распахнулись наружу, оттесняя горожан.

– Мерзавцы, как вы смеете!.. – завопила женщина.

Берт, хозяин кафе, поднял дробовик.

– Вы сами знаете, что вы сделали! И мы знаем! Вам это так не пройдет!

Добровольцы двинулись на толпу.

И началось побоище.

У Барри заныло под ложечкой при виде того, как полураздетые добровольцы безжалостно бьют в живот матерей погибших детей, вырывают ружья у горожан и прикладами колотят тех же горожан по голове. Странно было стоять вот так, обозревая сражение, словно какой-нибудь генерал, пока другие за тебя воюют. Нахлынуло отвращение к себе, к соседям, ко всем участникам этого фарса.

Каким-то чудом не прозвучало ни одного выстрела, однако бой все равно был жестоким. Противники всеми силами старались изувечить друг друга. Барри с ужасом увидел, как однорукий доброволец пальцами ткнул в глаза старика в фермерском комбинезоне.

Где же помощники шерифа? Добровольцы явно брали верх, когда наконец подоспели блюстители порядка, с сиреной и мигалкой. Им пришлось вылезти из машин на приличном расстоянии от ворот: ближе дорогу перегораживали автомобили горожан. Металлические крыши и ветровые стекла отражали огни мигалок. Все вокруг залил неестественный, по-цирковому яркий свет. В мегафон загремел искаженный помехами голос:

– Разойдись! Разойдись!

Помощники шерифа с дубинками принялись разгонять толпу, хватая и арестовывая тех, кто не желал прекращать драку. Добровольцев задерживать никто не пытался. Молчаливые люди без рубашек, многие в крови и синяках, вновь построились и зашагали в глубь поселка.

Барри посмотрел на Хитмэна. В мерцающих красно-синих сполохах он увидел, что шериф улыбается.

Фрэнк незаметно втиснулся между Морин и Барри.

– Я слышал, ты хотел поиметь мою жену, – шепнул он.

– Элизабет Дайсон пожаловалась на тебя в правление, – произнес возле другого уха Нил Кэмпбелл. – Говорит, в день похорон Рэя ты принудил ее к оральному сексу.

– Вранье! – заорал Барри. – Вы оба лжете!

Мужчины загоготали и мгновенно исчезли в толпе.

Кто-то, проходя мимо, задел Барри плечом, и тут же его толкнули в спину. Вокруг творился хаос. Происходящее напомнило Барри финальную сцену фильма «День саранчи».

Хоть бы одно дружелюбное лицо увидеть – Майка или кого-нибудь из гостей Рэя. Но со всех сторон смотрели враждебно настроенные незнакомцы. Такое единодушие наводило на мысль, что это делается по чьему-то приказу.

– Подожди здесь, – сказал Барри жене и двинулся туда, где стояли члены правления.

Старики смотрели на него. Морщинистые лица сохраняли глубокую серьезность, хотя в глазах искрилось веселье.

Приблизившись, Барри понял, что дело не в освещении – старики действительно выглядели своеобразно. Лиз была права, тут что-то кроется.

– Вы, должно быть, Барри Уэлч, – проговорил председатель.

Барри наставил на него указательный палец и рявкнул:

– Не вздумайте со мной шутки шутить!

Джаспер Колхаун кивнул с легкой улыбкой.

Барри сильно толкнули в плечо. Он обернулся, но так и не смог разглядеть в толпе, кто на него налетел. А когда вновь повернулся к правлению, возле сосен никого не было.

Старики исчезли.

И сейчас же погас свет в будке охранника. Красно-синие мигалки удалялись одна за другой – сотрудники шерифа увозили арестованных. Правление словно растаяло в воздухе. Как они ухитрились? Трудно представить, чтобы эти напыщенные старцы удрали бегом через лес в развевающихся мантиях.

– За вами следят, – сказала какая-то женщина.

Барри узнал старушку из дома рядом с теннисным кортом. Он так и не понял, хотела она его по-дружески предостеречь или, наоборот, запугивала.

Барри вернулся к Морин, кипя от злости. На него косились хмуро и подозрительно.

Жена разговаривала с Майком и Тиной.

– Все в порядке? – спросил Майк.

Барри помотал головой.

– Что ты сделал? – спросила Морин. – Что ты им сказал?

– Это война, – ответил Барри.

Морин закончила печатать ответы на пять жалких имейлов, которые пришли на ее веб-страницу за последние три дня, причем прекрасно сознавала, что их авторы не заключат с ней контрактов. Печально видеть, что проект, на который потрачено столько времени и сил, не оправдывает ожиданий.

Спасибо, хоть калифорнийские клиенты ее не бросили.

Морин откинулась на спинку стула. Уходить от компьютера не хотелось. Здесь, по крайней мере, можно притвориться, что ты не жительница Бонита-Висты, а простой бухгалтер в самой обыкновенной фирме, и все, что происходит за стенами дома, тебя совершенно не касается.

Барри все еще злился и хорохорился, однако не мог скрыть тревоги.

– Может, все-таки пора признать поражение и вернуться в Калифорнию? – спросила Морин.

Вот этого не нужно было говорить.

– Кто даст мерзавцам отпор, если не мы? – спросил муж с пафосом. – Ты готова бросить Лиз и остальных запуганных жителей? Мы заботимся не только о себе! Нам дана возможность изменить мир к лучшему! Сделать что-то достойное!

Морин кивнула, успокаивающе подняв руки. Она понимала, что Барри нельзя загонять в угол. Если оставить ему лазейку, он, возможно, и сам поймет, что уехать – самое разумное решение. А изображать Дон Кихота можно и потом, издалека.

Морин погасила экран и выключила компьютер. Ее преследовало неприятное чувство, что они как будто заключили пусть и временный, но все-таки союз с ассоциацией. Она знала,

что Барри это тоже беспокоит. По приказу правления кто-то травил собак в Корбане, еще и двое детей погибли. Шериф не пожелал начать расследование, поэтому родственники и друзья решили взять дело в свои руки. Устроили митинг, чтобы привлечь внимание к своей беде. Это справедливо, на стороне горожан нравственная правота, а они с Барри, как и другие жители Бонита-Висты, всего лишь заботятся о собственной безопасности и сохранности своих домов.

Они оправдывают себя тем, что самозащита – естественная человеческая реакция, однако сердце подсказывает совсем другое. Получается, что они, как последние эгоисты, больше заботятся о недвижимости, чем о жизни детей.

Они с Барри не хотели участвовать, их практически заставили, и тем не менее они пришли к воротам вместе со всеми. Сейчас Морин было стыдно. Следовало выступить против ассоциации или, по крайней мере, сохранить нейтралитет – остаться дома и пересидеть эти события. В крайнем случае заплатили бы штраф…

Удивительно, что их все еще обслуживают в городском супермаркете.

Вчера они впервые после митинга отправились за покупками в Корбан. Слегка трусили и даже пригласили Майка с Тиной и их друзей, Лу и Стейси, поехать вместе. Однако ни кассирша, ни двое других покупателей ничего не сказали. Барри и Морин закупили продуктов на две недели вперед.

Возможно, свою роль сыграл стоявший возле кассы помощник шерифа.

Хоть это и был всего лишь Уолли Аддисон.

Впрочем, на крайний случай они уже составили запасной план. Ближайший соседний город – Мьюл-Парк. До него, правда, сорок миль, но при необходимости можно за утро съездить туда и обратно и набрать запасов на целый месяц. Наверняка в Корбане затаили обиду на жителей Бонита-Висты и на попустительство шерифа. Рано или поздно недовольство найдет выход.

Морин мрачно смотрела в пустой монитор. Не ошиблись ли они с Барри, обвиняя ассоциацию во всех грехах? Что, если настоящий серый кардинал – как раз Хитмэн? Он вершит дела, как хочет, и в Корбане, и в Бонита-Висте. Шерифу надлежит поддержать родственников погибших и привлечь к ответу виновников отравлений, а он все пустил на самотек и дождался, пока напряжение в городе перехлестнуло через край. Зато когда обозленные жители решили сами вершить закон, Хитмэн вновь напомнил им о своей власти – позволил избить горожан, а потом их же и арестовал. Теперь вот поставил дежурного в магазине,

чтобы жители поселка могли покупать продукты. Другой сотрудник наблюдает на автозаправке, чтобы машины жителей Бонита-Висты обслуживали без проблем.

Шериф словно объявил в Корбане военное положение, и это он вполне мог сделать без помощи ассоциации.

Хотя нет, Морин просто хочется так думать. На самом деле шериф – пешка. Грубая сила. А мозг – правление ассоциации…

Нет, не только мозг. Морин вспомнила, как обнаженные до пояса добровольцы, кто без пальцев, кто без рук, кто без ушей, крушили местных фермеров их же собственным оружием. По ее спине пробежала дрожь.

Хоть шериф и продолжал блюсти порядок на улицах Корбана, Барри к себе в офис пока не возвращался. Может, туда уже вломились и разбили компьютер вдребезги; Барри был еще не готов увидеть это своими глазами. Владелец офиса и добрые приятели из кафе все были в первых рядах атакующих. Незачем лишний раз их провоцировать.

Майк по-прежнему работал на студии кабельного телевидения в Корбане, а его друг Лу – в телефонной компании. Оба говорили, что обстановка напряженная. Многие жители Бонита-Висты работали в городе. Морин не могла представить, как они сейчас держатся. Наверняка в обеденный перерыв случаются споры, может и до драки дойти. Хоть бы не поранили никого…

За окном на фоне ясного голубого неба зеленели сосны.

Господи, лучше бы никогда не приезжать в Юту, не видеть этого поселка…

Морин встала из-за компьютера и поднялась в гостиную. Барри валялся на диване и смотрел по телевизору ток-шоу с политиками. На кофейном столике лежали авторучка и блокнот на пружинках, раскрытый на чистой странице.

– Немного же ты наработал, – заметила Морин.

– Мозги не ворочаются.

– У меня тоже работа не идет. Никому не нужны мои услуги. Может, сядем рядышком, посмотрим БВТВ?

– Очень смешно, – отозвался Барри. – Обхохочешься.

Спать легли рано. Оба устали от безделья и нервного напряжения.

Среди ночи их разбудил жуткий грохот и скрежет, словно в доме двигали мебель. В щель под дверью спальни пробивался желтоватый свет. На верхнем этаже кто-то был.

Морин села на постели. На лице Барри она увидела отражение собственных чувств.

– Как думаешь, что им нужно? – прошептала Морин.

Сперва она хотела спросить: «Кто это?» – но на самом деле они оба знали ответ. Уж конечно, не грабители. Неизвестно, кто конкретно, однако ясно, какую организацию они представляют.

Ассоциацию домовладельцев.

– Сейчас выясним, – угрюмо проговорил Барри, отбрасывая одеяло.

Он накинул халат и рывком распахнул дверь.

Морин тоже набросила халат поверх ночной рубашки. По освещенной лестнице они поднялись в гостиную.

Надо было вооружиться, подумала Морин. Прихватить какой-нибудь тяжелый предмет – на случай, если там и вправду грабитель. Хотя стоящий посреди комнаты человек с вежливой улыбкой на лице был похож скорее на биржевого брокера, чем на грабителя.

– Извините за беспокойство, – сказал он, ничуть не смущаясь. – Мы старались не шуметь.

Всего в доме находились пятеро мужчин в одинаковых деловых костюмах, с авторучками и планшетами. Двое в гостиной изучали картины на стенах и названия книг на полке. Трое наверху, в кухне, хлопали дверцами шкафчиков и рылись в ящиках со столовыми приборами.

– Что это за безобразие? – спросил Барри.

– Наступил срок проверки. Проводится каждые четыре месяца.

– Как вы вошли? – поинтересовалась Морин.

Никогда в жизни она не чувствовала себя настолько беззащитной. Это же настоящее надругательство!

– Ассоциация хранит мастер-ключи от всех замков в Бонита-Висте.

Человек по-прежнему улыбался. Нехорошая у него была улыбка. Он смотрел так, словно видел сквозь одежду Морин. Она машинально опустила глаза, проверяя, плотно ли запахнут халат.

Барри шагнул вперед.

– Ты кто такой?

– Меня зовут Билл. – Человек протянул руку.

Барри проговорил очень спокойно и оттого еще более угрожающе:

– Вон из моего дома, Билл. Немедленно.

Тот снова улыбнулся и кивнул.

– Полагаю, мы видели уже достаточно, мистер Уэлч. Закругляемся, ребята! – крикнул он остальным, что-то быстро черкая в планшете.

Трое спустились из кухни, тоже делая записи на ходу, затем

открепили от планшетов заполненные бланки и передали их Биллу. То же самое сделал и человек у книжного шкафа.

Билл размашисто подписался, оторвал верхнюю страницу и вручил розовый листок Барри. Морин заглянула мужу через плечо.

– Я думаю, объяснений не требуется – тут все подробно написано. Будьте любезны убрать с виду все фотографии, а также безделушки личного характера. А именно: сувениры, семейные реликвии, статуэтки, не имеющие функционального назначения, и прочее.

Холодный, деловитый тон Билла плохо согласовался с жизнерадостной улыбкой. Его подчиненные гуськом направились к выходу.

– В каждой комнате как минимум три стены должны быть пустыми, а на одной можно расположить картины, одобренные художественной комиссией. Стены следует выкрасить в белый или светлые пастельные тона, в то время как простыни, наволочки и покрывала на кроватях должны быть однотонными, желательно терракотовых оттенков. Ну, это все подробно расписано в инструкции, как я уже сказал.

Теперь понятно, почему дом Лиз казался таким аскетичным, да и другие дома, где Морин успела побывать. Насколько она помнила, ничего похожего в уставе не было; хотя Морин не сомневалась, что если они заглянут туда сейчас, то найдут соответствующие пункты. Глядя на фальшиво-приветливую физиономию Билла, она вся кипела от ярости. Наверное, нечто подобное все это время чувствовал Барри. Ни за что на свете она не станет переделывать интерьер своего дома под шаблон ассоциации! Никто не смеет ей диктовать, как украсить собственное жилище. Она руководствуется собственным вкусом, а не какими-то безликими документами, составленными фашиствующей сектой домовладельцев!

Барри явно мыслил с ней в унисон.

– Кто дал вам право являться к нам без приглашения, лезть в нашу частную жизнь и навязывать нам правила поведения в собственном доме, черт подери?

Он начал говорить ровным голосом, но под конец уже орал.

– Председатель инспекционной комиссии, – хладнокровно ответил Билл. – Спокойной ночи!

И аккуратно прикрыл за собой дверь. Громко щелкнул замок.

Морин обернулась к Барри.

– Мы вроде запирали на цепочку и на задвижку?

– По-моему, тоже.

– Как они?..

– Понятия не имею.

Повсюду в доме горели лампы: в холле, в ванной, в рабочем кабинете Морин. Только подумать, кто-то рылся в ее вещах, пока она спала в соседней комнате. От одной мысли мороз по коже… Правда, Морин чувствовала скорее не страх, а злость. Когда-то Барри заставил ее посмотреть фильм ужасов, где родители начинили свой дом самодельными ловушками, чтобы поймать убийц дочери. Вот бы сейчас устроить что-нибудь такое! Приятно было бы посмотреть, как Билл и его самодовольные подручные напорются на острые штыри.

Барри и Морин понятия не имели, который час. Когда они осматривали комнаты – все ли цело, – на глаза попался будильник. Два тридцать ночи.

Еще через десять минут они уже лежали в постели. Барри мгновенно захрапел, а Морин долго не могла уснуть.

С утра она позвонила Лиз – так рано, как только позволяли приличия.

Барри принимал душ. Морин с чашкой кофе в руках набрала номер.

Трубку сняли на первом же звонке. Морин услышала настороженный голос:

– Да?

– Привет, Лиз! Это я, Морин.

– Морин, – повторила та равнодушным безжизненным тоном, от которого мурашки побежали по коже, а в голове зазвучал тревожный звоночек.

– Лиз? У тебя все в порядке?

– Да-да, все хорошо.

С той же ровной, безжизненной интонацией.

– Что случилось? Что тебе сделали?

Лиз не ответила.

Морин заторопилась рассказать, пока подруга не повесила трубку:

– Я почему звоню… Ассоциация на нас наехала. Якобы у нас интерьер не такой, как надо! Пятеро амбалов вломились в дом среди ночи. Мы проснулись, а тут «инспекция». Велят убрать с глаз долой семейные фотографии и сувениры и вообще все в доме переделать…

В голосе Лиз наконец отразилось какое-то чувство.

Страх.

– Среди ночи?

– Ну да.

– Они всегда приходят ночью. – Снова монотонный речитатив.

– Что случилось? – повторила Морин. – Нет, не отвечай! Я понимаю, по телефону нельзя. Я приду…

– Нет! – вскрикнула подруга.

– Лиз…

– Не надо. Ко мне. Приходить. – Она словно выплевывала слова.

– Я же знаю, что ты…

– Здесь опасно.

Зазвучали гудки. Лиз повесила трубку.

Морин растерянно смотрела на телефон. Что же делать? Перезвонить – Лиз, скорее всего, не ответит. А если ответит, то ужасно рассердится. Идти к ней тоже нельзя, Лиз запретила.

Тина!

Морин нашла в записной книжке ее телефон и набрала номер.

Трубку снял Майк. Морин попросила позвать жену. Через минуту раздался сонный голос Тины:

– Алло?

– Это Морин. Я тебя разбудила?

– Вроде того.

– Прости, дело довольно срочное…

Морин рассказала о ночных визитерах и о странном разговоре с Лиз.

– Прежде всего, как ты думаешь, что делать по поводу Лиз?

– А что мы можем сделать? В прошлый раз, помнишь, мы все старались ей помочь, а она захлопнула дверь. Я ей позвоню, попозже. Даже зайду, если она позволит. Может, позову еще Одри и Мойру. Но, честно говоря, мне кажется, все останется по-прежнему. Возможно, ей нужно самой во всем разобраться.

– А если она не сумеет?

Тина не ответила.

– Что скажешь насчет нашей истории?

Тина вздохнула.

– Я все думала, когда они за вас примутся.

– Ты знала об этих правилах?

– В общем, да.

– Что же нас не предупредила?

– Думала, как-нибудь обойдется. Мало ли, вдруг они не видели ваш дом изнутри или почему-то решили сделать для вас исключение? Не хотела зря вас пугать и привлекать их внимание. Но… В глубине души я, наверное, понимала, что рано или поздно этим кончится.

– Надо было сказать.

– Ты права… Прости, – грустно отозвалась Тина. – Так

приятно было снова увидеть семейные фото… И занавеси, и картины не только на одной стене. И чудесные статуэтки…

– Ты их еще увидишь, – пообещала Морин. – Мы ничего не намерены менять.

Последовала пауза, словно Тина не знала, как реагировать.

– Ты что… Надо слушаться.

– А если мы не станем?

Тина понизила голос:

– Вам назначат штраф. А если уж начнут, то… В общем, лучше не связываться.

– Что же нам делать?

– Ничего тут не сделаешь, – ответила Тина. – Приходится терпеть.

– Проверки среди ночи тоже?

– Ну, к нам никогда по ночам с проверкой не приходили. Наверное, они просто хотели вас выбить из колеи.

– Значит, идет дискриминация? К нам особое отношение?

– Не знаю, – быстро ответила Тина. – У нас обошлось, а с другими, может, так же, как с вами, было.

– Но ты нас поддержишь? Скажешь правду, если что? Подпишешь бумагу о том, что к вам приходили с проверкой в нормальное время?

– Подписать? Мне надо посоветоваться с Майком.

Похоже, от Тины помощи ожидать не приходится. А уж если она боится выступить против ассоциации, то другие тем более. Морин поспешила распрощаться. От разочарования она разозлилась еще больше.

Им с Барри придется воевать с ассоциацией в одиночку. Рассчитывать ни на кого нельзя.

Ну и хорошо! Им никто не нужен.

Когда Барри вышел из душа, Морин сидела за обеденным столом и жевала холодный гренок, мрачно глядя в окно.

– Ты позвонила Лиз? – спросил Барри.

– И Тине.

– И?.. – спросил Барри, поскольку Морин замолчала.

Тогда она пересказала ему оба разговора. Описала испуг Лиз и нерешительность Тины.

– Что дальше? – спросил Барри. – Все еще хочешь вернуться в Калифорнию?

– Ну уж нет!

– Вот это правильно. Так держать!

– Пошли они на хрен! – Сказав это, Морин испытала огромное облегчение. – Никуда мы не уедем. Подотремся их поганым уставом!

Новый штраф.

Барри еще ни одного не заплатил, а квитанции все прибывали и прибывали, за подписью казначея ассоциации, некоего Томпсона Хьюза. Штрафы выписывали непомерно раздутые. Барри не подсчитывал, но общая сумма, должно быть, перевалила уже за три тысячи. Просто смешно – требовать такие деньги за мелкие нарушения идиотских правил. Барри хранил все квитанции – на случай будущего суда.

Свалив только что полученную почту на кофейный столик, он вскрыл конверт без марки. С них требовали семьсот пятьдесят долларов за то, что они поставили свои автомобили, развернув их в противоположные стороны. Оказывается, надо было обязательно в одну.

– На сей раз семьсот пятьдесят, – сообщил Барри.

Морин оторвалась от книги.

– Вот уроды.

Кроме квитанции, из конверта выпал еще какой-то листок. Барри развернул его и пробежал глазами официальный текст.

– Господи боже…

– Что там?

– Заголовок: «Нарушения правил поведения в ванной и туалете». Название говорит само за себя, ты не находишь?

– Дай посмотреть!

Барри протянул ей листок.

– Видимо, за нами наблюдают и в ванной. Здесь сказано, что у тебя нет положенного запаса тампонов или гигиенических прокладок. А еще мы расходуем на слив на три галлона воды больше, чем допускается для семьи из двух человек.

Лицо Морин побелело.

– Матерь Божья… Неужели и в уборной поставили видеокамеру?

– Очень может быть. Сейчас заклею обоями все стены и потолок, на всякий случай. А сколько тампонов хранится в шкафчике – с видеокамеры не разглядишь. Значит, кто-то шарил в доме.

– Когда? Мы никуда не уходим!

– Когда мы спали, – ответил Барри, чувствуя, как кровь стынет в жилах.

Билл и его инспекторы, по крайней мере, не скрывались. Но представить, что кто-то ночью, крадучись, лазает по шкафам, проверяет гигиенические принадлежности Морин и бог весть что еще… Кто этим занимается? Один человек или несколько? Писательское воображение мигом нарисовало, как безрукий-

безногий Кенни и толпа калек-добровольцев ползают из комнаты в комнату, перебирают его презервативы, обнюхивают нестираные трусики Морин…

Страшнее всего, что это, возможно, не такое уж преувеличение.

Барри в самом деле оклеил обоями стены и потолок, причем особенно тщательно обработал углы, чтобы там не оставалось щелочек, сквозь которые могли бы работать миниатюрные следящие устройства. После переезда осталось несколько рулонов обоев. Барри подумывал даже заново оклеить весь дом или, по крайней мере, те комнаты, где стены были покрашены, но вспомнил, сколько это требует труда, и дрогнул. Не хотелось взваливать на себя такую обузу, пока не дошло до крайности. К тому же до сих пор не было никаких признаков, что в других комнатах тоже ведется наблюдение.

Может быть, надо чаще смотреть БВТВ?

Как и следовало ожидать, назавтра пришла официальная бумага, в которой им пеняли на то, что они позволили себе изменить внешний вид помещения, не согласовав свои действия с комиссией по дизайну интерьеров.

Далее следовало требование уплатить восемьсот двадцать долларов штрафа и отодрать обои.

– Идите на хер, – сказал Барри.

– Не понимаю, как предыдущим владельцам все сходило с рук, – заметила Морин. – Помнишь, что тут творилось, когда мы приехали? Они наверняка нарушили все правила по интерьерам.

– А может, им и не сошло с рук…

Морин озадаченно посмотрела на него.

– Обратила внимание? Когда мы подписывали разные бумаги в связи с покупкой дома, на всех был указан доверительный фонд Джордана и Сары Гарднер? Я еще тогда удивился, но решил, что владельцы умерли и родственники продают дом.

– Наверное, деньги пошли на уплату штрафов.

Вечер они провели у Майка с Тиной. Лиз по-прежнему пряталась у себя в доме, держала занавески плотно задернутыми и дверь никому не открывала. Друзья за нее беспокоились, однако не представляли, как ей помочь. Морин отправила ей длинное письмо по электронной почте, в надежде повлиять на Лиз доводами логики: доказывала, что нет необходимости бороться с трудностями в одиночку, когда друзья готовы встать на ее сторону. Хотя неизвестно, заглядывает ли еще Лиз в электронную почту.

– Я вам одно скажу, – заявил Майк. – Если бы Рэй был жив,

ничего этого не случилось бы.

– Если бы Рэй был жив, много чего не случилось бы, – согласился Барри.

Смерть Рэя словно вызвала лавину. Он был неофициальным лидером оппозиции. Его уважали. Только он мог противостоять произволу правления. С его смертью все рассыпалось, словно костяшки домино.

Барри хотел составить список тех, кто бывал на вечерах у Дайсонов, – то есть противников ассоциации.

– Составим петицию и потребуем распустить правление!

– Во-первых, роспуск правления не предусмотрен уставом, – возразил Майк. – А во-вторых, любые голосования происходят на ежегодном собрании в сентябре, на День труда. Там выбирают различные комиссии, утверждают поправки и дополнения к уставу и так далее. На собрании нам, простым смертным, позволяют увидеть власть имущих.

– Значит, это наш единственный шанс чего-то добиться?

– Ну да.

– Можно выдвинуть свои предложения и, если люди их поддержат, провести что-то вроде реформы?

– Теоретически.

– Думаешь, не получится?

– Скажем так – я бывал на этих собраниях. Знаю, как там все происходит.

– В бюллетенях действительно нет альтернативных вариантов, а можно только одобрить нынешнее правление?

– Точно.

– Еще на собрание нужно приходить с налоговыми документами за прошлый год, – вмешалась Тина. – Мы их сдаем.

– Зачем? – нахмурилась Морин.

– Такие правила, – ответил Майк. – Звучит безумно, однако суд их утвердил. Закон такое допускает, хотя, по-моему, это вмешательство в частную жизнь. Оказывается, ассоциация вправе потребовать от домовладельца полного финансового отчета. Ну, и наша ассоциация, само собой, требует.

Морин обернулась к Барри.

– Вот откуда в правлении узнали, что у Дэвидсонов плохо с деньгами, и если поднять налог на недвижимость, они не смогут остаться в поселке!

– Угу, – кивнул Майк.

– Кстати, насчет Грега Дэвидсона… – начал Барри.

– Что такое?

– Тогда, у Рэя, он говорил, что они с женой решили продать дом и уехать. Брат нашел ему работу в Аризоне.

– Да, помню.

– Так вот, они не уехали. Я видел Грега среди добровольцев. Не знаю, что с Вайноной, а Грег помогал рыть бассейн. И у ворот он был, в день митинга.

Майк и Тина переглянулись. Барри не смог расшифровать этот взгляд и вдруг засомневался, не зря ли упомянул о Греге. Невольно вспомнил Фрэнка и Одри, требующую отпереть ее замочек. А ведь Майка с Тиной он знает немногим лучше. Интуиция подсказывает, что они хорошие ребята и взгляды у них правильные, но в Бонита-Висте ничего нельзя сказать наверняка.

Морин, видимо, тоже что-то заметила.

– Вы не хотите говорить о добровольцах?

– Не в том дело, – ответила Тина. – Просто…

Она оглянулась на мужа.

– Ты права, – сказал Майк. – Их стараются не упоминать. Они помогают расчищать дороги после сильной грозы и так далее, но все делают вид, будто ничего о них не знают.

– Не понимаю… – удивился Барри.

– Я сам неделю отработал добровольцем.

Барри и Морин ошарашенно молчали. Скажи Майк, что убил свою первую жену, а с Тиной познакомился после того, как вышел из тюрьмы, – впечатление не было бы таким сильным. Барри поразился, как в странном, вывернутом наизнанку мире Бонита-Висты вполне обыденное понятие стало настолько зловещим.

– Правда отработал, – продолжал Майк. – Меня оштрафовали на сто долларов за нарушение восьмой статьи – вышел с утра к почтовому ящику в халате. Появляться не вполне одетым за пределами дома запрещено. Мы бы и заплатили, но холодильник уже сдыхал, пришлось бы лишний месяц на новый копить. Я слышал, что штраф можно отработать, и обратился в правление. Они не возражали. Неделю мусор собирал на дорогах и в канавах.

– И все?

– Не совсем. В последний день, в субботу, меня отправили вместе с другими расчищать засохшие кусты в лесополосе. Тогда я и узнал, что добровольцы бывают разные. Одним, вроде меня, поручают ту или иную работу на определенное время. Другие ничего не отрабатывают, просто предложили свою помощь. Они могут выбирать себе занятие и прекратить, когда захотят. – Майк облизнул губы. – А есть еще те, кого привлекли за долги. Скорее всего, Грег как раз из таких. Эти люди уже отдали свои дома, а заплатить сумму штрафа все равно не могут. Они практически теряют все права и на всю жизнь отдают себя в кабалу ассоциации. Делают, что велят, пока не выплатят задолженность. Говорят, у них есть что-то вроде общежития – не знаю только где.

Я не спрашивал.

Барри ждал продолжения, однако Майк молчал.

– Больше ничего? – недоверчиво спросил Барри. – Ты тоже был тогда у ворот! Ты их видел – и Грега, и всех. Они как роботы. Словно их накачали наркотой, или загипнотизировали, или я не знаю что!

– Не в этом дело, – возразил Майк. – Не могу объяснить, но там точно нет ни магии, ни наркотиков, ни промывки мозгов. Они могли бы в любую минуту уйти, если бы захотели, хотя их тогда, наверное, засудят. Просто они уже слишком сильно повязаны с ассоциацией. Они что угодно сделают, лишь бы освободиться от задолженности. – Он снова непонятно посмотрел на Тину. – Все, что угодно.

– Но они… – Морин запнулась и оглянулась на Барри. – Они все какие-то увечные. У кого уха не хватает, у кого пальцев или всей руки…

– Добровольная работа – не единственный способ расплатиться с долгами, – обронила Тина, почти не разжимая губ.

И больше ни Майк, ни Тина ничего рассказывать не захотели. Барри не стал давить. Тут явно что-то крылось, но их страх тоже можно было понять. Майку приходится балансировать на тонкой грани. Хотя он работает в государственной компании, офис находится в Корбане. И ассоциация его, в общем и целом, не донимает. Не в его интересах раскачивать лодку.

Разговор о безобидных пустяках немного разрядил обстановку, а потом Барри и Морин собрались уходить, договорившись поиграть в теннис со Стюартами как-нибудь на следующей неделе.

А когда пришли домой, обнаружили, что сада, за которым так любовно ухаживала Морин, больше нет.

Всего-то пару часов они отсутствовали, и за это время кто-то – возможно, добровольцы? – успел не только выдрать все цветы, деревца и овощи, посаженные Морин, но еще и разровнять землю и натыкать в нее десяток засыхающих и совсем засохших кустов манзаниты.

– Что это? – растерянно проговорила Морин.

Участок выглядел как злая пародия на прежний сад. Словно неведомая болезнь уничтожила кустарник, оставив только несколько чахлых экземпляров.

– А ты угадай! – Барри показал на дверь.

Там розовел очередной официальный бланк.

– Ну, знаешь!..

Морин первой подбежала к двери и сорвала листок. Барри читал, заглядывая ей через плечо. Им назначили штраф за

нарушение правил ухода за садом и к тому же обязали выплатить полную стоимость работы и материалов, израсходованных при замене запрещенных растений образцами местной флоры.

– Образцы местной флоры? – негодовала Морин. – Воткнули в землю какие-то сухие прутья!

– Не волнуйся, мы платить не станем.

– Не в этом дело! Они погубили мой сад и огород! Помидоры на одном кусте почти созрели, а на другом еще только цвели. И кабачки уже можно было собирать…

– Интересно, а есть что-нибудь вроде апелляционной комиссии, куда можно пожаловаться?

– Ага, жди!

– Они за это ответят! После той истории с Барни нам было четко сказано, что мы вправе развести сад и формировать ландшафт на своем участке.

– Смотри, это еще не все!

Барри прочел строчку, на которую указывала Морин. Там говорилось, что они обязаны в течение сорока восьми часов убрать из дома все цветы и комнатные растения, иначе будет начислен дополнительный штраф. Сумма штрафа не указывалась.

Барри и Морин дружно решили, что никаких растений выбрасывать не будут. Со времени ночной инспекции они стали на ночь подпирать дверные ручки спинками стульев, однако вряд ли это многое меняло, ведь Билл с помощниками как-то исхитрились войти, несмотря на цепочку и задвижку. Барри заявил, что этой ночью заклеит изолентой все двери по краям. Хотя бы заметно будет, если кто-нибудь влезет, пока они спят.

Морин захотела обойти сад – проверить, вдруг какие-нибудь растения чудом уцелели? Барри ушел в дом. У него появилась идея.

Он подозревал, что Морин ее не одобрит, и потому, когда жена вернулась из разоренного сада, сообщил, что тоже хочет его осмотреть – оценить размер ущерба.

– Может быть, страховка его покроет. Сделаю несколько фотографий и вызову агента. Посмотрим, вдруг заплатят.

Морин сказала, что он замечательно придумал.

Барри действительно собирался сделать снимки и обратиться в страховую компанию, однако не сразу. Он пошарил под нижней террасой, где хранились садовые инструменты и неиспользованные стройматериалы, и нашел то, что искал: большую картонную коробку.

Садовыми ножницами откромсал боковую стенку и написал на ней короткую, крайне непристойную надпись. После ремонта осталась только белая краска. На фоне коричневого картона

белые буквы выделялись ясно и четко.

Барри прислонил картонку к стволу дуба, придавил большим камнем, чтобы ветер ее не повалил, и, отойдя подальше, проверил, хорошо ли видно с улицы.

АССОЦИАЦИЯ ДОМОВЛАДЕЛЬЦЕВ – МУДАКИ

Видно было отлично. Барри оскалился в улыбке. Получайте, уроды!

Наверняка опять оштрафуют, но дело того стоит. Пусть знают, что он не сдался и готов на весь мир выкрикнуть свой протест!

А извещение о штрафе пусть лежит в ящике стола, вместе с другими такими же.

По-прежнему улыбаясь, Барри вернулся домой, взял фотоаппарат и сделал несколько снимков разоренного участка, с разных точек. Потом, просто для смеха, сфотографировал свой плакатик.

Он веселился минут десять, а потом вдруг подумал о том, сколько времени потратил на всю эту чушь – особенно о долгих часах беспокойства, тревоги и перебирания обид. А ведь это время можно было потратить с пользой!.. Смеяться сразу расхотелось. Воображению представилось жуткое старичье из правления, и борьба с безликой, неумолимой организацией показалась безнадежной затеей.

Морин лежала на диване и смотрела передачу «Дом и сад», горюя о своих погибших растениях. Она тоже выглядела какой-то пришибленной. После ночной инспекции она пылала гневом, рвалась воевать хоть с целым светом, а теперь поникла. Похоже, новые издевательства ее доконали.

Стоит ли овчинка выделки?

Должно быть, Морин думала о том же. Она вдруг села и, нажав кнопку на пульте, отключила звук.

– Давай все-таки уедем…

Барри не ответил.

– Тут нет ничего постыдного. Мы не сдались, не покорились, упорно стояли на своем. Мы им показали. А теперь давай продадим дом, уедем и забудем весь этот кошмар. – У нее дрожал голос. – Пожалуйста!

Барри устало кивнул.

– Хорошо.

– Слава богу! – обрадовалась Морин. – Слава богу!

Барри поймал себя на том, что тоже испытывает облегчение. Словно гора свалилась с плеч.

Все закончилось, подумал он. Все наконец-то закончилось.

Барри сидел в конторе по продаже недвижимости под враждебными взглядами коллег Дорис. Риелторша разговаривала по телефону с продавцом очередного дома – обсуждала, готов ли тот продолжать вести дела с нерешительным покупателем. Зато ее подчиненным, толстяку и тощей даме, заняться было нечем, и они исподтишка сверлили Барри такими взглядами, какие обычно приберегают для последователей Адольфа Гитлера.

Барри был почти уверен, что видел обоих на митинге.

Дорис, повесив трубку, одарила его жизнерадостной улыбкой:

– Прошу прощения! Что я могу для вас сделать?

– Да вот…

– Надеюсь, с Бертом все в порядке? Никаких неприятностей?

– Видите ли, я… мы хотим продать дом.

– А-а… – Риелторша встала. – Пойдемте в конференц-зал.

Она провела Барри в другую половину трейлера, плотно прикрыла дверь и отодвинула от стола парочку стульев.

– Садитесь!

Барри сел.

– Ваши сотрудники не слишком-то рады меня видеть.

– Пусть это вас не волнует. Они делают и думают то, что я велю, иначе вылетят отсюда за милую душу.

– Я понимаю их чувства. Не в первый раз сталкиваюсь. В городе нас сейчас не очень-то любят.

– Меня не интересует, что говорят другие, – ответила Дорис. – Я хорошо понимаю Бонита-Висту. Я ведь столько домов там продала!

Она мило улыбнулась и ободряюще погладила Барри по коленке. Правда, руку задержала чуть дольше, чем следовало, а когда наконец убрала, будто невзначай задела пальцами пах.

Барри отверулся к окошку, боясь встретиться с ней взглядом. Он был почти уверен, что Дорис с ним заигрывает, поощрять ее не хотел и отчаянно пытался придумать, как бы вежливо дать ей понять, что приехал исключительно по делу.

– По-моему, в Бонита-Висте живут очаровательные люди, – сказала Дорис.

Барри наконец посмотрел на нее. Она опустила глазки – должно быть, думала, что это выглядит сексуально, а получилось до неловкости откровенно и грубо.

Снова классовые различия. Ужасно в этом признаваться даже самому себе, но при всей ненависти к ассоциации домовладельцев с жителями Бонита-Висты ему легче ладить, чем с людьми из Корбана. Он старался придерживаться либеральных взглядов – единение с массами и прочее благолепие, а как дошло

до дела – у него деньги, образование, он попросту не такой, как местные.

Вот перед ним Дорис – пышно взбитые волосы, кричащая одежда, аляповатые украшения. Ну не вызывает она интереса, ни малейшего! И еще сильнее отталкивает, что ее симпатии на стороне Бонита-Висты. Неужели все, кто сотрудничает с Бонита-Вистой, в той или иной мере испорчены? Шериф, Дорис… Словно ассоциация заразу какую-то распространяет вокруг себя.

Он явно слишком начитался ужастиков!

Нет.

Хорошо, если бы так, но – нет.

– А вы где живете? – спросил Барри.

– За городом, на Барз-Ранч-роуд, – ответила риелторша, доверительно наклонившись к нему и обдавая чересчур крепким ароматом духов. – Но у меня есть участок в Бонита-Висте. Через годик-другой собираюсь построить там дом.

У Барри волосы на загривке встали дыбом.

– А мы свой дом хотим продать, – напомнил он.

– Очень жаль. Правда! Корбан расположен в самой красивой части штата. Потрясающие пейзажи в любую погоду…

– Знаю. Нам можно не объяснять, как здесь красиво, – сами видели. Мы больше пяти месяцев здесь прожили. Места чудесные, но нас беспокоит конфронтация между поселком и Корбаном. И, честно говоря, возникли кое-какие трения с ассоциацией домовладельцев.

– Понимаю. – Дорис вновь тронула его колено. – У нас договор на тридцать лет, правильно? Погодите минуточку, я принесу вашу папку, и мы все подробно обсудим.

Барри был рад хоть на минуту от нее избавиться. Он глубоко вздохнул, только сейчас поняв, в каком напряжении сидел все это время. Барри отодвинул свой стул подальше от стула Дорис. Было бы в городе другое риелторское агентство… Увы, эта фирма – единственная.

Дорис вернулась, держа в руках картонную папку. Усаживаясь, она двинула стул вперед, так что они с Барри опять оказались чуть ли не вплотную друг к другу.

– По вашим оценкам, сколько за него дадут? – спросил Барри. – Мы готовы продать за ту же цену, за какую купили, но если удастся что-то получить сверх, было бы еще лучше.

– Я очень сожалею, – весело ответила Дорис. – Вы не можете продать дом.

– Как так?

– Устав ассоциации домовладельцев позволяет в случае конфликта заморозить имущество жильца – в данном случае ваш

дом. Ассоциация воспользовалась этим правом. Как я поняла, вы отказываетесь уплатить начисленные вам штрафы.

– Они не могут такого сделать!

– Уже сделали. Вот тут, в папке, извещение.

– А если я с этим не согласен? Если я все равно продам дом?

Дорис рассмеялась.

– Лапонька! Это предусмотрено в договоре, который вы подписали.

– Что еще за договор?

– Ну как же, с ассоциацией домовладельцев. Сейчас найду, где-то он здесь был…

Порывшись в папке, она вручила ему лист бумаги, плотно заполненный мельчайшим шрифтом. Оказывается, среди многочисленных документов, связанных с покупкой дома, Барри и Морин подмахнули обязательство соблюдать все правила ассоциации домовладельцев Бонита-Висты. Барри внимательно прочитал текст. Судя по всему, с юридической точки зрения к нему не придерешься. Они в самом деле уступили ассоциации права, от каких никто в своем уме не откажется. Как они могли согласиться на такое? Барри вообще не помнил подобного документа, а чтобы поставить под ним свою подпись – абсолютно немыслимо! И тем не менее, вот он, договор, черным по белому.

– Давайте я вам его отксерю, – предложила Дорис.

Барри кивнул, внешне сохраняя спокойствие.

– Спасибо.

Пять минут спустя он уже стоял на улице, с копией договора в руках, моргая на жарком августовском солнце. Он и раньше испытывал приступы паранойи, а сейчас попросту чувствовал себя в западне. Обложили, не вырвешься. Они с Морин обречены оставаться здесь, пока не сдадутся и не выплатят безумные штрафы. Несчастный и подавленный, Барри поехал обратно в поселок.

Охранник у ворот гаденько улыбался, будто знал, что сейчас произошло.

Выключив двигатель, Барри еще несколько минут сидел в машине. У него вырвался тяжелый вздох. Может, лучше заплатить? Всего лишь час назад он об этом и думать не хотел, а сейчас борьба за принципы не казалась настолько уж существенной. Если, расплатившись со штрафами, удастся хоть что-то выручить на продаже дома, еще есть шанс выйти из всей этой истории без потерь.

Барри отстегнул ремень безопасности, вылез из машины и по дороге к дому заглянул в почтовый ящик. Там, кроме разных квитанций и информационного бюллетеня от общества

писателей, работающих в жанре ужасов, обнаружилась очередная официальная бумага от ассоциации с требованием подрезать и/или заменить сухие кусты манзаниты на своем участке, в противном случае будут начислены штрафы размером до пятисот долларов за каждый день, пока сад не будет приведен в порядок.

У Барри сорвало какую-то пружину.

– На хер! – заорал он. – Пошли они все на хер!

Эти уроды сами навтыкали к ним во двор засохшие кусты вместо цветущих растений Морин, а теперь обвиняют в неподобающем состоянии сада! И под этим предлогом начисляют новые штрафы на какие-то немыслимые суммы!

– Барри?

Морин в тревоге выскочила на крыльцо.

– Нас хотят оштрафовать за сухую манзаниту! Эти скоты выкорчевали все наши растения, нам же за это выставили счет, насовали взамен какие-то мертвые палки, и за это тоже выставили счет, а теперь грозятся штрафами по пятьсот долларов в день!

Морин подошла и взяла его за обе руки.

– Не волнуйся. Скоро мы отсюда уедем. Не придется больше терпеть это безумие.

– Еще как придется.

– То есть?

– Мы не можем уехать. Дорис говорит, наш дом вроде как под арестом. Его нельзя ни продать, ни сдать внаем, вообще ничего с ним сделать нельзя, пока мы не выплатим деньги, которые якобы задолжали ассоциации.

Морин побледнела.

– Ты шутишь?

– Нет. Пока не заплатим, никуда нам не деться. Разве только махнуть рукой на все затраты и просто умотать отсюда, а штрафы пусть копятся дальше.

– Мы не можем себе такого позволить! То есть могли бы, едва-едва, но это же безответственно! Чистое разорение! – В ней включился бухгалтер. – И общая сумма штрафов будет расти.

– Ни цента им не отдам! – объявил Барри.

– Я тебя понимаю, но…

– Я бы и заплатил! – рявкнул Барри как можно громче, на случай, если кто-нибудь подслушивает. – Но, черт побери, такую подлую штуку нельзя им спускать!

– И что нам тогда делать?

– А ничего. Сидим на месте и не платим их поганые штрафы. Пусть накапливаются! Плевать!

– А если они потребуют? – очень тихо спросила Морин. –

Пришлют добровольцев?

– Пусть присылают! – заорал Барри в полный голос. – Слышите, уроды? Попробуйте суньтесь!

На следующий день манзанита исчезла. Взамен появились какие-то приземистые колючие кустики. В очередном извещении говорилось, что, поскольку их участок находился в совершенно неприемлемом состоянии, а владельцы имеют привычку игнорировать вежливые просьбы, ассоциация взяла на себя труд по приведению участка в нормальный вид. Счет за работу и за посаженные растения будет им представлен в течение двух рабочих дней.

Гнев Барри утих, на смену ему пришла знакомая тупая безнадежность. Слишком часто в последнее время его бросало из одной крайности в другую. Барри не находил этому разумного объяснения. Может, Бонита-Виста влияет на психику? Не исключено. Он вспомнил прочитанную когда-то теорию о горах Суеверия в Аризоне. Золотодобытчики, разыскивающие легендарный прииск Голландца, сходили с ума и в припадке безумия убивали друг друга. Была выдвинута гипотеза, что дело в магнитных аномалиях, воздействующих на человеческий мозг. Быть может, нечто подобное происходит и у них в поселке.

А может быть, и нет.

Дни шли за днями. Барри чувствовал себя как в осаде. Да что там, в полной изоляции. Соседи здоровались с ними на улице; Майк и Тина заходили со списком противников ассоциации, кого смогли припомнить, и даже остались на обед. На теннисном корте Барри и Морин познакомились еще с одной парой и несколько раз играли вместе. Все это казалось поверхностным, ненастоящим. Они с Морин «играли на публику», скрывая свои истинные чувства. Барри не мог избавиться от подозрения, что и все здесь делают то же самое.

Морин по крайней мере продолжала заниматься своими калифорнийскими клиентами, а Барри не знал, куда себя девать. Он притворялся, что работает, но на самом деле не написал ни строчки. Даже короткого рассказа не смог закончить. Каждый раз, как доставал ручку, блокнот и садился за стол, в мозгу словно что-то замыкало.

Не подать ли в суд на ассоциацию за потерянное рабочее время и моральный ущерб?

Через неделю после неудачной поездки в риелторское агентство Барри с Морин обедали на террасе, когда вдруг появились маляры. Барри сперва не понял, что за люди пришли к нему во двор – подумал, что это какие-нибудь очередные проверяющие от ассоциации. Он хотел их проигнорировать точно

так же, как бесконечный поток штрафов, однако когда четверо мужчин раскатали на дорожке огромный лист пластика, вытащили из грузовичка шланги с распылителями, включили компрессор и принялись красить переднюю стену дома, Барри швырнул недоеденный бутерброд на тарелку.

– Ну всё, хватит!

Он сломя голову помчался вниз по лестнице и, выскочив на крыльцо, заорал:

– Какого дьявола вы тут делаете? Это мой дом!

Трое маляров, не обращая на него внимания, продолжали покрывать участок стены между окнами слоем коричневой краски, а бригадир, лысоватый дядька постарше других, оторвался от своего занятия – он оклеивал окна по контуру малярной лентой.

– Нам поручено выкрасить это строение, – сообщил бригадир. – Заказ-наряд у меня в машине. Хотите посмотреть?

– К черту ваш заказ-наряд! – рявкнул Барри. – Этот дом мой, и я не желаю его перекрашивать! Сейчас же прекратите и сделайте, как было!

– Извини, друг, не могу, – ответил бригадир, снова взявшись за работу. – У меня наряд от вашей ассоциации домовладельцев. Что-то не нравится – у них выясняй. Тебе вроде сказали сделать по правилам, ты не послушался, вот они и вызвали нас.

– Чушь собачья!

– Я же говорю – с ними разбирайся. Они оплачивают заказ. – Дядька сочувственно взглянул на Барри. – Вот потому я ни за что не стану жить там, где есть ассоциация домовладельцев, хоть ты меня озолоти.

Откуда взялись эти люди? Из Корбана? Да, наверное, откуда еще…

После общения с компанией из кафе и особенно после митинга Барри был уверен, что жители Корбана единодушны в своей вражде к Бонита-Висте, а сейчас вдруг сообразил – ведь в городе многие зарабатывают на жизнь благодаря ассоциации домовладельцев.

Странное сближение на основе экономики.

И вновь мелькнула мысль: всякий, кто соприкасается с Бонита-Вистой, в какой-то мере портится.

– Я не хочу, чтобы мой дом перекрашивали. – Барри уже не требовал, скорее просил.

– Извини, – повторил бригадир. – Ничего не могу поделать. У меня заказ.

Ночью Барри и Морин спали с закрытыми окнами, и все равно весь дом пропитался запахом краски.

На следующий день им прислали грозную бумагу с требованием оплатить работу маляров: пять тысяч долларов.

Барри на террасе, все еще оглушенный, смотрел на закат. Морин тихонько подошла и села рядом с ним, держа в руках целую пачку розовых бланков и компьютерную распечатку.

– Я тут посчитала общую сумму всех наших штрафов и разных выплат, – начала она.

– И?..

– Вышло около ста тысяч долларов.

Барри подавился пивом.

– Что?!

– Я сама сперва не поверила. Там двадцать пять тысяч долларов за первичное благоустройство участка…

– Двадцать пять?..

– Дай я закончу.

Морин скороговоркой пересказала длинный список невероятно дорогостоящих услуг и ни с чем не соразмерных штрафов.

– Мы не будем платить!

– Тогда у нас отнимут дом.

– При таких аппетитах никакого дома не хватит!

Морин широко раскрыла глаза.

– Они так и задумали! Они хотят нас разорить и отнять дом. Господи, как я раньше не сообразила? Ну да, стоимость дома, возможно, покроет штрафы, а счета за работу? За материалы, за покраску и благоустройство? Тут затронуты интересы других людей. Ты думаешь, ассоциация простит нам этот долг? Никогда в жизни! Нас привлекут к суду, и мы проиграем, потому что работа реально сделана, услуги оказаны, а мы не хотим платить. – Морин прерывисто вздохнула. – Мы пропали!

– Надо было слушать Грега Дэвидсона, – буркнул Барри. – Слушай, может, мне пойти добровольцем?

– Не говори так, даже в шутку! – рассердилась Морин.

И правда, смеяться не с чего. Барри хотел бы ответить, что у него есть план, как им выпутаться из этой жуткой истории, но никакого плана не было. Барри молча допил пиво, глядя на заходящее солнце.

Больше невозможно. Сил нет.

Лиз долго смотрела на телефонную трубку, потом тяжело вздохнула и набрала номер Джаспера Колхауна. У нее мурашки прошли по спине, когда старик ответил:

– Слушаю, Элизабет.

Как он догадался, что это она звонит? Определитель номера,

сама себе ответила Лиз. Сейчас многие себе их ставят. Никакой мистики. И все равно холод пробирал, стоило представить себе его неестественно бледное лицо.

– Чем могу помочь? – осведомился председатель.

Даже сейчас гордость не позволяла ей просить. Колхаун не услышит мольбы о пощаде – такого удовольствия она ему не доставит. И все же ее сломали. Как ни хорохорилась, она не смогла выстоять против систематической травли. Сколько ни уверяли ее в своей дружбе Морин, и Тина, и Одри, и Мойра, они ведь не останутся с ней на ночь.

Когда происходило самое плохое, Лиз была в доме одна.

Вчерашняя ночь стала последней каплей.

Снаружи раздавались голоса, яркие огни были видны даже сквозь занавеску. Лиз, чтобы хоть как-то отвлечься, включила телевизор. От увиденного у нее воздух застрял в горле и подкосились ноги. Лиз бессильно рухнула на диван.

По программе БВТВ, всем напоказ, передавали сцену смерти Рэя.

Лиз понимала, что это постановка, но человек на экране выглядел точь-в-точь как Рэй. У нее на глазах он поскользнулся в ванной, упал и ударился головой о твердый фаянсовый выступ. Несколько минут лежал неподвижно, обливаясь кровью, а потом встал и, шатаясь, побрел на кухню. Там попытался снять трубку с телефона. Ассоциация показывала свою версию событий. Лиз точно знала, что это неправда, и все же так хотелось поверить…

Она и поверит. Лишь бы все это наконец закончилось.

Человек, похожий на Рэя, спотыкаясь на каждом шагу, выбрался на террасу, перевалился через перила и рухнул вниз, упав и без того окровавленной головой прямо на острый камень. Тут картинка на экране сменилась. Лиз увидела себя в комнате – себя настоящую, не актрису-дублершу. Она сидела на диване и плакала.

Лиз отчаянно закричала. Невозможно было выносить это издевательство. Внутри поднялась целая буря мучительных чувств. Тут же картинка вновь изменилась – Лиз увидела себя в прямом эфире, заходящуюся в крике.

Выключив телевизор, она бросилась в спальню и зарылась под одеяло, подобрав руки и ноги, втянув голову, чтобы спрятаться целиком. Наверное, здесь тоже установлена камера – так пусть любуются на одеяло хоть целую ночь. Она и носа наружу не высунет. Больше у них не выйдет за ней подглядывать.

Раздавленная отчаянием и острым чувством утраты, Лиз мысленно снова и снова прокручивала увиденные по телевизору кадры. Сцену смерти Рэя снимали здесь, в доме. Когда успели?

После похорон она почти никуда не выходила. А если и выходила, то совсем ненадолго…

Ночью, поняла Лиз. Съемка происходила ночью. Вот откуда странные звуки.

Хотя съемка одной сцены не может объяснить все шумы. Что еще здесь творилось?

Лиз вновь почувствовала себя поруганной. Подтверждение всех ее страхов принесло с собой ощущение беспомощности и безнадежности. Сколько она еще выдержит? Сколько сможет жить под прицелом?

Лиз решила действовать.

– Элизабет? – окликнул Колхаун.

– Мне нужно с вами поговорить.

В трубке раздался смешок.

– Я знал, что вы одумаетесь.

– Я не собираюсь вступать в правление, – возразила Лиз. – Я просто хочу…

– Поговорить. Я понял. Может быть, откроете дверь, и мы обсудим сложившуюся ситуацию?

Открыть дверь? Лиз выскочила из кухни в прихожую и посмотрела в глазок. Председатель стоял на крыльце, прямо на коврике с надписью «Добро пожаловать», и говорил с ней по мобильнику.

«Не впускай его!» – сказал голос у нее в голове. Любимый, родной голос Рэя.

Но у нее не было больше сил. Она не такая несгибаемая, как Рэй. Без его уверенности и упорства ей не вынести беспрерывного давления.

«Не открывай…»

Лиз глубоко вздохнула и отперла дверь.

Председатель с улыбкой шагнул в прихожую. Лиз вздрогнула, когда он тронул ее за плечо.

– Теперь все в порядке, – сказал Джаспер Колхаун. – Все будет хорошо.

– Как видно, нас не пригласили.

Барри и Морин стояли в гостевой комнате, не зажигая света, и смотрели в раскрытое окно. Прохладный ветерок, предвестник надвигающейся осени, приносил с собой шум веселья. За деревьями на фоне безлунного неба сиял огнями клуб, словно накрытый светящимся куполом.

Еще раньше Барри и Морин видели, как мимо дома в сторону клуба проезжают машины, идут пешком люди. Многочисленные листовки сообщали, что торжественное открытие состоится на

этой неделе, но точная дата в них не была указана.

Видимо, другим жителям поселка разослали приглашения.

Среди сосен мерцало необычно много огоньков: уходя на открытие, люди оставляли свет на крыльце.

– Кажется, почти все там, – заметил Барри.

– Глядя в окно, нельзя оценить точно.

– Считай, у меня интуиция.

– Я думаю, Лиз осталась дома.

– Утешила! – фыркнул Барри.

– Ладно тебе! Как будто они все станут ярыми сторонниками ассоциации только оттого, что один раз сходили на праздник. Большинство наверняка пошли только ради дармового угощения.

– Возможно.

– Это ты к чему?

– Ты прекрасно понимаешь, к чему.

Барри резко обернулся. Лицо Морин белело в темноте неясным пятном, как на картинах импрессионистов.

– Ассоциация добилась своего. Не знаю, как они это делают – колдовством каким-то или еще чем… Люди на их стороне! Возьми хоть шерифа, хоть всю ту толпу на митинге. Мы пришли против воли, а наши дорогие соседи сами рвались в бой, размахивая битами.

– Так, может, и к лучшему, что нас никуда не приглашают? А то, глядишь, и нас бы перевоспитали.

– Нет, – ответил Барри твердо. – Этого никогда не будет.

– И мы не одни такие. Пусть не все, но некоторые понимают, что к чему. Тина с Майком, еще кое-кто…

Барри вспомнил, как на вечере у Рэя Грег Дэвидсон объявил, что уезжает из Бонита-Висты, и все гости дружно ругали ассоциацию.

– Может быть, – протянул он. – Хочется надеяться.

Они стояли плечом к плечу, глядя в темноту и слушая далекий шум праздника.

– Через неделю День труда, – тихо сказала Морин.

– Угу.

– Пойдем на собрание?

– Конечно! Это бесценная возможность высказаться при всех. По уставу, каждому домовладельцу дается три минуты на выступление. Я подготовлю речь. Предложу внести определенные поправки. По крайней мере, поймем, у кого какая позиция. Я этих мерзавцев в пух и прах разнесу! И поглядим, кто со мной, а кто против.

– Только с тобой? А я?

– С нами, – поправился он.

– Я не о том. Мне тоже выступить?
– А ты хочешь? – удивился Барри.

– Да нет. Три минуты даются на человека или на участок? Если на каждого, нам обоим вместе положено шесть минут. Я могу продолжить за тобой.

– Три минуты на участок.

– А, тогда сам выступай.

– Надо заранее составить текст и замерить время. Постараюсь впихнуть побольше. Отчетно-выборное собрание раз в году бывает, и там хотя бы делают вид, что в ассоциации соблюдают принципы демократии. Другого такого шанса не будет.

Над клубом взлетела одинокая сигнальная ракета и рассыпалась лиловыми искрами. Послышались восторженные крики.

– Как ты думаешь, что будет после твоего выступления? – спросила Морин.

Барри ответил, помолчав:

– Не знаю. Правда, не знаю.

Утром вернулись маляры. На этот раз Барри и Морин выскочили во двор, пока те еще только вылезали из грузовика.

– Что вы здесь делаете? – спросила Морин.

Маляры, будто не слышали, продолжали возиться возле машины.

– Вы на той неделе уже красили наш дом!

Трое маляров помоложе начали раскатывать у стены рулон пластика.

Барри подошел к старшему.

– Попробую угадать: правила изменились? Теперь другой оттенок нужен?

– Угу.

Бригадир вытащил из грузовика моток малярной ленты.

– Вам уже приходилось такое делать? Ну, перекрашивать один и тот же дом, пока владельцы не разорятся?

Бригадир замялся и все же кивнул.

– Угу.

Отодвинув Барри в сторону, он принялся заклеивать ближайшее окно.

Барри и Морин закрыли наглухо все окна и уехали, не дожидаясь, пока начнут красить. Весь день они провели на озере – гуляли в лесу, обедали на полянке и старательно притворялись обычной парой отдыхающих. Когда под вечер вернулись домой, маляров уже не было, но кусты у южной стены остались накрыты пластиком. Успели выкрасить половину дома.

– Наверное, завтра опять придут, – сказала Морин.

Барри кивнул.

В прошлый раз оставленные на ночь закрытыми окна не помогли, так что сейчас они раскрыли окна настежь и включили вентилятор. Запах краски все равно держался, и утром оба проснулись с головной болью.

Покраска заняла два дня. Маляры явно работали тщательнее, чем раньше, словно в тот, первый раз заранее знали, что придется переделывать. Барри был уверен, что за эту работу и денег потребуют больше. Страшно хотелось вышвырнуть наглецов с участка и сжечь к чертям их грузовик, однако Барри понимал, что маляры всего лишь выполняют приказы. Надо будет – другие найдутся.

Тогда ему пришла в голову новая мысль. Он посоветовался с Морин, и, к его изумлению, она согласилась.

Дождавшись, пока маляры уедут, Барри и Морин взяли оставшуюся от ремонта белую краску и намалевали на стене дома, со стороны улицы, громадную улыбающуюся рожицу. На другой стене нарисовали рожицу с хмурой гримасой.

На следующий день маляры появились вновь, уже не просто необщительные – они не скрывали своей враждебности. Барри вышел на крыльцо с чашкой кофе в руке и приветливо поздоровался. Ему ответили мрачными взглядами и руганью вполголоса.

– Что он о себе воображает? – спросил кто-то из младших.

– Дурак хренов, – буркнул бригадир.

План сработал! Они с Морин сумели вызвать сбой отлаженного часового механизма и навязали борьбу на своих условиях.

Маляры оклеили окна защитной лентой, расстелили пленку, подключили пульверизаторы и наглухо закрасили половину улыбающейся рожицы. Когда они перешли ко второй половине, Барри отставил чашку с кофе, принес белую краску и нарисовал на свежеокрашенном участке стены россыпь косых крестиков.

Бригадир сердито подошел к нему.

– Что это вы делаете?

– Дом мой, – ответил Барри. – Я его крашу.

– Нельзя!

– Со своим домом я могу делать все, что пожелаю. А будешь ко мне лезть – я тебе надаю по заднице, потом раздену догола и в желтый цвет покрашу, трус паршивый!

Барри ожидал услышать в ответ угрозы – в конце концов, их было четверо против одного. Он внутренне приготовился к драке, однако бригадир отошел от него, о чем-то поговорил со своими подчиненными, они быстро собрали оборудование и уехали.

Победа!

Маляры не вернулись, и новых тоже не присылали. Не прибежал Нил Кэмпбелл со своим вечным планшетом. Не было ни звонков, ни грозных извещений на двери и в почтовом ящике. На стене так и остались половинка улыбающейся рожицы и несколько крестиков.

Той ночью Барри и Морин занимались любовью, когда вдруг зазвонил телефон. Барри не хотел снимать трубку, но Морин сказала – вдруг что-нибудь важное? Барри дотянулся до прикроватного столика, нащупал телефон и нажал кнопку ответа.

– Алло?

Голос в трубке был хриплым и грубым, хотя говорил шепотом:

– Вставь ей еще разок, от души!

И тут же отключился.

За ними наблюдают!.. Барри рывком натянул на себя и Морин одеяло, отчаянно оглядываясь в поисках скрытой камеры.

– Ты что? – удивилась Морин, ерзая под ним. Ей было неудобно.

Барри скатился с нее на кровать. Эрекция пропала напрочь. Прикрываясь одеялом, он поднял с пола трусы, натянул на себя и бросился к телевизору.

По БВТВ показывали, как они с Морин занимаются любовью. Морин была сверху. Камера показала крупным планом ее зад и руку Барри, скользнувшую между ягодиц.

– Сучьи дети! – прорычал Барри. – Подлые твари!

Телефон снова зазвонил. Они не стали отвечать.

Утром оказалось, что дом выкрашен в черный цвет.

Устав Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Статья V. Безопасность и контроль.

Раздел 9, параграф А:

Правление ассоциации, а также любые комиссии и подкомиссии вправе осуществлять наблюдение в общественных местах на территории поселка любыми доступными средствами. Наблюдение за жильцами поселка, имеющими задолженность или находящимися в состоянии конфликта с правлением ассоциации, может вестись в любое время, в том числе и в частном доме вышеупомянутых жильцов.

Речь сочинялась с трудом. Барри привык писать диалоги, когда два персонажа обмениваются мыслями и мнениями. Другое дело – обращение к внешнему миру, способное встряхнуть и взбудоражить слушателей, чьи реакции сугубо индивидуальны и

не зависят от творческой воли автора, не то что в романе. К тому же Барри никогда не был оратором, и на него сильно давила перспектива самому произносить текст, да еще и перед враждебно настроенной аудиторией.

Когда он зачитал вслух первый черновой вариант, получилось пятнадцать минут. Барри вычеркнул все, что мог, прочитал вслух Морин – все равно получилось двенадцать.

Придется безжалостно сокращать. Невозможно втиснуть все, нужно говорить о главном и привести только самые вопиющие примеры произвола.

Да только как выбрать, если они все вопиющие?

Барри прокрутил текст на экране, в сотый раз перечитывая будущую речь.

– Кассета кончилась! – крикнула с верхнего этажа Морин.

Барри бросился к ней. Он весь день и ночь записывал передачи БВТВ, а когда заполнялась очередная шестичасовая кассета, прокручивал запись в ускоренном режиме, проверяя, не покажут ли еще что-нибудь, снятое в их доме. Он вычислил, с какой точки вели запись в спальне, разобрал в том углу часть стены и нашел-таки видеокамеру, которую тут же и разбил вдребезги. Как ее ухитрились сюда поставить – загадка. Барри мог только предположить, что ее вмонтировали в стену еще при постройке дома.

Они кое-как заделали дыру, но вид у стены был еще тот. Морин повесила в этом месте репродукцию картины Джорджии О'Кифф в рамке, чтобы прикрыть вспученную шпаклевку.

Пока непохоже было, чтобы съемка велась в других комнатах, однако Барри считал, что Колхаун и компания на все способны, и продолжал отсматривать передачи «Бонита-Виста ТВ».

Накануне отчетно-выборного собрания наконец удалось составить более или менее удовлетворительную речь. Правда, она продолжалась не три минуты, а четыре, даже скороговоркой, но Барри решил, что договорит уже после того, как ему напомнят, что время истекло. Знаменитости на ток-шоу постоянно так делают, значит, и ему можно.

Барри и Морин рано легли спать – постоянное напряжение выматывало. В тот вечер они занимались любовью в первый раз с тех пор, как обнаружили видеокамеру. Потом еще немного поговорили о том, куда уедут, когда наконец вырвутся из Бонита-Висты. Постепенно паузы между репликами становились все длиннее, голоса звучали тише… Барри и Морин засыпали.

Барри не заметил, когда окончательно соскользнул в сон. Просто в какой-то миг оказалось, что он уже не лежит в своей постели, а сидит на жестком складном металлическом стуле

рядом с другими жителями поселка. За столом на возвышении восседали Джаспер Колхаун и прочие члены правления в черных мантиях, сурово озирая собравшуюся толпу.

Председатель объявил звучным голосом:

– Ставлю на голосование вопрос о поправке к уставу, согласно которой все мужчины в поселке имеют право трахать Морин Уэлч в задницу, не спрашивая ее разрешения или разрешения ее мужа Барри. Кто за это предложение?

Взметнулось множество рук с четкостью нацистского салюта.

– Кто против?

Один только Барри вскинул руку.

– Принято!

Проснувшись утром, Барри увидел, что глаза Морин открыты.

– Сегодня собрание, – сказала она.

Актовый зал в клубе был набит битком. Многих Барри не знал, но мелькали и знакомые лица: Майк и Тина, Фрэнк и Одри, Лу и Стейси, Нил, Чак и Терри, гости, с которыми встречался у Рэя Дайсона, домовладельцы, кого видел на митинге. В зале были расставлены металлические складные стулья – должно быть, больше сотни.

За длинным столом на сцене сидели члены правления.

У дальней стены выстроились в шеренгу добровольцы.

Все это до жути походило на его сон. Войдя в зал, Барри испытал пугающее чувство дежавю. В большой комнате, полной народа, должен бы стоять гул голосов, но все молча листали толстые тома в черных переплетах. На столе у самой двери громоздились целые стопки таких же книг.

Стоявший у стола человек в дурацкой ливрее обратился к Барри и Морин:

– Получите, пожалуйста, экземпляр «Устава Ассоциации домовладельцев Бонита-Висты» с поправками, изменениями и дополнениями. Утверждение поправок – первый пункт в повестке дня.

Он вручил Барри книгу весом чуть ли не в тонну и размером с семейную Библию, которую бабушка Барри держала на обеденном столе.

– И мы должны прочитать все это до начала собрания? – изумился Барри. – Сколько там осталось – пять, десять минут?

– Это просто формальность, – ответил человек в ливрее.

– Как же мы можем голосовать, если не знаем, какие там изменения?

– Ну, вы даете!

Человек искренне расхохотался. Барри стало не по себе. Сотрудника ассоциации насмешила мысль о том, что голоса

жителей поселка имеют хоть какое-то реальное значение, – зловещий признак.

Лиз, сидевшая у прохода, заняла для них два места рядом с собой. Барри и Морин, переглянувшись, подошли.

Словно не она просидела почти два месяца затворницей, никого не впуская в дом. Лиз улыбнулась и сказала, что рада их видеть. Говорила она шепотом, и Барри невольно зашептал в ответ, поддаваясь царящей вокруг тишине, хотя собирался ответить обычным голосом, чтобы всем показать, что не боится.

– Мы ни за что не упустили бы такой случай. Наконец-то я смогу высказать правлению все, что накипело.

– Получите, пожалуйста, экземпляр «Устава Ассоциации домовладельцев Бонита-Висты» с поправками, изменениями и дополнениями, – произнес человек у стола, обращаясь к кому-то вновь прибывшему. Среди общего безмолвия слова звучали неуместно громко. – Утверждение поправок – первый пункт в повестке дня.

Барри положил неподъемный том к себе на колени и раскрыл. Экземпляр Лиз лежал на полу возле ее стула. Многие вокруг тоже положили книги на пол. Всего несколько человек пытались читать исправленную версию.

Барри наугад перелистал страницы. Одно правило запрещало жителям поселка готовить блюда азиатской кухни, другое требовало, чтобы у каждого домовладельца был американский флаг, хотя вывешивать его в доме или перед домом строго запрещалось. Чем дальше, тем причудливей становились правила. Список покупок можно писать исключительно простым карандашом; жители поселка обязаны каждый день мыть голову и пользоваться кондиционером; недопустимо появляться на улице с лысой головой, а в случае потери волос надо, выходя из дома, надевать парик. Наверняка среди анекдотических правил прятались и другие, более опасные, но искать их уже не оставалось времени. Если участники собрания готовы проголосовать сами не зная за что, тем более важно им услышать речь Барри.

Он рассказал о своих планах Майку, попросил распространить информацию и очень надеялся, что друг не подвел. Если все пройдет хорошо, люди поддержат Барри и сами начнут задавать вопросы правлению. Старичью придется держать ответ и хоть как-то обосновать правила и процедуры, которые до сих пор все принимали как должное. Конечно, план был составлен на скорую руку, да и самые продуманные планы часто не выдерживают столкновения с реальностью, но Барри верил, что по крайней мере сумеет всколыхнуть это болото.

Стук председательского молоточка раздался внезапно, словно ружейный выстрел. Все взгляды обратились к президиуму.

– Внимание! Внимание! – провозгласил от двери человек в ливрее. – Начинаем ежегодное отчетно-выборное собрание Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста!

Сидевший в центре Джаспер Колхаун встал и милостиво улыбнулся.

– Здравствуйте, дорогие соседи!

В зале раздались восторженные вопли. Собравшиеся бешено зааплодировали. Барри покосился на Морин. Он ждал продолжения приветственной речи, а оказалось, что эти простые слова – сигнал к овации. Бурное ликование стало для него такой же неожиданностью, как и удар председательского молотка. Закралось нехорошее подозрение, что все это часть отлаженного, привычного ритуала, вроде церковной службы.

Перегнувшись через колени Морин, Барри шепотом спросил у Лиз:

– Сколько времени обычно продолжается собрание?

– Часа два-три, – прошептала она в ответ.

Два-три часа?

Улыбка председателя стала еще шире, хотя Барри готов был поклясться, что это невозможно. Неестественно растянутый рот придавал Колхауну сходство с ощерившимся волком.

– Мы начнем наше сегодняшнее собрание с самого важного пункта повестки дня: с утверждения нового, доработанного варианта устава.

Снова овация.

– У вас было достаточно времени, чтобы ознакомиться с поправками, изменениями и дополнениями. Все, кто за новый устав, прошу поднять руки!

Десятки рук взлетели вверх.

– Стойте! – закричал Барри, вскакивая. – Разве не будет обсуждения? Разве мы…

– Кто против? – спросил председатель.

Не успел Барри поднять руку или хотя бы закончить фразу, ударил председательский молоточек.

– Устав утвержден, – объявил Колхаун.

Барри стоял как оплеванный и растерянно озирался. Домовладельцы замерли, жадно ловя каждое слово из председательских уст. Их всех загипнотизировали, иначе не объяснишь! Но Барри сам понимал, что дело не в этом.

Морин тоже казалась оглушенной. В голове не укладывалось, что вот так, без обсуждения, утвержден совершенно новый вариант нормативного документа, который может изменить

жизнь каждого в поселке, и никто даже толком не знает, какие именно внесены поправки.

Барри все еще стоял. Колхаун указал на него молоточком:

– Мистер Уэлч, сядьте, пожалуйста!

Барри не дрогнул.

– Я требую ответа: почему поправки не обсуждались? Обычно голосуют каждую поправку отдельно и лишь после того, как все получат возможность высказаться!

– Мы с вами живем в Бонита-Висте, – ответил Колхаун, как будто это все объясняло. – Пожалуйста, сядьте и не мешайте вести собрание.

Со всех сторон на Барри нацелились сердитые взгляды. Морин потянула его за рукав. Сейчас явно не время для протестов. Барри сел, чтобы не злить окружающих. В конце концов, он рассчитывал привлечь их на свою сторону. Массовая солидарность жителей поселка с правлением пугала.

Тем временем кто-то из членов правления передал председателю записку.

Колхаун, проглядев ее, кивнул и обратился к собравшимся:

– Поступило предложение искоренить всех кошек в Корбане. Как вам известно, мы уже начали борьбу с собаками, но главная наша цель – истребить всех домашних животных в городе и в конечном итоге объединить Корбан с Бонита-Вистой как единую семью. Ввиду этого предлагается приступить к истреблению кошек. Ставим на голосование?

– Да! – заревела толпа.

И снова Барри пришло на ум сравнение с церковной службой. Происходящее напоминало какой-то загадочный ритуал. Еще больше его встревожила сама суть вопроса, озвученного председателем. Барри уже давно понял, что городских собак травит ассоциация, но ему представлялось, что это делается по приказу правления. А выходит, все жители проголосовали за такую бесчеловечную жестокость? Мозг отказывался это принять.

Может, они и убийства детей одобрили, тоже единогласно?

По коже поползли мурашки.

– Кто за включение котят и кошек в перечень домашних животных, подлежащих истреблению, прошу поднять руки!

Руки дружно взметнулись в воздух.

Барри очумело озирался. Тина не подняла руку, зато Майк поднял. Барри почувствовал, как сводит желудок. До него наконец дошло: все его соседи, даже те, кого считал своими друзьями, с кем откровенничал на вечерах у Рэя, – это тоже ассоциация. Он винил во всем правление, словно сам Барри и его друзья-домовладельцы ни при чем. Они в стороне, отдельно… Да

ничего подобного!

Правление существует не в вакууме. Кто-то их избирает, одобряет и поддерживает. Эти-то люди и дают реальную силу ненависти, расизму, нетерпимости.

Отчасти можно их оправдать конформизмом, желанием быть как все, но и у конформизма есть предел. Люди не просто голосуют «за» – они делают это с энтузиазмом. Сейчас, собравшись вместе, жители поселка проявляют свои истинные чувства. Вот она, темная сторона демократии. Затерявшись в общей массе, легче поддерживать дурные веяния.

Теперь стала понятна враждебность Хэнка, Лайла и прочих из кафе. В каком-то смысле Барри действительно был частью этой гнусной организации, как и все жители Бонита-Висты. Пожалуй, такие, как они с Морин или Тина, даже хуже других. Они голосуют против отдельных предложений, но допускают само голосование. Тем самым они как будто придают бо́льшую законность действиям большинства: смотрите, мол, мы не подавляем своих противников, даем им возможность выразить свое мнение.

– Кто против? – спросил Колхаун.

Барри и Морин подняли руки, однако Тина, Лиз и еще несколько человек, кому хватило духу не голосовать «за», все же не решились проголосовать «против».

– Принято! – объявил председатель с довольным смешком. – Браво, мои дорогие, приятно видеть такое единодушие! А сейчас на повестке дня перевыборы правления. Как вы знаете, голосование тайное, так что если кому-нибудь не нравится стиль работы нашего мистера Геринга, – не стесняйтесь!

Старик, сидящий рядом с Колхауном, криво улыбнулся и нерешительно помахал рукой. Председатель хлопнул его по спине:

– Шучу, шучу!

В зале появились две молоденькие девушки, почти подростки, не то в бикини, не то вообще в нижнем белье, не разберешь. Девочки пошли по проходу, вручая всем сидящим с краю стопки бюллетеней для голосования и перетянутые резинкой пачки карандашей:

– Передайте дальше, пожалуйста.

Морин взяла у Лиз стопку бюллетеней, сняла верхний листок и передала остальные Барри. Как и предупреждал Рэй, против каждой из шести фамилий в списке стоял один-единственный квадратик: «Одобрить».

Барри сейчас же написал рядом с каждым именем: «Отстранить».

Колхаун стукнул молоточком.

– Начинаем прения! Кто-нибудь хочет высказаться?

Барри встал.

– Мистер Уэлч, правление вас слушает.

– Я хочу зачитать обращение.

– Пожалуйста, сэр.

– У меня три минуты, так?

– Совершенно верно, – улыбнулся Колхаун.

– Задача ассоциации домовладельцев, – начал Барри, читая по бумажке, – заботиться о благе домовладельцев, проживающих на территории данного поселка, а не карать их за несоблюдение несправедливых, неразумных и противозаконных правил устава. Я лично…

– Время! – гаркнул кто-то за столом правления.

Барри вскинул голову.

– На выступление дается три минуты!

– Время!

– Я лично подвергался преследованию…

– Время! Время! Время!

Все собрание дружно скандировало, заглушая Барри. Все вокруг, кроме Морин и Лиз, выкрикивали одно и то же слово, даже Майк и Тина присоединились к общему хору, весело улыбаясь, точно все происходящее было какой-то забавной игрой.

Барри ткнул пальцем в сторону президиума, стараясь перекричать общий гам:

– Вы убиваете животных, убиваете детей, вы калечите домовладельцев, которые посмели выступить против вас!

Члены правления снисходительно посмеивались.

– Почему вы не проводите нормальных перевыборов? Боитесь, что кто-нибудь выдвинет свою кандидатуру и у людей появится возможность выбирать?

Колхаун простер руку, указывая куда-то в глубь помещения.

– Позвольте вам представить Пола Генри, нашего пристава!

В ответ раздался общий одобрительный рев.

– Пол, будь так добр, проводи мистера Уэлча к выходу!

Человек в ливрее, дежуривший у двери, протолкался мимо Лиз и Морин и ухватил Барри за руку выше локтя. Тот попытался вырваться, однако хватка у пристава оказалась железная. Твердые пальцы впились в руку Барри, и он почувствовал, как его выволакивают в проход.

– Это против правил! – вопил Барри. – Вы затыкаете мне рот, потому что вам не нравится то, что я говорю! Не смейте! Это противоречит уставу!

– Новому уставу не противоречит, – хладнокровно отвечал

Колхаун.

В зале засмеялись.

Барри дергался, пробовал бить пристава по руке, но тот был невероятно силен и спокойно продолжал тащить его к двери.

– Поддержим Пола Генри! – скомандовал председатель.

И вновь раздался дружный хор:

– Гип-гип-ура! Гип-гип-ура!

Барри вытолкали из клуба. Дверь за ним захлопнулась.

Он стал колотить по ней кулаками, но ответа не добился.

Расслышать, что происходит внутри, тоже не вышло – глухие, без окон стены были звуконепроницаемыми.

Что там сейчас творится? Почти все важные вопросы за десять минут решили, что же они будут делать оставшиеся два часа?

Барри так этого и не узнал, потому что Морин выгнали через минуту после него.

– Алло, Джереми?

– Чува-ак!

Барри прижал трубку к уху, мрачно глядя на Морин.

– У нас тут, э-э… небольшая проблемка.

– Та, о которой мы говорили?

– Она самая.

На душе сразу полегчало. Джереми понимает, что называть вещи своими именами не следует, поскольку телефон может прослушиваться. Перестраховщик, но иногда и паранойя бывает полезна.

Барри ободряюще улыбнулся Морин.

– Помнишь, ты предлагал приехать… если мне вдруг понадобится помощь?

– Хоть сейчас, чувак! И не я один, мы все. Когда приезжать?

Как будто огромная глыба свалилась у Барри с плеч. Вообще-то он и по характеру, и в силу профессии был индивидуалистом и с любыми трудностями предпочитал справляться своими силами. Ему нравилось представлять себя отважным воином, который в одиночку выходит на бой против глупости, лицемерия и прочих абстракций, так любимых писателями. Несгибаемый защитник правды, справедливости и американского образа жизни… Он никогда не любил командных игр, чурался всяческих комиссий и коллективов. И все же нельзя не признать: в некоторых случаях приятно ощущать себя частью группы.

А иногда это прямо-таки жизненно необходимо.

Барри коротко обрисовал другу сложившуюся ситуацию,

пообещав позже рассказать подробности. Джереми обещал, что позвонит Чаку с Диланом и они отправятся в путь, как только смогут.

И точно, на следующее утро, когда Барри и Морин завтракали, зазвонил телефон. В трубке раздался недовольный голос охранника:

– Мистер Уэлч? Я тут задержал две машины с посторонними. Утверждают, будто бы они ваши друзья…

– Так и есть, – подтвердил Барри. – Пропустите их.

– Тут некий мистер Джереми…

– Я знаю. Говорю же, впускайте.

– Случай очень нетипичный…

– Вы – охранник, – перебил Барри, тоже не скрывая недовольства и с трудом сдерживаясь, чтобы не заорать. – Вы на нас работаете. Вот и выполняйте свою работу. Будьте добры слушаться!

Он нажал кнопку отбоя и, улыбаясь, положил телефон-трубку на стол.

– Приехали! – сообщил он Морин.

Через несколько минут во дворе раздались два разноголосых автомобильных гудка. Барри затолкал в рот последний кусочек оладушка и бегом бросился вниз по лестнице. Когда выскочил на крыльцо, друзья уже вышли из машин и потягивались, расправляя затекшие мышцы.

– Ну и ночка! – крикнул Джереми. – Со вчерашнего вечера гнали без остановки.

С заднего сиденья «Сатурна» выбрался Дилан.

– Если не считать короткого пит-стопа в Лас-Вегасе!

Морин кинулась обнимать Лупе и Данну – к ее радости, Джереми с Чаком привезли своих жен.

Лупе оглядела дом, сад, деревья.

– С виду не скажешь, что кошмар.

– Очень красивое место, – согласилась Данна.

– Внешность обманчива. Слышали такую народную мудрость? – отозвалась Морин, ведя их к дому.

Дилан ехал третьим в машине с Джереми и Лупе. Сейчас он прошелся по двору, чтобы размять ноги.

– С прошлого раза обстановочка переменилась… Кстати, что там за козел на воротах?

Барри усмехнулся.

– Оценил? Это и есть знаменитые ворота. Охранник дежурит круглосуточно, чтобы некультурное быдло не шастало по поселку и не разглядывало наши дома.

К ним подошел Джереми.

– Плохо дело, да?

– Это еще что…

Барри полчаса излагал им все в подробностях, начав с увиденной по дороге из Калифорнии сцены, когда председатель правления согнал «Джимми» с дороги в овраг, и закончив сюрреалистическим отчетно-выборным собранием. Несколько раз Морин звала их в дом, предлагала выпить, но Барри спокойнее было разговаривать не в присутствии женщин, пусть это и отдает дискриминацией. Так он мог высказываться более откровенно.

Чак потряс головой.

– В какую же пакость ты вляпался?

– А вообще круто! – воскликнул Дилан и тут же сник под неодобрительными взглядами друзей. – То есть не то чтобы круто, а все-таки…

Он не договорил.

– Можешь мне поверить, в такой обстановке жить совсем не «круто», – сказал Барри.

– Тогда зачем дальше мучиться? – спросил Чак. – Может, вам просто уехать? Вернуться в Калифорнию?

– Да мы хотели…

– И что мешает?

Барри рассказал о штрафах, аресте на имущество и весьма реальной угрозе банкротства.

– И потом, я не хочу, чтобы эти уроды считали, что победили!

– Им не победить, – твердо заявил Джереми. – Мы с тобой!

– А то! – Дилан с широкой улыбкой вскинул руку, сжатую в кулак. – Надерем им задницу!

Они наконец-то вошли в дом и присоединились к женам. Разговор перешел на более личные темы: семья, работа, жизнь. Барри и Морин вдруг поняли, что изголодались по новостям из внешнего мира. Они жадно слушали рассказы о жизни друзей, о Калифорнии, от которой сами отказались. Затем всемером запихнулись в «Субурбан», и Барри устроил экскурсию по Бонита-Висте и городу Корбану. Показал даже свой музей чайников. Пообедали невкусной и слишком жирной едой в «Дэйри Кинг» – Чак звал в кафе, но Барри напомнил всем, почему туда заходить нельзя, – а потом прокатились по окрестностям, как положено туристам. Заодно прогулялись по берегу озера Пайнтоп, согнав часть лишних обеденных калорий.

Домой попали в самое жаркое время дня, между двумя и тремя часами, и продолжили обмен новостями. Сперва сидели в гостиной, затем перешли на верхнюю террасу, а когда к закату налетела мошкара, вернулись в гостиную.

Лупе подала идею съездить за пиццей. Барри сухо объяснил, что они с Морин стараются после захода солнца из дома не выходить, а Морин сказала, что на ужин хотела приготовить тако.

– Это даже лучше, – откликнулась Лупе.

Пока Морин резала помидоры и лук, Лупе нарвала на мелкие кусочки салат, а Данна натерла сыр, после чего Морин выгнала всех из кухни на то время, когда готовилось мясо и жарились лепешки. Потом сели за стол.

За едой любые разговоры об ассоциации были под запретом. Почти можно было поверить, что нет всего этого безумия. Маленькая компания друзей в собственном отдельном мирке, защищенном от суровой искореженной реальности Бонита-Висты. Впервые за долгое время Барри целый час не вспоминал об ассоциации домовладельцев.

К обеду Морин подала вино, потом еще добавили пивка, шумно обсуждая политику и скандальные сплетни о знаменитостях. Когда перешли в гостиную, Барри устроился на полу, женатым друзьям предложил занять места на диване, Морин села в кресло, а Дилан, убедившись, что больше приткнуться негде, плюхнулся на пол у камина.

– Как будем размещаться на ночь? – спросила Данна. – Здесь вроде всего одна гостевая комната?

– Двое в гостевой, двое здесь, – ответила Морин. – Диван раскладывается. Тебе, Дилан, боюсь, достанется матрас на полу в кабинете, – прибавила она с улыбкой.

– Ничего страшного. А можно посмотреть порнуху в Интернете, пока все спят?

Морин замахнулась на него подушкой.

– Не боюсь я тебя! – засмеялся Дилан.

Кажется, все, что можно, обсудили. Впервые за весь день в разговоре возникла пауза.

– Тихо здесь как, – заметил Дилан. – Природа… Действует на нервы. Включим музычку? – Он кивнул на телевизор: – Кабельное или спутниковое?

Барри бросил ему пульт управления:

– Держи и ни в чем себе не отказывай!

По телевизору ничего приличного не показывали. Барри зачитал список видеокассет, и в конце концов отыскалось то, что устраивало всех: «Молодой Франкенштейн».

Джереми, кашлянув, спросил:

– Барр, а у тебя есть экземпляр знаменитого устава?

– Само собой. Сейчас принесу.

Барри спустился в рабочий кабинет Морин, взял толстый том, лежавший у компьютера, и, вернувшись в гостиную, вручил книгу

Джереми.

Пока остальные смотрели кино, Джереми изучал устав, приговаривая вполголоса: «Ну ни хрена ж себе!» Когда его спрашивали, что там такое, он только отмахивался.

Наконец он отложил книгу. «Франкенштейн» уже закончился, и все смотрели повтор передачи с Деннисом Миллером по Эйч-би-о.

– Я не верю, что такой устав существует на самом деле, – сказал Джереми.

– Это ты мне говоришь?

– Ты знаешь, что в вашей маленькой Утопии запрещены гомосексуальные пары? А также совместное проживание пар, не состоящих в браке? – Он посмотрел на Лупе. – Равно как и расовых меньшинств. То есть, насколько я понял, небелых.

Дилан расхохотался.

– Ну, тогда, полагаю, вам с ней не захочется купить себе под старость домик в живописном штате Юта?

– Надо отмечать особо удивительные места. Я еще до половины не дочитал, а уже половину забыл. Сколько же дерьма в этом документе…

Барри скривился.

– Веришь мне теперь?

– Всегда верил, просто не думал, что все это настолько нагло. Мало того, что они навязывают жителям поселка свои взгляды на мораль… Многие пункты устава попросту незаконны. Должно быть, рассчитывают в случае чего прикрыться предыдущими судебными решениями в пользу ассоциации.

– Я очень надеялся, что ты это скажешь. Я и сам так думал, но ты – профессиональный юрист, твое мнение более веское.

– Черт-те что…

Дилан тем временем щелкал пультом, переключая каналы.

– Эй, а это что? – сказал он вдруг. – Какая-то местная поселковая станция?

– БВТВ, – хором откликнулись Барри и Морин.

На экране по лесной тропинке трусцой бежала девушка.

Видеокамера дала увеличение, крупным планом показывая подпрыгивающую грудь.

– БВТВ?

– «Бонита-Виста ТВ», – объяснил Барри. – Забыл вам рассказать. В поселке повсюду натыканы камеры слежения. Записи потом передают по телевизору.

– Иногда показывают и то, что снято в чьем-нибудь доме, – тихо прибавила Морин.

– Господи!

– Не волнуйтесь, я по всему дому прошелся частым гребнем. Здесь мы в безопасности.

– Внутри дома – допустим, – сказал Джереми. – А снаружи надо быть постоянно настороже. Держите лицо, улыбайтесь и не говорите лишнего. На улице, в лесу, на пустующих участках – не расслабляйтесь, это вражеская территория.

От его слов все приуныли и вскоре засобирались спать. Морин постелила Чаку с Данной на диване, затем отвела Джереми и Лупе в гостевую спальню. Барри вытащил из чулана матрас и устроил Дилану постель на полу в рабочем кабинете Морин, бросив сверху одеяло. Потом ушел в спальню, закрыл дверь, разделся и, забравшись под одеяло, стал ждать Морин, но не дождался и заснул как убитый – должно быть, сам не заметил, насколько вымотался.

На другой день, когда они завтракали, позвонила Лиз. Казалось бы, ерунда, но, учитывая происходящее, – целое событие. Морин схватила трубку и убежала разговаривать в спальню, махнув Барри рукой, чтобы он занялся оладьями.

За последнее время они с Лиз разговаривали всего один раз, на собрании, да и то обменялись только парой ничего не значащих слов. Голос Лиз окреп, и сама она, кажется, наконец начала приходить в себя после похорон Рэя.

– Извини, что давно не звонила, – довольно бодро начала Лиз. – Просто я на какое-то время поддалась горю и отчаянию и слишком жалела себя.

– Как ты сейчас? – спросила Морин, присев на кровать.

– Сравнительно неплохо. Прошлого не вернуть, но я стараюсь жить. Прости, что так раскисла.

– Ничего страшного. Я понимаю.

– Это еще и из-за недосыпа. Мне постоянно не давали спать – наверное, рассчитывали, что я сломаюсь. Будили по ночам звонками, угрожали по телефону, то включали во всем доме свет, то выключали, швыряли чем-то в стену… Настоящая психологическая война. И ведь они своего добились. Я отдалилась от друзей, боялась выйти из дому, не отвечала на звонки…

В другое время Морин подумала бы, что кризис вовсе не миновал, наоборот – у Лиз развилась паранойя. Однако Морин не сомневалась, что подруга говорит не зря.

– Ты только что потеряла мужа. Мы и не ожидали, что ты будешь душой компании.

– Я хочу сказать тебе и всем спасибо, что не отступились от меня. Мне было важно знать, что вы готовы в любой момент прийти на помощь.

– Мы – твои друзья, – ответила Морин.

– Я вам очень благодарна, а за себя мне стыдно. Хочется как-то загладить свое позорное поведение. Может, вы с Тиной и Одри зайдете ко мне сегодня? Выпить и… просто поговорить.

– Я бы с удовольствием, только к нам приехали из Калифорнии…

Морин запнулась. Ей не хотелось отказываться от приглашения, когда Лиз так старается вернуться к нормальной жизни. Но и бросать на полдня Лупе и Данну не очень-то прилично.

– Если это не слишком большое нахальство с моей стороны и если тебе не слишком тяжело будет принимать у себя новых людей…

– Конечно! – Сейчас она говорила почти как прежняя Лиз. – Приводи их с собой!

– И еще… Понимаешь, Одри…

Морин не договорила. Не хотелось взваливать на Лиз лишние проблемы, особенно сейчас.

– Вы поссорились, – догадалась та.

– Ну, вроде того.

– Считай, что я ее не приглашала.

– Ой, нечестно получается! С ней ты дольше знакома, чем со мной.

– Тебе я доверяю, – ответила Лиз.

У Морин потеплело на душе.

– Когда приходить?

В трубке раздался невеселый смешок.

– Да когда угодно. Я весь день дома.

– В час?

– Прекрасно, давай в час.

Вернувшись в кухню, Морин увидела, что Барри положил на тарелки Данне и Лупе уже приготовленные оладьи и жарит новую порцию. Он встретил Морин вопросительным взглядом.

– Лиз звонила, – объяснила она.

– Все в порядке?

– Да. Приглашает меня сегодня в гости. Девочки, вас тоже зовут. Кажется, ей получше.

– Твоя подруга? – спросила Данна, отпивая апельсиновый сок.

– Одна из немногих. Это ее мужа убили – ну, мы рассказывали.

– О!

Барри кивнул.

– Она свой человек.

– От их дома совершенно чудесный вид, – не удержавшись,

прибавила Морин. – Хотя бы ради этого стоит пройтись.

Барри передал ей лопаточку, уступая место у плиты.

– Значит, у нее все в норме?

– Вроде да. Надеюсь. – Морин немного помолчала. – Она передумала приглашать Одри, но, насколько я поняла, там будет Тина.

– Ты думаешь, это ничего?

– Не знаю. Посмотрим.

После завтрака они отправились гулять по поселку. Барри и Морин показали друзьям бассейн, клуб и особняк председателя.

Чак взял с собой ручную видеокамеру и снимал все подряд, а особенно подробно, с увеличением, заснял председательский дом, заметив:

– Надо бы узнать, где живут другие члены правления. Понаблюдать за ними с пристрастием – не нарушают ли они свои собственные правила. Если найдем хоть малейшую зацепку, мы этих уродов припрем к стенке.

– Ребята, как хорошо, что вы приехали! – засмеялась Морин.

– Два ума хорошо, а семь лучше!

На ланч перекусили бутербродами и салатом. После еды Морин отправила Барри мыть посуду, а сама пошла краситься и причесываться.

– Не передумала брать нас с собой? – спросила Данна. – А то мы вполне можем и здесь посидеть…

– Да мы ненадолго, не волнуйся. Будет весело.

– Идти опять пешком?

– Считай, что у нас оздоровительные каникулы, – сказала ей Лупе. – Солнце, физкультура… Вернемся в Калифорнию стройными и загорелыми!

– Ну, если так посмотреть…

Они попрощались с мужьями. Барри велел Морин передавать от него привет Лиз. Одолев крутой склон, подруги основательно запыхались. Возле дома Лиз их уже ждала Тина, прячась от зноя в реденькой тени ивы.

– Я увидела, что вы идете, – сказала она.

Морин не могла решить, как к ней теперь относиться. На отчетно-выборном собрании Тина была заодно с толпой, словно и не осуждала никогда ассоциацию. И ни слова не сказала, когда их с Барри выгоняли. А сейчас приветливо здоровается…

По крайней мере, не бросила Лиз в беде – это тоже что-нибудь да значит.

Может быть, на собрании она просто поддалась общему настроению…

Морин кивнула в ответ.

– Ты уже видела Лиз?

– Я подумала, что дучше зайти вместе.

– Страшновато, да?

– Ее звонок меня застал врасплох, – призналась Тина. – Хотя послушать ее – все совсем по-старому.

– Мне тоже так показалось.

– Она и на собрании была вроде в норме, но я не успела с ней поговорить до начала, а потом она сразу ушла…

Тина замолчала. Ей явно было неловко вспоминать о собрании. Кашлянув, она улыбнулась Данне и Лупе.

– Здравствуйте!

– Ох, прости, я вас не познакомила… Это Лупе Малленз и Данна Карлин из Калифорнии, мы с ними давно дружим. А это Тина Стюарт.

После обмена приветствиями Морин хотела предложить всем идти в дом, но тут Лиз сама вышла им навстречу. Странно было видеть ее под открытым небом – так долго она пряталась от всех. Странно и радостно. Морин бросилась к ней и порывисто обняла, шепнув на ухо:

– Как хорошо, что ты снова с нами!

– Я никуда и не уезжала, – засмеялась Лиз.

Морин снова представила своих подруг, а потом Лиз пригласила всех в дом.

– Идемте скорее, пока совсем не расплавились! Я приготовила фруктовый чай со льдом. А если кому хочется, есть и вино. Я сама пока воздерживаюсь, – прибавила она, помолчав.

Должно быть, удивление Морин было видно по лицу.

– Пойдем, расскажу подробнее.

В доме все было точно так же, как раньше. Морин сама не знала, что ожидала увидеть, но все-таки обычно после смерти близкого человека люди убирают особенно памятные вещи и фотографии, чтобы не расстраиваться каждый раз, глядя на них, – или наоборот, помещают их на почетное место. Здесь же убирать было нечего.

Лиз налила всем чаю со льдом и в самом деле объяснила, почему запретила себе пить вино. Она рассказала, в каком аду жила, терзаясь горем по внезапно умершему мужу, да еще и ассоциация не давала ей покоя. Лиз начала пить не столько чтобы прогнать мучительные воспоминания, сколько чтобы заглушить ночные шумы и голоса. Всего несколько дней назад она собралась с силами и справилась с отчаянием.

Все долго молчали. Морин крепко стиснула руку Лиз.

Лиз посмотрела на нее, потом на Тину.

– Вы мне невероятно помогли. И Одри с Мойрой тоже. Я знаю, вы не получали от меня никакого отклика, но для меня ваша поддержка значила очень много. Каждый раз, когда вы стучались в дверь или звонили по телефону, я вспоминала, что не совсем одна. Только это и помогло мне выбраться из ямы, а то я закапывалась все глубже и глубже.

Данна смущенно отвела глаза. Лупе сочувственно улыбалась.

Лиз вытерла слезы.

– Ну, хватит себя жалеть! Расскажите лучше последние сплетни. Хочу знать, что происходит в мире.

Тина вывалила целый ворох новостей – кто в поселке с кем поссорился, кто потерял или сменил работу, какой новый дом построили на Еловой улице; но, в конце концов, как всегда и бывало, речь снова зашла об ассоциации. Тина первой подняла тему об ухудшении отношений между Бонита-Вистой и Корбаном. Морин удивило, что Тина во всем винит ассоциацию. А на собрании вместе со всеми тянула руку в поддержку Джаспера Колхауна и нового устава…

Не зря говорится: верь не словам, а делам. Здесь, в тесной дружеской компании, Тина высказывает крамольные мысли, а на самом деле она заодно с ассоциацией.

Что, если Тина специально пришла послушать, а потом побежит с доносом в правление?

А то и вообще записывает разговор на скрытую камеру, в назидание потомкам…

Совсем недавно Морин упрекала Барри и Рэя в том, что они поддались паранойе, а сейчас понимала, что для паранойи есть все основания.

Лиз поморщилась.

– Так мы скоро будем вовсе отрезаны от города. И что тогда? Ассоциация откроет собственный универмаг в поселке? И автозаправку заодно, и электростанцию построит?

– Вряд ли до этого дойдет, – отозвалась Тина. – Хотя амбиций им не занимать.

– И все-таки, зачем они злят городских? Чего хотят добиться?

Морин и сама ломала голову над этим вопросом. Все примолкли – ответа ни у кого не было.

Морин первой нарушила затянувшееся молчание.

– Кстати, об ассоциации… Кажется, на каком-то из ваших вечеров была пара геев? Одного звали Пат, если я правильно запомнила.

Лиз, помрачнев, кивнула:

– Пат и Уэйн. Их больше нет.

– Я вот о чем хотела спросить: мы тут вчера штудировали

устав… Один из пунктов запрещает однополые отношения и совместное проживание вне брака?

– Да.

– Их больше нет? – переспросила Морин.

До нее только сейчас дошло, какое именно выражение употребила Лиз.

– Исчезли из поселка. Дом не тронут, и вся одежда на месте, а их нет. – Лиз понизила голос, как будто боялась, что их подслушивают. – Здесь такое случается.

Морин вспомнила пустые дома в поселке – она-то думала, что их владельцы приезжают в Бонита-Висту только на лето. Сейчас она представила себе заросшие плесенью продукты в холодильнике, слой пыли на столах, накрытых к обеду… Мирный живописный поселок вдруг показался совсем не таким приветливым.

– Что касается запрета на внебрачные связи, несколько пар с его помощью заставили пожениться.

– Ты шутишь!

– Правда, – подтвердила Тина. – Вот Дженни и Скайлар Уэллсы много лет жили вместе в Финиксе и не оформляли отношения. А как приехали сюда, им слегка намекнули, и они на следующий же день пошли к мировому судье и расписались.

– Намекнули?

– Они не любят распространяться об этом, – промолвила Лиз.

Лупе кашлянула.

– А правило против расовых меньшинств… Оно строго соблюдается? Мое латиноамериканское происхождение, например, издалека заметно. Что, если я захочу здесь поселиться?

– Хотите знать правду? – спросила Лиз.

– Конечно!

– Я бы на вашем месте не стала покупать дом в Бонита-Висте. По закону, конечно, дискриминация на национальной почве запрещена, и если их кто-нибудь привлечет к суду, наверняка этот пункт из устава придется исключить. – Лиз снова понизила голос. – Но пока никто не пробовал.

Морин в ее словах послышался зловещий оттенок. По спине побежали мурашки. Во рту пересохло, и Морин поскорее отхлебнула чая.

– А раньше здесь жили не только белые?

– Был один человек, белый, холостой, купил дом на Пихтовом кольце. Приезжал только летом, недели на две, и то не каждый год. Дом покрасить, участок расчистить – все предписания выполнял. Потом женился и приехал сюда с женой, вьетнамкой. Два дня спустя уехал, а через неделю дом выставили на продажу.

Больше мы его не видели.

– Любопытно, чем его напугали? – спросила Лупе. – Пригрозили штрафом?

– Наверняка тут было что-нибудь посерьезней.

– И больше здесь никогда не жили люди других рас? – спросила Морин.

– Устав не позволяет им покупать дома в Бонита-Висте. Впрочем, если ты заметила, штат Юта вообще не блещет разнообразием расового состава.

Все рассмеялись, и только Лиз еще больше посерьезнела.

– Понимаете, Лупе, это правило применяется не только к жителям поселка. Не хочу вас пугать…

– Я не из пугливых, – ответила Лупе.

– …но, с точки зрения ассоциации, правило относится и к гостям. У наших друзей… муж и жена Маротта – Морин, ты их наверняка встречала у нас… Так вот, у кого-то из них то ли брат, то ли еще какой-то родственник женился на чернокожей. Года два назад они приехали на День благодарения. На следующее утро эту его жену нашли в снегу возле дома, раздетую догола и почти замерзшую в снегу. Говорят, она сильно плакала. Не знаю точно, что с ней случилось. Тони и Джулия до сих пор отказываются рассказывать. И они больше не отмечают День благодарения.

– Пусть только сунутся к нам с Джереми – пожалеют, что на свет родились! – Лупе решительно выпятила подбородок.

– Вы молодец, храбрая! – отозвалась Лиз. – Только, боюсь, когда имеешь дело с ассоциацией, мало быть храброй.

Двадцать минут спустя Морин, Лупе и Данна отправились домой. Им было о чем поговорить. Никому не хотелось веселиться, как по дороге сюда. Морин уже не могла радоваться за Лиз. Навалилось уныние, на душе стало пусто и холодно.

Лиз стояла рядом с Тиной в полутемном зале клуба. Ей было стыдно. Члены правления во главе с Джаспером Колхауном просматривали на экране запись их разговора с Морин и ее калифорнийскими подругами.

– Прекрасно! – одобрил Колхаун. – Вы обе хорошо послужили Бонита-Висте.

– Спасибо! – радостно ответила Тина.

Лиз промолчала.

– Элизабет? – окликнул Колхаун.

Хорошо, что в темноте не видно, как слезы катятся по щекам.

И еще хорошо, что Рэй не дожил до этого дня.

Барри по совету Джереми засел изучать новое издание устава.

Он, конечно, и раньше заглядывал в УАД, особенно после собрания. Искал зацепки, какие-нибудь лазейки… Но сейчас страницы устава выглядели по-другому. Появились новые правила, которых Барри не мог вспомнить, хотя очень старался уверить себя, что просто его подводит память. Столько всего в последнее время навалилось! Да и разве в человеческих силах запомнить каждую закорючку в таком громадном документе? Однако про себя Барри понимал, что все это – самообман.

Устав изменился.

Выходит, либо кто-то пробрался в дом и подменил экземпляр устава, либо страницы меняются сами собой – на них волшебным образом возникают новые пункты и параграфы.

И то и другое совершенно невероятно.

И тем не менее, Барри не мог исключить ни того, ни другого, что само по себе показательно.

Запись «Эмерсон, Лейк энд Палмер», которую они слушали, закончилась, и Чак, сказав: «Погодите минуту!» – побежал к своей машине. Он привез целую кучу новых компакт-дисков, и среди них альбом Тома Уэйтса – Барри о нем читал, а послушать еще не было возможности. Вернувшись, Чак бросил Барри футляр с диском и отрапортовал:

– Перед домом какой-то тип с планшетом, высокий, худой, что-то пишет. Увидел меня – сразу ушел. Явно следил за нами.

– Нил Кэмпбелл, – кивнул Барри. – Прихвостень ассоциации.

– Они знают, что мы здесь, – сухо заметил Джереми.

– Вот и хорошо! – Дилан, скалясь во весь рот, высунул голову в окно. – Эй вы, ублюдки, мы вам надерем задницу!

– Детский сад, – прокомментировал Барри, хотя в глубине души был в восторге.

Хорошо, когда рядом друзья – люди из внешнего мира. Им-то можно говорить и делать, что захочется, совершенно безнаказанно.

Они уже дважды просмотрели записи, сделанные Чаком в поселке. Искали нарушения, но, изучив устав от корки до корки, так ничего полезного и не нашли. Барри выключил телевизор, перевел стереосистему на режим проигрывателя компакт-дисков и поставил Тома Уэйтса. Прибавил звук, улыбаясь хрипловатому баритону.

– А что это мы в доме сидим? Пошли наверх, на террасу, там и обсудим стратегию. Давайте любоваться пейзажами, ради них и дом купили.

– Точно, будет весело! – Дилан зевнул и потянулся. – Кстати, где та лесная тропинка, при которой ваш уродец обитает?

– Культя?

– Угу.

– Идем, покажу.

Барри повел приятеля на верхний этаж и через раздвижную стеклянную дверь вышел на террасу.

– Примерно вон там. – Он показал пальцем. – Первый поворот направо и еще немного пройти. Тропинка будет по правую руку. Там указатели стоят, не пропустишь.

Дилан кивнул и ухмыльнулся.

– Прогуляюсь, пожалуй…

Барри замялся, не зная, как потактичней сформулировать свою мысль.

– Там особого веселья-то нет… Культя, то есть Кенни… Честно говоря, страшновато на него смотреть.

– Думаешь, я девчонка трусливая?

Барри не смог сдержать улыбку.

– А кто ж?

Дилан расхохотался:

– Не волнуйся за меня, чувак!

– Дил, я серьезно. Пока мы тут в уютном доме сидим и языками чешем – все очень мило и увлекательно; а когда идешь один по лесу и вдруг слышишь, как Культя… то есть Кенни ползет к тебе через кусты – жуть берет.

– Классно!

– Возьми за компанию Джереми. Или Чака.

– Черта с два! И тебя тоже не возьму. – Он хлопнул Барри по плечу. – Не боись, если вдруг обделаюсь – у меня запасные трусы с собой.

Дилан вернулся в дом, переобуться. Барри облокотился о перила. Стоял, смотрел на сосны и слушал музыку. Вскоре к нему присоединились Чак и Джереми.

– Хороший альбом, – сказал Барри.

Чак кивнул.

Внизу хлопнула дверь. Через полминуты Дилан появился на дороге. Друзья проорали ему что-то нецензурное, а он в ответ показал им средний палец.

– Как думаешь, красавец в костюмчике прячется в кустах и все подробно записывает? – спросил, усмехаясь, Чак.

Барри засмеялся.

– Наверняка полный отчет представит! Я еще получу строгий выговор и рекомендацию прослушать курс речевого этикета.

– Рекомендацию? – выгнув бровь, повторил Джереми.

– Приказ, – поправился Барри. – Чтоб их, мне уже присылали нарекания, что слишком громкую музыку слушаю. Знаете какую? Джони Митчелл!

– Джони Митчелл? – заржал Чак. – От Тома Уэйтса они совсем с ума сойдут!

– Будь спокоен, мне это еще припомнят.

Вскоре вернулись жены – Барри сразу это понял, потому что музыка внезапно смолкла. Барри, Чак и Джереми пошли к ним, и Морин пересказала то, что узнала от Лиз и Тины.

– Здесь свои законы. Все свое – и судьи, и присяжные, и палач.

Джереми серьезно кивнул.

– Они, похоже, вообразили себя правительством какого-то мини-государства, со всеми вытекающими… Да хоть бы суд сто раз их поддерживал, это не дает им права преследовать людей!

– И убивать, – добавил Барри.

– Само собой. Вот что я считаю: надо составить список нападений с точными датами, обратиться к местным властям с требованием завести уголовное дело…

– А толку?

– Дай договорить. Затем пойдем выше по инстанциям, вплоть до федерального уровня. Подадим в Министерство юстиции заявление о дискриминации. Одновременно начнем дело в гражданском суде – групповой иск о защите прав всех нынешних или бывших жителей поселка, подвергавшихся психологическому запугиванию и угрозам физической расправы.

Лупе согласно закивала. Барри тоже не мог не признать, что в словах Джереми есть смысл.

– Поведем наступление сразу по всем фронтам. Такую лавину повесток обрушим на этих уродов, что они не будут знать, в какую сторону кинуться. Только нужно выработать конкретную стратегию. Этот Кенни Толкин, которому руки-ноги поотрубали… Можно его как-нибудь вывезти отсюда, показать фэбээровцам, или кому там еще?

Барри решительно кивнул.

– В крайнем случае, отловим его вчетвером и запихаем в машину.

– А по своей воле он не поедет?

– Вряд ли он поймет. У него… с мозгами тоже что-то не в порядке. Наверное, от шока. И общаться он не может без языка. Просто не знаю, как к нему подступиться.

– Нельзя же просто его похитить!

– У меня видеокамера есть, – напомнил Чак. – Запишем его на пленку.

– Хорошая мысль, – согласился Джереми. – Вот этим и надо заняться в ближайшие дни. Точно выяснить, что творила ассоциация, задокументировать как положено и набросать общий

план заявлений по уголовным и гражданским искам.

Барри с Морин переглянулись. Лица обоих сияли надеждой. Джереми не просто параноик, он еще и упорный, и дотошный – прекрасные качества для юриста и бойца.

Лупе направилась к уборной, пояснив:

– Слишком много холодного чая.

– Это точно! – воскликнула Данна и побежала вниз по лестнице ко второму санузлу.

– Можно попользоваться твоим компьютером? – спросил Барри.

– Да на здоровье! – улыбнулась Морин. – Ради хорошего дела ничего не жалко.

– Джереми, может, набросаешь примерный план, какие сведения нам нужны? – предложил Барри. – Что смогу, расскажу тебе сразу, а пробелы заполним после.

Друзья отправились в рабочий кабинет Морин, а она сама заняла очередь возле уборной, дожидаясь, пока оттуда выйдет Лупе.

– Да, чаю было и вправду многовато…

Барри очень хорошо объяснил дорогу. Скоро Дилан уже шагал по узкой тропинке среди высоких сосен и густых кустов.

Как это называется – ложбина, лощина? Дилан был не силен в ландшафтной терминологии. Во всяком случае, тропинка вилась меж двух крутых, поросших лесом склонов. Из зарослей тянуло сыростью. Впереди на ветке пронзительно кричала какая-то нахальная птица, а когда он подошел ближе, взлетела, шумно хлопая крыльями. Сойка.

Тропинка уводила все дальше от дома Барри и застроенных улиц, на неизведанную территорию. Кто знает, насколько далеко она уходит в лес…

Где калека-то?

Надо было спросить Барри, далеко ли идти. Сколько он уже тут бродит – пять, шесть минут? А сколько надо – десять? Двадцать? Тридцать? Тропинка нырнула круто вниз, пересекла высохшее русло ручья и дальше пошла вдоль подножия утеса с отвесными склонами. Сосны росли здесь между громадных валунов. Тропинка вдруг раздвоилась.

Дилан остановился. Он устал и заскучал.

– Культя! – заорал он.

Пискнула еще какая-то птица. Больше никто не отозвался.

– Есть кто живой?

Тишина.

– У меня здоровенный член! – прокричал Дилан.

Потом уставился на расходящиеся в разные стороны тропинки. Правая вела на вершину холма, где вовсю палило солнце. Левая спускалась в очередную низину, или овраг, или как его там. Не повернуть ли назад? Нет, больно хочется посмотреть на уродца. Можно потратить еще минут десять. Да и не сидеть же до вечера, слушая, как Барри и Джереми разбирают по буковке дурацкий устав?

Дилан свернул налево и тут же окунулся в сырую прохладу. Кусты и деревья тесно обступили тропу, заслоняя солнце. Он перешел на бег трусцой, то и дело выкривая: «Ау!» – в надежде выманить из укрытия Культю, или Кенни, или как его там.

Впереди за деревьями ему почудилось что-то вроде здания. Дилан сбавил ход, тяжело переводя дух. Из-за непривычно разреженного воздуха он уже запыхался.

В самом деле, здание, длинное, приземистое, сложено из бревен и местного камня и удачно сливается с окружающим лесом. Не заметишь, пока не подойдешь вплотную.

Дилану стало не по себе. Вдруг вспомнились предостережения Барри, и строение в глухом лесу показалось очень подозрительным.

Может, здесь Культя и живет?

А может, здесь его создали?

Инстинкт подсказывал повернуться и бежать, но адреналин толкал вперед, к темному зданию за темными стволами. Надо разведать, он ведь для этого и пришел сюда.

Дилан медленно двинулся вперед, высматривая малейшие признаки жизни. Кричать «ау» он перестал. Незачем сообщать о себе, лучше тихо и незаметно разнюхать, что да как. Сойдя с тропинки, он крался к дому через кусты, стараясь не наступать на сухие ветки и прутики и вообще не шуметь. В обращенной к нему стене не было ни одного окна. Дилан, описав широкую дугу, зашел с другого бока и обрадовался, увидев распахнутую дверь.

Пробравшись сквозь густые заросли кустов и едва не вскрикнув, когда в ногу впился обломанный сучок, он вышел на открытое место перед зданием. Вблизи еще сильнее поражала его слитность с окружающим пейзажем. Словно оно само собой из земли выросло! Дилан вдруг заметил, как здесь тихо. Ни птичьего писка, ни шуршания ящерок в траве. Полное безмолвие.

Он осторожно шагнул вперед. Хруст мелких камешков под ногами оглушал.

Похоже на какое-то общежитие. Вот-вот из темного дверного проема с визгом выскочит Культя… то есть Кенни. Нет, никого не видно. Кажется, тут кругом ни души, кроме самого Дилана, и это

радовало. Он сам удивился своей реакции. Зачем он вообще сюда притащился? Дилан не мог этого объяснить, он просто знал, что должен заглянуть внутрь загадочного здания. Черт с ним, с калекой, просто необходимо выяснить, что там.

Он подошел к двери. Всю внутренность дома занимала одна большая комната без окон. В глубине ее тускло светила старомодная керосиновая лампа.

Сколько ни всматривался Дилан, толком разглядеть ничего не мог. Он шагнул внутрь и остановился у порога, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте.

Это в самом деле было общежитие. Узенькие койки вдоль стен были все заняты. Дилан рывком развернулся, чтобы броситься бежать, – и тут ему на плечо легла чья-то сильная рука. Обернувшись, он оказался лицом к лицу с высоким немолодым человеком. У человека не было ушей.

Дилана уже держали за другое плечо, за обе руки, за горло. С коек вставали люди и двигались к нему.

Многие хромали. В слабом свете из раскрытой двери Дилан увидел, что у каждого не хватает руки или ноги.

Он рванулся, но похитители держали крепко.

Похитители?

Дилан забился, лягаясь и мотая головой, попробовал вырвать руку и врезать тому, высокому. Все молчали. В темном помещении слышны были только тяжелое дыхание Дилана и шарканье ног по дощатому полу. Стало по-настоящему страшно.

Хватка на левой руке на секунду ослабла – того, кто держал Дилана, толкнул, приближаясь, человек без пальцев. Дилан, воспользовавшись случаем, выдернул наконец руку и вцепился в лицо высокого. Он почти освободился, однако горло стиснули сильнее, он пошатнулся и чуть не упал.

– Черт… – прохрипел Дилан.

И тут на него навалились всем скопом.

Когда Дилан пришел в себя, оказалось, что рот ему заткнули тряпкой, а сам он связан и пристегнут ремнями и цепями к какой-то плоской поверхности – судя по ощущениям, к металлическому столу. Он знал, что находится не в общежитии, но понятия не имел, куда его перенесли. Попробовал повернуть голову – сперва вправо, потом влево. Сквозь опухшие веки разглядеть ничего не удавалось, все застилали темные пятна. Постепенно мозг приноровился к непривычному углу зрения и сложил разрозненные зрительные сигналы в более или менее четкую картинку. Почти вплотную – каменная стена. Рядом с ним на столе лежали старый, явно часто использовавшийся нож-мачете,

молоток, упаковка гвоздей и ржавая электропила.

К столу подошла женщина в заляпанных джинсах и рваной окровавленной футболке. На шее у нее болтались защитные очки из желтоватого пластика.

– Из этих, гостей? – спросила она.

Ей ответил старик – странный тип с сухой пергаментной кожей и лицом, вызывающим в памяти грим из фильма ужасов.

– Да, – произнес он властным голосом человека, привыкшего отдавать приказы.

– Как будем действовать?

Старик пренебрежительно посмотрел на Дилана.

– Для начала – кисти рук и ступни. А там посмотрим.

– Ясно.

Женщина нацепила защитные очки.

Зажужжала электропила. Дилан придушенно закричал сквозь кляп.

Прошел час, а Дилан все не возвращался. Барри начал слегка беспокоиться.

Через два часа беспокойство перешло в страх – знакомый, почти привычный. Барри позвал с собой Джереми и Чака. Втроем они отправились на поиски друга.

Прошли по тропе от начала до конца, проверили все развилки, встретили по дороге пару бегающих трусцой солидных молодых людей и одну старушку.

Дилана они так и не нашли.

Уже в сумерках вернулись домой, усталые, злые и растерянные. Жены встречали на пороге. Одного взгляда на их лица хватило, чтобы понять, что и здесь Дилан не появлялся.

Когда все вошли в дом, Барри тщательно запер дверь. Морин пошла наверх за напитками.

Джереми выразил вслух общую мысль:

– Думаешь, его захватила ассоциация?

– Он хотел найти того безрукого-безногого? – спросила Данна.

Барри помотал головой.

– Культя… Кенни не мог ему ничего сделать. Он, конечно, жуткий, но ни что не способен. Деснами, что ли, зажевать кого-нибудь до смерти? А с крепким парнем, как наш Дилан, ему и вовсе не справиться.

– Значит, справился кто-то другой, – кивнул Джереми. – И, возможно, не один. Если сидеть на месте и гадать, толку не будет.

Барри посмотрел на него.

– Позвонишь шерифу Хитмэну или лучше я?

– Сам позвоню этому уроду.

Джереми набрал девять-один-один и стал ждать ответа.

Ждал он долго.

Со второго раза ему ответили. Джереми попросил позвать к телефону шерифа, а когда его стали расспрашивать, с чего такая срочность, он «включил юриста» и самым официальным тоном разнес в пух и прах отвечавшего. Тот струсил и все-таки перевел звонок на шерифа.

Барри не сдержал улыбку. Джереми в боевом режиме – редкостное и прекрасное зрелище. В который раз Барри порадовался, что у него такой друг.

Впрочем, на Хитмэна словесная пиротехника Джереми не подействовала совершенно. Даже слыша только половину диалога, Барри понял, к чему идет дело. Знакомая песня: Хитмэн не уполномочен вмешиваться в дела ассоциации, его не касаются внутренние конфликты Бонита-Висты; со всеми претензиями обращаться следует в правление.

– Черт подери! – рявкнул Джереми, нажав кнопку отбоя и с треском шмякнув телефон на стол. – Чем они его держат, этого шерифа? У них есть видеозапись, где он в постели со свиньей? Как может сотрудник правоохранительных органов вести себя настолько безответственно? Он же, дьявол бы его побрал, просто не делает свою работу! И ни капли не стыдится!

– Вот и мы всё гадаем, чем они на него давят, – отозвалась Морин.

– Я этого так не оставлю! Хитмэн то ли куплен, то ли чудовищно некомпетентен. Я на него в суд подам за преступную халатность и неисполнение прямых служебных обязанностей! Он у меня не отвертится!

Барри молчал. Надежда постепенно таяла. Джереми, конечно, хитроумный противник, но ассоциация – это неумолимая сила, сметающая все на своем пути.

– Что делать-то будем? – спросил Чак.

Барри тяжело вздохнул.

– Наверное, подождем до утра.

Он выглянул в окно, словно ждал, что на дороге вот-вот покажется Дилан. Но там только проехал «БМВ», набитый развеселыми юнцами. Водитель громко просигналил и завопил на всю улицу: «Твоя мать в аду чертей обслуживает!»

Барри проснулся в шесть. Морин еще спала, и, судя по тишине в доме, все остальные тоже. Сам он ночью спал крепко, но его мучили плохие сны. Барри был рад, что проснулся. Тихонько, чтобы не разбудить Морин, выбрался из постели и спустился вниз в халате и тапочках.

Он шел на цыпочках, опасаясь по дороге на кухню потревожить Чака и Данну, однако в слабом утреннем свете различил сложенный диван. Простыни и подушки так и лежали аккуратной стопочкой.

Барри включил свет и, хмурясь, обошел весь дом. Дверь в гостевую спальню была заперта – очевидно, Джереми и Лупе были на месте. Зато в обеих ванных комнатах, и на нижнем, и на верхнем этажах, двери стояли нараспашку. И в кухне не нашлось использованной посуды, даже просто стаканов для воды. Он выглянул в окно, но во дворе тоже никого не увидел.

Чак и Данна исчезли.

Должно быть, пошли прогуляться, уговаривал сам себя Барри. Собрали постельное белье, сложили диван и вышли размяться перед завтраком. Однако в глубине души его грызло сомнение. Хотелось разбудить всех в доме и немедленно бежать на поиски.

Барри прогнал эти мысли. Нельзя поддаваться панике! Если допустить, что с друзьями что-то случилось, придется признать и другое – что кто-то ночью проник к ним в дом, а этого Барри себе позволить не мог. Слишком страшно. Особенно после вчерашнего.

Конечно, это страусиная политика, но внутри у Барри, как видно, что-то надломилось. Чувство справедливости, или собственного достоинства, или ответственности. Он сумел себя убедить, что ничего плохого не произошло. Совершенно искренне поверил, что Чак и Данна просто рано встали и отправились на прогулку по окрестностям.

Мало-помалу проснулись остальные. Барри, молча сидевший в гостиной, пошел на кухню варить кофе. Скоро туда же пришла Морин, за ней – Джереми и Лупе.

Все спрашивали, где Чак и Данна. Барри только отмахивался – не знает он, куда они делись. Когда проснулся, их уже не было. Наверное, гуляют. Хотят подышать свежим воздухом после вчерашних треволнений.

– Ну конечно! – возмутилась Морин. – Наверняка пошли Дилана искать.

Барри даже отвечать не стал.

Они позавтракали в молчании. Тишину нарушали только фальшиво-бодрые голоса телевизионных дикторов и хруст кукурузных хлопьев.

– Кому мы голову морочим? – спросил вдруг Джереми, откладывая ложку. – Долго еще будем делать вид, будто ждем, что они вернутся?

– А кто сказал, что не вернутся? – упрямо возразил Барри. – Не надо делать поспешных выводов.

– Они бы не уехали, ничего нам не сказав, – настаивал

Джереми. – С ними что-то случилось.

Лупе встала и, перегнувшись через перила, заглянула в гостиную.

– Их чемоданов нет на месте.

Барри подошел к ней, посмотрел. Точно: дорожная сумка Чака исчезла, и двух небольших чемоданов Данны тоже не было видно. Как он сам-то не заметил?

– Значит, все-таки уехали, – сказал Барри без особой убежденности. – Решили вернуться домой.

– Как это они уехали без машины? И вообще, зачем им одним уезжать? Предупредили бы нас, мы бы вместе поехали. Что, по-твоему, они автостопом отправились в Калифорнию? Или на такси?

Барри снова посмотрел вниз, на нетронутую постель.

Сначала Дилан.

Теперь Чак и Данна.

Его друзей убирают по очереди.

– Может, нам тоже лучше уехать? – произнесла Лупе.

Барри кивнул, хотя внутри у него все разрывалось на части. Три дня! Всего три дня понадобилось Бонита-Висте, чтобы сломать его самую надежную линию обороны.

И все же в нем еще оставался стальной стержень. Решимость постепенно крепла. Он не сдастся! Как говорилось в фильме «Челюсти. Месть»: на этот раз у меня с ними личные счеты.

Впрочем, его противостояние с ассоциацией с самого начала было личным делом. Барри вспомнил кота Барни, затем убийство человека, напугавшего Морин, вспомнил Рэя… Самое что ни на есть личное дело.

Джереми покачал головой.

– Я не уеду, пока мы не выясним, что с ребятами. Если надо, на целый год здесь останусь, черт побери, но друзей я не брошу!

– Пройдемся по поселку, – предложил Барри. – Может, что-нибудь полезное увидим.

Джереми мрачно кивнул.

– Начнем с председательского дома.

– Пойдешь с ними? – спросила Морин подругу.

Лупе посмотрела на мужа и снова занялась кукурузными хлопьями.

– Я с ней останусь, – сказала Морин.

Барри одним глотком допил кофе и ушел в спальню переобуваться. Когда он вернулся в гостиную, Джереми был уже готов к выходу. Барри отпер все замки и задвижки и открыл входную дверь.

И увидел прицепленный к противомоскитной сетке розовый

листок.

Джереми, открыв сетчатую дверь, сорвал бумажку.

– Официальное извещение, – глухо проговорил он. – Точнее, копия извещения. Стоит галочка против пункта о нарушениях. «Присутствие представителей расовых меньшинств без согласования с правлением ассоциации».

– Вот дерьмо, – отозвался Барри.

Ему вспомнилось письмо, найденное в шкафу.

«Имейте в виду, они за всеми следят».

Барри и Джереми переговаривались вполголоса, но, должно быть, приглушенные голоса сами по себе звучали тревожно. Оглянувшись, он увидел, что Лупе и Морин стоят на нижней ступеньке лестницы и смотрят на них с одинаково испуганными лицами.

Джереми, глядя на свою жену, прочел вслух:

– «Супруга одного из ваших гостей латиноамериканского происхождения. Если нарушение не прекратится, недозволенную пару придется удалить».

– Удалить, – повторил Барри.

– Что это значит?

Барри молча посмотрел на друга.

– О Господи! – дрожащим голосом воскликнула Лупе.

Барри подумал, что она сейчас заплачет, но ее лицо окаменело от гнева. Голос дрожал не от страха, а от ярости.

– Пора проучить этих расистов!

– Я знаю, как это сделать, – отозвался Джереми, сминая в кулаке розовый листок. – Пойдем-ка, навестим мистера Джаспера Колхауна.

Дом председателя сегодня казался еще больше похожим на крепость. Угрюмая серая громада резко контрастировала с зеленым склоном холма. И как только устав разрешает уродовать прекрасный пейзаж!.. Снова холодный ветер взъерошил волосы. Барри поклялся бы, что холодом веет от здания без окон.

– Что за чудовищный домина, – заметил Джереми.

– Не только в буквальном смысле.

– Согласен, но сейчас я просто о том, какой он огромный. Если не ошибаюсь, в уставе оговорены ограничения на размер домов в Бонита-Висте. Хотя, может, дом был построен еще три поколения назад.

– Майк Стюарт говорит, Колхаун живет здесь один. Ни жены, ни детей.

– Зачем тогда ему такой колосс?

Барри не ответил.

Они двинулись вперед по идеально ухоженной дорожке. Миновали яблоню, потом сливу, потом ванночку для птиц. Серебристый «Лексус» перед домом не стоял – можно предположить, что председатель отсутствует, но Джереми и Барри все равно поднялись на крыльцо. Джереми позвонил. Откуда-то из глубины дома донесся приглушенный звонок.

Барри медленно повернул голову, осматриваясь. Двор был пуст и тих.

Джереми позвонил еще раз, и снова никто не отозвался. Стало ясно, что в доме никого нет.

По обе стороны двери были узкие, словно щели, окошки. Барри, заслонив лицо ладонями от солнца, прижался носом к темному стеклу и с трудом разглядел задернутые шторы.

Зачем все-таки Колхауну такой громадный дом?

Пока они шли по дорожке к улице, Барри затылком ощущал давящую тяжесть, словно дом, будто гигантский зверь, припал к земле и готов прыгнуть. Барри еле сдерживался, чтобы не броситься бегом.

Только очутившись на дороге, он вдруг понял, что они оба не произнесли ни слова с тех пор, как ступили во двор Колхауна. Неужели Джереми тоже нервничал? Барри был весь в поту, словно только что разминулся с опасным хищником.

На обратном пути Джереми заговорил первым.

– Ты меня знаешь, я человек толстокожий, но от этого дома жуть берет.

Барри кивнул.

– Как ты думаешь, Дилан там? И Чак с Данной?

– Вряд ли, – ответил Барри и тут же понял, что сказал правду.

Он легко мог представить своих друзей прикованными к стене в каком-нибудь мрачном подвале в недрах председательского дома, но картинка ощущалась нереальной. Наверняка в этом чудовищном строении таятся страшные вещи, век бы о них не знать и не видеть, однако Чака и Данны там нет – и слава богу.

А где же они тогда?

Интуиция твердила, что они уехали из Бонита-Висты – то ли по своей воле, то ли их вывезли насильно, и хотя никаких оснований для такой уверенности не было, Барри высказал ее вслух.

– Я тоже так думаю, – согласился Джереми. – Дилана куда-то увезли, и Чака с Данной, скорее всего, тоже. Не представляю, что такого могло случиться за ночь, чтобы они просто собрали вещи и уехали, ничего нам не сказав. Поначалу я думал, что их похитили

и где-то держат под замком, но ты прав – ассоциации незачем их удерживать. Главная цель – избавиться от них. Избавиться от нас, – поправился он, помолчав.

– Может быть, Лупе права и вам с ней действительно лучше вернуться в Калифорнию, пока чего не случилось.

– Неприятно думать, что мы от них удираем, – ответил Джереми. – И потом, мы же приехали, чтобы вам помочь.

Остаток пути они прошли в молчании, занятые каждый своими мыслями.

– Я все-таки считаю, что самый эффективный способ нападения – через суд, – сказал Джереми, когда они уже подходили к дому. – Даже если ассоциация выиграет дело, все же это большая морока. Им придется нанимать адвоката, опровергать наши обвинения… Потребуется много денег, времени и сил. Может, здешним жителям хоть на время станет полегче.

– И еще, может, мы по ходу дела отыщем какие-нибудь слабые места в их броне.

– Да, пожалуй.

Тут к дому подъехал пикап Майка. Тот выскочил из машины, не выключая мотор, и протянул Барри большой официального вида конверт.

– Велели тебе передать. – Он развел руками, словно оправдываясь. – Я тут ни при чем, я просто курьер. Понятия не имею, что там.

– Кто велел? – спросил Джереми.

– Я просто курьер, – повторил Майк, виновато глядя на Барри, и попятился к своему пикапу.

Морин и Лупе вышли на крыльцо, но не успели и слова сказать, как Майк уже уехал.

– Что там? – спросила Морин.

– Не знаю.

Барри достал из конверта фотографию большого формата. На ней был изображен темнокожий человек, которого пытали какие-то люди, не попавшие в кадр. Снимали явно в Бонита-Висте – на заднем плане виднелся сосновый лес, а за ним – каньоны. И снимали недавно: с левого края на фотографии был виден капот «Хонды Аккорд» новой модели.

С человека заживо сдирали кожу.

Барри в ужасе не мог отвести от снимка глаз. У человека было полностью освежевано плечо. Мокро блестящий алый квадрат обнаженных мышц чудовищно контрастировал с матовой темной кожей. Вытаращенные безумные глаза несчастного смотрели в никуда, разинутый рот искривился в мучительном крике, с губ капала кровь.

У него были выбиты все зубы.

Палачи в снимок не вместились. Видны было только удерживающие жертву две пары рук в резиновых перчатках и голова и плечи человека, стоящего спиной к фотографу с занесенными длинными ножницами.

У Барри пересохло во рту – разом отказали слюнные железы.

Джереми и Лупе мертвенно побелели.

Барри перевернул фотографию. На обороте красными чернилами было выведено: «Исполняется наказание за нарушение статьи IV, раздел 8, параграф D».

Лупе разрыдалась.

Джереми бросился к ней и крепко обнял.

– Извините, – всхлипывала она. – Я просто… извините.

– Да что ты! – отозвалась Морин. – Мы понимаем.

– Наверное, я не такая сильная, как думала.

– Ничего, не расстраивайся, – успокаивал ее Джереми. Затем обернулся к Барри: – Прости, чувак. Война проиграна. Мы уезжаем, сваливаем, делаем ноги. И тебе советуем.

Устав Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Статья IV. Общие положения.

Раздел 8, параграф D:

На территории поселка запрещено проживание лиц, не принадлежащих к белой расе, в силу их склонности к совершению преступлений против личности и собственности.

Джереми сдержал слово.

Он и Лупе уехали еще до полудня, и не успел наступить вечер, как Джереми позвонил Барри с дороги и сказал ожидать визита от ФБР. Лупе вела машину, а Джереми успел сделать множество звонков и задействовал всех своих знакомых, кто был ему хоть чем-нибудь обязан. Его переполняла раскаленная добела ярость – чувство, хорошо знакомое Барри, неизбежный итог общения с ассоциацией домовладельцев. Он добился, чтобы ФБР начало расследование не только по делу об исчезновении Дилана, Чака и Данны, но и по поводу преступного бездействия местных органов охраны правопорядка.

– А теперь наш заветный козырь!

– Что такое? – спросил Барри, невольно заражаясь оптимизмом друга.

– Твой приятель, Кенни Толкин, оказывается, не просто так трепался. Он в самом деле был заметной фигурой в шоу-бизнесе. Говорят, сегодня утром появилась статья в «Таймс» о том, что он

пропал и несколько весьма известных персон сильно о нем беспокоятся. Оказывается, на той неделе у него была назначена встреча с Мадонной, а он так и не явился, что для него крайне необычно. В понедельник он не пришел на встречу с Томом Крузом, а в лос-анджелесском офисе Толкина говорят, что не могут с ним связаться. Тебе надо обязательно это прочесть.

– Мы подписаны на «Таймс», просто сюда она приходит с опозданием на два дня.

– Слишком долго. Я отправлю тебе факс, как только приедем. Короче говоря, когда пропадает человек такого калибра, его начинают искать со всем усердием. Скоро в Бонита-Висту понаедут разные важные шишки.

– Отлично!

– Еще я пришлю тебе по факсу вопросник, надо его заполнить и, если есть возможность, заверить у нотариуса. Я его включу в пакет документов для следствия по делу Толкина. С твоими показаниями они смогут получить ордер на обыск лесной зоны в Бонита-Висте.

Непохоже на Джереми так откровенно рассказывать о своих планах по телефону. В порыве энтузиазма он позабыл о своей всегдашней осторожности. На этот раз пришлось Барри взять на себя роль параноика.

– Ты помнишь, что линия не защищена от прослушки?

– Дьявол! Ты прав, чувак… Прости, увлекся. Остальные соображения я тебе пришлю факсом, вместе со статьей. А у тебя есть новости?

– Никаких.

– Ладно, тогда жди от меня вестей часа через два.

Джереми вдруг замолчал.

– В чем дело? – спросил Барри.

– Да может, это и ерунда, не хочу тебя зря беспокоить…

– Не забывай, что линия…

– Помню, помню. Просто, когда мы проезжали Сент-Джордж, в нас чуть не врезалась какая-то машина. «Инфинити». – Джереми еще немного помолчал. – Мы проезжали мимо нового поселка, охраняемого. Из ворот вылетела машина, мы чуть не столкнулись. Лупе дала по тормозам, та машина прибавила скорость и сразу умчалась.

– Господи боже…

– Выводы делай сам. Больше пока ничего говорить не буду. Из дома перезвоню.

Барри нажал кнопку отбоя и рухнул на диван.

Всего страшнее думать, что ассоциация способна дотянуться до тебя и в других городах, и чуть ли даже не в самой

Калифорнии. Барри всегда воспринимал Бонита-Висту как своеобразный островок и был уверен, что, стоит им отсюда уехать, как они немедленно освободятся от тирании этих деспотов местного масштаба. А теперь ему представилась целая сеть домовладельческих ассоциаций, раскинувшаяся на всю страну. Они помогают друг другу, выслеживают и карают всякого, кто имел несчастье насолить их собратьям. Господи, пусть это будут всего лишь панические измышления, а едва не случившаяся катастрофа – обычная случайность.

Только Барри был в этом совсем не уверен.

И Джереми наверняка тоже.

– Что он сказал? – спросила Морин.

Барри набрал в грудь побольше воздуха и принялся пересказывать.

На следующее утро прибыл агент ФБР по имени Торн Геддес. Он предупредил о своем приезде за час, потом звонил через полчаса и еще через пятнадцать минут. Барри и Морин уже места себе не находили и, как только машина фэбээровца подъехала к дому, бросились открывать.

Процедура знакомства была краткой и сугубо официальной. Фэбээровцу явно хотелось немедленно приступить к расследованию и поскорее его закончить. Сам он производил впечатление хорошего специалиста, а главное – был законным представителем главного правоохранительного органа Соединенных Штатов, обладающего неограниченной властью и возможностями. В душе Барри вновь воскресла надежда.

Геддес сверился с электронным блокнотом.

– Как я понял, Дилан Эндрюс, Чак Карлин и Данна Карлин гостили у вас. Мистер Эндрюс пропал два дня назад, а мистер и миссис Карлин – на следующую ночь. Поскольку у вас были разногласия с ассоциацией, вы подозреваете, что она причастна к исчезновениям. Так?

Барри, переглянувшись с Морин, ответил:

– Так.

– Хорошо. Сейчас я навещу… – Он снова заглянул в свои записи. – …Джаспера Колхауна.

Барри не мог бы точно сказать, чего он ожидал, – во всяком случае, не такого прямолинейного подхода.

– А… можно мне с вами?

– Нет! – воскликнула Морин.

– Если хотите, – сказал Геддес, отключая электронный блокнот.

– Морин, я должен при этом присутствовать.

– Ни за что!

Барри положил ей руки на плечи и заглянул в глаза.

– Ничего со мной не случится. Они не посмеют убить или похитить агента ФБР. Наконец-то я смогу встретиться лицом к лицу с этим подонком.

– Я просто…

– Мне необходимо самому услышать, что он скажет. Увидеть его лицо. Речь идет о наших друзьях. Я… не могу их вот так бросить. Я должен там быть.

Морин глубоко вздохнула.

– Иди.

Фэбээровец кашлянул:

– Вести разговор буду я. А вы можете наблюдать.

– Понял.

Морин поцеловала Барри. Он разжал объятия и шагнул к двери.

– Я знаю, где живет Колхаун. Могу вас отвезти.

– Мы поедем в моей машине, и за рулем буду я, – жестко ответил Геддес. – Вы можете показывать дорогу.

Тут зазвонил телефон. Морин сняла трубку. Барри с фэбээровцем были уже у двери, но вдруг Морин, страшно побледнев, протянула телефон Барри. Рука у нее дрожала.

– Это тебя. Он.

Барри взял трубку и поднес к уху.

– Алло?

– Барри, – произнес знакомый зычный голос Джаспера Колхауна. – Охранник сообщил мне, что к вам приехал представитель федеральных правоохранительных органов. Полагаю, это связано с вашими пропавшими друзьями?

Никто не рассказывал Колхауну о пропавших друзьях. Откуда?..

Хитмэн.

– Да, – ровным голосом ответил Барри.

– В таком случае ассоциация домовладельцев готова оказать всемерную помощь. Я сейчас в клубе. Если представитель следствия по какой-либо причине пожелает со мной встретиться, буду здесь еще около часа.

По какой-либо причине? Чертов Колхаун прекрасно знает, почему с ним хотят поговорить. Барри вдруг вспомнились злодеи из комиксов, воспринимающие жизнь как партию в шахматы – когда их ловят, они затевают хитрые игры, надеясь сбить с толку положительных персонажей.

– Хорошо, – коротко ответил Барри и, повесив трубку, сообщил: – Он в клубе, у подножия холма.

Геддес кивнул:

– Едем.

Колхаун действительно обнаружился в клубе – за тем же председательским столом, что и на ежегодном собрании, словно и не вставал с тех пор. В зале было темно и пусто, стулья убрали, сквозь крохотное квадратное окошко-люк в потолке сочился тусклый сероватый свет. Колхаун сидел совершенно неподвижно. Барри не мог себе представить, что он здесь делает в полном одиночестве.

Не успели они дойти до середины зала, как зажегся свет. Председатель встал, обошел вокруг стола и спустился с возвышения. Он протянул агенту руку, широко и фальшиво улыбаясь.

– Я – Джаспер Колхаун, председатель правления Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Они с Геддесом обменялись рукопожатием. Барри заново поразила удивительная, почти нечеловеческая внешность Колхауна. Он очень надеялся, что и фэбээровец обратил на это внимание.

Геддес держался по-прежнему деловито, не пускаясь в светские разговоры; после пары предварительных реплик раскрыл электронный блокнот и начал задавать вопросы.

Надо отдать Колхауну должное – подготовился он хорошо. Для начала председатель заявил, что ничего не знает о происшествиях, упомянутых агентом, и подробно отчитался, где находились и чем занимались он сам и другие члены правления, затем изъявил готовность предоставить видеозаписи с камер наблюдения, подтверждающие его слова, а под конец взял со стола стопку каких-то графиков и принялся рассказывать, как низок уровень преступности в Бонита-Висте.

– Я не меньше вас хотел бы прояснить эту ситуацию, – с жаром заявил Колхаун. – Преступление, тем более нераскрытое, бросает тень на безупречную репутацию поселка. Откровенно говоря, в мои обязанности как члена правления входят возмещение ущерба и поддержание связей с общественностью. То, что случилось, для нас – настоящий кошмар. Уверен, мистер Уэлч подтвердит, что жизнь в Бонита-Висте совершенно безопасна, этого от нас ожидают и постоянные жители, и гости поселка. Насколько мне известно, мистер Уэлч и его супруга по личному опыту знают, как быстро и эффективно мы пресекаем любые правонарушения. Миссис Уэлч беспокоил один бродяга, ранее работавший в поселке. Двое сотрудников нашей комиссии по безопасности задержали хулигана до тех пор, пока не приехал шериф и не арестовал его. Ассоциация готова была выступить

заявителем в уголовном деле, чтобы миссис Уэлч не пришлось давать показания в суде и снова встречаться с этим человеком. Вот пример нашей постоянной заботы о жителях Бонита-Висты! Как видите, мы готовы на многое пойти, чтобы защитить свою репутацию.

Речь Колхауна звучала невероятно убедительно. Черт возьми, Барри и сам бы поверил, если бы не знал, как дело обстоит в действительности.

– Речь идет не об одном отдельном преступнике, – сказал Барри. – Мы подвергались преследованиям со стороны самой ассоциации. Вы со своими дружками запугивали нас, донимали штрафами, перекрасили наш дом и перекопали сад!

Председатель сочувственно улыбнулся.

Барри нацелил на него палец.

– Вы отрицаете, что в уставе имеется запрет на пребывание в поселке представителей расовых меньшинств? И что вы назначили нам штраф за нарушение этого запрета?

– Каждая ассоциация домовладельцев устанавливает свои правила, и жители обязаны их соблюдать.

– Даже если эти правила незаконны, поскольку связаны с дискриминацией по расовому признаку?

Колхаун посмотрел на фэбээровца.

– Жизнь в коттеджном поселке имеет свои особенности, особенно если этот поселок не подпадает под юрисдикцию города или округа. Ассоциация вынуждена обеспечивать жителям те услуги, которые обычно предоставляют государственные организации, в том числе и по обеспечению безопасности. Агент Геддес, вы хоть немного знакомы с тем, как функционируют ассоциации домовладельцев?

– Я сам живу в охраняемом коттеджном поселке, – признался Геддес.

– Нравится?

– Нигде больше жить не хотел бы.

Колхаун кивнул.

– Значит, вы понимаете, о чем я говорю. – Председатель сниходительно улыбнулся Барри. – Я первым готов признать, что такой образ жизни подходит не всем. Кое-кто болезненно реагирует на наши строгие требования. Что поделаешь, ассоциация обязана поддерживать высокий уровень ради блага всего поселка. Однако делать из этого вывод, будто мы занимаемся похищением людей или еще какой-то противозаконной деятельностью, просто смешно.

Барри хотелось сказать еще многое, но Геддес уже закрыл блокнот, жестом велел Барри замолчать, поблагодарил Колхауна

и двинулся к двери.

Когда они выходили, свет в зале погас. Обернувшись, Барри увидел, что Колхаун снова сидит за столом точно в той же позе, что и раньше.

Дрожь пробирала от этого зрелища.

– Ну что? – спросил Барри, как только за ними закрылась дверь.

Он не мог не спросить, хотя уже догадывался, каким будет ответ.

– Я буду рекомендовать следствию, – сказал Геддес, – сосредоточить усилия на поиске преступника или преступной группы лиц со стороны. Возможно, это люди, у которых есть причины желать зла вашим друзьям. По моему мнению, мистер Колхаун никоим образом не замешан в их исчезновении – если исчезновение в самом деле имело место, – и я не склонен думать, что ассоциация домовладельцев вашего поселка совершала или принимала участие в совершении каких-либо преступлений.

– Они…

Агент жестом остановил его.

– Я понимаю вашу неприязнь к ассоциации, но, по-моему, она мешает вам трезво смотреть на вещи. Предположение о причастности этой организации к исчезновению ваших друзей логически ничем не обосновано и не подтверждается никакими уликами. Разумеется, это не значит, что мы не будем искать ваших друзей. Конечно, будем! Большинство наших расследований связано с поиском пропавших людей, и такие дела очень редко остаются нераскрытыми. А наше отделение в этом плане бьет все рекорды. Мистер Уэлч, мы свое дело знаем. И делаем его как надо. Мы будем вам сообщать о ходе расследования, но, если откровенно, скажу вам сразу: обвинения ваши не по адресу.

«Нигде больше жить не хотел бы».

Барри внимательно посмотрел на агента, кивнул и пошел к машине, сказав:

– Я понимаю.

На этом все и закончилось.

По крайней мере, на первый взгляд. Не было никаких известий о пропавших друзьях, зато не приходили и новые извещения о штрафах. Никто не вторгался в сад и не врывался в дом. Прошла еще неделя и следующая – ничего. Все стало как в первый месяц после переезда. Морин оказалось нетрудно притвориться, будто ничего не случилось. Она помогла Барри покрасить дом в коричневый цвет с травянисто-зеленой обводкой

окон и дверей. Потом они съездили в город и забрали вещи из офиса – каким-то чудом там все было на своих местах. Морин удалось набрать еще несколько клиентов через свой бухгалтерский сайт.

А еще она была беременна.

Уверенность пришла не сразу. Месячные у нее часто запаздывали на день или два, а однажды задержались на целую неделю. Но когда миновали две недели без малейших признаков приближающейся менструации – ни отеков, ни повышенной жирности кожи, ни ПМС, – Морин поняла, что и в самом деле ждет ребенка.

Она и раньше догадывалась, что на этот раз все по-настоящему, только Барри говорить не хотела – боялась сглазить.

К тому же она не представляла, как он воспримет известие. Даже без всех этих безумных событий – кто знает, готов ли он стать отцом. Да и хочет ли, сколько бы ни уверял в обратном.

На четырнадцатый день она ему сказала – вечером, в постели.

– У меня есть для тебя новость.

– Хорошая или плохая?

– Теперь и не знаю… – Морин посмотрела ему в глаза. – Я беременна.

– Точно?

– Задержка две недели.

– Это же замечательно!

Барри стиснул ее в объятиях. Только сейчас она поняла, как боялась его реакции. Ее затопила глубокая радость. Они проговорили полночи, а потом любили друг друга.

В Корбане был всего один врач, терапевт. Барри и Морин не доверили бы ему здоровье будущего малыша, даже не будь вражды между городом и Бонита-Вистой. Поэтому наутро Морин занялась поисками в Интернете и нашла в Сидар-Сити акушера-гинеколога, пользующегося хорошей репутацией. Далековато, конечно, но для ребенка не жаль никаких усилий. Они записались на прием и два дня спустя приехали к доктору Хольму.

Все прошло хорошо. Строго говоря, Морин была в группе риска из-за возраста, но врач сказал, что здоровье у нее прекрасное, она правильно питается и принимала все нужные витамины даже до зачатия. Единственное, что его беспокоит, – Морин не привита от краснухи. Краснуха во время беременности приводит к серьезным нарушениям развития у ребенка, поэтому он рекомендует по возможности не находиться в толпе, не летать самолетами, не посещать кинотеатры и парки аттракционов, а также не общаться с людьми, недавно приехавшими из-за границы, – они могут быть носителями вируса.

Морин обзвонила всех своих калифорнийских подруг, а затем потащила Барри в гости к Лиз.

Та выглядела усталой и постаревшей, хотя в прошлый раз, когда Морин приходила к ней с Данной и Лупе, казалась вполне бодрой. Жизнь словно утекала из нее. Барри обнимал Морин за талию, держа ладонь на ее животе, и она, приняв веселый вид, рассказала великую новость. Морин надеялась, что Лиз обрадуется за нее, однако выражение лица старшей подруги не изменилось – на нем как будто навечно застыла мрачная гримаса.

– И что делать будете? – отрывисто спросила она.

Морин озадаченно сдвинула брови.

– В каком смысле?

– Супружеским парам в Бонита-Висте запрещено иметь детей.

– Неправда! У Уильямсов есть дети. И на теннисном корте я видела подростков.

– Запрет на детей приняли недавно. У кого раньше были дети, тут уж ничего не поделаешь, а тем, кто поселился в поселке за последние три года, запрещено рожать и брать приемных детей.

– Не видел такого правила. – Барри теснее прижал к себе жену.

Морин тоже не видела, но ведь они так и не разгадали тайну изменяющегося устава, и досконально изучить весь огромный том тоже не успели. Не приходилось сомневаться, что Лиз говорит правду.

– Года два назад жил здесь один человек, – сообщила Лиз монотонным голосом. – Дент Ролсхейм. У него было двое детей от первой жены, которые при разводе остались с ней, в Финиксе. Он приехал сюда с новой женой, но старался отсудить детей, все деньги вбухал в процесс. Наконец суд постановил, что они будут заботиться о детях по очереди – мать забирает их на весь учебный год, а Дент – на каникулы и разные праздники. Он привез детей сюда, и на следующий же день они исчезли. Все исчезли – Дент, дети, вторая жена… Больше о них никто не слышал.

У Морин испуганно сжалось сердце.

– Что, если ассоциация устроит нечто подобное, когда у нас родится маленький?

Барри стиснул зубы.

– Не волнуйся, мы им не позволим!

– Им? – Лиз выгнула бровь. – Нам!

И захлопнула дверь прямо им в лицо.

Устав Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Статья VI. Права и обязанности домовладельцев.

Раздел 3, параграф D:

Запрещается проживание детей на территории поселка, а также любого из входящих в него участков. Исключения возможны только в случае, если лица младше восемнадцати лет проживали в поселке вместе со своими родственниками до принятия данного ограничения. В случае, если супружеская пара отказывается принять меры по прекращению нежелательной беременности или не одобренного правлением усыновления, правление вправе отменить усыновление или прервать беременность любым способом по своему усмотрению.

Ночью их разбудил телефонный звонок. Барри сердито схватил трубку в уверенности, что их снова донимает ассоциация.

И услышал в трубке голос Брайана, мужа своей сестры. Тот сообщил, что Шери попала в аварию, сейчас она в реанимации. Сестра Барри с мужем жили в Филадельфии, оба работали в ночную смену в почтовом сортировочном центре. Не больше часа назад Шери вышла купить сэндвичей в круглосуточном кафе, и на переходе ее сбила машина. Водитель не остановился, даже не притормозил. Кассир из кафе увидел происшествие через окно и позвонил в службу спасения, только поэтому Шери осталась жива. Врачи говорят, что состояние критическое и прогноз неблагоприятный.

– Приезжай скорее, – попросил Брайан сквозь слезы. – Ты ей очень нужен.

– Еду!

Барри нажал кнопку отбоя и, все еще оглушенный, повернулся к Морин.

– Шери сбила машина. Брайан говорит, она в плохом состоянии. Возможно, поврежден мозг. И может быть, понадобится пересадка почки, а я – единственный в семье с той же группой крови. Врачи хотят, чтобы я приехал, сдал анализы.

Только когда он пересказал все это вслух, до него дошел весь ужас случившегося. Воздух застрял в горле, глаза защипало. Только не плакать… Если начнешь, то уже не остановиться.

Барри провел рукой по глазам.

– Собери вещи на неделю, на всякий случай. Не знаю, сколько мы там пробудем. Поедем для начала в Солт-Лейк-Сити, посмотрим, есть ли билеты. В крайнем случае, полетим на резервных местах.

Морин покачала головой.

– Помнишь, что сказал доктор? Мне нельзя лететь самолетом, у меня нет прививки от краснухи. Мало ли что, а я не могу

рисковать ребенком.

Барри заторможенно кивнул. Смысл слов доходил до него с какой-то задержкой, как будто преодолевая огромное расстояние.

В голове настойчиво свербила мысль, что аварию подстроила ассоциация, специально чтобы разлучить его с Морин, хоть он и знал, что это невозможно.

Или?..

– Останешься здесь?

– Да, но ты не беспокойся, поезжай скорее. Ты нужен Шери.

– А как же…

– Ничего со мной не случится.

– Из дома не выходи, – предупредил Барри. – Даже во двор. Запри все двери и никому не открывай, пока я не вернусь. В уборной накидывай на себя полотенце, а то вдруг они уже установили новые видеокамеры. На ночь надевай пижаму. Когда переодеваешься и принимаешь душ, выключай свет и слишком долго не копайся, бывает ведь и инфракрасная съемка.

– Я думала, после того как ты нашел видеокамеру, они бросили слежку?

– Может, да, а может, и нет. – Он тяжело вздохнул. – Давай поедем на машине? Тогда можно вместе.

– В Филадельфию? – мягко спросила Морин. – А если Шери не дождется? Прости, но тебе и вправду надо спешить.

– Ты права, – глухо произнес Барри. – Слушай, может, поедешь со мной до Солт-Лейк-Сити? Там поживешь в гостинице до моего возвращения… Все лучше, чем сидеть здесь одной.

– Все у меня будет нормально.

– Кто знает. Ты сама говорила…

– Все будет хорошо. – Морин поцеловала его. – Иди, собирайся.

Он позвонил ей из аэропорта, потом из больницы. Состояние сестры улучшилось. Врачи утверждали, что она выкарабкается и пересадка почки не понадобится, хотя они еще не могли сказать с уверенностью, поврежден ли мозг.

День для Морин тянулся бесконечно долго. Она заново рассчитала налог для клиента из Калифорнии, владельца магазина подержанных пластинок, – у него реальный доход оказался выше предварительной оценки, – и больше по работе делать было нечего. Морин слушала музыку, перечитывала старый роман Филипа Рота, ждала звонка от Барри.

Он позвонил только вечером. Состояние Шери оставалось без изменений.

Они проговорили почти час, потом Морин велела ему ложиться спать. На восточном побережье было уже десять часов, а

Барри необходим отдых.

Он повесил трубку, пообещав снова позвонить утром, после того как съездит в больницу.

Морин решила тоже лечь спать, проверив все замки и подперев стулом ручку входной двери. Хоть она и уверяла Барри, что все хорошо, на душе было неспокойно. Морин уже жалела, что отказалась ехать в Солт-Лейк-Сити. Почему не поехала? Что заставило ее сделать такую глупость?

Заставило?..

Ну вот, теперь и она туда же, совсем как Барри.

Из них двоих именно мужу требовался постоянный звуковой фон, и он всегда засыпал при включенном телевизоре. А Морин спокойно ложилась спать в тишине. Но сегодня ей было приятно, что в комнате звучат чьи-то голоса и светится экран. Она так и уснула под консервированный смех какой-то несмешной комической телепередачи.

В полночь ее разбудил шум. Телевизор давно отключился по таймеру, но с верхнего этажа доносились постукивание, скрип и упорное назойливое дребезжание. Притвориться бы, что ничего не слышишь, спрятать голову под одеяло и снова заснуть. Однако она не могла себя обманывать. Теперь она отвечает за двоих, ее обязанность – защищать дом и ребенка.

Морин дотянулась до настольной лампы и щелкнула выключателем.

В дверях стоял человек с проволочной вешалкой для одежды в руках.

От дикого крика заболело сорванное горло. Морин не хватало воздуха, и все равно она продолжала кричать.

Человек в три шага оказался рядом с кроватью.

Он улыбался.

Морин, не переставая кричать, сбросила одеяло и отползла к дальнему краю матраса. Она хотела кинуться к окну и выскочить, но не успела слезть с кровати, как ее щиколотку ухватила сильная рука. Морин отчаянно брыкалась. Резким рывком ее перевернули на спину.

Человек в деловом костюме был незнакомый, и от этой безличности происходящее делалось еще страшнее. Морин знала, зачем он здесь и кто его прислал. Знала и кто на нее донес.

Лиз.

Морин рванулась сесть, расцарапать ему лицо и вырвать глаза, а он ударил ее в живот. Пока Морин, обхватив себя руками, хватала ртом воздух, нападавший разогнул вешалку.

– Статья шестая, – произнес он. – Раздел третий, параграф D.

– Не-е-е-е-ет! – провыла Морин.

Он с ухмылкой раздвинул ей ноги.

И тут у него на груди расцвело алое пятно.

Он распрямился, выпучив глаза, и попытался схватиться за спину. В горле у него что-то мерзко булькнуло. Он уронил вешалку и, тоненько завизжав, качнулся вбок.

И тогда стало видно, что у него за спиной стоит Лиз. Она вытащила из спины незнакомца нож и воткнула его снова, немного выше. В этот раз на рубашке не появилось кровавое пятно, зато сзади брызги полетели во все стороны – на руки Лиз, на ковер и туалетный столик. Человек повалился на постель рядом с Морин, дергаясь в конвульсиях. Морин скатилась с кровати, а когда оглянулась, он уже лежал неподвижно.

Лиз стояла, опустив руки, вся в крови.

– Прости меня, – сказала она и заплакала. – Прости, я так виновата…

Морин, поднявшись с пола, крепко обняла подругу.

– Я слабачка. Поддалась им, ничего не смогла сделать, – рыдала Лиз. – Лишь бы они перестали.

Морин посмотрела на труп, лежащий на кровати. Нож Лиз торчал в обтянутой пиджаком спине.

– Я им не говорила, – всхлипнула Лиз, размазывая кровь по лицу. – Честное слово! Я знала, что они знают, но рассказала им не я.

У Морин словно камень упал с души.

– Я верю.

– Все равно я должна была им помешать… Я знала, что они кого-нибудь к тебе пошлют. Спряталась возле дома, а когда он явился, пошла за ним.

Морин не могла отвести взгляд от мертвого негодяя.

– Теперь они нас обеих в покое не оставят.

– Меня не тронут. Я перешла к ним.

В словах Лиз явно скрывался какой-то двойной смысл, но Морин ничего не понимала.

Лиз как будто распрямилась, у нее словно открылось второе дыхание.

– А насчет тебя они, конечно, удвоят усердие. Уехать бы тебе отсюда… Где Барри?

– В Пенсильвании, у него там сестра.

– Тогда поезжай в другой город, поживешь пока в гостинице. И мне не говори, куда!

– Но… – Морин показала на мертвеца. – Ты убила их человека. Они тебе этого не простят.

– Не волнуйся.

– Я не могу тебя тут бросить!

– Езжай! – приказала Лиз.

– Но как же…

– Я сделаю все, что нужно. А ты хватай самое необходимое и беги. Давай, быстро!

Устав Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста.

Статья VI. Права и обязанности домовладельцев.

Раздел 8, параграф G:

Домовладелец на территории своего участка вправе применять силу по своему усмотрению, вплоть до смертельного исхода.

Морин позвонила Барри из гостиницы в Сидар-Сити.

Барри только вернулся из больницы в дом сестры, измотанный вконец, но от рассказа Морин вся усталость с него слетела. Она, как и велела Лиз, сложила самые необходимые вещи в «Тойоту» и уехала. К рассвету Морин добралась до Сидар-Сити – и вот уже целый час пыталась дозвониться Барри, пробуя каждые пять минут.

– Они хотели убить нашего ребенка, – прошептала она в трубку.

От этих слов у него холод прошел по спине.

Для Шери он больше ничего не мог сделать, а Брайана поддерживали его собственная сестра, Марго, и вся ее семья. Барри вылетел на запад ближайшим рейсом – самолетом «Американ эйрлайнз» до Сент-Луиса. Прождав не больше часа в аэропорту Сент-Луиса, он получил резервное место эконом-класса в самолете на Солт-Лейк-Сити и уже под вечер обнимал Морин в номере гостиницы «Холидей Инн».

Морин снова рассказала ему о происшедшем, на этот раз со всеми подробностями. Затем Барри попробовал позвонить Лиз, выслушал двадцать долгих гудков и, не дождавшись ответа, повесил трубку. Позвонил Брайану в больницу – там все было без изменений.

– Переночуем здесь, – сказал он Морин, сидевшей рядом на кровати. – Завтра я поеду домой, а ты побудь в гостинице несколько дней, пока я там… разберусь.

– Нет! – Морин вцепилась ему в руку. – Не возвращайся туда, не надо! Продадим дом, продадим все и не будем больше вспоминать об этом!

– Дом нельзя продать, на него наложен арест, забыла?

– Ну и черт с ним тогда! Считай, потерянные деньги. Проживем как-нибудь. Купим маленький типовой домик. Если

придется, будем снимать квартиру.

– Ты же сама говорила – так просто мы от них не отделаемся. Остались записи, документы. Это финансовое самоубийство…

– Прекрати! С каких пор тебя беспокоит вопрос финансов?

Барри посмотрел ей в глаза.

– Ты права. Я просто… не хочу сдаваться. Не могу допустить, чтобы они победили.

Морин подозрительно прищурилась.

– А что значит «разберусь»?

– Ты не поймешь…

– Ага, чисто мужское дело? Так, что ли?

– Да нет…

– Настоящий мужчина всегда поступает по-мужски?

Барри стиснул ее плечи.

– Кто-то должен дать им отпор!

Морин вырвалась и встала.

– Ты сам-то слышишь, что несешь? Заговорил, как персонаж паршивого вестерна! Они хотели сделать мне аборт, уничтожить нашего ребенка!

– Потому я и должен туда поехать.

– Барри!

– Я обязательно вернусь.

– Не пущу!

– У тебя нет выбора. – Барри прямо посмотрел на нее. – У меня нет выбора.

В Бонита-Висту он приехал около полудня. Охранник у ворот гадко улыбнулся, заставил предъявить водительское удостоверение и бесконечно долго искал фамилию в списке домовладельцев. Удовлетворившись, наконец, охранник открыл ворота. Барри, проезжая мимо, выплеснул ему в лицо остатки лимонада с подтаявшими кубиками льда из одноразового стаканчика и, крикнув: «Придурок!», прибавил газу.

В их отсутствие над домом снова надругались. Природную красоту сада обезобразили искусственным газоном, словно перенесенным сюда с какой-нибудь площадки для гольфа. Оставили одно-единственное дерево, кусты выдрали с корнем, ямы от них заровняли и сплошь засадили ярко-зеленой травкой.

Дом как будто сошел со страниц книги Доктора Сьюза[14]. Крышу раскрасили черно-белыми зигзагами, обращенную к улице стену выкрасили в ярко-желтый цвет, окно верхнего этажа – в красный, два нижних окна – в синий. Дверь мало того, что покрасили в розовый, так еще и обили чем-то пушистым.

Внутри убрали почти всю мебель, со стен исчезли рисунки

Морин и фотографии. Остались только диван, кофейный столик и стереосистема в гостиной, а в залитой кровью спальне – кровать, туалетный столик и телевизор. Куда делись другие вещи – неизвестно. Барри подозревал, что не в камеру хранения.

Почтовый ящик был забит извещениями о штрафах и официальными предупреждениями от ассоциации.

– Начнем по порядку! – сказал себе Барри.

Он поднялся в кухню, достал из ящика для разных хозяйственных мелочей спички, снова вышел на улицу и демонстративно вытряхнул содержимое почтового ящика прямо на асфальт. Поднес зажженную спичку к уголку конверта, потом – к розовому листку с извещением. Скоро вся груда бумаг запылала.

Как и надеялся Барри, из-за поворота показался Нил Кэмпбелл с планшетом в руке. Его ханжеская физиономия буквально посинела, точно беднягу вот-вот хватит удар.

– Так нельзя! – завопил он, приближаясь.

– Что нельзя?

– Это официальные извещения от Ассоциации домовладельцев Бонита-Висты! Вы обязаны на них реагировать! Их нельзя жечь! – Он возмущенно замахал планшетом.

– Вон с моего участка, – сказал Барри.

– Что?

– Что слышал.

– Согласно уставу, члены правления и специальных комиссий вправе…

Барри засучил рукава.

– Если через минуту ты еще будешь торчать на моем участке, я тебя вышвырну. Понятно?

Кэмпбелл попятился.

– Вы совершаете серьезную ошибку! Я пришел к вам как представитель Ассоциации домовладельцев Бонита…

– Тридцать секунд.

Кэмпбелл начал что-то лихорадочно строчить в планшете.

– Я обо всем доложу!

– Время закончилось, – объявил Барри, ухватив мерзкого типа за локоть. – Выметайся немедленно!

– Не трогайте меня! – взвизгнул Кэмпбелл, вырываясь.

И тогда Барри ему врезал. От души. Черт возьми, как приятно было садануть уроду кулаком в живот! Кэмпбелл охнул и согнулся вдвое, а потом задом наперед засеменил к дороге.

– И чтобы духу твоего больше здесь не было!

Барри пинком отправил ему вслед кучку почерневших бумажек.

Кэмпбелл бросился удирать.

– И дружкам своим передай! – крикнул Барри.

Улыбаясь, он смотрел, как догорают официальные бланки.

Утром в почтовом ящике его поджидал дорогой солидный конверт с тисненым штемпелем. На конверте не было никаких надписей – ни обратного адреса, ни даже фамилии Барри.

Внутри лежало приглашение на обед к Джасперу Колхауну.

Барри сперва хотел выбросить приглашение и никуда не ходить, но потом сообразил, что просто боится. Он вспомнил зловещее чувство, которое навалилось на них с Джереми возле председательского дома.

Проще и безопаснее отсидеться, посмотреть телевизор, послушать пластинки, почитать книгу… Но он же специально вернулся в Бонита-Висту, чтобы встретиться с врагами лицом к лицу!

В приглашении не говорилось, что требуется ответ. Наверняка и это сделано нарочно – Колхаун хотел, чтобы Барри как следует понервничал.

Он и в самом деле весь день ломал голову, но не о том, следует ли принимать приглашение, а о том, что взять с собой. Огнестрельного оружия у него не было, зато в ботинке можно спрятать нож, или заткнуть за пояс набор отверток, или просто прихватить хорошую крепкую доску. Его явно заманивают в ловушку, и надо быть совсем дураком, чтобы не подготовиться к обороне.

Все же в конце концов он решил идти без оружия. Наверняка в доме Колхауна будут и другие – приспешники, охранники, члены правления, друзья и подпевалы. Всех не одолеть, как ни вооружайся. Да и обыщут его на входе или заставят пройти через металлоискатель. Лучше идти с пустыми руками.

Барри долго думал, рассказывать Морин или нет, и решил не рассказывать. Не хотелось ее тревожить. Он просто позвонил, и они долго болтали о разных безобидных пустяках. Барри, избегая прямой лжи, постарался создать впечатление, будто занимается уборкой во дворе и в доме, а между делом изучает новую версию устава – ищет, как бы прищучить ассоциацию за нарушение ее же собственных запретов.

– Когда приедешь? – спросила Морин.

– Надеюсь, скоро.

Короткая пауза.

– Я так понимаю, ты не скажешь, что там происходит на самом деле?

Мог бы догадаться, что ее так просто не одурачишь.

– Не скажу, – признался он.

– Речь не только обо мне, – напомнила Морин. – Нас уже двое, и ты нужен нам обоим.

– Никуда я не денусь.

– Дилан, Чак и Донна тоже так думали. Не знаю, что ты затеял, и, наверное, не хочу знать, а все-таки осторожней там! Это уже не игрушки. Я не хочу нанимать частного сыщика, чтобы он обнаружил, что отец моего новорожденного ребенка превратился в Культю.

Барри не ответил. Эта мысль ему и самому приходила в голову. От нее становилось зябко.

– Возвращайся домой, к нам, – сказала Морин. – Жизнь всего дороже.

– Знаю. Не беспокойся, я не буду делать глупостей.

Обед был назначен на восемь. Барри решил поехать на машине. Мало ли, вдруг понадобится удирать. А если… с ним что-нибудь случится… пусть мерзавцы хотя бы помучаются, избавляясь от его внедорожника.

Он оставил машину на улице против председательского дома, на видном месте. Подходя к крыльцу, Барри испытал то же гнетущее чувство, что и раньше, только сейчас, вечером, оно стало еще сильнее. Мощные фонари освещали газон перед домом, и от этого темнота вокруг казалась совсем непроглядной.

Дверь открыл слуга. Нет, не слуга – доброволец. Ральф Хайберг, Барри встречался с ним в гостях у Рэя.

– Мистер Уэлч, входите, вас ждут.

Барри перешагнул порог.

– Ральф, что ты здесь делаешь?

Тот воровато покосился сперва влево, потом вправо. Барри даже решил, что он и впрямь ответит, но Ральф сказал:

– Идите за мной, пожалуйста. Мне всего месяц остался. Не хочу неприятностей.

Барри понимающе кивнул. Ральф провел его в комнату – видимо, гостиную.

Барри ожидал, что попадет в лабиринт сырых и мрачных коридоров, ведущих в некое жуткое тайное святилище, а вместо этого оказался в ярко освещенном просторном помещении. Комната была отделана в японском стиле – бамбуковые ширмы, низенькие столики, циновки на полу и подушки для сидения. Никаких ламп – свет шел со всех сторон сразу сквозь полупрозрачную бумагу, не оставляя теней.

Ральф, обойдя столики, отодвинул секцию ширмы. За ней открылась еще одна комната. Ральф отступил в сторону, пропуская посетителя вперед.

На ширмах Барри заметил какие-то надписи. Проходя мимо,

присмотрелся и вздрогнул: вместо традиционной рисовой бумаги ширмы были обтянуты увеличенными страницами из устава ассоциации домовладельцев.

За следующей комнатой оказалась еще одна, и еще, и еще…

Все совершенно одинаковые. Ни стульев, ни диванов, ни телевизоров, ни книжных шкафов, ни кухни, ни ванной – только бесконечная череда гостиных с низкими столиками, циновками и оклеенными уставом ширмами. Наконец они пришли в комнату совсем без мебели. Голый дощатый пол и тусклые стены, не просвеченные насквозь. Бумажные ширмы впереди были красные, без всяких надписей. Из-за них доносились глухие стоны, перемежаемые редкими вскриками. Барри стало трудно дышать. Сердце как будто застряло в горле.

– Сюда, мистер Уэлч.

Доброволец отодвинул часть красной ширмы и ввел Барри в следующую комнату.

Вот примерно этого он и ожидал.

Огромное помещение, больше всего нижнего этажа в доме Барри. С высокого черного потолка кое-где свисают грязные электрические лампочки. Каменные стены. Некрашеные доски пола чем-то заляпаны – очевидно, кровью. В центре – углубление со стенками, обшитыми листовой сталью, пол в углублении засыпан соломой, а сверху у самого края расставлены ржавые железные столы, точно спицы сломанного колеса.

На столах разложены пилы, ножи и какие-то хирургические инструменты.

А в яме – Культи.

Все они непрерывно стонали и выли – то ли от боли, то ли в безнадежной попытке докричаться до окружающих. Шестеро мужчин и одна женщина – к счастью, Барри никого из них не знал. В первый миг, едва поняв, *что* перед ним, он испугался, что увидит в яме искалеченных Дилана, Чака и Донну, но корчащиеся среди опилок несчастные существа были ему совершенно не знакомы.

Ужасней всего было смотреть на безрукую, безногую женщину, чье обнаженное, покрытое синяками тело чудовищно напоминало ему Морин. Другие Культи копошились в соломе, натыкаясь друг на друга, а она лежала одна вплотную к стальной изогнутой стенке, безмолвно приоткрыв распухшие губы и не сводя застывшего взгляда с пыльной лампочки под потолком.

– Сюда, мистер Уэлч.

Барри, словно оглушенный, двинулся вперед. Он прошел почти вплотную к столу, на котором лежали плотницкий молоток с прилипшими кусочками плоти и костей, несколько грязных

отверток и длинный зазубренный нож. Возле ямы Барри не удержался и посмотрел вниз. В соломе, где ползали Культи, он разглядел экскременты и кусочки чего-то похожего на тухлую рыбу.

Ральф остановился перед узкой металлической дверью в каменной стене и уставился себе под ноги, не глядя ни на дверь, ни на Барри, будто собираясь с силами. Сделав глубокий вдох, доброволец быстро протянул руку, схватился за громадную дверную ручку и рывком распахнул дверь. Затем со страхом в глазах кивнул Барри, приглашая его внутрь.

– Мистер Уэлч! – объявил он.

Здесь было еще темнее, чем в предыдущей комнате. Ни одной электрической лампы, только чадящие свечи в железных канделябрах по углам. Когда глаза привыкли к полумраку, Барри рассмотрел пыльную стеклянную витрину с чучелами кошек, собак, хомячков и попугайчиков – недозволенных домашних животных, конфискованных ассоциацией. По всей комнате виднелись искореженные обломки запрещенной в Бонита-Висте нормальной жизни: засохшие комнатные растения в разбитых горшках на скособоченной этажерке, опирающаяся на детский кукольный домик вешалка – с ее крючков свисали поломанные птичьи клетки.

В дальнем конце комнаты за дубовым столом восседали члены правления: шесть человек с Джаспером Колхауном в центре. На столе перед ними стояли высокие бокалы с темно-красной жидкостью и тарелки со странным, отталкивающего вида мясом. Вся картина напомнила Барри жутко искаженную «Тайную вечерю».

– Добро пожаловать на наше заседание! – возгласил Колхаун.

Члены правления согласно закивали. Здесь, в их природном обиталище, неестественная бледность странных лиц совсем не казалась чужеродной.

Под столом Барри разглядел прикованных к полу обнаженных женщин. Они отсасывали шестерым сидящим за столом.

Колхаун улыбнулся, перехватив его взгляд.

– Наши дамы-добровольцы, – пояснил он и добавил, кивнув на ту, что обслуживала его самого: – Это жена Ральфа. Верно я говорю, Ральф?

Доброволец стоически кивнул.

– Ваша Морин могла бы таким же образом отработать ваш долг.

Барри сделал вид, будто всерьез обдумывает предложение.

– А это не будет противоречить уставу? Я внимательно

прочел вашу брошюру о сексуальных домогательствах…

Колхаун вскочил. Жена Ральфа под столом торопливо отползла в сторону.

– Не смейте тыкать мне в нос уставом в моем собственном доме!

– Это надо понимать как утвердительный ответ?

Председатель, глубоко вздохнув, заставил себя улыбнуться.

– Сожалею о пропаже ваших друзей, – произнес он вновь спокойным голосом. – Что же все-таки с ними случилось?

Колхаун пристально посмотрел на ломоть непонятного мяса у себя на тарелке, оторвал несколько волокон и демонстративно положил в рот.

Он блефует. Наверняка блефует! Все здесь напоказ, это просто спектакль, приготовленный специально для Барри. И все же нельзя не признать, представление срежиссировано мастерски. Им удалось его деморализовать. Страх почти уже заглушил злость.

– Что вам надо? – резко спросил Барри. – Зачем вы меня пригласили?

Колхаун снова сел и сцепил пальцы.

– Сложилась патовая ситуация. С точки зрения устава, вы проживаете в самовольно захваченном доме. Ни дом, ни участок вам больше не принадлежат, однако освободить их вы, по-видимому, не намерены.

– К чему вы клоните?

– На ежегодном собрании вы заявили, что требуете настоящих выборов. Насколько я понимаю, вы хотите, чтобы в правление выбрали вас или отобранных вами кандидатов.

– И что?

– Полагаю, настало время пустить в ход Девяностую статью.

Скрытый прожектор внезапно осветил стену позади стола, и на ней от пола до потолка проступили громадные ярко-красные буквы. Вверху Барри прочел «Девяностая статья» – только эти слова, ни заголовка, ни номера раздела или параграфа. Все написанное ниже казалось полной тарабарщиной.

– Эту статью вы не найдете в своем экземпляре УАДа, – объявил председатель.

– Почему? – спросил Барри.

Колхаун подался вперед. Его лицо приняло такое свирепое выражение, что Барри невольно попятился.

– Потому что ее невозможно уловить и зафиксировать во времени. Нельзя свести ее глубокий смысл к какому-то одному толкованию. Она вечно изменяется, приспосабливаясь к любым обстоятельствам. Эта статья – сердце нашей ассоциации. Именно

она дает нам власть и силу и позволяет всем вам наслаждаться идеальным совершенством жизни в Бонита-Висте.

Барри не знал, что на это ответить. Он как бы случайно повернул голову, якобы оглядывая комнату, а на самом деле желая проверить, свободен ли путь к отступлению.

Зря надеялся – железная дверь была заперта, хотя он не слышал, как ее закрывали.

Барри вновь обернулся к председательскому столу, борясь с подступившей клаустрофобией. В комнате пахло потом, кровью и другими телесными жидкостями. Барри с трудом подавил рвотный позыв.

– Обращение к Девяностой статье осуществляет глава информационной комиссии. – Колхаун кивнул сидящему справа старику. – Фентон?

Тот отпихнул трудившуюся меж его коленями женщину и встал. Выглядел он еще причудливее председателя. Чересчур правильной формы нос был смещен вбок, словно его в спешке прилепили на физиономию, чтобы придать ей хоть немного сходства с нормальным человеческим лицом.

– О, Девяностая статья, – нараспев забубнил старикашка. – Дозволь испросить твоей неизреченной мудрости!

– Мудрость твоя безмерна! – подхватили остальные члены правления.

– Яви нам сокровенное знание для успешного решения данного дела, как и всех прочих дел!

– Благословенны правила и установления твои!

Фентон, закрыв глаза, низко поклонился стене.

– Девяностая статья! Барри Уэлч желает выдвинуть свою кандидатуру на выборах правления Ассоциации домовладельцев коттеджного поселка Бонита-Виста. Как нам следует поступить в сем случае?

Тарабарщина на стене внезапно превратилась во вполне связный текст, хоть и написанный вычурно-старинным шрифтом. Составлен он был не в псевдоюридическом стиле, как весь остальной устав, а скорее в духе какого-нибудь религиозного трактата, витиевато и выспренно, что звучало не менее дико. Фентон, разогнувшись, прочитал вслух:

– Возжелавший поместить имя свое в числе кандидатов да вступит прежде в поединок с любым из членов правления. Биться им надлежит не на живот, а на смерть, и оставшийся в живых да займет место в священном списке для голосования. Помилуй душу сражающегося, ибо не ведает, что творит!

Шестеро старцев вперили взоры в Барри.

Он затряс головой:

– Не знаю, что у вас здесь происходит, но я не намерен в этом участвовать.

– Поздно, – изрек Джаспер Колхаун.

– Не буду я ни с кем драться!

Однако про себя Барри подумал, что за этим и пришел сюда. Вот оно – открытое столкновение, которого он так долго добивался. Правда, он не ожидал поединка в буквальном смысле слова, но, по крайней мере, ему наконец-то представилась возможность сразиться с правлением. Он вспомнил кота Барни, вспомнил Рэя, Кенни Толкина, Дилана, и Чака, и Донну, подумал о Морин и будущем ребенке, выпуская на волю гнев, позволяя злости разгореться.

Колхаун вновь улыбнулся неестественно широко.

– Барри Уэлч! – прогремел он. – Сим вызываю тебя на смертный бой! В присутствии широкой общественности!

Члены правления громогласно поддержали председателя. Их воинственный клич подхватили женщины-добровольцы под столом. Огненные буквы погасли. Теперь комнату вновь освещали только чадящие свечи.

«Да, – подумал Барри. – Я готов. Я их, мерзавцев, всех положу!»

Улыбка Джаспера Колхауна напоминала оскал.

– Принимаешь вызов?

– Принимаю!

– Вот и отлично, – произнес председатель. – Просто замечательно.

Он снова сел. Улыбка исчезла, как не было, черты лица отвердели. Колхаун властно кивнул Ральфу.

– Подготовь этого говнюка к битве.

Барри провели через узкую дверь возле витрины с чучелами, затем по длинному коридору со стенами, обшитыми ржавым железом. Пахло там, как в заброшенной канализации. В конце коридора открылась чудовищно грязная комната с низким потолком, полная добровольцев. Они мигом набросились на Барри и принялись его раздевать. Все происходило в полном молчании, и от этого было особенно жутко. Его толкали и дергали во все стороны, рывком распахнули рубашку, содрали ботинки, расстегнули ремень, сдернули брюки. Слышались только неровное дыхание самого Барри и его растерянные протесты.

В конце концов он остался в одних трусах, весь захватанный грязными руками. Добровольцы расступились, глядя в пол, на стены, на потолок, друг на друга, только не на Барри. Кажется, им было стыдно. У писателя возникло странное ощущение, что они

на его стороне и желают ему победы.

Победы в чем?

Что ему предстоит? Кулачный бой? «Поединок» – слишком расплывчато. Барри не представлял, по каким правилам они будут драться. Колхаун с виду рыхлый старик, такому навалять – невеликий подвиг. Но кто знает, какая мускулатура скрывается под странной, противоестественно бледной кожей? От всех членов правления исходило ощущение неизъяснимой мощи. Барри был совсем не уверен, что сумеет справиться с председателем.

Неизвестно даже, человек ли Колхаун.

Об этом тоже не хотелось думать.

Ральф с бесстрастным лицом стоял возле квадратной дыры в стене, похожей на какой-то лаз, размером с большой телевизор.

– Мне что, туда лезть? – спросил Барри.

– Когда будете готовы.

– А куда эта штука ведет?

Ральф не ответил.

Барри посмотрел на отверстие в стене, на переминающихся с ноги на ногу добровольцев и снова на отверстие. Его бросило в пот, накатил темный ужас. Он все старался задвинуть в глубь сознания главное условие предстоящей битвы, а теперь ни о чем другом не мог думать: один из двоих должен умереть. Через какой-нибудь час он сам или Джаспер Колхаун будет убит.

Барри сомневался, что способен хладнокровно убить председателя. Да, он ненавидел Колхауна и только порадовался бы, если б того хватил удар. Но убить, своими руками?.. Скорее всего, если ему посчастливится выйти победителем, он пощадит старика. А тогда, следуя традициям фильмов и романов, Колхаун извернется и ударит в спину, и Барри придется все-таки его прикончить. Это уже будет справедливо и оправданно.

Один из них должен умереть.

Нехитрая истина, от которой нет спасения.

Барри, глубоко вздохнув, заглянул в темную дыру, потом опустился на четвереньки. Он ожидал, что Ральф незаметно подаст ему какой-нибудь знак на прощание – улыбнется, кивнет, шепнет: «Удачи!» Но доброволец стоял с каменным лицом.

Пол был бетонный, холодный и твердый. Барри то и дело попадал пальцем или коленом в какие-то липкие лужи. Сперва его обступила кромешная тьма – она казалась самостоятельной сущностью, а не просто отсутствием света. Барри ободрал локти о стены и несколько раз стукнулся головой. Затем впереди возник, мало-помалу приближаясь, сероватый четырехугольник. У самого выхода туннель расширялся. Барри смог встать.

И оказался на арене.

В первое мгновение он ничего не понял: грязный пол, слой пропитанных кровью опилок, высокие стены вокруг, поднимающиеся амфитеатром ряды зрительских мест. Дом Колхауна, даже при своих внушительных размерах, никак не мог такое вместить – и все же приходилось верить собственным глазам. На трибунах Барри увидел своих соседей, жителей Бонита-Висты, в строгих костюмах и нарядных вечерних платьях.

В потолке было окно, вроде люка. Сквозь армированное стекло падали отсветы далеких молний. Глухо гремел гром. Саму арену освещали только масляные светильники и факелы, укрепленные на дальней стене, кольцом охватывающей трибуны. В центре посыпанного опилками круга на высоком бамбуковом шесте свисал с крюка еще один светильник, в форме… человеческой головы.

У Барри перехватило горло. Вглядываясь в полумрак, он понял, что это не просто подобие, а настоящая человеческая голова. Язычки пламени мелькают меж приоткрытых губ, пляшут в пустых глазницах. Барри шагнул вперед. Он не хотел видеть, но должен был убедиться наверняка.

Дилан.

В оранжевых отсветах отчетливо проступили хорошо знакомые черты.

Барри хотелось закричать, ударить кого-нибудь, разнести к чертям это проклятое здание и всех, кто в нем находится. Он повернулся к трибунам и увидел радостно-возбужденные лица женщин, каждый день бегавших трусцой мимо его дома. Знакомых, с кем он играл в теннис. Майк, сидевший у прохода, замахал рукой:

– Мы с тобою, дружище!

Рядом кивала Тина.

Барри знал – они не с ним. Они пришли не для того, чтобы его поддержать.

Они просто хотят крови.

Стюарты уже отвернулись и мило болтали с Фрэнком, Одри и еще какой-то женщиной. Все весело смеялись.

Барри снова посмотрел на фонарь из головы Дилана. Вспомнил, сколько они пережили вместе, как познакомились на семинаре по истории научно-фантастического кино, как отрывались по вечерам в «Майндербайндере», как встречались с двумя сестрами-двойняшками и как те подрались на концерте Сюзанны Веги, с визгом и выдиранием волос друг дружке.

– Дилан… – прошептал он.

В темноте у дальнего края арены возникло движение. Барри,

нахмурившись, шагнул вперед, мимо шеста с головой друга.

И увидел Джаспера Колхауна.

Председатель стоял у дальней стены. И ждал.

Будто по сигналу, обрушился новый раскат грома. Разразилась гроза, которую предвещали зарницы.

Колхаун ухмылялся. В ярких вспышках молний Барри вдруг почудилось, что лицо председателя… изменилось. Другие члены правления в ложе у северного края арены тоже на миг преобразились, словно в ослепительном свете проступила истинная природа зловещих старцев.

Нет, такое могло бы случиться в одном из его романов. Не в действительности.

Лицо Колхауна исказилось… и вновь стало прежним.

Барри неудержимо хотелось кинуться бежать. Он с трудом заставил себя остаться на месте. Наверное, это было очень заметно. Майк, Фрэнк и еще несколько человек рядом с ними начали скандировать:

– Де-вя-но-ста-я ста-тья! Де-вя-но-ста-я ста-тья!

Очевидно, требовали немедленно приступить к поединку. Крик подхватили на других трибунах:

– Девяностая статья! Девяностая статья!

Бетонные стены отражали и усиливали звук. За дружным хором скандирующих Барри различил разговоры в толпе – зрители заключали пари, делали ставки на исход боя и азартно предвкушали жестокое кровопролитие.

Колхаун был одет в свою нелепую мантию. Хорошо, подумал Барри, – складки ткани сковывают движения. Они помешают старику атаковать и защищаться.

Кого он пытается обмануть? Колхаун – чудовище. Глупо даже надеяться, что их силы равны. Будь у Барри хоть малейший шанс на победу, председатель не вступил бы в поединок. Все подстроено, результат предрешен. Если Барри хочет выйти отсюда живым, надо срочно делать ноги.

Он обернулся: у двери, через которую он вошел, стояли добровольцы. Со стороны Колхауна дверей не было. А стена вокруг арены слишком высока, чтобы через нее перелезть, даже если бы он сумел прорваться сквозь нарядную толпу зрителей.

Впервые Барри задумался: если его все-таки убьют, что сделают с телом? Сообщат ли Морин? Обставят ли все так, будто он стал жертвой аварии, или он останется без вести пропавшим, и Морин с будущим сыном или дочкой так и не узнают, что с ним сталось? Может, из его головы тоже сделают фонарь и украсят ею чертову арену?

Надо было рассказать Морин. Хотя бы письмо отправить,

чтобы она знала правду.

Джаспер Колхаун вскинул руки, и зрители мигом затихли. Даже гром умолк. Председатель улыбнулся и дважды хлопнул в ладоши.

Из-за спин пятерых старцев вынырнул Пол Генри, вновь одетый в ливрею. Остановившись у края трибуны, он подул в трубу, которую было совсем не слышно, зато голос прозвучал отчетливо:

– Начинаем игру!

Колхаун взревел и ринулся в атаку. Черная мантия хлопала у него за спиной, словно крылья безумного ворона. Барри охватил первобытный ужас. Все инстинкты кричали, что надо бежать, уворачиваться, спасаться любой ценой, но Барри заставил себя остаться на месте и встретить нападение ударом кулака. Попав председателю в живот, он ощутил мрачную радость.

Атака застала его врасплох. Он ожидал, что вначале зачитают правила, перечислят запрещенные приемы – может быть, даже предложат участникам пожать друг другу руки и разойтись на десять шагов. Как видно, для ассоциации все средства хороши. Барри понял, что нельзя брезговать грязными приемчиками, потому что Колхаун уж наверняка с ним церемониться не станет.

Он врезал старику со всей силы, вложив в удар весь свой вес, а председатель словно и не почувствовал. Лишь качнулся в сторону и вновь напал, размахивая скрюченными пальцами, напоминающими когти дикого зверя. Барри еле успел отскочить, и тогда Колхаун ударил его головой в лицо.

Барри почувствовал, как хрустнул нос. В горло хлынула кровь. Ему казалось, что осколки кости торчат сквозь щеки, словно иголки. Он упал на спину и не столько почувствовал, сколько услышал удар своего затылка о плотно утоптанные опилки: треск, похожий на щелчок бича.

Зрители на трибунах орали и бесновались. Барри заметил среди них Кертиса, охранника у ворот, и Фрэнка. Оба злобно скалились, радуясь, что ему больно.

Вдруг раздался новый удар грома, совсем близко и такой сильный, что дрогнули стены. Молния ударила в потолочный люк. Стекло раскололось. Сквозь трещину полила вода, разделив арену сплошным занавесом. Дождь вмиг промочил опилки и погасил огонь внутри мертвой головы Дилана.

– Это знак Божий! – заорал Барри, улыбаясь безумной улыбкой. – Гнев Его падет на вас, уроды!

Председатель и бровью не повел.

– Бога нет, – хладнокровно объявил он.

В голове у Барри все плыло. Горячая кровь из носа и из раны

на затылке смешивалась с холодными каплями дождя. Колхаун занес ногу, собираясь наступить ему на лицо – Барри едва сообразил откатиться в сторону.

Колхаун промахнулся на волосок. Барри в отчаянии ухватил ногу в черном ботинке и рванул. Колхаун пошатнулся. Уэлч вскочил и, спотыкаясь, отбежал к дальнему краю арены, надеясь выиграть немного времени и придумать какую-никакую стратегию. «Думай!» – приказал он себе, лихорадочно стараясь вспомнить правило, к которому можно было бы придраться и прекратить поединок. Колхаун уважает только устав ассоциации, это его закон, его Библия. Единственное спасение – найти в уставе подходящую статью.

Иначе Барри не жить.

На пути встала стена. Барри повернулся лицом к Колхауну. Старик бежал прямо на него: мантия развевается, лицо при свете молний выражает дьявольское торжество.

Мантия развевается…

Мантия!

Барри вдруг вспомнил, как Майк рассказывал, что отработал сколько-то времени добровольцем, когда ему назначили штраф в сто долларов за то, что он утром вышел к почтовому ящику в халате. Майк сказал, что появляться на людях в нестандартной одежде запрещено.

Правда, сейчас они находятся внутри председательского дома, и одеяние Колхауна не очень похоже на халат, скорее на мантию судьи.

Что сказано в уставе – именно «халат» или там более расплывчатая формулировка? Барри понятия не имел. Придется рискнуть.

Колхаун приближался.

Пусть они сейчас внутри дома, Колхаун и снаружи появлялся в мантии. У ворот, в день стычки с горожанами. И в клубе, на ежегодном собрании. И еще, когда разговаривал с Барри и агентом ФБР.

Колхаун был уже совсем близко.

Вспомнить бы еще номер статьи… Майк ведь его называл!

Думай, думай!

Третья статья? Или пятая?

– Восьмая статья! – завопил Барри, отскочив вбок и показывая пальцем на Колхауна. – Восьмая статья! Запрещено появляться на людях в неподобающей одежде!

Формулировка была вопиюще неточная, но она подействовала. Председатель застыл на месте, словно у него в мозгу повернули какой-то переключатель, и остался стоять под

струями льющейся сверху воды, сжимая и разжимая скрюченные пальцы.

– Вы нарушили правила! – объявил Барри.

Потом повернулся к трибунам.

– Он нарушил правила! Он не соблюдает устав!

На трибунах послышался ропот. Барри с ликованием увидел, что члены правления отчаянно перешептываются между собой.

– Какая кара полагается за нарушение восьмой статьи? – спросил Барри.

– Сидеть! – гаркнул председатель, но в его зычном голосе слышались неуверенные нотки.

– Он постоянно ходит по улице в мантии! Так не положено! Это против правил!

– Восьмая статья! – крикнул кто-то среди зрителей.

Крик подхватили на дальней стороне трибун:

– Восьмая статья!

Сердце Барри колотилось, точно вот-вот выскочит.

– Восьмая статья! – заорал он и принялся повторять нараспев, надеясь увлечь за собой толпу: – Восьмая статья! Восьмая статья!

Лицо Колхауна перекосилось от злобы и ненависти. Председатель двинулся на Барри.

– Бой продолжается! – загремел старик. – Девяностая статья!

Барри отбежал, огибая по широкой дуге шест с висящей на нем головой Дилана.

– Восьмая статья! – продолжал выкрикивать он на бегу, вскинув руки. – Восьмая статья!

Ропот в толпе не стихал, но всего несколько человек подхватили клич Барри.

Старик прыгнул. Промокшая мантия взметнулась, вновь напомнив Барри громадную хищную птицу. Казалось, Колхаун сейчас взлетит и обрушится на него сверху, но председатель приземлился и стремительными шагами двинулся вперед.

Они оказались у южного края арены – там, откуда пришел Барри. Дверь по-прежнему загораживали Ральф и другие добровольцы. Бежать было некуда. Колхаун занес руку для удара. Барри отскочил влево, взмахнул рукой, защищаясь, и попал председателю по голове.

Волосы Колхауна соскользнули. Это оказался парик, а под ним… Не лысина, что-то другое. Пульсирующие черные щупальца под тонкой, полупрозрачной кожей. Сквозь слой грима проступили иные черты. Сколько раз, сочиняя свои книги, Барри представлял себе подобные сцены, но когда столкнулся с таким в действительности, у него сердце замерло от ужаса.

И все же ему хватило присутствия духа вспомнить еще одну

статью – она попалась на глаза, когда Барри листал устав на ежегодном собрании.

– Нельзя появляться в общественных местах лысым! – завопил он.

Колхаун попятился.

– Пятнадцатая статья! – крикнула Лиз.

Подняв голову, Барри увидел ее на трибуне – Лиз стояла прямо и гордо среди толпы зрителей. Она улыбнулась Барри.

За Рэя, подумал он.

– Пятнадцатая статья! – эхом подхватил Барри и почувствовал, что настроение толпы изменилось.

Изменилось в его пользу – но это не принесло радости. Было скорее противно. Поначалу зрители не решались примкнуть к той или другой стороне, боясь просчитаться, а теперь бросились поддерживать победителя.

Колхаун, как видно, тоже почувствовал перемену. Он закружил по арене, растерянно глядя на трибуны, на ложу правления.

– Погодите!

Его уже не слушали. Зрители повскакивали на ноги, указывая пальцами на председателя.

– Восьмая статья! – орали мужчины.

– Пятнадцатая! – визжали женщины.

Колхаун словно съежился под этим словесным шквалом.

Члены правления кинулись по проходу, надеясь удрать от разъяренной толпы, но женщины в вечерних платьях и мужчины в смокингах ринулись на них, толкая и не давая пройти.

Многие спрыгивали с трибун прямо на арену. Барри прижался к стене, с опаской озираясь. Его пугал воцарившийся вдруг хаос. Откуда-то сверху прилетел ботинок и врезался Колхауну в лицо. Брошенный кем-то бокал попал старику в плечо.

Председатель разразился гулким, неестественным хохотом. Чей-то каблук содрал у него со щеки часть грима, и вновь обнажилась полупрозрачная кожа с копошащимися под ней черными извивами щупалец. Если бы все происходило в фильме или в романе, наверняка оказалось бы, что Колхаун – инопланетянин или тварь из какого-нибудь четвертого или пятого измерения.

Но Барри неведомо откуда знал, что на самом деле все не так. Председатель – не порождение иных миров. Он родился человеком.

А стал таким, потому что вошел в правление ассоциации.

Колхаун развернулся неуловимо стремительным движением. Все еще хохоча, он вытянул когтистую руку и с силой толкнул

полураздетого Барри в грудь.

Уэлч почувствовал, как треснули ребра. Дыхание застряло в горле. Он отчаянно замахал руками, стараясь удержать равновесие. Пальцы задели мягкую шелковистую ткань председательской мантии. Падая, Барри машинально вцепился в нее. Материя не порвалась и чуть смягчила падение. Благодаря этому Барри не растянулся во весь рост, а всего лишь шлепнулся на задницу.

Колхаун вновь развернулся к нему.

И тут все бросились на председателя.

Должно быть, полтора десятка человек выбежали на арену, сжимая кулаки, с перекошенными от злобы лицами. А с трибун прыгали еще и еще. У многих нашлось оружие – перочинные ножики, ключи, бутылки от шампанского.

– Одет не по форме! – прокричал охранник Кертис, с размаху опуская рукоять револьвера на кошмарную голову.

Какой-то старичок воткнул Колхауну в спину авторучку с воплем:

– Восьмая статья! – Потом вытащил авторучку и снова ударил. – Пятнадцатая статья!

Несколько человек тянули в разные стороны мантию Колхауна. В реве толпы и раскатах грома звук потонул, зато было видно, как черная ткань разорвалась по всей длине. Колхаун пронзительно завыл. В прореху вывалились почерневшие гнилые потроха, еще связанные с телом и друг с другом скользкими жилами. Струйки пара с шипением поднимались там, где на эти невероятные внутренности падали капли дождя, пробивая сотни крошечных дырочек.

У Колхауна не было ни настоящей кожи, ни мускулов. Его отвратительное тело состояло из кучи разрозненных органов, и вместе их удерживала мантия, вроде бинтов у мумии, хоть и непонятно, как для этого могло служить такое просторное одеяние.

Дергаясь в конвульсиях, визжа от боли и ненависти, Колхаун рухнул на колени, затем растянулся плашмя. Кое-как он перевернулся на спину и наконец затих. От грима не осталось и следа. Голова представляла собой пульсирующий комок черных червеобразных отростков. В дыре на месте рта скапливалась дождевая вода.

Председатель пролежал так всего несколько секунд.

Толпа разорвала его на части.

Барри отвернулся. Видеть убийство было тяжело, а звериное безумие – страшно и противно. Нелегко поверить, что твои милые вежливые соседи способны на такое. Барри с трудом поднялся на

ноги и тихо двинулся прочь, придерживаясь за стенку.

У дальней трибуны кто-то под общие одобрительные крики выбросил на арену голый труп одного из членов правления.

Других старцев видно не было, только вдали взлетел над толпой обрывок черной мантии.

Барри добрался наконец до двери. Ральф, по-прежнему стоявший там вместе с другими добровольцами, вдруг рухнул перед ним на колени.

Барри нахмурился.

– Да здравствует председатель! – раздался сверху голос Пола Генри.

Толпа разом затихла. Барри задрал голову, держась за грудь, чтобы не слишком тревожить отбитые ребра. Пол Генри снова подул в трубу. На этот раз звук фанфар прозвучал чисто и звонко.

Несколько женщин торжественно спустили с трибун приставную лестницу. Голова Барри кружилась, ребра адски болели, но двигаться это не мешало, и Барри полез вверх.

На трибунах его встретили Фрэнк, Одри и еще какие-то смутно знакомые люди. Он искал взглядом Лиз и не находил. На самом верху была открытая дверь – зрители парами, поодиночке и целыми семьями выходили наружу, под дождь. Молнии высвечивали их силуэты.

– Мои поздравления! – Фрэнк низко поклонился.

– Что тебе надо?

Фрэнк протянул ему новенькую черную мантию:

– Ты заслужил место в правлении Ассоциации домовладельцев Бонита-Висты!

– Иди к черту.

Барри растолкал соседей и двинулся к выходу. Краем глаза он видел на пропитанных кровью опилках скорченное нагое тело старика из правления и разбросанные по всей арене куски Джаспера Колхауна.

Этого он никогда не расскажет Морин. Просто не сможет.

– Вы свободны! – крикнул он Ральфу и добровольцам. – Идите домой.

Они тупо смотрели на него и не двигались.

– Фрэнк, скажи им, что все закончилось. Колхаун умер, правления больше нет, и добровольцы не нужны.

Фрэнк посмотрел ему в глаза, и тут Барри понял, что ничего еще не закончилось. Ассоциация – не просто группа людей. Даже если перебить их одного за другим, она не исчезнет. Ассоциация – это система, свод правил и установлений, и справиться с ней можно, только если люди сами отвергнут эти правила. И Ральф с другими добровольцами – не жертвы.

Они – часть системы.

Оттолкнув с дороги Фрэнка, Барри поднялся по ступенькам к двери и вышел во двор председательского дома. Рассуждая логически, даже в таком огромном здании не хватило бы места для арены с трибунами, но Барри не стал об этом задумываться.

Во дворе собралась толпа, заняв и часть улицы.

От кучки взволнованно переговаривающихся людей к Барри бросились Майк и Тина. За ними подошла пожилая пара.

– На холме пожар! – сказала Тина. – Огонь идет к Лиственничной, вот-вот перекинется на дома! Что делать?

Барри, помотав головой, двинулся дальше.

– Молния ударила в ворота! – закричал кто-то впереди. – Охраны нет, горожане прорвались в поселок! Где председатель?

– Вот он! – завопил Майк.

– Нет! – крикнул Барри.

К нему уже бежали.

– Горожане все разнесут! Вызывайте добровольцев!

Барри молча шел к своей машине. Над холмом ширилось зарево. Бешеный ветер раздувал пожар. Лес горел, как порох, словно и не было недавних дождей. За спиной раздавались испуганные крики, кто-то вопил, чтобы вызвали пожарных. Какая-то женщина закричала, что молния ударила на Тополиной улице, горит недостроенный дом. Сразу несколько человек схватились за мобильники.

Барри вспомнил, что в поселке нет пожарных гидрантов. Даже если пожарники из Корбана захотят тушить дома в Бонита-Висте – что само по себе сомнительно, – воду взять будет негде.

Все сгорит дотла. Барри чуть не расхохотался. Так и надо этим засранцам! Такие самодовольные, такие уверенные в собственной непогрешимости… Эта близорукость их и сгубила. Поддерживать инфраструктуру в поселке – одна из немногих действительно важных и нужных обязанностей ассоциации.

Барри чувствовал необыкновенный подъем. Никто его не останавливал, не пытался заговорить. Толпа понемногу редела. Пахло дымом.

Хоть бы дом Колхауна сгорел, а особенно жуткая комната правления и та ужасная стена с вечно меняющимся текстом.

Девяностая статья…

Барри чувствовал – если ее уничтожить, остальное наладится само собой.

А как же Культи?

Наверное, они тоже погибнут – разве что кто-нибудь из добровольцев их спасет. Барри эта мысль не слишком мучила. Они уже отдали ассоциации домовладельцев большую часть своей

жизни и наверняка с радостью пожертвовали бы остатком, лишь бы прихлопнуть эту гнусную организацию раз и навсегда.

Люди, только что поздравлявшие его с победой, разбегались по домам, чтобы спасать имущество и бороться с огнем. Возле флагштока перед домом Колхауна началась свалка. Барри оглянулся, услышав протяжный нечеловеческий вопль, и увидел, как мужчина в костюме и при галстуке сбил с ног нарядную женщину со сложной изысканной прической.

– Мистер Уэлч! Мистер Уэлч!

Мерзкий жабеныш Нил Кэмпбелл бежал за ним, в кои-то веки без планшета. Барри остановился.

– Я могу вам помочь! – выговорил, запыхавшись, Кэмпбелл.

– В чем?

– Во всем! Я всегда к услугам правления! Я буду вашей правой рукой! Готов расследовать все, что пожелаете, взять под наблюдение любой дом, только прикажите…

– Нил, – окликнул Барри.

– Да?

– Иди в жопу.

Барри отвернулся и, неудержимо улыбаясь, пошел дальше.

Мимо промчался пикап и на всем ходу врезался в чей-то джип. Где-то ближе к воротам завыла противоугонная сигнализация.

Между стволами сосен мелькали отсветы пожара. Поселок наполнился дымом.

«Гори, гори ясно, чтобы не погасло!» – подумал Барри.

Он давно не чувствовал себя таким счастливым. Все еще улыбаясь, писатель припустил рысцой к дороге. Там ждал верный «Субурбан», чтобы отвезти его в Сидар-Сити, к Морин.

Эпилог

Страховая компания оплатила сгоревший дом и участок, взяв на себя заботу о дальнейшей судьбе недвижимости. Барри не знал, продадут ли они землю или построят на ней новый дом и будут сдавать. Да его это и не интересовало. Он не собирался возвращаться в Бонита-Висту и не хотел о ней вспоминать.

Они с Морин нашли себе новое жилье.

Красная «Акура», за рулем которой сидел Джим Дж. Джонсон, попетляв по центральным улицам города, выехала на дорогу, идущую по гребню холма, среди зарослей чапараля, мексиканской сосны и можжевельника. Барри сжал руку Морин.

– Самая окраина, – сообщил риелтор. – Канализация, правда,

есть, но кабельное телевидение еще не дотянули. Только спутниковые тарелки.

Справа у дороги показались два пустых участка, разделенных недостроенным домом с островерхой крышей. Слева, в стороне от дороги, виднелся одноэтажный бревенчатый домик.

– В общем, сами видите…

Возле помятого трейлера двое чумазых малышей отнимали друг у друга водопроводный шланг.

– Я же сказал, вряд ли вам здесь понравится, – вздохнул риелтор. – Думаю, такие люди, как вы, предпочитают, так сказать, более утонченную обстановку. Вот у нас тут недавно начали строить охраняемый коттеджный поселок… Два искусственных озера и, конечно, площадка для гольфа. Пейзажи потрясающие, нигде в городе таких не найдете, и строгие предписания о зонировании. Там вам не придется мириться с неряхами-соседями. Давайте, я вас отвезу, сами посмотрите, а?

Барри посмотрел на обшарпанный домишко с покосившейся верандой, на валяющийся среди сорняков сломанный трехколесный велосипед…

– Нет, – сказал он, переглянувшись с Морин.

Она улыбнулась.

– Здесь чудесно! Нам в самый раз.

notes

Примечания

1

1 акр = 0,4 га; четверть акра = 10 соток. – *Здесь и далее прим. пер.*

2

В и л л и Н е л ь с о н (р. 1933) – знаменитый американский музыкант, поэт, композитор, один из основных представителей стиля кантри; также известен своим разгульным образом жизни. В 1979 г. снялся в нашумевшем фильме С. Поллака «Электрический всадник».

3

Национальная стрелковая ассоциация США – некоммерческая ассоциация, объединяющая сторонников права граждан на хранение и ношение огнестрельного оружия. Ее деятельность носит ярко выраженный правый характер с оттенком ультрапатриотизма. В законодательных органах является одной из самых мощных лоббистских групп.

4

H i t m a n (*англ.*) – наемный убийца.

5

Здесь перечисляются различные кинофильмы и романы постапокалиптической и антиутопической направленности.

6

По Фаренгейту; примерно 4,5 градуса Цельсия.

7

Патрик Джозеф Бьюкенен (р. 1938) – американский политик и публицист, в 1969–2000 гг. идеолог крайне правой фракции Республиканской партии.

8

1,96 м.

9

Л о р н Г р и н (1915–1986) – известный американский киноактер.

10

Знаменитый роман С. Кинга, главный герой его также писатель, который вместе со своей семьей переезжает в глушь, надеясь там спокойно поработать.

11

«М и р а м а к с Ф и л м с» – известная голливудская киностудия, основана в 1979 г.

12

Говард Аллен Стерн (р. 1954) – американский теле и радиоведущий, юморист, автор книг.

13

Название популярного мюзикла (1999).

14

Д о к т о р С ь ю з (*наст.* Теодор Сьюз Гейзель, 1904–1991) – американский детский писатель и мультипликатор.